

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82

Л.В. Мысягина

МОУ «Средняя общеобразовательная школа №1»
г. Лесосибирск, Россия

АРХАИЗМЫ И ИСТОРИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОЛОРИТА ЭПОХИ В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

В работе исследуются лексические пласты (историзмы и архаизмы) повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Дана попытка классификации этих групп лексики с целью раскрытия их стилиевых функций. Таким образом, А.С.Пушкин использует историзмы и архаизмы как одно из средств создания колорита эпохи.

Лексические и стилистические возможности языка беспрерывно обогащаются и изменяются. Для литературоведческого анализа существенно выявление в произведении таких лексических пластов, как архаизмы и историзмы.

Для художественного произведения, относящегося к реалистическим сочинениям, характерно правдивое изображение обстоятельств жизни героев (бытовых, исторических, социальных). В специальной литературе принято называть такое явление – «колоритом эпохи». В произведении А.С.Пушкина «Капитанская дочка» сюжет связан с историческим прошлым. В связи с этим прозаик активно использует языковые средства для воссоздания колорита эпохи, а именно: историзмы и архаизмы.

А.С. Пушкину при написании «Капитанской дочки» необходимо было перенести читателя в эпоху XVIII в. Для этого он находил приемы исторической стилизации языка, например, использовал солдатскую песню: «Мы в фортеции живем, Хлеб едим и воду пьем...», или лирические стихи, сочиненные Гриневым:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь прекрасную забыть,
И ах, Машу избегая,
Мышлю вольность получить!
Но глаза, что мя пленили,
Всемигнута предо мной,
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.
Ты, узнав мои напасти,
Сжался, Маша, надо мной,
Зря меня в сей лютой части,
И что я пленен тобой.

Эти стихи, как подсказывает читателю Швабрин, «достойны... Василья Кирилыча Тредьяковского и очень напоминают... его любовные куплетцы». Тредьяковский, как известно, был популярным поэтом первой половины XVIII века, именно он ввел в употребление любовные песни. Благодаря введению приемов исторической стилизации языка Пушкину удалось значительно обогатить реалистический метод изображения исторического прошлого.

В работе представлена устаревшая лексика повести «Капитанская дочка», исследованы архаизмы и историзмы, условно дана классификация (слова распределены на определенные группы):

- Слова, характеризующие помещения (девичья – комната в помещичьих домах, где жили и работали крепостные, дворовые девушки; трактир – гостиница с рестораном, ресторан; в 11 главе в словах «старичка в голубой ленте» звучит архаизм: «не прикажешь ли свести его в приказную». Приказная изба – присутственное место, административно-полицейская канцелярия для допроса арестованных).

- Слова, характеризующие местность (бастион – земляное или каменное укрепление, образующие выступ на крепостном валу; в главе третьей: «Мы в фортеции живем». Фортеция – старинное наименование крепости).

- Слова, характеризующие воинские звания и предметы (колодники – арестанты, узники в колодках; кистень – старинное оружие, состоящее из металлического шара или гири, прикрепленных ремнем к короткой рукоятке; извет – донос, сообщение о чем-нибудь властям; здесь: наговор, клевета). Сила пушкинской прозы заключается в необычайной простоте, с какой передаются иной раз совсем не простые вещи. Например, в описании службы солдата. В речи Ивана Кузьмича: «хорошо, коли, отсидимся или дождемся сикурса». Автор употребил слово «сикурс» в значении войсковой части, посланной в качестве подкрепления. В речи Гринева мы встречаем слово «гвардия». «Я воображал себя офицером гвардии, что,

по мнению моему, было верхом благополучия человеческого». Гвардия – привилегированные войска, воинские части, служащие охраной при государях или военачальниках. В России гвардия (лейб-гвардия) создана Петром I в 90-х гг. 17 века. При описании наступления Пугачева Александр Сергеевич также употребляет устаревшие слова: «степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками». Сайдак – старинное вооружение конного воина: лук и стрелы.

В 3 главе познакомимся с одним из воинских званий в приказах Василисы Егоровны. «Она кликнула девку и велела ей позвать урядника» (урядник – это унтер-офицер в казачьих войсках русской царской армии).

- Пушкин, замечательно владея художественным языком своего времени, мог описать человека по его характеру, виду деятельности, употребив слова, характеризующие социально-бытовой статус героев.

Например, в 1 главе в обращении Гринева к Савельичу: «и денег и белья и дел моих рачитель». (Цитата взята Пушкиным из «Послания к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д.И. Фонвизина. Эти слова обращены к Михаилу Шумилову, дядьке и наставнику Фонвизина). Здесь автор подразумевал того, кто заботится и печется о ком-либо или о чем – либо.

«Я жил недорослем» - эту фразу мы встречаем в первой главе. Кто же такие недоросли? Недорослями в Московском государстве называли сыновей дворян и боярских детей, не достигших пятнадцатилетнего возраста, с которого начиналась военная служба.

Во второй главе мы открываем совершенно новое для нас слово, которое слышим в речи Пугачева: «Был тулуп, да что греха таить? заложил вечер у целовальника». Целовальник – продавец в винной лавке (кабаке).

В главе пятой в письме Гринева столкнемся с архаизмом: «меня лечил полковой цирюльник». Цирюльник – парикмахер; в те времена порой исполнял обязанности врача.

В 6 главе внимание привлекло слово лазутчик. «Посланы были к ним лазутчики». Лазутчик – это разведчик, преимущественно в тылу противника, шпион.

Со словом «секундант» мы наверняка сталкивались, читая историческую литературу. В повести Гринев: «кое-как стал изъяснять ему должность секунданта». Секундант – свидетель – посредник, сопровождающий каждого из участников в дуэли.

- Чтобы передать колорит своей эпохи в повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкин находит единственно верное решение, он использует при описании *предметов утвари и одежды* слова – архаизмы и историзмы.

Например: угощая гостей, Пугачев «вынул из ставца штоф и стакан». Ставец – это небольшой, стеной шкафчик для посуды, а штоф – русская мера объема жидкости, один штоф равняется двум бутылкам водочным = 10 чаркам и =1,23 литра. Еда и посуда при переезде складывалась в погребец (дорожный сундучок).

Названия различных предметов утвари и одежды встречаются в «реестре» Савельича: «Это, батюшка, изволишь видеть, реестр барскому добру, раскраденному злодеями».

«Два халата, миткалевый и шелковый полосатый, на шесть рублей.

Мундир из тонкого зеленого сукна, на семь рублей.

Штаны суконные, на пять рублей.

Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами, на десять рублей.

Погребец с чайною посудю, на два рубля с половиною.

Одеяло ситцевое, другое тафтяное на хлопчатой бумаге, четыре рубля.

Шуба лисья, крытая алым ратином, сорок рублей.

Еще заячий тулупчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей». Реестр – это письменный перечень, опись вещей.

В повести герои передвигаются пешком, на лошади либо в кибитке. «Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома». Кибитку можно сравнить с каретой, это (тюрк. кибит – крытая телега, лавка), крытая повозка у кочевых народов Средней и Центральной Азии. В Средней Азии кибиткой часто называли небольшие дома – глинобитные или из сырцового кирпича.

- Читая повесть, мы часто встречаем архаизмы и историзмы, обозначающие *предметы одежды*: армяк, тулуп, камзол, кафтан, кушак... Например: «Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп...» Армяк – верхняя одежда из толстого сукна, в котором Пугачев впервые встретил Гринева, тулуп – долгополую, меховую шубу, обычно некрытую сукном, он отдал за стакан вина. «Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах и обнажили шпаги». Камзол – мужская куртка, без рукавов, одеваемая под верхнюю одежду.

В третьей главе читаем: «...красовались лубочные картинки, представляющие взятие Кистрина и Очакова, также выбор невесты и погребение кота». Лубочные картинки – картинки, напечатанные посредством лубка (древесной коры) с награвированным на нем изображением, отличавшееся обычно примитивностью исполнения, с 18 века лубочные картинки печатались с матриц из меди или олова.

Слова, характеризующие денежные единицы (алтын — старинная русская монета достоинством в 3 копейки; грош — мелкая монета достоинством в две копейки; полтина — 50 копеек; монета достоинством в 50 копеек).

• Слова, характеризующие отдельные социальные явления, явления природы и состояние человека (вёдро — ясная, тихая погода; барщина — даровой принудительный труд крепостных крестьян, работавших со своим инвентарем в хозяйстве земельного собственника, помещика. Кроме того, барщинные крестьяне платили помещику различные натуральные подати, поставляя ему сено, овес, дрова, масло, птицу и т. д. За это помещик выделял крестьянам часть земли и позволял ее обрабатывать. Барщина составляла 3—4, а порой даже 6 дней в неделю. Указ Павла I (1797 г.) о трехдневной барщине носил рекомендательный характер и в большинстве случаев помещиками игнорировался; горячка, белая горячка — тяжелое заболевание с сильным жаром и ознобом; белая горячка — здесь: состояние болезненного бреда при высокой температуре или временном помешательстве).

Язык Пушкина отличается большой пестротой и смелостью при описании речи своих героев, например, «Вы мне дадите сатисфакцию». Никогда ранее не слыша этого слова, мы с энтузиазмом искали его значение. Сатисфакция — удовлетворение за обиду (обычно в форме дуэли, поединка).

Не раз в повести Пушкина встречается слово — архаизм «вечор», что означает вчера вечером.

В эпитафиях также встречаются архаизмы и историзмы: «— Ин изволь, и стань же в позитуру. Посмотришь, проколю как я твою фигуру!» Эпитафия взята из комедии Я.Б. Княжнина «Чудаки». Позитура (лат.) — поза, определенное положение тела при фехтовании.

Часто в речи героев встречаются старинные русские поговорки: «В животе и смерти бог волен». Живот — жизнь.

Таким образом, насыщенность «Капитанской дочки» А.С. Пушкина архаизмами и историзмами очевидна, можно детально рассматривать использование отдельного архаического или исторического слова с целью выявления его стилиевой функции.

Повесть «Капитанская дочка» остается интересным художественным произведением, которое таит в себе массу загадок, скрытых в словах, в частности, архаизмы и историзмы помогают воссоздать в повести далекую от нас эпоху IX века. И если читатель умеет увидеть за отдельным словом картину мира или явления, то для него произведение будет открывать свои тайны.

УДК 82.0 (045)

О.А. Велого

Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

ДИСКУРС О ДИСКУРСЕ, ДИСКУРС В ДИСКУРСЕ, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ ДИСКУРС С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДА

Данная работа посвящена проблеме определения категории «дискурс» в литературоведении. Это обзорная статья, где мы ставим своей целью рассмотрение существующих подходов к определению термина, выявление их истоков, соотнесение их между собой и обобщение.

Дискурс представляет собой популярный междисциплинарный термин: в связи с вниманием философии постмодернизма к проблемам речевой реальности, теория дискурса становится одним из важнейших направлений постмодернизма [9, с. 232]. С начала 70-х годов 20 века понятие разрабатывается лингвистами в русле структурализма, а затем заимствуется другими гуманитарными науками, в том числе, литературоведением. Таким образом, термин приобретает различные коннотации, релевантные для данных областей знания; при этом категория «дискурс» не отличается однородностью даже в рамках одной дисциплины. Теория дискурса усложняется постоянным взаимопроникновением различных пониманий дискурса и становится междисциплинарной областью исследований, а анализ дискурса используется в качестве универсального метода в социально-гуманитарных дисциплинах [6, с. 389]. По этим причинам теория дискурса не теряет актуальности: дискурсу и анализу дискурса посвящено много теоретических работ, однако большинство относится к лингвистике и философии. Здесь мы уточним значение термина с литературоведческой точки зрения.

Термин «дискурс» включен в современные литературные энциклопедии: «Дискурс интерпретируется как семиотический процесс, реализующийся в различных видах дискурсивных практик. Когда говорят о дискурсе, то в первую очередь имеют в виду специфический способ или специфические правила организации речевой деятельности (письменной или устной)». [4, с. 138; 5, с. 231]. Как видно, определение предельно общее и требует комментария.

Более того, в различных литературоведческих источниках используются определения, зачастую трудно соотносимые между собой; а сам термин употребляется в контекстах, актуализирующих разные его значения. Все это обуславливает необходимость обобщения существующих взглядов.

Обратимся к французской школе анализа дискурса, поскольку отсюда литературоведение заимствует некоторые аспекты. Переход от понятия речи к понятию дискурса обусловлен необходимостью ввести в классическое противопоставление языка и речи некоторый третий член [7]. Существующих терминов было недостаточно на новом этапе развития лингвистики. Теоретики анализа дискурса видят в речевой деятельности и ее результате значимость субъекта, истории, идеологии, бессознательного и власти. Это должно было найти отражение в лингвистической терминологии, что и явилось предпосылкой возникновения нового понятия. В результате, все эти импликации присутствуют в категории дискурса. Итак, с лингвистической точки зрения можно определить дискурс в самом общем виде как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими ... факторами» [1, с. 136]. Это же определение может в качестве основы использоваться и в литературоведении, где понимание дискурса всегда связано с категорией текста, поскольку литературоведы работают с письменными художественными текстами. В литературоведении мы обнаруживаем узкий и широкий подходы к определению термина.

В узком смысле дискурс означает внутритекстовое высказывание, т. е. участок текста, характеризующийся единством субъекта и способа высказывания [11, с.30]. Т. е. это понимание пришло из грамматики текста. Это формальный подход, который является развитием второго определения Патрика Серю: Дискурс – это «единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле» [10, с. 26].

В широком смысле дискурс, или – именно в данном значении - дискурсия, представляет собой «сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов, необходимых для понимания текста, т. е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения» [12]. В первую очередь, здесь учитываются исторические координаты, таким образом, дискурс выходит за рамки чисто лингвистической проблематики [2, с.125]. Иными словами, это ситуативный подход, который учитывает социально, психологически и культурно значимые условия и обстоятельства общения [8]. Широкое понимание дискурса, как видно из вышесказанного, приходит в литературоведение из философии, а также восходит к седьмому определению Серю: «дискурс» - это «система ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции» [10, с. 26]. В качестве комментария приведем цитату: «Ограничением является то, что помимо языка делает некий дискурс определенным дискурсом формирующая дискурс социально-историческая ткань. Текст обладает значением только в соответствии с условиями его производства, а также и в соответствии с условиями его толкования [10, с. 36].

Данные подходы к определению дискурса не следует понимать в литературоведении как независимые, противоположные. Их можно расценить как различные уровни своеобразной иерархической структуры дискурса. Так, например, в дискурсе на уровне текста различают макроструктуру и микроструктуру, которые представляют собой членение дискурса-текста соответственно на крупные (эпизоды, абзацы и т. д.) и минимальные составляющие (предикации) [7]. Тексты, равно как и части этих текстов, т. е. вышеупомянутые высказывания, представляют собой дискурсы.

Профессор Ерофеева Е. и доцент Кудлаева А. выделяют уровни структуры дискурсов: общий дискурс, частный дискурс, конкретный дискурс и текст. Здесь общий дискурс представляет собой все коммуникативное пространство в определенную эпоху жизни данной общественной группы и может быть подразделен на частные дискурсы по тематическо-ситуационному принципу. Частный дискурс состоит из конкретных дискурсов - отдельных речевых произведений, которые характеризуются общей темой в конкретный непрерывный промежуток времени. В конкретных дискурсах выделяются тексты [3]. Итак, мы наблюдаем цепь «дискурсов в дискурсах». Например, данная статья представляет собой дискурс, включенный в конкретный литературоведческий дискурс, частный научный дискурс и, в конечном итоге, общий дискурс нашего коммуникативного пространства. Ограничения, по очереди накладывающиеся на общий дискурс, в результате образуют дискурс-текст, который тоже не является конечным. В зависимости от области интересов, литературовед работает с тем или иным дискурсом, но это всегда – точка пересечения многих дискурсов, т.к. помимо вертикальной структуры, существует и горизонтальная плоскость взаимодействия дискурсов.

В заключение приведем определение Е. Шапинской, которая обобщает различные подходы и вкладывает в понятие дискурс следующее значение: «Дискурс – социально продуцированный способ говорить или думать об определенной теме. В таком понимании дискурс является социокультурным феноменом, наиболее релевантными характеристиками которого являются: соотнесение с определенной областью социального опыта, которую он наделяет смыслами; социальная локализация, в которой возникают эти смыслы; лингвистическая система сигнификации, при помощи которой смыслы продуцируются и циркулируют» [13, с.112 - 113].

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Яреца. - М.: Росс. энциклопедия, 2002. - С. 136 – 137.
2. Гийому, Ж. О новых приемах интерпретации / Ж. Гийому, Д. Мальдидье // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: «Прогресс», 1999. – С. 124 – 136.
3. Ерофеева, Е.В. К вопросу о соотношении понятий ТЕКСТ и ДИСКУРС / Е.В. Ерофеева, А.Н. Кудлаева // Проблемы социо- и психолингвистики: Сб. ст. / Отв. ред. Т. И. Ерофеева; Перм. ун-т. – Пермь, 2003. – Вып. 3. – С. 28 – 36.
4. Ильин, И.П. Дискурс // Западное литературоведение 20 века: Энциклопедия. - М.: INTRADA, 2004. – 560 с.
5. Ильин, И.П. Дискурс // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. - М.: НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 231 - 232.
6. Касавин, И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 554 с.
7. Кибрик, А. Дискурс / А. Кибрик, П. Паршин // Энциклопедия Кругосвет. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/DISKURS.html. - Дата доступа: 12.02.2010.
8. Макаров, М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. - Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1998. - 200 с.
9. Можейко, М.А. Дискурс // Постмодернизм: Энциклопедия. - Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. - С. 232 – 236.
10. Серио, П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: «Прогресс», 1999. – С. 12 – 53.
11. Тамарченко, Н.Д. Теория литературы: Учебное пособие: в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. Т. 1: Тамарченко Н.Д., В.И. Тюпа, С.Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. - 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. - 512 с.
12. Усманова, А.Р. Дискурсия // Постмодернизм: Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. - С. 239.
13. Шапинская, Е.Н. Дискурс любви: любовь как социальное отношение и ее репрезентация в литературном дискурсе. - М.: Прометей, 1997. - 347 с.

УДК 82-3

Мамедова П.И.

*Бакинский Славянский Университет
г. Баку, Азербайджан*

Статья посвящена рассмотрению специфики создания художественного времени в малой в прозе Л.Улицкой (на материале рассказа «Перловый суп»). В рассказе Л.Улицкая обращается к памяти персонажа как к внутреннему пространству для временного развертывания событий. Категория времени в произведениях представлена в двух аспектах: время историческое – время памяти (воссоздаваемое посредством узнаваемых подробностей) и время реальное (изображенное с помощью достоверных примет).

Особенности художественного времени в малой прозе Л.Улицкой

В различных системах знания существуют разнообразные представления о времени: научно-философское, научно-физическое, теологическое, бытовое и др. Множественность подходов к выявлению феномена времени породили неоднозначность его толкования. В философском осмыслении, являющемся общезначимым, время понимается как «всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире». [2, 101]

Время является одной из основных форм бытия, жизни, в художественных произведениях оно трансформируется, создавая сложные промежуточные образования, «переходя» одно в другое.

Время имеет объективный характер и является бесконечными. Универсальные свойства времени длительность, неповторяемость, необратимость. Литературные произведения пронизаны временными представлениями самого автора, поэтому данная категория предстаёт бесконечно многообразной и глубоко значимой.

«Теория литературы предлагает оперировать образами времени биографического (детство, юность, зрелость, старость), исторического (характеристики смены эпох и поколений, крупных событий в жизни общества), космического (представление о вечности и вселенской истории), календарного (смена времен года, будней и праздников), суточного (день и ночь, утро и вечер), а также обращать внимание на представления о движении и неподвижности, о соотносении прошлого, настоящего, будущего. [3, 24]

Изучение художественного времени и особенности его использования в произведениях определенных литературных жанров, стилей, направлений, в творчестве отдельных авторов составляет одно из кардинальных направлений литературоведческой науки. К проблеме художественного времени в российском литературоведении обращались неоднократно, отдельные аспекты этой проблемы освещены в трудах Д.С. Лихачева, в частности в «Поэтике древнерусской литературы», А.А. Потебни, В.В. Виноградова, Б.А. Успенского, М.М.Бахтин и др.

Теория художественного времени в настоящее время находится в состоянии интенсивного развития. Возникают новые концепции и гипотезы; наблюдается значительный рост количества работ, прямо или косвенно связанных с разработкой проблем функционирования категории времени в художественном тексте.

Художественное время у каждого автора осмысливается по-своему. Так в рассказе Л.Улицкой «Перловый суп» нет указаний на точное календарное время.

Внешне рассказ Л. Улицкой строится словно бы вне хронологических координат. В нем нет точных дат, не фиксируется позиция рассказчика в «настоящем» времени и позиция маленькой героини в «прошедшем» времени. Нет указаний на то, сколько времени прошло между эпизодами рассказа, - внутренние часы повествования показывают «вечер», «воскресное утро», «незадолго до праздника». Даже упоминание о том, что «мамы уже двадцать лет как нет», не привязано к конкретному времени – читатель так и не знает, от какой даты ему следует отсчитать эти двадцать лет.

В трех рассказанных автором историях повествуется о происшествиях, которые случились с ним в детстве. И возникают два временных плана: время рассказывания (фактическое время) и время совершения действия (время изображения). Время рассказывания – это время, в котором живёт сейчас сам автор; время происшедшего – то, которое «восстанавливается» только в памяти.

Для всех трёх историй характерно то, что во всех, так или иначе, упоминается о перловом супе. «Почему ранняя память зацепилась трижды за этот самый перловый суп?» [1, 433] - задается вопросом автор. И на этот вопрос читатель должен ответить так: потому что он связан с детством, становится «символом» детства, его принадлежностью, его «знаком». На самом деле перловый суп не играет значимой роли в историях, с ним не связано ничего из ряда вон выходящего, он всего лишь признак детского мироощущения, незаметно переходящий из истории в историю. Автор иронично отмечает это обстоятельство: «Во второй истории перловый суп был не главным действующим лицом, а лишь скромно мелькнул на заднем плане».

Авторское (объективное) время сосредоточено в одной точке, из которой он ведёт повествование. Автор отделен от событий (субъективное время) большим временным промежутком. Улицкая воссоздает события, опираясь лишь на светлые воспоминания, связанные с домом и семейным укладом.

Временная дистанция между героем-ребенком и рассказчиком-взрослым оказывается в повествовании подвижной; рассказчик иногда «покидает» рамку и «собственной персоной» появляется в том или ином сюжете из прошлого: «Как мне нравилось в детстве бывать в маминой лаборатории...»[1, 438], «эта картина осталась у меня почему-то в этом странном ракурсе, сверху и чуть сбоку: по лестнице осторожно спускается девочка лет четырех...».[1, 433] Детская субъективность (почти пристрастность) корректируется в повествовании взрослой объективностью, пониманием неотменимости трагических сторон окружающего мира.

Итак, действие рассказа отнесено в прошлое, но оно лишено определенности – это личные воспоминания автора о детских годах. На то, что это происходило когда-то, указывает грамматическое время. Историческая конкретика воссоздается по нескольким деталям, даваемым как бы невзначай. В первой истории время разомкнутое (открытое), в конце дается описание города, готовящегося к празднику. Именно благодаря праздничной атмосфере мы начинаем соотносить происходящее с определенным историческим периодом. Мы догадываемся, что события в ней происходили в ноябре 1947 года, когда близилось празднование тридцатилетия революции: «Отец вёл меня за руку по нарядному городу, и повсюду были выставлены косые красные кресты. Я начинала тогда разбирать буквы и спросила у отца, почему всюду написано «ха-ха-ха...». Он раздраженно дернул меня за руку, а потом объяснил, что эти косые кресты означают ещё цифру тридцать». [1, 435]

Но лишь опираясь на возраст героини, можно предположить, что и две оставшиеся истории также произошли в 40-е годы XX века. В них - время замкнутое (закрытое), так как описываемые в них события совершались только в пределах сюжета и не связаны с событиями, совершающимися вне пределов произведения, т.е. не связаны с историческим временем: «Моя мама **была** биохимиком, и любовь её к восхитительно стеклянной науке **происходила**, вероятно, из того же милого женского корня, откуда произрастает любовь к стряпне. Как мне **нравилось** в детстве бывать в маминой лаборатории, разглядывать на высоких столах штабеля пробирок с разноцветными растворами, стройные, с птичьими носами бюретки, толстые темные бутылки. И как же ловко мама **управлялась** со всеми этим сверкающим стеклом... Дался же мне этот перловый суп! Не так уж часто мама его **варила**. Но в тот день **был** как раз перловый» [1, 438]

События, описанные автором, свершились на протяжении короткого промежутка, поэтому создается впечатление стремительного бега времени. Но в самом конце рассказа, мы узнаем, что все три события произошли более двадцати лет назад: «Давно никого нет. Нины, Надежды Ивановны. Мамы уже двадцать лет как нет. И перловый суп я никогда не варю». [1, 440]

«Персональное» время рассказчика/героя, вписанное в историческую эпоху, оказывается дискретным (разорванным на части), и фрагменты его могут быть произвольно переставлены. В рассказе нет никаких причинно-следственных или хронологических связей между составляющими его эпизодами, а последовательность расположения микросюжетов в тексте определяется лишь субъективной волей рассказчика. Персональное время статично – оно представлено как три развернутых стоп-кадра, существующих независимо друг от друга; между ними нет движения «биографического» времени, которое меняло бы жизнь рассказчика. Неважно, какое количество времени прошло между эпизодами – важно, чем качественно они наполнены, каким духовным опытом они отзовутся в жизни героев.

Таким образом, *перловый суп* становится опознавательным знаком личного времени – времени детства, наиболее значимого, как мы понимаем, для автора, поскольку оно было наполнено счастьем, близостью родителей, огнями праздничного убранства. И то, что рассказчица не готовит перловый суп, означает, что с детством она распрощалась навсегда, что это счастливое время ушло безвозвратно.

Список использованных источников

1. Улицкая Л. Рассказы. М., 2007. 480 с.
2. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М., 1989.
3. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 240 с.

УДК 82

С.И. Нартахова

Руководитель: Рыкунова М.Н., учитель русского языка и литературы
МОУ «Намская средняя общеобразовательная политехническая школа №1 им. И.С. Гаврильева»
Республика Саха (Якутия), Россия

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ ЖЕНЩИНЫ В ЗЕРКАЛЕ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ О ДУШЕВНОМ УСТРОЕНИИ

В докладе дается попытка представить образ современной деловой женщины в аспекте христианского учения на примере произведений писателей второй половины 19 века, верующих в религию – Гончарова, Лескова, Достоевского. Работа четко структурирована: имеет оглавление, введение, разделы первый и второй, заключение и список использованной литературы. Основное внимание уделяется раскрытию образа деловой женщины в современном мире, становлению женщины как полноправного члена общества.

В последнее время очень часто стали говорить о положении женщины в обществе. Изменение в культурной и социально-экономической жизни поставили женщину в один ряд наравне с мужчиной (сильной половиной человечества), при этом ей обычно приписывают термин «деловая женщина».

История знает достаточно примеров деловых женщин, достойных многого в своей жизни и повлиявших на общественный уклад и менталитет даже целых поколений. В то же время история не умалчивает о религиозной трактовке женщины как о неполноценном существе - существе порочном, греховном. Но эти религиозные предрассудки никак не относятся к христианскому учению о душевном устройении, основанному на нравственно-этической морали. В нашей стране христианское учение как основа православной церкви, провозглашенной одним из государственных институтов, рассматривается во взаимосвязи с культурой и образованием.

В этой связи очень интересной и актуальной находим тему своего доклада «Образ современной деловой женщины в зеркале христианского учения о душевном устройении». В своем докладе преследуем цель раскрытия образа современной деловой женщины в контексте христианского учения о душевном устройении.

Понятие «деловая женщина» все глубже входит в нашу повседневную жизнь: конкурс деловых женщин, стиль деловой женщины, костюм деловой женщины, день деловой женщины (отмечается 21 октября ежегодно). Женщина в современном мире имеет достаточно стабильное социальное положение: она не только хранительница очага, но и успешная в политике, бизнесе. Кстати, по объективным причинам в нашей стране бизнес-леди появились к началу девяностых годов XX века, тогда, когда появилось само понятие «бизнес».

Образ женщин, устраивающих свою карьеру, представительниц «новой идеи», является одним из главных в произведениях XIX века. С точки зрения христианского учения о душевном устройении, образ такой женщины является предметом идеи греховного человека, выраженной в образах «страстных женщин». Страстное расположение души противоестественно человеческой породе.

Христианское учение о душевном устройении является своего рода универсальным классификатором образов-персонажей в произведениях, написанных религиозным человеком, а также принципом характеристики. С одной стороны, оно реализуется в жестком противопоставлении героев, которое традиционно мы рассматриваем как противопоставление положительных и отрицательных персонажей. С другой стороны, христианский взгляд на человека позволяет писателю учитывать переходные состояния в душевной жизни человека, а следовательно, воспроизвести то, что в отношении, например, героев Л. Толстого определено как «диалектика души».

В произведениях, написанных писателем-верующим человеком или ориентировавшимся на христианскую традицию, в образе-персонаже воспроизводится не только и не столько социально-психологический тип личности, сколько ее душевное устройство.

Литературной проблемой в шестидесятые годы становится создание образа «практического деятеля». В нигилистических романах ее решение обусловлено изменившимися во второй половине 1860-х годов условиями общественной жизни и пропагандой просветительской теории «малых дел».

В образе «нового человека» воплощались нигилистические представления о человеке, и прежде всего – идея свободной личности и признание труда «царем» жизни человека. Деятельность «нового человека» в романах о «новых людях» представлена как пропагандистская, просветительство в народе, самообразование героя. Цель деятельности «нового человека» – достижение личного и общественного материального благосостояния. Главная забота сосредоточилась на освобождении личности из-под власти стихийного и патриархального путем положительного знания.

Христианская концепция человека определила иное решение проблемы положительного героя-деятели, нежели в романах о «новых людях». Такая художественная ситуация типична для антинигилистических романов: душевное расположение героя-деятели – предмет художественного исследования и изображения.

В антинигилистических романах запечатлен тип женщины, которую можно назвать обыкновенной женщиной. Образ «обыкновенной» женщины часто является центральным (или одним из главных), в произведениях писателей 19 века. Сфера их жизнедеятельности – семья. Предметом изображения в романах является семейная жизнь героини. Вокруг этих образов собираются темы семьи, любви, детей. Героини – вне политики, вне «новых идей». Они живут просто, органично, нормально, руководствуясь принятыми на веру христианскими этическими законами. Героини, в основном, не склонны к рефлексии. Естественное богознание служит мотивацией их поступков («добрых дел»), соответствующих христианской морали.

Идея безгрешного человека как доминанта содержания образов «обыкновенных» женщин противопоставлена идее греховного человека, выраженной в образах «страстных» женщин. Страстное расположение души противоестественно человеческой природе, для которой, наоборот, органичны добродетель и добро. В духе христианских представлений о «страстном» человеке созданы в антинигилистических романах образы женщин, «чреватых современными идеями», женщин, делающих «карьеру», женщин, поглощенных любовью. Деньги, власть, положение – кумир одних героинь; «новая идея» – других.

Образы женщин противопоставлены по типу душевного устройства героинь: естественное и противоестественное. Тип противоестественного душевного строя воплощен в образах женщин-«карьеристок» и образах нигилисток. С христианской точки зрения, они находятся на одной линии, поскольку соответствуют типу души «в мятущихся страстях».

Гончаров, Лесков, Достоевский и другие писатели-антинигилисты, участвуя в актуальном для 1860-х годов в философско-религиозном споре о человеке, утверждали концепцию духовного человека и христианскую идею спасения, за что расплатились личными лишениями в жизни.

Таким образом, *женские образы в духе христианских представлений о «страстном» человеке созданы в антинигилистических романах.*

Советская власть открыла перед женщиной дороги к образованию, к творческому труду. Женщина стала равноправным членом нашего общества. Законы, которые ставили ее в неравное положение с мужчиной, канули в вечность.

Куда бы ни бросили мы свой взор, всюду видны добрые дела наших соотечественниц, наших современниц, чей труд вливается в труд наших республик. Сегодня женщина – пилот, стоит за штурвалами кораблей. Мы ежедневно читаем в газетах о славном труде женщин-металлургов, машиностроителей. Тысячи женщин работают в сельском хозяйстве, участвуют в борьбе за высокие урожаи. Впервые в истории России перед женщинами открылись пути в науку. Среди научных работников 110 тысяч женщин. Из них более 28 тысяч имеют ученые степени кандидатов и докторов наук.

Российские женщины участвуют в управлении государством. В высшем законодательном органе нашей страны - 390 депутатов-женщины, больше, чем в парламентах всех зарубежных стран, вместе взятых. Более 740 тысяч женщин избрано в Верховные Советы союзных и автономных республик и в местные советы депутатов. Более миллиона женщин за свой героический труд удостоены правительственных наград. Свыше 3 тысяч из них с гордостью носят на груди Золотые Звезды Героев и Героев Труда.

Женщина в нашей стране пользуется всенародным уважением. Мы славим женщин-матерей, дающих жизнь детям, выводящих их на широкую дорогу жизни. Мы славим наших сестер - замечательных людей, женщин - ученых, инженеров, строителей, врачей. Мы славим женщин - верных спутников нашей жизни, идущих вместе со всем народом к светлому будущему.

История знает достаточно примеров женщин, достигших многого в своей жизни и повлиявших на естественный уклад и на менталитет даже целых поколений. На мировом уровне это Жаклин Онассис, Маргарет Тэтчер, Мадлен Олбрайт.

И в нашей республике немало деловых женщин, преуспевающих в политике, общественной жизни, а так же сочетающих в себе и главное предназначение - быть матерью и хранительницей очага.

Таким образом, современная деловая женщина - человек сильный и максимально самореализующийся в жизни, человек, не утративший духовно- нравственного начала.

УДК 82-31

Г.А. Лисицына

*Старооскольский филиал Белгородского государственного университета
г. Старый Оскол, Россия*

МНОГОМЕРНЫЙ ОБРАЗ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ-МАТЕРИ В ПОВЕСТИ В.Г.РАСПУТИНА "ПОСЛЕДНИЙ СРОК"

В статье в центре внимания оказывается анализ создания многомерного образа русской женщины в повести В.Г. Распутина «Последний срок». В работе определены способы и приемы, используемые Распутиным для раскрытия чувств, переживаний, внутренних исканий его героини, раскрыты особенности художественного мастерства, выявлены главные черты психологизма писателя.

Валентин Григорьевич Распутин – крупнейший писатель-реалист в русской литературе второй половины XX века. Его творчество, по общему признанию исследователей, отразило плодотворные художественные искания в литературном процессе 1960-1980-х годов. В произведениях писателя запечатлелись основные тенденции отечественного общественного сознания в канун и в период очередного исторического катаклизма.

Одним из существенных проблемно-тематических уровней художественного мира Распутина становятся образы матерей, которые появляются как в его ранних рассказах 1960-х годов, так и уже в более зрелых произведениях («Последний срок», «Прощание с Матерой», «Дочь Ивана, мать Ивана»).

В ряде исследовательских работ, посвященных творчеству Распутина, была отмечена глубокая содер­жательность и высокая значимость в творчестве Распутина образов женщины. Так, В.Я. Курбатов неоднократно акцентировал внимание на этом аспекте проблематики и поэтики произведений писателя. Образное воплощение природы материнского сознания в художественном мире Распутина является цементирующим, позволяющее раскрыть сущность философских исканий писателя в ранний период творчества.

Образы матерей запечатлены в распутинских произведениях и в портретно-монографическом плане, и в «драматургии» напряженных, конфликтных отношений с прочими персонажами, социальными обстоятельствами, бытийными закономерностями.

Для писателя образ матери – это определенный тип личности человека в его специфических связях и отношениях с миром природы и обществом.

Так, в повести «Последний срок» старуха Анна обеспечивает кровно-родовую целостность, больше всего при этом оберегая своих детей.

Старуха Анна, прототипом которой является родная бабушка писателя, олицетворение народной мудрости, духовности, щедрости материнской любви. Это ключевой характер крестьянской вселенной.

Точно и достоверно изображает художник силу материнской любви Анны Степановны, способную отодвинуть смерть, чтобы последний раз увидеть своих детей и благословить их на дальнейшую жизнь. Душевные усилия умирающей матери направлены только на духовное воссоединение ее детей.

У Анны было много детей. Они все разъехались, но судьбе было угодно собрать их всех вместе в то время, когда мать находилась при смерти. Дети Анны - типичные представители современного общества, люди занятые, имеющие семью, работу, но вспоминающие о матери, почему-то очень редко.

Из многочисленных детей старухи Анны навещает ее только Варвара, *«когда картошки или еще чего надо»*, а остальные – *«будто и на свете нету»* [3, с.29]. Собираются они (и то не все) у смертного одра матери.

Духовного родства между детьми старухи давно нет, и писатель показывает это во взаимоотношениях: единственной темой для разговора у детей остались только воспоминания детства, братья тщетно пытаются восстановить контакт «через бутылку», сестры, успокаивая собственную совесть, упрекают друг друга в душевной черствости. Единственное, что еще как-то скрепляет семью – мать.

В своей старшей дочери Варваре героиня видит последнюю надежду на сохранение нравственных основ рода, поэтому и учит ее вековечному причету, которым она провожала душу своей матери. Она убеждена, что дошедший из глубины веков плач присоединит еще одно звено к родовой цепи, обеспечит ее непрерывное развитие и прикрепит к матушке-земле. Однако поспешный отъезд всех детей и Варвары лишает Анну Степановну последней надежды. Так писатель запечатлел распад родовой целостности в современной жизни. Утрата духовных связей между матерью и детьми рождает ощущение подлинной трагедии. Вместе с тем, писатель, избегая прямолинейной однозначности финала повести, вводит мотив, связанный с осознанием детьми своей вины перед матерью.

Анна для Распутина является идеальной героиней, поскольку обладает необыкновенной мощью духа и в силу этого решительно отвергает все формы «стадного» существования, всегда верна своему нравственному чувству.

Старуха Анна - простая русская женщина, прожившая трудную жизнь, потерявшая мужа, но сохранившая нравственную чистоту души. Нравственная связь с родными корнями помогает ей выстоять в тяжелейших условиях. Вся родня Анны — из деревни. Они накрепко усвоили те строгие моральные заповеди, которые передавались из поколения в поколение, и которым Анна следовала всю жизнь. Заповеди эти просты: работать не покладая рук, держать дом в чистоте и достатке, воспитывать детей честными людьми.

«Вся жизнь старухи Анны – святая материнская самоотверженность, полная трата всех отпущенных сил ради детей своих, семьи, родного дома, земли, где родилась и прожила жизнь, ради чего-то еще, трудно выразимого, но несомненного и дорогого...» [1, с.523].

Изображение повседневных забот героини позволило писателю показать глубокое чувство материнства, которое заставляло Анну Степановну жить, но жить не для себя, а ради детей.

«Духовный мир Анны становится средоточием нашей надежды на неизбежное и вечное торжество душевной чистоты, опрятности, трудолюбия, самоотверженности» [1, с.535].

В образе старухи Анны Распутин максимально приблизился к созданию *«эпического мирозерцания»* [2, с.36], отличительной чертой которого является широта взгляда на мир и егоприятие как определенной целостности. Характер матери не исчерпывается противоречиями и конфликтом в повести, он намного глубже. При этом образ Анны Степановны носит некий жертвенный характер. Ведь не жила она для себя, вся жизнь сначала была отдана мужу, который постоянно бил ее, потом детям.

Распутин в повести «Последний срок» создал объемный многомерный образ русской женщины, обладающей способностью душевно откликаться на боли и страдания мира. Посредством образа матери, писатель раскрывает нравственно-философскую проблематику произведения с помощью расширения и усложнения средств психологического анализа.

Материнство воспринимается писателем как безусловная ценность и высший критерий, который может быть мерилом бытия, в соотношении с которым могут быть осмыслены самые сложные проблемы жизни.

Так уже в 1970-е годы в творчестве Распутина складывается образ русской женщины-матери, который получит свое дальнейшее развитие в более поздних произведениях.

Список использованных источников

1. Дедков, И. Продленный свет/ И.Дедков// В.Г. Распутин Век живи - век люби. Повести. Рассказы - М.: Известия, 1985. – С. 522-542
2. Котенко, Н.Н. Валентин Распутин. Очерк творчества/ Н.Н. Котенко – М.: Современник, 1988. – 188с.
3. Распутин, В.Г. Последний срок; Прощание с Матерой; Пожар; Повести/ В.Г. Распутин – М.: Сов. Россия, 1986. – 384с.

УДК 821.111

Е.Е. Зарубина

Новосибирский государственный университет
г. Новосибирск, Россия

МОТИВ ВОЛШЕБНОГО ЛЕСА В ТРИЛОГИИ Дж. Р. Р. ТОЛКИЕНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

Трилогия Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец» впервые была опубликована в 1954 – 1956 гг. и сразу же привлекла внимание ученых. Наибольший интерес вызвали придуманные Толкиеном языки и мифологические прототипы персонажей, названий, событий; сказочная же составляющая, хотя сам Толкиен указывал на тесную связь его трилогии со сказками, осталась без должного внимания. В данной статье мы рассмотрим самые распространенные в произведении Толкиена сказочные мотивы: мотив волшебного леса и мотив его хранителя.

Мотив волшебного леса - типичный фольклорный мотив, характерный для народных сказок, мифов, легенд, преданий. В XIX-XX вв., когда возрастает интерес к фольклору, этот мотив проникает и в художественную литературу.

Волшебный лес – это лес в сказке, балладе, песне, фантастическом произведении, являющийся границей между миром героев и иным миром. Хранитель леса – это волшебное существо (антропоморфное, зооморфное, фитоморфное или антропоморфное с зооморфными чертами), стерегущее волшебный лес как границу между мирами. Часто мотив хранителя сочетается с мотивом дарителя. Тогда он приобретает новые функции: встречать героя на границе миров, испытывать героя, приобщать героя к иному миру и способствовать попаданию героя в иной мир.

О мотиве волшебного много писал В. Я. Пропп¹. Волшебный лес, по его мнению, окружает царство мертвых, является границей между миром живых и иным миром, а хранителя волшебного леса – страж этой границы.

В трилогии Толкиена мотив волшебного леса предстает в несколько иной интерпретации, отличающейся от традиционной. С одной стороны, безусловно, можно отметить черты, связывающие леса во «Властелине колец», которые мы будем рассматривать (The Old Forest и Fangorn Forest), с тем лесом, который отделяет мир живых от мира мертвых, но с другой стороны, видны особенности совершенно иного рода.

Первый лес который встречается в трилогии Толкиена, - это The Old Forest (Вековечный лес в переводе А. Муравьева). Как и любой волшебный лес, The Old Forest является предметом запрета, о нем рассказывают «the bogey-stories about goblins and wolves and things of the sort²» («страсти-мордасти про леших, волков и всякую нечисть³»). Кроме того, он населен волшебными существами (например, The Old Willow). The Old Forest выполняет характерную для волшебного леса функцию границы между миром живых и миром мертвых. Это видно из того факта, что он стоит на границе между Хоббитанией и Могильниками. Хранителем The Old Forest является Tom Bombadil (Том Бомбадил).

Он - типичный хранитель волшебного леса. Сам Толкиен дает ему характеристику «He is the Master of wood, water and hill⁴» («Он здесь всюду хозяин: ему подвластны леса и воды, холмы и доли⁵»). На принадлежность Тома Бомбадила к типу хранителей волшебного леса указывают в первую очередь выполняемые им функции. Главная функция хранителя – охранять волшебный лес как границу между мирами. Кроме того, для него характерны и другие функции:

1. Встреча героев на границе миров. Беседа Тома с хоббитами происходит в его доме, который стоит на границе леса и Могильников.

2. Испытание героев. Самый распространенный способ испытания героев хранителем леса – расспрашивание героев. Том Бомбадил спрашивает хоббитов о цели путешествия, и они, сами того не замечая, рассказывают ему все, даже то, что изначально не хотели говорить.

3. Приобщение героев к иному миру происходит, как правило, в три этапа: купание героя; прием героем пищи, приготовленной хранителем; сон героя. Эти этапы имеют символическое значение и уходят корнями в древний обряд посвящения и культ смерти. Купание символизировало очищение от одного мира и приготовление к переходу в другой мир. Еда в загробном культе многих народов имела сакральное значение. Считалось, что человек может вернуться до тех пор, пока он не вкусил пищи иного мира. В произведении Толкиена герои проходят через все три этапа приобщения к иному миру. Том Бомбадил сначала

¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2002.

² Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring. М., 2002. Стр. 5

³ Толкиен Дж. Р. Р. Хранители. Перевод В. Муравьева. М., 2002.. Стр. 152.

⁴ Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring. М., 2002., Стр. 36

⁵ Толкиен Дж. Р. Р. Хранители. Перевод В. Муравьева. М., 2002., стр. 167

предлагает героям умыться, потом приглашает к столу, а затем провожает в спальни. Здесь стоит обратить особое внимание на сон героев. Все хоббиты (кроме Сэма, который спал, как бревно) во сне испытывают страх смерти: Фродо снятся черные всадники, сон Пиппина тоже не спокоен: «Сон его вдруг обернулся удушьем...». Мерри во сне боится утонуть. Эти сны также могут свидетельствовать о совершающемся переходе в иной мир.

4. Помощь героям в пропадании в иной мир Том Бомбадил также оказывает. Он объясняет им дорогу и разучивает с хоббитами заклинание, вызывающее волшебного помощника (которым является он сам), кроме того, Том Бомбадил выручает хоббитов из Могильников.

Таким образом, The Old Forest является типичным «волшебным лесом» - границей между миром живых и миром мертвых, а Том Бомбадил – типичным «хранителем волшебного леса». Однако есть в образе The Old Forest еще одно, менее очевидное, значение. Дело в том, что в образе Хоббитании Толкиен создал свою «Страну Утопию». В описании Хоббитании достаточно много черт социальной утопии: практически полное отсутствие правительства (каждый род сам себе хозяин) и при этом процветание страны; хоббиты довольствуются своим и не зарятся на чужое; довольные своей сытой и спокойной жизнью, они наивно полагают, что все в Средиземье живут также; последние упоминания о голоде, болезнях, войнах в Хоббитании относятся к незапамятной древности. Таким образом, Хоббитания предстает в виде утопического государства, замкнутого и отделенного от реального мира непроходимым лесом.

Учитывая такую особенность Хоббитании, The Old Forest приобретает новую функцию границы между миром идеальным и миром реальным. Тогда становится понятным длительное пребывание хоббитов у Тома Бомбадила, его долгий и подробный рассказ о Средиземье: наивным жителям утопической Хоббитании необходимо было узнать реальное положение дел в мире, привыкнуть к тому, что он далеко не такой уютный и спокойный, как Хоббитания.

По-другому обстоит дело с Fangorn Forest (Фангорн). Он также является границей между мирами, но если Вековечный лес ведет героев из мира живых в мир мертвых, то Fangorn Forest ведет в обратном направлении: из мира мертвых в мир живых. Прежде всего, именно в Fangorn Forest впервые по сюжету появляется воскресший Гэндальф. Кроме того, в Fangorn Forest хоббиты спасаются от неминуемой смерти. На связь леса с мотивом возрождения указывают и отдельные элементы в образе его хранителя. Сам Treebeard (Древень) вызывает ассоциации с деревом жизни. Толкиен акцентирует внимание читателей на не замеченном хоббитами, но очень важном факте. Когда они карабкались на скалу, на которой стоял Treebeard «...the cuts and sores of their captivity had healed and their vigour had returned»⁶ («...их раны и ушибы сами собой зажили и сил против прежнего прибавилось»⁷). Напиток, которым поил хоббитов Treebeard, живо напоминает о традиционном для народных сказок мотиве живой воды. Эта вода придала хоббитам сил, утолила и жажду, и голод: «The effect of the draught began at the toes, and rose steadily through every limb, bringing refreshment and vigour as it coursed upwards, right to the tips of the hair»⁸ («От пальцев ног свежая, бодрящая струя разлилась по всему телу, аж до корней волос»⁹). Однако возникает вопрос: почему в Fangorn Forest нет животных? Дело в том, что Fangorn Forest - не мир живых как таковой, а граница между двумя мирами, на которой никто жить в принципе не может.

Сам Treebeard является стражем границы, который переводит в мир живых самых достойных. Как хранитель леса, он встречает хоббитов на границе миров, расспрашивает их обо всем, что с ними случилось (в этом заключается испытание), приобщает героев к другому миру (поит их целебной водой, укладывает спать), доставляет к границе леса, способствуя проникновению в иной мир.

Таким образом, в трилогии Толкиена «Властелин колец» волшебный лес предстает в нескольких ипостасях: волшебный лес – дорога в мир мертвых; волшебный лес - дорога в мир живых и волшебный лес – дорога в мир реальный.

Список использованных источников

1. Tolkien J. R. R. The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring. M., 2002.
2. Tolkien J. R. R. The Two Towers. London. 2008.
3. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2002.
4. Толкиен Дж. Р. Р. Хранители. Перевод В. Муравьева. М., 2002.
5. Толкиен Дж. Р. Р. Две твердыни. Перевод В. С. Муравьева. М. 2002.

⁶ Tolkien J. R. R. The Two Towers. London. 2008. p. 602

⁷ Толкиен Дж. Р. Р. Две твердыни. Перевод В. С. Муравьева. М., 2002. Стр. 85

⁸ Tolkien J. R. R. The Two Towers. London. 2008. p. 613

⁹ Толкиен Дж. Р. Р. Две твердыни. Перевод В. С. Муравьева. М. 2002. Стр. 99

УДК 82

Н.Н. Комогорцева

*Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н.Г.Чернышевского
г. Чита, Россия*

ПРОБЛЕМА СТОЛКНОВЕНИЯ МИРОВ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ Д. ЛОДЖА “NICE WORK”

В данном докладе изображены картины двух противоположных миров центральных героев – представителей мира образования и мира промышленности - проанализированы случаи их столкновения, дискуссии и разные взгляды на одинаковые вещи.

Философ и психолог В.П.Руднев определяет понятие картины мира следующим образом: это система интуитивных представлений о реальности. Нельзя не согласиться с его словами о том, что у любой социальной группы или отдельного индивида можно выделить свою картину мира. [1; с 155] Ввиду многообразия таких картин в разных областях знания кажется вполне понятным тот факт, что очень часто происходит их столкновение, поэтому данная проблема является актуальной в современном литературоведении.

Объектом изучения данного доклада являются картины мира людей разных профессий. Наша задача заключается в том, чтобы доказать невозможность существования идеальной картины мира, опираясь на события, изображенные в романе “Nice Work”.

Говоря о столкновении миров, нужно заранее оговориться, что ни один из миров, описанных Дэвидом Лоджем в романе, не является идеальным. По крайней мере, сам автор не рассматривает ни один из них с такой точки зрения. Он лишь наблюдает и описывает.

Прежде всего, необходимо отметить различия жизненного уклада, быта главных героев. В самом начале, когда автор знакомит нас с Робин Пенроуз – временно исполняющей обязанности преподавателя английской литературы университета Раммиджа, он говорит следующее: “And there, for the time being, let us leave Vic Wilcox, while we travel back an hour or two in time, a few miles in space, to meet a very different character.” [2; с 39] С помощью фразы “a very different character” автор заранее объясняет читателю, что Робин – человек с совершенно иным взглядом на жизнь, другими мыслями и идеями, нежели Виктор Уилкоккс – второй из центральных героев, управляющий директор промышленной фирмы «Принглз и сыновья».

Знакомство с героями начинается с того момента, как они просыпаются. Если Вик проводит бессонные ночи, ворочаясь в постели, то Робин спит до звонка будильника. Автор отмечает это: “Unlike Vic, Robyn invariably sleeps until woken.” [2; с.41] Здесь же он обращает наше внимание на то, при помощи чего они просыпаются. Если Вик встает с постели под писк ультрасовременных кварцевых часов со светящимся экраном, то Робин открывает глаза при звонке старомодного будильника с латунным звончком наверху. (“Victor Wilcox lies awake, in the dark bedroom, waiting for his quartz alarm clock to bleep.”) [2; с. 13] – “Her [Robyn] alarm clock, a replica of an old-fashioned instrument... with an analogue dial and a little brass bell on the top.” [2; с.41] Это говорит о том, что Вика поглотила современная жизнь, и он покорно следует ее предписаниям, подчиняясь автоматизации. Что до Робин, то для нее таких правил не существует, и она сама решает, с чего начнется ее утро и как пойдет жизнь.

Вик Уилкоккс представлен в романе решительным, твердым мужчиной, обеспечивающим свою семью всем необходимым. Разумеется, такому человеку не свойственны какие-либо душевные волнения и внешнее выражение эмоций. Все в его жизни идет размеренно, и проявлениям чувств нет места. При описании мыслей Робин автор использует целую гамму эмоционально окрашенных слов: enjoy, like, good at it, anxiety и т.д. Вот один из примеров: “Although she has been teaching now for some eight years, on and off, although she enjoys it, feels she is good at it, and would like to go on doing it for the rest of her life if possible, she always feels a twinge of anxiety at the beginning of a new term.” [2; с 41] В нашем понимании это подчеркивает мысль, что Робин не боится жить ярко и выражать свои чувства, так как без этого жизнь кажется ей серой и обыденной. Это вполне естественно для человека, основным занятием которого является изучение литературы. К сожалению, Вик слишком погряз в станках и расчетах прибыли своей компании, чтобы обращать внимание на такую немаловажную часть жизни.

При описании Вика Уилкоккса автор широко использует прием несобственно-прямой речи, дабы больше раскрыть характер героя и показать его завуалированную неуверенность в себе и своих действиях. В рассказе о Робин автор, напротив, избегает данного приема. Робин Пенроуз словно сама рассказывает о себе, прибегая к помощи собственных идей, взглядов, выводов и опираясь на труды классиков. Таким образом, автор старается отметить ее самодостаточность – ведь ему не приходится своими ремарками наталкивать героиню на верный путь. Создается впечатление, что он отстраняется и наблюдает за ее действия-

ми на расстоянии. Возможно, это обусловлено тем, что Робин работает в сфере образования, а это имеет под собой большую стабильность, чем промышленная стезя, где вращается Вик.

Робин и Вик не способны согласиться друг с другом ни в одном вопросе. Их диалоги – сплошная полемика, в течение которой оба пытаются отстоять свою точку зрения, невзирая на мнение другого. Когда они затрагивают проблему забастовок, Робин высказывает свои взгляды, суть которых заключается в том, что если бы государство не затрачивало так много средств на оборону, не было бы нужды в урезании зарплат работников разных областей и во множественных сокращениях. Вик же, в свою очередь, указывает на то, что их фирма подписала контракты с несколькими охранными предприятиями. Если они разорвут эти контракты, то им придется уволить этих рабочих. Ваши сокращения породят наши, говорит он. (“This company has several defence contracts... If those contracts were cancelled, I’d have to lay off men. Your cuts would become ours.”) [2; с 111] В течение данного разговора создается впечатление того, что Робин идеализирует ситуацию. У нее нет четкого ответа на вопросы Вика, она ограничивается пространными замечаниями. Это означает, что она видит проблему лишь с одного угла и не задумывалась обо всех подводных камнях происходящего. На прогноз, который обрисовал ей Вик, она отвечает: “You could make something else. Something peaceful.” “What?” “I can’t say what you should make,” said Robyn irritably. “It’s not my business.” [2; с.112] Робин уходит от прямого ответа, потому как не находит его. Здесь мы видим еще одно столкновение миров героев – у Вика есть четко сформированное и разумное мнение на ситуацию, тогда как Робин упрямо стоит на своем: нужно уменьшить финансирование армии и тогда процент сокращений станет меньше, а зарплаты – больше. Пусть Вик предстает перед читателем как закоренелый прагматик и иногда даже циник, он четко знает, что собой представляет окружающая действительность и чего от этого стоит ожидать. Робин же видит проблему, понимает всю ее актуальность, и старается решить ее в соответствии со своими знаниями и представлениями об окружающем мире, которые весьма несовершенны и слишком оптимистичны, чтобы иметь смысл. И, самое главное, героям не удается убедить друг друга в правильности своих суждений, то есть столкновение не разрешается простыми методами.

Еще одним интересным вопросом является отношение центральных героев к счастью. Когда Робин внезапно заводит разговор об этом, Вик поначалу не находит, что ответить. Автор описывает его следующим образом: “Wilcox looked startled, caught off balance for the first time.” [2; с 115] Робин четко отвечает на ей же поставленный вопрос, ибо это ее стезя, она довольно хорошо разбирается в данном вопросе, потому как способна сама испытывать чувство счастья. Этот разговор дается ей легче, нежели тот, где они говорят о причинах и следствиях забастовок. Она говорит, что, несмотря на то, что она мало зарабатывает, она рада иметь такую работу. (“Yes, I don’t earn much money, but I’m happy in my job.”) [2; с.115] Вика же это состояние незнакомо – он счастлив лишь тогда, когда дела на фирме идут хорошо и увеличивается прибыль от производства. Для него счастье измеряется деньгами. В понимании Робин это чувство не может считаться счастьем, так как счастье не подразумевает собой то или иное количество денежных купюр. Можно быть счастливым и без денег, считает она. Пусть автор и не указывает этого напрямую, но нам думается, что одним из показателей счастья для Робин является чтение трудов уважаемых ею авторов, удовлетворение от очередной написанной статьи – даже погожий летний день способен вызвать бурю эмоций у такого одухотворенного человека, как Робин Пенроуз. Она способна получать радость от обычных и вполне достижимых вещей, которые ровно ничего не стоят. В данном случае автор подчеркивает односторонность Вика Уилкокса, заключающуюся в его неспособности увидеть необычное в обычном.

В целом, автор описывает столкновение миров героев с переменным успехом для каждого. В каком-то моменте на высоте оказывается Робин, а при описании другого конфликта мы видим Вика, изображенного в лучшем свете.

Таким образом, мы видим, что ни одна картина мира не является идеальной, и объективное видение окружающей действительности возможно лишь в рассмотрении ее через призму общего мнения.

Список использованных источников

1. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. - М.: Аграф, 1999
2. Lodge D. “Nice Work”. – London: Penguin Books, 1989

УДК 821.221.18

Б.Р. Хозиев

Северо-Осетинский государственный университет
г. Владикавказ, Россия

ЖАНР ЧЕТВЕРОСТИШИЙ В ПОЭЗИИ МУЗАФЕРА ДЗАСОХОВА

Предмет исследования данной статьи – жанр четверостиший в поэзии Музафера Дзасохова. Поэтические миниатюры Народного поэта Осетии – интереснейшее явление в национальной поэзии. Поэтому неизученность данной проблемы сильно затрудняет восприятие целостной картины всей нашей поэзии. Автор данной работы поставил перед собой задачу дать целостную картину эволюции жанра рубаи в творчестве М.Дзасохова с точки зрения традиции, типологии и тематики.

«**Рубаи** – (буквально – учетверенный) – четверостишие в арабоязычной, персоязычной и тюркоязычной поэзии. Рифмовка – **аааа**, **ааба**, иногда **абаб**. Каждый рубаи заключает в себе законченную мысль» (3, 256). Четверостишие – самая популярная в поэзии всех народов форма строфы с рифмами по типу поэзии восточных народов (3, 338). Рубаи в разных странах называют согласно национальным поэтическим традициям: в Иране – рубаи, Японии – **хокку**, в Китае – гу ши, в Узбекистане – **туюги**, в Италии – **катрены**, в Армении – **айрены**, Грузии – **шаири**, России и Осетии – четверостишия. В критической литературе иногда встречается и термин

«**стансы**». Русское стихосложение его трактует как «небольшое стихотворение, написанное четверостишиями четырехстопного ямба с перекрестной рифмой, причем каждое четверостишие обладает внутренней законченностью, не в ущерб, разумеется, для общего смысла» (7, 97). Понятие «стансы» в осетинской поэтической практике еще не совсем определено, в основном встречается в нашей переводной литературе (например, в переводах Ш.Ф. Джикаева из поэзии Дж. Байрона).

Что касается, собственно, самих четверостиший, то их в осетинской поэзии больше и лучше всех написал Музафер Дзасохов. Только в последний сборник стихотворений «Заман æмæ замана» («Время и испытания») включено свыше двух тысяч четверостиший (1, 529 с.) В общей сложности им написано свыше пяти тысяч рубаи. В них представлены все классические варианты, но поэт все же отдает предпочтение особому виду четверостишия – **восточному** (термин Ильи Фоякова. – Х.Б.), часто называемое **рубаи**. У него своя, особая система рифмовки: первая, вторая и четвертая строки рифмуются между собой, а третья остается незарифмованной – **«холостой»**. Схема **ааОа**. Это очень красивая, емкая форма, хорошо пригодная для сжатого, афористичного высказывания философских сентенций, равно как и любовных признаний. В Осетии известны многочисленные переводы на осетинский язык рубаи Омара Хайяма. Неповторимую красоту и своеобразие восточному четверостишию придают рифму. Последователи великого рубаиста играли ими виртуозно и изысканно, предпочитая две формы рифмовки стиха: **туюг (ааОа)** и **редиф (аааа)**. В восточном четверостишии есть одна важнейшая особенность: оно всегда выступает как самостоятельная миниатюра, где главенствует законченная мысль.

Современная отечественная филологическая наука, особенно литературоведение, уделяет внимание проблемам, связанными с особенностями развития лиро-философской поэзии, малых стихотворных жанров, в которых заметно углубленное постижение духовного мира человека, его многообразных связей с действительностью. В последние десятилетия в северокавказских литературах появились работы, в которых ставятся и решаются обозначенные вопросы на материале местной национальной поэзии (5). Предмет исследования данной статьи – четверостишия Музафера Дзасохова – интереснейшее явление в осетинской поэзии, которое успешно развивается последние несколько десятилетий. Неисследованность историко-типологических связей и особенностей развития жанра четверостиший в контексте осетинской лирико-философской поэзии сильно затрудняет восприятие целостной картины всей нашей поэтической действительности. Между тем, четверостишия Музафера Дзасохова на современном этапе – явление достаточно значительное как в идейно-художественном, так и жанрово-тематическом отношении. Многие его короткие стихи, сохраняя каноническую форму, лирический настрой, философскую направленность, обогатились новым содержанием, упрочили славу одной из популярных форм в национальной лирике. В нашей критике сделано немало для изучения поэзии Народного поэта Осетии, лауреата Государственной премии РСО-Алания Музафера Дзасохова. Наибольший интерес представляют работы Льва Озерова, Хасана Дзугаева, Екатерины Андреевой и Виталия Гусалова (4). В этих исследованиях, размышлениях, заметках и сообщениях рассматриваются различные аспекты, которые были выявлены в его поэзии. Но, к сожалению, непосредственно к теме настоящей работы эти исследования отношения не имеют. Такое положение сложилось, возможно, потому, что авторы вышеперечисленных изысканий не ставили перед собой задачу создания целостной картины эволюции жанра четверостиший в его поэтическом творчестве. Наблюдения критиков, в основном, касались общих вопросов, не давали более подробной картины о месте жанра рубаи в творческом наследии поэта.

Таким образом, вполне очевидно, что изучение проблемы жанра четверостиший в творчестве Музафера Дзасохова остается пока белым пятном нашего литературоведения. Стараясь восполнить в какой-то степени этот пробел, автор данной работы поставил перед собой задачу дать, насколько это возможно, полную картину эволюции жанра в творчестве Музафера Дзасохова с точки зрения традиции, типологии, тематики и содержания. Прежде чем приступить к непосредственному анализу четверостиший талантливого поэта, чрезвычайно важно уточнить, какое место занимает данный жанр в его творческом процессе на разных этапах и с чем это было связано. Ведь написание четверостишия в творчестве поэта занимает более чем сорокалетний период времени, на протяжении которого он создал огромное количество произведений малого жанра. В то время как исследование этого направления его поэзии заметно отстало в своем развитии. На момент начала изучения четверостиший под рукой было всего лишь три рецензии, опубликованные мной в средствах массовой информации республики (6).

Поэтому в этой статье мы предприняли попытку дать целостную картину рубаистики Музафера Дзасохова на том или ином этапе развития его поэтического творчества. Исходя из поставленной задачи, автор считал необходимым показать сущностные особенности его четверостиший. В каждом отдельном случае в качестве иллюстративного материала приводятся либо удачные переводы, либо собственные подстрочные переводы, поскольку они дают более точное представление об особенностях поэтики этого жанра и естественно, способов выражения поэтической концепции автора. Заметное оживление жанра рубаи в творчестве Музафера Дзасохова в конце XX столетия можно объяснить в какой-то мере более активным вмешательством поэта в действительность, более четкой индивидуализацией образа его лирического героя. К такому выводу прийти на основании того, что в жанре рубаи главенствующую роль отводится именно субъективному началу, где позиция лирического героя, по существу, адекватна позиции автора.

Таким образом, рассмотрение жанра четверостиший в творчестве Музафера Дзасохова в контексте национальной поэзии, может оказаться полезным опытом научного подхода к изучению их художественно-эстетического единства. Поэтическое своеобразие четверостиший выявляется нами на основе изучения традиций лирико-философских жанров. Анализируя четверостишия Музафера Дзасохова, мы не упускали из поля зрения их фольклорную основу: «...темы очень многих из этих четверостиший были «подсказаны» когда-то запавшими в душу народными изречениями, пословицами, афоризмами великих людей, ... очень ярко «проецирующимися» на нашу сегодняшнюю «злобу дня» (2). Такой подход к проблеме поможет прояснить тот круг вопросов, который предстоит еще изучить специалистам по данному вопросу. Здесь же он имеет гипотетический характер и осознается автором исследования в плане постановки вопроса. Что же касается изучения проблем взаимосвязи осетинской поэзии с восточной рубастикой, то оно дает возможность во-первых, полнее раскрыть причины обращения к краткой поэтической форме представителей других национальных литератур; во-вторых, позволит на конкретном примере творчества одного поэта и его излюбленного жанра уяснить некоторые общие закономерности формирования осетинской лирико-философской поэзии.

Список использованных источников

1. Дзасохов М. Заман æмæ замана: Æмдзæвгæтæ. – Дзæуджыхъæу: Ир, 2009. – 529 ф.
2. Дзасохов М. «Моя надежда – четверостишие» // Сев. Осетия. – 2009. №222. – 2 декабря.
3. Квятковский А.П. Рубаи // Поэтический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – С.251.
4. Озеров Л. Разговор с осетинским другом (о книге М.Дзасохова «Положа руку на сердце») // Дон. – 1973. - №3. – С. 163-164.; Андреева Е. Память сердца (о книге М. Дзасохова «Гости из Барагуна») // Соц. Осетия. – 1983. – 21 августа.; Гусалов В. Фарн // Стыр ныхас. – 2008. - № 13. – Апрель.
5. См.: Паниян Ю.М. К вопросу о жанрах лирики // Историко-филологический журнал. – 1972. - №3.; Гаджиева З.З. Лирические жанры в советской аварской поэзии. Автореф. дис... канд филол. наук. – Махачкала. – 1975.; Отарова Р.К. Жанровое многообразие советской многонациональной лирики (Жанры лирического размышления). Автореф. дис... канд. Филол. наук. – М., 1980.
6. Хозиев Б. «...У судьбы тяжелая рука» (о книге М.Дзасохова «Колчан») // Северная Осетия. – 1992. – 30 сентября.; Хозиев Б. Все заветы земных мудрецов (о книге Омара Хайяма «Четверостишия») // Вся реклама Осетии. – 1997. – 5 июля.; Хозиев Б. Между небом и землей (о книге М.Дзасохова «Небо и земля») // Экран-вестник Владикавказ. – 1998. – 9 – 15 марта.
7. Фояков И. Гармония и алгебра строки: научно-популярное издание. – Санкт-Петербург: «Геликон плюс», 2007. – С. 97.

УДК 669.713.7

Е.В. Жеребцова

*Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н.Г.Чернышевского
г. Чита, Россия*

КАЛИФОРНИЙСКАЯ «ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА» В ТВОРЧЕСТВЕ ЛУИЗЫ КЛЭЙП (СЕРЕДИНА XIX ВЕКА)

В статье рассматривается творчество американской писательницы середины XIX века Луизы Клэйп, которая была свидетельницей событий так называемой калифорнийской «золотой лихорадки» - одного из самых значимых событий истории Соединённых Штатов Америки.

Луиза Амелия Смит Клэйп (Louise Amelia Smith Clappe) (1819-1906) родилась в городе Элизабет, Нью-Джерси. Она получила хорошее образование, обладала широкими познаниями в искусстве и литературе. В 1848 году Луиза Смит вышла замуж за Фэйетта Клэйпа, молодого медицинского стажёра. Заражённый «золотой лихорадкой», он переехал со своей новой женой в Сан-Франциско в 1849 году – в начале массовых переселений золотоискателей. Из Сан-Франциско пара переселилась в лагерь золотодобытчиков; они возникали повсюду по территории северной Калифорнии [3]. В 1851 и 1852 годах Клэйпы жили в Рич Баре и соседнем Индиан Баре, двух городах, возникших в результате экономического подъёма на восточном ответвлении реки Физер. Клэйп была одной из относительно небольшого количества женщин, решивших жить среди шахтёров и разведчиков. Первая Калифорнийская перепись 1850 года указывает, что население штата более чем на 90 процентов состояло из мужчин – но как видно из писем Клэйп, всё больше женщин иммигрировало в Калифорнию вдоль Орегонской Тропы в течение следующих десяти лет [1].

Находясь в приисках, Клэйп начала писать письма о событиях своей жизни сестре Молли, которая жила в Массачусетсе. Используя традиции литературного письма, начатые Кэролайн Кирклэнд и Маргарет Фаллер, Клэйп писала живописные послания о том, чему сама была свидетельницей. Остроумные, зоркие, с часто встречающимися литературными ссылками, письма Клэйп рисуют яркую картину разнообразия и динамики социального мира, созданного Золотой лихорадкой. Взгляд Луизы удивительно независим и, как поначалу кажется, не соответствует её статусу «настоящей леди» – она записывает всё, что встречает в лагерной жизни: от специализированных методов горной промышленности до пьяных стычек золотоискателей. Заметное место в её письмах занимает восхищение естественной красотой северной Калифорнии. Рождённая на восточном побережье, Луиза глубоко полюбила Калифорнию, и это придаёт её описанию Западной границы особое значение.

Луиза Клэйп решила издать письма, которые она написала своей сестре из добывающих лагерей под названием «Калифорния, 1851 и 1852. Место жительства – Шахты» (“California, in 1851 and 1852. Residence in the Mines”). Письма выходили последовательно с 1854 по 1855 годы в Сан-Франциско в журнале «Первооткрыватель» (“Pioneer”), где они стали известными как «Письма Шерли» (“Shirley Letters”) – Клэйп подписывала их псевдонимом «Шерли» или «Дэйм Шерли» (“Shirley” or “Dame Shirley”). Дэйм Шерли написала 23 письма своей сестре Мэри Джейн (Молли).

Письма Клэйп, как говорил один из её почитателей, показывают «наивную честность», «женственное остроумие» и «при близком рассмотрении... жизненную силу настоящей женщины» – качества, которые высоко ценились в период Золотой лихорадки. Они «изумительно написаны, - заявлял Джозия Ройс, – и, несомненно, правдивы», обеспечивают «более интересную и правдивую картину жизни в лагере золотоискателей, чем несколько «извращённый романтизм» Бретта Харта или Алонзо Делэно» [2].

Пропитанное авантюрным духом, эпистолярное наследие Луизы Клэйп ярко показывает местный колорит. В «золотой стране» Клэйп живут экзотические личности, составляющие многоэтническое, пёстрое общество: здесь «испанская мелодия, обворожительный лоск французов, звонкая ясность итальянцев, резкость немцев, гортанное произношение индусов...» [2].

Её самое длинное письмо из лагеря золотоискателей – и одновременно самое серьёзное литературное произведение – повествует о беспорядках, вследствие которых был уничтожен лагерь в Индиан Баре. Автор показывает нам, что смешение наций и представителей различных социальных классов не может гарантировать устойчивость этого общества. Главная идея, переданная Клэйп – то, насколько тонка грань между действительным положением дел в добывающем лагере и теми романтическими устремлениями, которые привели искателей приключений в Калифорнию.

Письма Луизы Клэйп – неприкрашенные описания «естественного» мужского энтузиазма, дающие ещё один образец национального американского характера. В 1922 году «Письма Шерли» была изданы в форме книги. Если Клэйп надеялась получить известность или заработать на издании своих писем, она сделала это слишком поздно – внимание общественности к Золотой лихорадке уменьшилось к 1854 году.

Тем не менее, её письма оказались важны для историков из-за представленного в них уникального описания жизни в Калифорнийских добывающих лагерях, и сейчас её произведения признаны важным литературным достоянием.

Список использованных источников

1. American Alchemy: The California Gold Rush and Middle-Class Culture. Contributors: Brian Roberts - author. Publisher: University of North Carolina Press. Place of Publication: Chapel Hill, NC. Publication Year: 2000.
2. San Francisco's Literary Frontier. Contributors: Franklin Dickerson Walker - author. Publisher: A.A. Knopf. Place of Publication: New York. Publication Year: 1939.
3. <http://www.learner.org/amerpass/unit05/authors-3.html>

УДК 882.09

Л.В. Корухова

*Ульяновский государственный технический университет
г. Ульяновск, Россия*

ИСТОКИ ИНТЕРЕСА Д.П. ОЗНОБИШИНА К ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Творческое наследие Д.П. Ознобишина как переводчика поэтов Запада и Востока не достаточно изучено и представляет интерес для исследователей русской и зарубежной литературы XIX века. В данной работе делается попытка определить истоки зарождения интереса Д.П. Ознобишина к переводческой деятельности.

Актуальность выбранной темы обусловлена возросшим интересом к творчеству Д.П. Ознобишина, наиболее выдающегося отечественного поэта XIX века, в творческом наследии которого представлены как оригинальные, так и переводные стихотворения. Для нас Д.П. Ознобишин, интересен, прежде всего, как переводчик поэтов Запада и Востока. Поэтому для нас важно определить истоки зарождения интереса Д.П. Ознобишина к переводческой деятельности.

Проанализировав библиографические данные, представленные в работах таких исследователей как Т.М. Гольц, Н.Н. Холмухамедова, А.Н. Гиривенко, И.Я. Заславский, В.В. Морозова, можно сделать вывод о том, что истоки становления Д.П. Ознобишина как поэта-переводчика зародились в то время, когда он учился в Московском университетском благородном пансионе (1819 – 1823). Являясь сначала членом «Литературного общества» пансиона, затем «Общества любителей российской словесности», молодой Д.П. Ознобишин не был чужд литературных занятий, плодом которых явилось переводное стихотворение с французского «Трубадур», опубликованное в 1820 году в пансионском альманахе «Каллиопа». Именно с этим произведением он вошел в русскую переводную литературу XIX века и надо сказать небезуспешно. В этот период Д.П. Ознобишин обращается к творчеству Парни и выполняет ряд переводов французского элегика, которые распространялись в рукописи и имели успех, что подтверждается словами из письма А.А. Бестужева к П.А. Вяземскому от 15 апреля 1823 г.: «Еще пощупайте молодого стихотворца, едва у Вас известного, – это Ознобишин. У меня есть две его прелегие штучки из Парни. Внимание Ваше ободрит его, да и мы уверимся, можно ли от него чего-нибудь дожидаться». [2]

Еще одно важное событие в творческой биографии юного поэта, сыгравшее важную роль в становлении Д.П. Ознобишина как переводчика – знакомство и дружба с С.Е. Раичем, поэтом и переводчиком, знатоком античной и итальянской поэзии. Именно С.Е. Раич увидел в Д.П. Ознобишине потенциал к «опознанию» русского языка новыми темами, образами, приемами посредством переводов персидских и арабских сочинений: «Чтобы дополнить это опознание нашего языка, надобно перенести к нам поэзию Востока. Этот благороднейший, прекраснейший труд предлежит Вам, любезный друг, конечно вам, по крайней мере значительной частью». [1] Юный Ознобишин в 1822 году вступил в «Общество друзей» (1822 – 1825) С.Е. Раича, где его увлекало изучение литератур Запада и Востока, как нельзя лучше впоследствии отразившееся в переводных произведениях поэта. По окончании курса наук в пансионе в творческом наследии молодого поэта представлено около шестидесяти стихотворений, в том числе и переводов. На этом этапе Д.П. Ознобишин переводил произведения Э. Парни, Ламартина, Катулла, Гердера, Т. Мура и др.

Размышляя об истоках зарождения интереса Д.П. Ознобишина к переводческой деятельности, следует обратиться к личности Никанора Ивановича Ознобишина, дедушке поэта. Он интересен нам как литературный деятель, в творческом наследии которого представлены как оригинальные, так и переводные произведения. По словам Т.М. Гольц: «Он не чужд был литературных занятий, плодом которых стали его сочинения – «Несчастный француз, или Жизнь кавалера Белинкурта, описанная им самим» (М., 1764) ве-

роятно, перевод с французского, и «Нешастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина...» (СПб., 1775), носившее автобиографический характер.» [3] Исследовательница В.В. Морозова указывает на тот факт, что молодой Никанор много «много и успешно переводил с французского из того, что называют «легким чтением»: галантные повести, романы, новеллы и т.п. Известны три перевода, выполненные им. В марте 1757 г. Никанор Ознобишин перевел «Гисторию Николая Перваго, короля Парогуанскаго императора Мамелужскаго», в апреле 1761 г. – новеллу «Из втораго тому Новостей Мишеля Сервантеса Сааведры». [4] Таким образом, следует отметить и так называемую генетическую предрасположенность Д.П. Ознобишина к литературной деятельности, в общем, и к переводам, в частности.

Творчество Д.П. Ознобишина интересно и многогранно. В нашей статье мы попытались пролить свет лишь на одну грань, а именно, на переводческую деятельность стихотворца. В попытке определить истоки зарождения к данной деятельности, мы пришли к выводу о том, что на становление Д.П. Ознобишина как поэта-переводчика повлияла учеба (1819 – 1823) в Московском университетском благородном пансионе (вместе с В.П. Титовым, С.П. Шевыревым, Э.П. Перцовым). Кроме того, следует отметить роль чрезвычайно интенсивных литературных занятий юного Ознобишина вместе с другими пансионерами в «Литературном обществе», «Обществе любителей российской словесности» и «Обществе друзей», а также и генетическую предрасположенность поэта к литературной переводческой деятельности.

Список использованных источников

1. Письма Александра Бестужева к П.А. Вяземскому (1823 – 1825)// Лит. Наследство. – Т. 60. – Кн. I. – М., 1956. – С. 202.
2. Письмо к Ознобишину от 20 ноября 1825 г.//Васильев М. Из переписки литераторов 20-30-х годов XIX века//Изд. Общества археологии, истории и этнографии при Казан. гос. ун-те им. В.И. Ульянова-Ленина. – Т.34. – Вып. 3–4. – Казань, 1929. – С.175.
3. Ознобишин Д. П. Стихотворения. Проза: В 2 кн./ Д. П. Ознобишин; Подгот. Т. М. Гольц, А. Л. Гришунин, Н. Н. Холмухамедова. – М.:Наука, 2001. – С. 322.
4. Библиотека Ознобишиных: Каталог / Сост. Морозова В.В.; Ульяновская обл. науч. Б-ка им. В.И. Ленина. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2006. – С. 548.

УДК 821.161.1

В.Ю. Митрофанова

*Тамбовский государственный университет им Г. Р. Державина
г. Тамбов, Россия*

ТИПЫ РУССКИХ ХАРАКТЕРОВ В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО «ЖЕНЩИНА»

В статье исследуется проблема национальной специфики характеров рассказа «Женщина» М. Горького из малоизученного цикла «По Руси». Рассматривается взаимосвязь героев как носителей национальных черт и свойств в контексте авторского представления о несчастье русского народа. Исследуются такие основные качества русского человека, как жалость, добро, жестокость, лень, пассивность.

В рассказе М.Горького «Женщина» (1913), принадлежащего циклу «По Руси» (1912–1917), показаны яркие типы русских людей, описаны характерные национальные черты. Когда писатель начинал этот цикл, его главной целью было раскрытие особенностей русского характера, в чем сам художник признавался Д.Н. Овсяннико-Куликовскому, редактору «Вестника Европы»: «Я затеял ряд очерков... мне бы хотелось очертить ими некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей...» [Горький 1953: 252].

Однако необходимо отметить, что проблема русского характера в цикле «По Руси» до сих пор не стала предметом отдельного развернутого исследования. В работах А.Волкова, Б.Бялика, С.Касторского, Е.Тагер и других дается лишь обзорный анализ произведений цикла, наличие в нем национальной специфики, национальных типов характеров часто просто констатируется. В основном литературоведы кратко останавливались на образе плотника Осипа из рассказа «Ледоход», крестьянина-пахаря из рассказа «Покойник».

Рассказ «Женщина» также остается без должного внимания со стороны ученых, которые лишь кратко очерчивали образ главной героини Татьяны, отмечая, что в ней «воплощены этические и эстетические чувства народа» [Волков 1969: 393]. Она рассматривается отдельно, в противоположность другим героям рассказа, являющихся носителями не столь приглядных качеств русской души.

Художественной особенностью цикла «По Руси» является четкое разграничение героев на окончательно загубленных уродливой тяжелой русской действительностью и на героев, сохранивших способность к духовному подъему, глубоким чувствам, переживаниям, преодолению трудных жизненных об-

стоятельств. Такое противопоставление наблюдается в рассказах «Нилушка», «Светло-серое с голубым», «Зрители», «В ущелье», «Гривенник». И рассказ «Женщина» не является здесь исключением.

Таким образом, основных героев этого произведения по многим отличительным признакам можно условно поделить на две группы: носителей ярко выраженных отрицательных черт русского национального характера, жестоких (парень-пензяк, казаки), ленивых (Конев) и на носителей положительных черт, жалостливых (Татьяна и «проходящий»).

Главная героиня Татьяна – благородный и сердечный человек, огромна ее любовь к людям, огромно желание сделать их счастливыми. Ее образ есть выражение центральной идеи, как рассказа «Женщина», так и всего цикла «По Руси» - это утверждение красоты, духовного богатства русского человека. Трагично и горько сложилась судьба Татьяны. Она испытала нищету в детстве, раннюю смерть матери, жизнь в монастыре, побои и унижения нелюбимого мужа, изгнание из дома после его смерти и бродяжничество в поисках случайного заработка, подаяния. Но среди бродяг Татьяна выделяется своей и внешней красотой, и внутренним духовным богатством. Ее сразу замечает «проходящий», когда сравнивает других бродяг с ненужной ржавчиной, а ее с куском цветной и не поддающейся ржавчине меди.

Героиня любит людей, хочет им добра и жалеет их. Способность пожалеть вообще является ее основным качеством и характерной чертой многих героев цикла: «Художественный фрактал цикла состоит из трех основных элементов – Добра, Правды и Любви. Поразительным образом эти крупнейшие константы народного миропонимания совмещаются в одном национальном концепте - *жалость*. Именно щемящей русской жалости очень много в цикле» [Желтова 2006: 69].

Именно жалеет героиня замученную побоями мужа пензячку, свою спутницу по походам, жалеет побитого парня, потом просит его идти с собой, искать место для хорошей, достойной жизни на земле для труда и счастья, говоря: «Жалко мне тебя», а когда он отказывается, то она вновь повторяет: «А жалко, хороший мужик был бы на хорошем месте» [Горький 1961: 116]. Но не только пензячку, парня жалко героине. Она и себя жалеет и вообще всех несчастных: «Жалко глядеть, когда молодое зря пропадает, жалко силушки, кабы можно – взяла бы всех и поставила на хорошие места» [Горький 1961:117]. И затем она добавляет: «Господи – жалко всех... всю-то жизнь жалко» [Горький 1961:117].

Другое дело, что в своей жизни героиня сталкивается с противоречиями. Жизнь действительная порой не соответствует представлениям о ней Татьяны. Она приукрашивает людей, мечтает их «выправить», наивны ее мысли о счастье: «хорошем мужике», красивом домике, «новой деревне». Эта идеальная картина не соответствует реальной действительности. Оттого рушатся мечты Татьяны. Парень, которому она в жены предлагается, также рукоприкладствует, как и ее бывший супруг. Конев ее тоже обижает. С любовником она в итоге оказывается за решеткой. Но само стремление переправить жизнь и людей прекрасно. О том же мечтает и «проходящий» в рассказе. Его мысли по этому поводу есть уже в рассказе «Рождение человека» (1912). Там герой думает, что людей «надобно починить или – лучше – переделать заново» [Горький 1961: 8].

Вообще, «проходящий» и Татьяна духовно очень близки друг другу. Их объединяет общая любовь к людям и русская жалость. «Проходящий» тоже жалеет героиню за все ее несчастья и особенно, сожалеет, когда узнает, что Татьяна в тюрьме. Характерной особенностью именно жалости этих героев является некий синтез из самой жалости, добра и любви. Пожалев человека, оба стремятся сделать ему добро (помочь советом, спасти от драки, от унижения) и готовы тоже подарить человеку свою любовь. Так, Татьяна, пожалев парня и видя в нем «хорошего мужика», предлагает быть ее мужем, а «проходящий», пожалев Татьяну, тоже выражает свою жалость в акте любви и сострадания.

Но в рассказе показывается как добро и сочувствие постоянно натываются на непонимание и жестокость. Горький не раз в своих работах говорил о жестокости как характерной черте русского человека. В статье «Две души» (1916) он отмечал «развитие жестокости и изуверства» у человека Востока, а в статье «Русская жестокость» (1923) писал, что жестокость присутствует в массовом сознании русских людей. В цикле статей «Несвоевременные мысли» (1917-1918) Горький также обращает внимание на «зверскую жестокость» русских. Эту черту русского человека отмечали и другие исследователи. Так, философ Н.О.Лосский, занимавшийся проблемами русского национального характера в своей книге «Условия абсолютного добра» писал, что «...Есть в русской жизни также немало проявлений жестокости» [Лосский 1991: 296].

К категории жестоких в рассказе следует отнести парня и Конева, в противоположность положительным героям - Татьяне и «проходящему». Парень повсюду желает даже без повода на ком-нибудь опробовать свою силу, лезет в драки. А Конев силой пытается заставить Татьяну быть с ним и при этом заявляет: «Ежели я схватился за тебя, не велика беда. Муж бил – больней было» [Горький 1961:117]. В той же статье «Русская жестокость» Горький отмечал: «Я не знаю, существует ли такое место на земле, где бы с женщиной обращались ужаснее и беспощаднее, чем в русской деревне...» [Пьяных М. 1991:184]. Ту же мысль о жестоком обращении с людьми возможно проследить в описании жизни казаков, которые хоть

и трудолюбивы, но грубы с бродягами, бьют своих детей. В «Русской жестокости» Горький писал: «С детьми в деревне обращаются ужасно» [Пьяных М. 1991:184].

Указывая на характерную русскую жестокость, и Лосский и Горький признавали, что она порождена жестокой действительностью, и человек не может в этих условиях быть другим. Объясняя подобное явление, «проходящий» говорит Татьяне: «Гляди – ты с добром идешь к человеку, свободу свою, силу готова ему за дружбу отдать, а он этого не понимает, и – как его обвинить? Кто показывал ему доброе?» [Горький, 1961:117]

Таким образом, черты героев рассказа в национальной выраженности показывают нам противоречие русской жизни, раскрывают перед нами особенности русских людей, делящихся на жестоких и их жертв. К жертвам примыкают носители положительных начал («проходящий», Татьяна, баба из Пензы). Конев и парень оказываются носителями жестокого начала. Вдобавок, Конев являет из себя еще тип ленивого русского человека. Он сбежал от своих голодных детей и жены, не желая трудиться, он хочет все получать даром. Об этой русской лени Горький тоже говорил, что это характерная черта восточного человека. Что русские ленивы, мало делают и «бегут от дела».

Впрочем, стремление «убежать» - черта, присущая всем основным героям рассказа «Женщина». Все они, по замечанию автора, «пленники русской страсти к бродяжничеству» [Горький 1961:104]. А бродяжничество Горький тоже считал особенностью русских, замечая: «На Востоке берут свое начало анархическое «бегунство», «странничество», отрицающее все формы социальной и политической организации» [Горький 1918:185].

Но все герои рассказа живут «в обидах нищеты и глупости». Поэтому все они в большой степени жертвы, поэтому столь удручающ финал для них. Конева, Татьяну и «проходящего» жизнь доводит до тюрьмы. И горько «проходящему» сознавать, что русские люди «бессмысленно погибают».

В рассказе «Женщина» М.Горький пытается осмыслить в характерах героев такие национальные черты, как лень, жалость, добро, жестокость, склонность к странничеству. Писатель обращает внимание на социальную причину жестокости, грубости русского человека, однако и показывает огромные запасы доброты, духовной силы и красоты его.

Список использованных источников

1. Волков А.А. Путь художника (Горький до октября). М., 1969.
2. Горький А.М. Собр. соч.: в 30 т. Т.29. М., 1953.
3. Горький А.М.. Собр. соч.: в 18 т. Т.8. М., 1961.
4. Горький А.М. Статьи 1916-1918. М., 1918.
5. Желтова Н.Ю. Константы национального характера в литературе первой половины XX века. Тамбов, 2006.
6. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. М., 1991.
7. Пьяных М. К постижению «русского строя души» в революционную эпоху. Максим Горький и Андрей Белый о России // Звезда/Ленинград. 1991. № 7.

УДК 82-3

М.Н. Муратов

*Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н.Г.Чернышевского
г. Чита, Россия*

СЕКСУАЛЬНЫЙ ПОДТЕКСТ В РОМАНЕ Б. СТОКЕРА «ДРАКУЛА»

В данной статье рассматривается и анализируется одна из главных причин огромной популярности романа Б. Стокера «Дракула» – его сексуальный подтекст.

Роман Б. Стокера «Дракула», изданный в Лондоне в 1987 г., давно уже стал классикой «литературы ужасов». Он оказал огромное влияние на формирование и популяризацию образа вампира в массовой культуре XX века – многочисленные его экранизации и бесконечные литературные реминисценции также утвердили высокий статус романа в мировой литературе. Глубина, символичность и многоплановость произведения Б. Стокера сделали «Дракулу» таким же бессмертным, каким был изображен и главный герой романа [2]. Разумеется, до «Дракулы» тема вампиризма уже неоднократно поднималась в европейской литературе: можно вспомнить повесть «Вампир» Д. У. Полидори, роман «Кармила» Ш. Ле Фаню, серию популярных в свое время брошюр «Варни-Вампир». Что же выделяет роман Б. Стокера среди целого ряда произведений, посвященных вампирам?

Образ вампира в романе был впервые представлен объемным и многогранным. Б. Стокер объединил в образе Дракулы самые яркие черты предыдущих «литературных» вампиров (например, от графа Рутвена, «байроновского» таинственного антигероя из «Вампира» Д. Полидори Стокер взял холодную аристократичность), фольклорного вампира и реально существовавшей исторической личности – валашского господаря Влада Цепеша Дракула, известного своей крайней жестокостью. Удачный синтез разных черт в одном литературном персонаже «оживил» Дракулу, придал его образу особую пугающую реалистичность. В этом кроется одна из основных причин такой огромной популярности романа.

Вторая, не менее важная причина неутраченного интереса к «Дракуле», которой и посвящена данная работа, – сексуальный подтекст романа. Целесообразным представляется сначала рассмотреть специфику эпохи, в которой было создано произведение. В 1837 в Великобритании к власти приходит королева Виктория. Период её царствования (1837-1901) был назван викторианской эпохой. Для социального облика эпохи характерен строгий моральный кодекс, закрепивший консервативные ценности и классовые различия. В свои права вступает средний класс. Он, постоянно обвиняемый в вульгарном торгашеском духе, смешал старую философию с новыми интеллектуальными модами и создал систему морали и поведения, которая смогла удовлетворить его социальные амбиции [4]. Трезвость, пунктуальность, трудолюбие, экономность, хозяйственность ценились и до правления Виктории, но именно в ее эпоху эти качества стали доминирующей нормой.

Само собой, изменилось и отношение к сексуальной жизни. Викторианская мораль к концу XIX века уже погрязла в собственном ханжестве и абсурдности. Положение женщины в обществе основывалось на полном подчинении мужу, который, в свою очередь, считал жену ангелоподобным и асексуальным существом – ее тираническое воспитание, утонченность и «духовность», которые ей навязывали, ее невежество в вопросах физиологии неизбежно приводили к такому эффекту [4]. Конечно, мало кто заходил так далеко, как американская писательница и общественный деятель Э. Стокхэм, заявившая в 1894 г., что любовью муж, который требует полового сношения с женой без намерения зачать ребенка, превращает ее в проститутку. Однако, по общему мнению, мужу не следовало навязывать жене свои животные желания, кроме тех случаев, когда это абсолютно необходимо [4]. Следовательно, проституция в этот период процветала как никогда и нигде.

Снисходительное отношение викторианцев к проституции вызвало стремительный рост венерических заболеваний. К середине XIX века сифилис принял форму эпидемии. В романе Б. Стокера «Дракула» существует своеобразная эпидемия вампиризма, которая может быть метафорой сифилиса. Процесс насыщения кровью жертвы вампиром напоминает процесс сексуального насилия. Следовательно, вампиризм, как и сифилис, передается половым путем. Сифилис был практически не изучен и от этого ещё более страшен – вампиризм воплощает в себе суеверный страх перед неизведанным, перед смертельным исходом по непонятным причинам. Ещё одним подтверждением сходства сифилиса и вампиризма служат специфические отметины. В случае сифилиса – это так называемый твёрдый шанкр – язва, которая образуется на половых органах. Одним из симптомов жертвы вампира служит язва (место укуса) на шее: «...при этом он слегка сдвинул с места черную бархатную ленту, которую Люси постоянно носила вокруг шеи ... и, показав мне на маленькие красные знаки на ее шее, тяжело вздохнул» [3, с. 108].

Читателей викторианской эпохи роман поражал обилием сцен с откровенно эротической символикой. Если у нормальных людей половой акт сопровождается выбросом семени и, как следствие, зачатием новой жизни в материнском чреве, то у вампиров происходит процесс обратного толка: чтобы поддержать свою вечную жизнь, они высасывают кровь других людей и тем самым умерщвляют их. Причём, стоит указать на тот факт, что в романе Б. Стокера женщины-вампиры нападают только на мужчин, в то время как сам Дракула предпочитает девушек, демонстрируя тем самым своеобразный «гетеровампиризм» в выборе жертв [2]. Посягая на таинство зачатия новой жизни, Дракула посягает и на устои пуританского общества, основанного на религиозной морали. В романе содержится ряд эпизодов, описывающих то, как Дракула, воплощающий антихристианское, дьявольское начало извращает церковные ритуалы. Например, в одной сцене представлена своеобразная пародия на обряд причастия: «Он распахнул рубашку и длинными ногтями вскрыл жилу на своей груди. Когда брызнула кровь, он ... прижал мой рот к ране, так что я должна была задохнуться или проглотить немного...» [3, с. 244]. Этот эпизод одновременно может быть метафорой орального изнасилования.

Усилия Дракулы направлены на то, чтобы подорвать изнутри существующий социальный порядок. Лондон, в который так мечтает попасть трансильванский граф, – это поздневикторианский Лондон агрессивных страстей, фобий, извращений и чудовищных преступлений, Лондон Дориана Грея, доктора Джекилла и мистера Хайда, профессора Мориарти и Джека Потрошителя. К этой изнанке социального бытия, собственно, и обращен пресловутый эротизм Дракулы [1, с. 72].

Список использованных источников

1. Антонов С.А. Тонкая красная линия. Заметки о вампирической парадигме в западной литературе и культуре // «Гость Дракулы» и другие истории о вампирах: Сборник. – С-Пб.: Азбука-классика, 2007.– 366 с.
2. Парфенов М.С. «Дракула» Брэма Стокера - противостояние Эроса и Танатоса // (<http://darkfiction.ru/page/drakula-brema-stokera-protivostojanie-erosa-i-tanatos>).
3. Стокер Б. Дракула. – М.: БГ, 1993.– 445 с.
4. Теннхилл Р. Секс в истории: девятнадцатый век // (<http://www.follow.ru/article/306/1>).

УДК 82.0:801.6; 82-1/-9

Н.М. Нагибина

*Читинский государственный университет
г. Чита, Россия*

**ДИХОТОМИЯ «ДВОЙНОГО ЗРЕНИЯ» ГЕОРГИЯ ИВАНОВА
КАК ДОМИНАНТА ПОЭТИКИ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

Н.М. Нагибина обращается к литературному творчеству поэта Серебряного века и русского зарубежья. Георгий Владимирович Иванов – автор нескольких сборников, которые являются вехами его поэтической эволюции. Автор статьи называет доминанту поэтики Иванова – дихотомию «двойного зренья». По мнению исследователя, это вводит его в традицию русской философской поэзии. Дихотомия «двойного зренья», утверждает автор статьи, даёт основание назвать Георгия Иванова русским экзистенциалистом.

Георгий Иванов (1894-1958) – один из авторов, творчество которых практически не исследовано в России. По мнению критика Павла Басинского, изучение творчества этого талантливого поэта пока недостаточно. Значительное количество его стихотворений разбросано в периодике и лишь отчасти вошло в собрание сочинений. В России его произведения выходили с большим интервалом: до 1922 г., в 1966 г. и после 1985 года.

В центре нашего исследования – доминирующая черта поэтики

Г. Иванова. Исследователь Н.А. Богомолов называет её «двойным зреньем», и эта цитата становится точной, определяющей своеобразие поэзии и мемуаристики акмеиста Серебряного века, более раскрывшего талант в эмиграции [1].

Информация о жизненном пути поэта позволяет сделать акцент на первоначальном увлечении эго-футуризмом (об этом говорил подзаголовок первого сборника стихов в духе И. Северянина – «Поэзы»). Весной же 1912 г. он демонстративно сближается с акмеистами, испытывает влияние

Н. Гумилёва. Стихотворная «живопись» акмеиста Г. Иванова проявится в последующих сборниках.

О. Федотов, доктор филологических наук, известный стиховед, называет лирического героя эпохи модернизма многоликим. Таков лирический герой Георгия Иванова: очередная маска становилась лицом. Первые сборники («Отплытие на о. Цитеру», «Горница», «Вереск») вызвали критические отклики А. Блока, Н. Гумилева, В. Жирмунского, Л. Лунца [2]. Они замечали, что развитие поэта идёт по нисходящей. Сборник «Сады», названный с иронией образцовым, только сейчас позволил заметить появление дихотомии «двойного зренья», которое станет доминантой поэтики Иванова. Это скажется, по мнению Н. Богомолова, в «звуче его стихов, общей настроенности» [3]. Начало одного из стихотворений уже 1918 года наполнено символической реалией: реалии становятся образами – символами. Например, уходящая под воду блестящая культура (подвал «Привал комедиантов») [4].

В стихах 40-50-х годов появляется мотив «скуки мирового безобразья», земного ада. Тема русской эмиграции переходит в философский план, в размышление о смерти. Дихотомия «двойного зренья» поэта вводит его в традицию русской философской поэзии. Художественный мир Иванова – полная беспросветность, но он не только страшен, но и прекрасен. Философским содержанием его поэзии стала дихотомия смерти и жизни (образы – лейтмотивы «отплытия» и «розы»). Его лирический герой знает: перед лицом неизбежной смерти у человека есть только один выход: «сливать счастье и страдание», жить не умом, а чувством. «Порочному замыслу» (смерти) противостоит жизнь, счастье. («И всё-таки жизнь подняла в тумане – туманные очи и два лебединых крыла»).

Мотив одиночества перед лицом смерти вызовет иной мотив:

Я – это ты. Ты – это я.

На хрупком льду небытия.

Итак, «я» и другие, «я» и мир. Так появляется тема России, русского человека. Иванов решает её в той же дихотомии «двойного зренья»: «Россия – счастье. Россия – свет» и «А, может быть, России вовсе нет».

Появление реминисцентного образа лермонтовского стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» открывает полемику с известным лирическим героем. У Иванова – ирония, неверие в будущее. «Двойное зрение» усложняет образы, отражается в синтезе лексики стихотворений, в ритме и синтаксисе стихов (анафоры, повторы ориентируют на разговорный стиль), метафора и сравнения тоже дихотомичны: «сазлазки искусства», «тучка – сардинка в оливковом масле».

В поздней лирике появляются развернутые метафоры:

Мелодия становится цветком,
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается ...

«Двойное зрение» отражается в фонетике поэта: грубые звуки слов (сдохнуть) и звуковые волны стиха (сиянье).

Мы не найдём у Иванова различные способы преодолеть бесконечный ужас, «отвратительный вечный покой». Н. Богомолов отмечает лишь талант поэта в обнажении последних глубин жизни. Поэт, вероятно, следует формуле, созданной им самим: «Друг друга отражают зеркала, / Взаимно искажая отраженья». Образ Георгия Иванова тоже двоятся и даже троится.

В серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Вадима Крейда «Георгий Иванов» [5]. Это первое систематическое жизнеописание поэта, и оно рассчитано на широкую аудиторию. И. Рукавишников считает, что В. Крейд «последовательно удерживает в фокусе положение о невероятной талантливости» Иванова, «его праве быть самим собой, идти поверх литературных этикетов и сложившихся правил». По мнению

И. Рукавишниковой, автор биографической книги уходит от жёсткого комментирования. Восхищение талантом поэта мешает Крейду стать беспристрастным биографом [6].

Итак, к настоящему моменту существует крайне недостаточное количество работ, посвященных жизни и творчеству Георгия Владимировича Иванова. В данной статье мы попытались акцентировать внимание на доминирующем художественном приёме поэта – дихотомии «двойного зренья», что явилось яркой чертой индивидуального стиля (поэтики) Г. Иванова. Современное литературоведение представляет этого автора русским экзистенциалистом. Мы представляем степень возможностей исследования данной темы сквозь призму его поэтических и прозаических (мемуарных) произведений.

Список использованных источников

1. Богомолов Н.А. Талант двойного зренья // Иванов Георгий. Стихотворения, Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М.: 1989. С. 520
2. Федотов О.И. Основы теории литературы. Учебное пособие для вузов. М.: Владос, 2003. С. 165
3. Богомолов Н.А. Талант двойного зренья // Иванов Георгий. Стихотворения, Третий Рим. Петербургские зимы. Китайские тени. М.: 1989. С. 512
4. Федякин С.Р. Петербургский миф в судьбе Георгия Иванова // Иванов Георгий. Чёрные ангелы. М.: Вагриус, 2006. С. 12
5. Крейд В.П. Георгий Иванов. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 430
6. Рукавишников И. Книжная полка. М.: ИД «Первое сентября». Литература. №24 2007. С. 32

УДК 82-1

С.Р. Гафарова

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
г. Уфа, Россия*

«ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ» А.Г. РОТЧЕВА В СВЯЗИ С ОДНОИМЕННЫМ ЛИРИЧЕСКИМ ЦИКЛОМ А.С. ПУШКИНА

В данной статье проводится сравнительный анализ «Подражаний Корану» поэта и переводчика 19 века А.Г. Ротчева с одноименным лирическим циклом А.С. Пушкина. Автор статьи приходит к выводу, что при написании сборника А.Г. Ротчев руководствовался не столько великой книгой мусульман, сколько пушкинским циклом, послужившим каноном для поэта.

Поэтический сборник «Подражания Корану» А.С. Пушкина, написанный в 1824 году, способствовал заметному росту интереса к Корану в самых широких слоях читателей. Появление лирического цикла А.С. Пушкина повлекло за собой разнообразные подражания великой книге мусульман. Так в начале 1828 года писатель и переводчик А.Г. Ротчев выпустил сборник стихотворений «Подражания Корану», с посвящением Е.П. Гагариной. Критики писали, что это собрание двенадцати пьес, содержание которых взято из Корана и в которых автор идет по следам А.С. Пушкина. Действительно, в этих стихах, написанных на восточную тему, чувствуется подражание великому поэту. В данной статье мы попытаемся выявить связь между «Подражаниями Корану» А.Г. Ротчева и одноименным лирическим циклом А.С. Пушкина.

Поэтический сборник А.Г. Ротчева состоит из двенадцати «Подражаний». Первое «Подражание» поэта с самого начала отсылает читателя к пушкинскому циклу: «Клянусь коня волнистой гривой...». Два катрена у А.Г. Ротчева представляют собой клятвы Аллаха гривой коня, брызгом искр его копыт, вечернею зарею, утра блеском золотым. Сравнительно у А.С. Пушкина: «Клянусь четой и нечетой, / Клянусь мечом и правой битвой, / Клянусь утренней звездой, / Клянусь вечернею молитвой...» [4, 314]. То, что А.Г. Ротчев с первых строк своих «Подражаний Корану» отсылает нас к А.С. Пушкину, наводит на мысль о том, что поэт взял за образец не столько священную книгу мусульман, сколько пушкинский цикл и руководствовался им при написании своего произведения. Переключка первого подражания А.Г. Ротчева возникает не только в словах клятвы. Третий катрен первого подражания поэта «Не он ли яркими огнями / Зажег сей беспредельный свод...» переключается с третьим же катреном А.С. Пушкина: «Не я ль в день жажды напоил / Тебя пустынными водами...». И в том, и в другом подражаниях звучит мысль о всемогуществе Аллаха, о том, что Аллах всегда рядом и готов прийти на помощь каждому верующему. И наконец, первые «Подражания» лирических циклов обоих поэтов заканчиваются своеобразным напутствием. Разница между этими «Подражаниями» в том, что у А.С. Пушкина Аллах говорит от своего имени (как и в Коране, о чем напоминает поэт в примечании к названию цикла), а у А.Г. Ротчева от имени пророка. Исходя из этого, главная мысль пушкинского «Подражания» - поддержать пророка в трудные для него времена, вселить уверенность в собственных силах, доказать, что всемогущий Аллах всегда рядом и готов прийти на помощь, а у А.Г. Ротчева главная мысль «Подражания» – Аллах всемогущ, справедлив и без веры в него человек не узнает истинного счастья.

Второе «Подражание» сборника состоит из двух частей. Первая часть рисует картину жизни преступника, которого скоро достигнет кара Аллаха. Вторая часть противопоставлена первой: в ней автор изображает жизнь после смерти праведного человека, попадающего не небо и постигающего «все радости, все наслажденья рая». Первая часть «Подражания» переключается с окончанием пушкинского «Смутясь, нахмурился пророк». Вновь звучит мысль о всемогуществе Бога и неминуемом наказании, которое достигнет каждого «нечестивого».

Главная мысль третьего «Подражания» А.Г. Ротчева – не стремись постичь всемогущего Творца, потому что Творец непостижим для простого смертного. Помни, что вечна лишь природа («звезды», «безоблачный свод», «луна», «полдневное светило»), и в каждой ее части Бог. Молись природе и Богу, то есть тому, чтоечно.

«Подражание» А.Г. Ротчева «Когда в единый день творенья» о человеке, Сатане и Творце. Аллах называет возникшего из праха человека «венцом своего созданья», «обладателем гордой воли и власти Аллаха» и просит природу покориться «пред мощной волею его». Лишь один Сатана не преклоняется перед человеком, и за это он поражен проклятием Творца.

«Подражание» «Злодей один, от вечного забвенный» о человеке, который совершает намеренное преступление, а потом «к обители священной стремится свой дух...». Аллах гневно восклицает на это: «Молитва злых сокрыта предо мной!» [3, 12]. Молитвы тех, кто нарушает нравственные законы, не покрывают их злодеяний. Творец глух к таким молитвам. Аллах и его пророк призывают жить праведно, не преступая законов.

Стихотворение «Младые отроки с мольбой» является прямым подражанием пушкинскому «И путник усталый на бога роптал». Великий поэт из краткого изложения 261 аята суры «Крава» создал законченную картину. При этом А.С. Пушкин отбросил аллегорическую часть (воскрешение как доказательство мощи Аллаха) и все развитие сюжета подчинил мотиву возрождения, смены усталости бодростью и силой. Та же мысль в «Подражании» А.Г. Ротчева. Младые отроки, возвещающие закон, но встречающие на своем пути только непонимание народа, оказываются во власти порока. Аллах усыпляет их на века. После пробуждения, «забыв о прежнем зле, / Бодрее отроки восстали: / Народы всюду ликовали, / Светлее стало на земле» [3, 17]. Таким образом, в «Подражании» А.Г. Ротчева, так же как в «Подражании» А.С. Пушкина, на первый план вышла не тема воскрешения (как в Коране), а тема возвращения к людям бодрости, силы, смены уныния на радость и ликование.

Восьмое «Подражание» сборника о богаче, хвалящем свое богатое имение, обильные сады с плодами, считающем, что «его блаженство без конца» и потому забывшем Бога. Нищий, которому богач хвалится своими благами, предупреждает о неминуемой каре Аллаха. Действительно, утром после разговора

богач увидел опустошенные грозой сады и нивы. Это «Подражание» вновь отсылает нас к пушкинскому циклу. В третьем «Подражании» великого поэта гневные слова Аллаха о ничтожности человека, о том, что Бог может умертвить и воскресить по своей воле, что только Бог может дать и отнять. Мысль о всесильности Бога и незначительности человека проходит красной нитью в «Подражаниях» обоих поэтов.

Следующее «Подражание» восходит к 28 суре Корана (аяты 14-35), в которой повествуется об одном из пророков Аллаха Мусе (Моисее) и утеснителе народа Фараоне. Главной мыслью этого стихотворения является мысль о том, что Аллах всепрощающий и милостивый, готовый простить раскаявшегося грешника, в то же время всевышний всегда встает на защиту верующих и наказывает безбожников. Девятое «Подражание» А.Г. Ротчева имеет переключку с третьим, четвертым и пятым «Подражаниями» А.С. Пушкина, хотя прямо с ними не связано.

Стихотворение «Творец! Народ твой позабыл» также описывает эпизод из жизни одного из пророков Аллаха Ибрахима (Авраама), имя которого неоднократно упоминается в Коране. «Подражание» восходит к 21 суре (аяты 52-69). Стихотворение прославляет пророка Ибрахима (Авраама) за бесстрашие и неуклонную веру в Аллаха.

«Подражание» «Сильна, Творец, твоя рука!» переключается с окончанием третьего «Подражания» А.С. Пушкина о Судном дне. Смысловая переключка отмечается в строчках: «но дважды ангел вострубит» / «труба впервые прогремит», «и все пред Бога притекут» / «все понесутся к трону Бога», «обезображенные страхом» / «сердца исполнятся тревогой». Тема величия и могущества Бога звучит в каждой строчке «Подражания» А.Г. Ротчева.

Последнее «Подражание» А.Г. Ротчева представляет собой обращение Аллаха к пророку Магомету. Стихотворение заканчивается своеобразным приказом: «О Магомет! Реки творенью: «Сильна Великого рука!» [3, 29]. Подобные обращения встречаются и в пушкинских «Подражаниях». Последние строчки стихотворения: «Да не созиждут храм спасенью / На бреге зыбкого песка!» представляют собой метафору. Это грозное предупреждение Аллаха о создании храма спасения в душе каждого человека.

Итак, проведя подробный анализ по сравнению «Подражаний Корану» А.Г. Ротчева с одноименным лирическим циклом А.С. Пушкина, делаем следующие выводы. Почти в каждом стихотворении А.Г. Ротчева чувствуется подражание великому поэту. Несколько «Подражаний» основано на одинаковых сурах и аятах и повествуют об одних и тех же событиях, описанных в священной книге мусульман. Нередки и словесные совпадения. Все это приводит к мысли о том, что поэт взял за образец не столько сам Коран, сколько пушкинский цикл, ставший для А.Г. Ротчева своеобразным каноном при написании своего произведения.

Список использованных источников

1. Климович Л.И. Книга о Коране. – М., 1986.
2. Коран. Перевод И.Ю. Крачковского. – М., 1990.
3. Подражания Корану А. Ротчева. – М., 1828.
4. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 17 т. Т. 2 (кн. 1) / Художник С. Богачев. – М.: Воскресенье, 1994. – 568 с.: ил.

УДК 82-1

С.Ю. Бондарь

*Кузбасская государственная педагогическая академия
г. Новокузнецк, Россия*

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА РУССКОЙ И ШОРСКОЙ КУЛЬТУР

В данной работе диалог русской и шорской культур рассматривается на фольклорном материале, а также в ходе анализа стихотворений Сергея Есенина «Береза» и шорского поэта Степана Торбокова «Белая береза».

Исторически обусловленное соседство на территории Кузнецкого края шорского и русского народов, их мирное сосуществование переросло в диалог.

Объектом нашего исследования является диалог как духовная встреча разных культур (русской и шорской). Проблему сопряжения в фольклоре, а также влияния и заимствования в литературе мы рассматриваем в ходе сопоставительного анализа произведений разных народов.

Русский и шорский фольклор не связаны ни исторической зависимостью, ни хронологией, но их сопряжение возможно. Происходит это в сознании реципиентов, знакомых с русской и шорской культурой, когда они читают фольклорные тексты. Возникающие параллели углубляют восприятие, обнаружив-

вая национальный колорит произведений, а также мировидение народа, его образное мышление, нравственные законы, быт, традиции.

Особенно плодотворным оказывается диалог при углубленном научном исследовании разных фольклорных жанров. Пример тому – труды В.Я. Проппа. Его монография «Русский героический эпос» представляет собой анализ изучаемого предмета в широком контексте, с учетом разнообразных диалогических связей. Восстанавливая самый древний несохранившийся пласт русского эпоса, ученый опирается на концепцию А.Н. Веселовского о сходстве в словесно-художественном творчестве разных народов, находящихся на одинаковой стадии общественного развития, даже при отсутствии влияния. В.Я. Пропп сопоставляет эпические сказания разных народов, в том числе и шорские, обнаруживает в них принципы общности и таким образом определяет содержание русского древнего эпоса.

Содержанием эпоса у всех народов является борьба и победа, причем «борьба ведется не за узкие, мелкие цели, не за личную судьбу, не за частное благополучие героя, а за самые высокие идеалы народа в данную эпоху» [6, с.5].

Борьба за создание семьи – это важный содержательный элемент шорского героического эпоса, а значит и русского древнего эпоса, который появился в период разложения первобытнообщинного строя. Борьба за жену имела в то время общественно-значимый характер, так как отражала процесс рождения моногамной семьи – грозной силы, противопоставленной роду. Например, шорское сказание «Кан Перген» начинается с рассказа о брачной поездке героя к своей нареченной Алтын Торгу. Осуществление этой задачи сопряжено с препятствиями: «У подножья Золотой горы /С шестьюдесятью перевалами / Алтын Кана дочь живет...» [3, с.270]. Кроме длительного пути, перевалов, Кан Пергена ждут и другие испытания: участие в состязаниях, битва с врагами.

Типичный для любого народа сюжет героического эпоса (борьба и победа) дополнялся мотивами, имеющими национальный колорит. Борьба против уплаты дани ханам-захватчикам, обложившим народ албаном (данью) – важный мотив шорского эпоса, обусловленный историческими судьбами народа. Воплощением стихийных сил, враждебных народу начал являются и всякого рода чудовища: марал (морское чудовище, пожирающее людей) в шорском эпосе, а в русском эпосе это Змей, Идолище, Тугарин, Соловей-разбойник.

Весьма разнообразной может быть и трактовка персонажей. Герой шорского эпоса – богатырь, вождь своего народа. В поэме «Кан Перген» герой, успешно завершив свою поездку, идет на битву. Гиперболизация, характерный прием эпоса, позволяет сделать невозможное возможным: действия героя выходят за пределы обыденного поступка и превращаются в подвиг. Все подвиги шорский эпический герой совершает один. Мы не можем охарактеризовать персонажей древнего русского эпоса, а герои поздних эпических поэм русского фольклора богатыри-воины группируются вокруг одного лица (например, Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович служат киевскому князю Владимиру).

И все-таки главное, что обнаруживает сопоставление, – это общность нравственных принципов, которые в то же время являются общечеловеческими ценностями. Бескорыстие и великодушие, способность к состраданию и подвигу во имя народа, самоотверженность в борьбе с врагами – вот те качества героев и шорского, и русского эпоса, богатырей, которые в сознании народов были воплощением высокой нравственности. Так эпос выступает выражением и общечеловеческих ценностей, и национальной самобытности.

Другой аспект диалогических отношений соседних культур обусловлен проблемами влияния и заимствования. С возникновением шорской литературы диалог культур получает особое развитие, так как авторы-шорцы, впитавшие все особенности своего фольклора и являющиеся носителями национального самосознания, осваивают также и культуру соседнего народа – русского.

Отражая в произведении историю и современную жизнь своего народа, шорский поэт С. Торбоков нередко заимствовал мотивы русской литературы, наполняя их своим содержанием. Яркий тому пример – его стихотворение «Белая береза», в котором ошутимы переключки с есенинской «Березой».

Береза традиционно считается символом России. Известная поэтическая формула – «Чета белеющих берез» – впервые возникла в стихотворении М. Лермонтова «Родина», хотя образ березы широко бытовал в русском фольклоре.

У Есенина береза – это конкретизация того мифологического образа дерева, который являл в мировосприятии древних славян центр мироздания. «От этого «вечного», «неколебимого» фольклорного древа, имя которому жизнь, и берут начало есенинские «древесные» образы» [5, с.59].

Уже в раннем стихотворении Есенина «Береза» (1914) обнаруживаются мифологические мотивы, репродукция которых едва ли могла осуществляться поэтом сознательно. Связанный глубокими корнями с русской народной культурой, ее обрядами, искусством, Есенин находит словесное выражение традиционным образам из славянской мифологии, творя свой мир, свою поэтическую вселенную, где береза – один из главных «древесных образов».

В начале стихотворения «белая береза» – деталь картины, включающей дом. Воображение рисует образ дома по одному значимому сигналу – окну («под моим окном»). Но в процессе развертывания лирического сюжета береза становится центром пространства, пространства ничем не ограниченного – всей вселенной, а вокруг совершается движение – жизнь («А заря лениво / Обходя кругом...» [1,с.36]). Так есенинская пейзажная зарисовка становится выражением мифологического слоя славянской культуры.

«Белая береза» Торбокова, написанная в 1950 – 1960 годы с явной ориентацией на стихотворение Есенина, раскрывает совсем другое мировидение. Шорский поэт почти точно повторяет ритмический рисунок есенинского текста: трехстопный хорей с многочисленными пиррихиями. Но ритм у Есенина более плавный и напевный, напоминающий колыбельную песню, благодаря ассонансам («Белая береза / Под моим окном»), обилию прилагательных при небольшом количестве глаголов. В стихотворении же шорского поэта, несмотря на общую напевную интонацию, ощутима динамика, стремительность, которая рождается не только глаголами, но и синтаксисом (многоточия, тире), темой. В основу произведения Торбокова положена легенда о появлении березы в Шории. Трудно сказать, реальна ли основа легенды. По записям Н.П. Дыренковой известно, что у шорцев существовал ритуал, посвященный празднику Березы: после вскрытия реки Кондомы жители каждого улуса украшали свою заветную березу, совершали обряд кропления, связывая с этим деревом благоденствие и жизнь членов рода [4,с.339]. Под влиянием русской традиции Торбоков представляет березу в том же ключе, что и Есенин, как символ России, не обращаясь к своим национальным обрядам, ритуалам, которые, вероятно, в XX веке уже были утрачены, а сохранились только в записях. И все-таки сопоставление двух поэтических произведений о березе из разных литератур демонстрирует не только факт влияния или заимствования, но и национальные особенности художественного видения. Есенин описывает березу в зимнем убранстве, используя яркие сравнения («точно серебром»), цветопись (серебро, белизна, золото) многочисленные олицетворения, которые не только передают красоту дерева, но и рожают ассоциацию с образом русской девушки в нежном праздничном наряде. Это впечатление усиливается связью образа с другим есенинским стихотворением «Зеленая прическа», где слито воедино человеческое и природное. Элементы антропоморфизма, характерные для русского фольклора, отсутствуют в тексте шорского поэта, где береза предстает в совершенно ином воплощении. Торбоков, апеллируя к есенинскому тексту, соглашается: «Хороша береза /Летом и зимой», но описывает ее иначе, подмечая конкретные детали, связанные со зрительными, обонятельными ощущениями: «тонкая береста», «крапинки», «длинные сережки», «запашистый лист» [2,с.11]. Эти характеристики в первую очередь говорят о житейской практичности, свойственной шорскому народу. Русскому национальному сознанию присуще иное отношение к миру – созерцательное, что проявлялось в стремлении опозитизировать все вокруг, даже повседневность.

Описание березы не является главной задачей Торбокова, которому важно передать «стародавний сказ», утвердить мысль о дружеском сосуществовании народов, их братской помощи друг другу. Национальный колорит создается не только легендой, но и поэтической лексикой. Так складывается представление о жизни шорского народа («шор-кижи»), его поселениях («улусах»), а свист «джунгарских стрел» показывает драматические стороны его истории.

Итак, один художественный образ (береза) в двух стихотворениях из русской и шорской поэзии ярко представляет национальное своеобразие каждого народа, его самобытность.

Идея сопряжения словесно-художественных культур весьма плодотворна – это очевидный факт. Проведенные нами сопоставления некоторых произведений в очередной раз подтверждают эту мысль, а также показывают взаимодействие русской и шорской культур, которое стало полнокровным диалогом.

Список использованных источников

1. Есенин С.А. Сочинения / С.А.Есенин. – М.: Худож. лит.,1988. – 703 с.
2. Торбоков С.С. Моя Горная Шория: стихи, сказания, сказки, загадки / С. С. Торбоков. – Новокузнецк, 1995. – 94 с.
3. Шорские героические сказания. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Т.17. – Москва, Новосибирск,1998. – 462 с.
4. Шорский фольклор / Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н.П. Дыренковой. – М.-Л., Изд-во АН СССР, 1940. – 448 с.
5. Марченко А.А. Поэтический мир Есенина / А.А. Марченко. – М., 1989. – 304 с.
6. Пропп В.Я. Русский героический эпос / В.Я. Пропп. – М., 1958. – 368 с.

А. Г. Казанцев

Курганский государственный университет

г. Курган, Россия

СУДЬБА ПОКОЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ Б. Б. РЫЖЕГО

В докладе рассматриваются основные черты поколения Рыжего, состояние которого характеризуется пересмотром ценностей и поиском новых нравственных ориентиров. Лирический герой стихов Бориса Рыжего несёт в себе черты типичного представителя своего поколения, основной чертой которого является состояние внутреннего поиска.

Борис Борисович Рыжий (1974 — 2001) — уральский поэт. Большую часть жизни прожил в городе Екатеринбурге (1). Это один из самых ярких поэтов рубежа XX — XXI веков.

Проблематика: в докладе рассматривается один из аспектов актуальной проблемы самоидентификации поколения 80х — 90х гг. XX в. в современной поэзии. Объект исследования: поэзия Бориса Рыжего. Самоидентификация поколения впервые определяется в текстах поэта. Достигнутый уровень: в процессе исследования рассмотрены отдельные мотивные составляющие, выделены концепты эпохи, вычленены типологические черты поколения. Область применения: изучение в курсах современной русской литературы.

Биографически Рыжий относится к новому «потерянному поколению», чьё мировоззрение сформировалось иронией и презрением к идеологемам умирающей советской эпохи. Представителей этого поколения можно условно разделить на две группы: тех, кто «выплыл» в новую эпоху, и тех, кто остался «у разбитого корыта». На наш взгляд, Рыжий не принадлежал ни к тем, ни к другим. Он просто пытался осмыслить смену эпох с философской точки зрения.

Наверное, не случайно Бориса Рыжего называют последним советским поэтом. В некоторых его стихах возникает атмосфера советской эпохи. При этом лирический герой как будто тоскует по ней. Примером является стихотворение «Кино» (1997) (2, 44—45):

Вдруг вспомнятся восьмидесятые
с толпой у кинотеатра
«Заря», ребята волосатые
и оттепель вначале марта.

Автор связывает эпоху не только со своими личными впечатлениями, но и создаёт объективную картину того, что происходило в Советском Союзе восьмидесятых годов:

Привозят джинсы из америки
и продают за ползарплаты
определившиеся в скверике
интеллигентные ребята.

Причём если во второй строфе описываются события общегосударственного значения: «чугун изрядно плавится», «проектируются танки», — и всё это представляется очень масштабным, то в третьей автор говорит о специфическом явлении восьмидесятых годов, тоже охватившем всю страну, хотя официально считавшемся незаконным (и называвшемся «фарцовкой»): «привозят джинсы из америки / и продают за ползарплаты / ... интеллигентные ребята». При описании видимого внешнего благополучия страны нарочно подчёркиваются явления, порочащие «добрую» мораль социалистического государства. На наш взгляд, такой подход помогает автору всесторонне охватить судьбу молодого поколения восьмидесятых, потому что лирический герой — как представитель этого поколения — впитывает в себя, с одной стороны, советскую идеологию, а с другой стороны, антисоветские тенденции как результат «тлетворного влияния» Запада. Но наше внимание привлекает то, что сам лирический герой не придерживается ни «порядочной» советской морали, ни прозападных тенденций, пришедших в страну в эпоху восьмидесятых.

Если рассматривать текст стихотворения с филологической точки зрения, то привлекает внимание слово «америка», написанное автором с маленькой буквы. Вряд ли этот приём является средством выражения пренебрежения к государству — сопернику Советского Союза в борьбе за статус сверхдержавы. Тем более, если взять во внимание тот факт, что сам Борис Рыжий не проявлял особого интереса к политике. Мы предполагаем, что употреблением слова «америка» Рыжий всего лишь подчёркивает то, что джинсы «интеллигентные ребята» привозили не из какого-нибудь советского города, а из-за границы вообще. Потому что он не использует официального названия конкретной страны — «Соединённые Штаты Америки». Он употребляет слово «америка», разделяя мир по принципу «наши — не наши». Слово «америка», скорее всего, приобретает у поэта обобщённый характер (как и слово «запад»), потому и пишется с маленькой буквы. Хотя и в этом можно усмотреть деление мира на «своих» и «чужих», а значит, и позицию автора. Он был представителем поколения, родившегося ещё в эпоху Советского Союза и воспитан-

ного на идеалах социалистического строя, но оказавшегося после распада СССР в новой стране, в которой старую идеологию уже отвергли, а новая идеология ещё до конца не сформировалась. И автор выражал взгляды этого поколения.

Состояние поиска ценностных ориентиров (связанное с пересмотром политических взглядов) находит отражение в четвёртой строфе:

А на балконе комсомолочка
стоит немножечко помята,
она летала, как Дюймовочка,
всю ночь в объятьях депутата.

В этой строфе автор «сочетает несочетаемое»: с одной стороны, действующими лицами являются советские люди — депутат и «комсомолочка», а с другой, их поведение противоречит нормам «советской морали». Но и здесь автор не даёт ярких и категоричных оценок. Только в слове «комсомолочка» он с целью создания иронии использует уменьшительно-ласкательный суффикс.

Таким образом, в стихотворении «Кино» отражается состояние поколения, к которому относился и сам Борис Рыжий. И это состояние характеризуется пересмотром ценностей и поиском новых нравственных ориентиров.

Весьма своеобразно раскрывается судьба поколения в стихотворении «Там вечером Есенина читали...» (1997) (2, 48—49). Лирический герой опять вспоминает прошлое, которое дорого ему:

Там вечером Есенина читали,
портвейн глушили, в домино играли.

Лирический герой — представитель рабочей окраины провинциального города (в этом сказалась биография самого Бориса Рыжего). И именно с этой позиции он смотрит на всё происходящее. В герое тесно переплелись положительные и отрицательные черты типичного представителя этой рабочей окраины. С одной стороны, он начитан и высоко ценит поэзию: «Там вечером Есенина читали...». Но с другой, он тут же заявляет: «Там... / портвейн глушили, в домино играли», — и ставит это наравне с поэзией. И у героя даже не возникает мысли, что алкоголь и азартные игры совсем не красят ни его самого, ни его окружение. Для него такое «сочетание несочетаемого» — в порядке вещей. Лирический герой бравирует, чтобы казаться «своим» в окружении жителей рабочей окраины.

Герой вспоминает прошлое легко и без принуждения:

Тот скверик возле мясокомбината
я помню, и напоминать не надо.

Возможно, это объясняется тем, что советская эпоха ассоциируется у него с детством. И опять же, сказывается биография реального Бориса Рыжего, которому в 1980 году исполнилось 6 лет. Потому что лирический герой, вспоминая восьмидесятый год, произносит фразу: «Мне через месяц в школу...» То есть, ему лет шесть-семь.

Вспомнив прошлое, герой возвращается к действительности:

Семнадцать лет прошло, и я вернулся...
...Где же вы, ребята,
теперь?

Скорее всего, он обращается к тем людям, которые в восьмидесятом году «портвейн глушили» и «в домино играли». Лирический герой знал их, но судьба их развела.

В душе героя остались только воспоминания о прошлом — но это прошлое окрашено для него в светлые тона:

В моей душе ещё живёт Есенин,
СССР, разруха, домино.

И снова судьба поколения в данном стихотворении сложилась таким образом, что герои все потерялись. Лирический герой не знает, где они теперь, а значит, он опять оказывается в состоянии поиска, которое охватывает весь его внутренний мир. «Семнадцать лет прошло», настали другие времена, и герой снова ищет нравственные ориентиры. Он опять оказывается в состоянии пересмотра ценностей, которое характеризуется нестабильностью. Именно поэтому герой в радостных тонах вспоминает прошлое, когда для него всё было стабильно и определённо.

Таким образом, судьба поколения находит отражение в ряде стихов Бориса Рыжего. Лирический герой этих стихотворений несёт в себе черты типичного представителя своего поколения, основной чертой которого является состояние внутреннего поиска. С одной стороны, это приводит к неопределённости в душе героя, а с другой, состояние поиска нравственных ориентиров свидетельствует о том, что герой постоянно развивается и совершенствуется, но при этом не отрывается от своего поколения, являясь его типичным представителем.

Список использованных источников

1. Борис Рыжий // <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Рыжий Б. Б. Типа песня. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 352 с.

УДК 830(091)

Я.С. Рейзвих

*Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Россия*

**АКТУАЛИЗАЦИЯ АРХЕТИПА ТРИКСТЕРА
В РОМАНЕ ГЕНРИХА БЁЛЛЯ «ГЛАЗАМИ КЛОУНА»**

В работе рассматривается литературное выражение архетипа трикстера в романе Генриха Бёлля «Глазами клоуна», анализируется совпадение сюжетной схемы романа с традициями трикстерской схемы и выявляются причина актуализации данного архетипа.

Образ трикстера не нов ни для литературы, ни для литературоведения, что и закономерно, Юнг называл его архетипом, т.е. «первопереживанием, запечатлевшимся в коллективном бессознательном» [1]. Черты трикстера проглядывают во многих литературных и сказочных героях: так, «трикстерствуют» и Рейнеке-лис, и Уленшпигель, и Одиссей, и Илья Муромец, и даже Мерлин с Гамлетом.

Это образ являет собой более сложную конструкцию, нежели образ шута. Трикстер более синкретично и непротиворечиво связывает воедино извечные дихотомии: жизнь и смерть, хаос и систему, закон и беззаконие. Этот архетип – «одновременно и человек, и сверхчеловек; и животное, и божественное создание», главной характеристикой которого является бессознательность. В трикстере первичное разделение между королем (богом/ героем) и шутком (тенью) еще не произошло: он одновременно благороден и низок, ни одна характеристика в нем не существует без своей (равной по силе) противоположной характеристики.

«Открытие» образа трикстера произошло в XX веке; очевидно, что после появления архетипического литературоведения, было написано множество текстов, идеально «подогнанных» под схему архетипического разбора. Но для того, чтобы выявить именно бессознательный и глубинный характер архетипа, укоренного в культуре и вновь актуализированного, следует обратиться не к таким «сконструированным» произведениям, но к тем, где уровень архетипа скрыт под другими.

Д.А. Гаврилов систематизирует некоторые типические характеристики образа трикстера; среди них – элемент хаоса, провокация системы, умение справиться с любой ситуацией, некоторая нарочитая аморальность, наивность и хитроумие одновременно, игра как смысл жизни, факультативность пола и возраста [2].

Роман Генриха Бёлля «Глазами клоуна», с момента выхода вызывавший неоднозначную реакцию, – примечательный материал для анализа [3]. Роман можно проанализировать через раскрытие образа трикстера, рассмотрев текст на трёх уровнях: текстовом уровне-1 (номинативные и дескриптивные характеристики), текстовом уровне-2 (сюжетная линия) и надтекстовом уровне (табл. 1).

Совпадение характеристик персонажа с типичными характеристиками трикстера, выявленное на нескольких уровнях, не является нарочным, так как Генрих Бёлль не «подгонял» роман под эту схему, следовательно, можно поставить вопрос о том, почему же актуализировалась данная мифологема.

Ответом на этот вопрос может послужить последний пункт в таблице 1, а именно, отношение к системе. Как следует из анализа, герой Генриха Бёлля не бунтарь, готовый сокрушить все на свете, пусть даже ради разрушения лживой системы. Его схема поведения является чисто трикстерской: отказ от двух стереотипных моделей поведения (от принятия системы и от полного её разрушения) и выбор собственного пути («пассивное бунтарство»).

По Бёллю, механизм поведения трикстера становится единственно возможным для всякого культурного и тонко чувствующего человека, сознательно отказывающегося от социальных и политических институтов, но все так же принимающего истинные ценности жизни.

«Духовная оппозиция» Ганса Шнира привносит в существующую систему элемент беспорядка, хаоса, возможно, сильнее лишая её опоры расшатыванием изнутри.

Таким образом, можно выделить следующие причины актуализации архетипа трикстера в романе «Глазами клоуна» Генриха Бёлля:

1. Субъективно-биографическая: чувство сопричастности времени и современникам с одной стороны, и чувство вины за прошлое. Отсюда: несогласие с системой внутри нее (участвовал в войне, не эмигрировал)

2. Литературная традиция: выбор образа шута для выражения авторских идей, при этом персонаж формально дистанцируется от автора

3. Изменения в историко-культурной парадигме: приятие «пассивного бунта», отказ от насилия и кровопролития, соединяющийся с невозможностью для любого культурного человека существовать в рамках жесткой и лживой системы.

Таблица 1

	Примеры из текста	Отражение хар-к трикстера
Текстовый уровень: Номинативные и дескриптивные характеристики		
Имя Сравнения Дуальные хар-ки	<p><u>Ганс</u> (от Гансвюрста, немецкого «Петрушки»)</p> <p><u>Шнир</u> – нем. Schnier «закрученный, сложный»</p> <p>С Пьеро: «я был бы неплохим Пьеро»,</p> <p><u>Глаза</u>: «звериная тоска в глазах»</p> <p><u>Мертвое - живое</u> («я был мертв. Только глаза мои были живы»; «Я верю, что живые могут быть мертвыми, а мертвые живыми»)</p> <p><u>Мужское-женское</u> (представление ситуации глазами своей возлюбленной Марии)</p> <p>Детское-зрелое (точка зрения в детских воспоминаниях совпадает с точкой зрения взрослого персонажа)</p>	<p>Связь с народной смеховой культурой</p> <p>Зооморфизм</p> <p>Амбивалентность существования</p> <p>Факультативность пола и возраста</p>
Текстовый уровень: сюжетная линия		
Профессия Провокация Эксцентричность поведения Аморальность	<p>Клоун (а именно, белый клоун)</p> <p>Эпатирующие окружающих действия и вопросы (например, разговор со старичком из духовной семинарии)</p> <p>«Ощущает» запахи по телефону</p> <p>Пьянство</p>	<p>Смеховое начало</p> <p>Сверхспособности</p> <p>Аморальность как эпатаж</p>
Надтекстовый уровень		
<p>Разрушение двух структур:</p> <p>1) протест против существующей морали, лживой системы</p> <p>2) отказ от бунтарства и хаоса, сохранение системности в себе</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Лингвистические средства: каламбуры, афоризмы, парадоксы, прием иронии (т.е. логические нарушения речи) • Поведение главного героя: нарочитый вызов, эксцентрика • Хронотоп: время – роман описывает события одного дня, но линейность времени размывают многочисленные вставки воспоминаний-пояснений; пространство формально Шнир находится в своей квартире на протяжении всего повествования, но звонки по телефону и воспоминания разрушают единство пространства, • Приверженность истинным моральным ценностям, жесткая система принципов (однолюб, говорит правду) • Защита от хаоса: строгий распорядок дня, пантомима («мне было приятно, что я с такой небрежностью проделываю всю эту точно разработанную процедуру») • Концовка романа: отказ от активного бунта 	<p>См. у Е.М. Мелетинского о том, почему шут может быть трагичен: « он разрушает любое совершенство, в том числе, и совершенство смеха» [4].</p>

Список использованной литературы

1. Юнг К.Г. О психологии образа трикстера. [Электронный ресурс] // Послесловие к книге Радина «Трикстер - мифы североамериканских индейцев». - Режим доступа: <http://www.jungland.ru/node/1594>
2. Гаврилов Д.А. ТрюкачЛицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре. - М.: Издательство «Ганга» при участии ИЦ «Слава!», 2009. - 288 с. - ISBN 978-5-98882-096-3.
3. Белль Г. Глазами клоуна. - М.: Издательский дом Мещерякова, 2009. - 288 с. - ISBN 978-5-91045-103-6.
4. Мелетинский Е.М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов / Е. М. Мелетинский // Литературные архетипы и универсалии- М.: РГГУ, 2001. - 433 с. - ISBN 5-7281-0253-0.

УДК 821.112.2

И.В. Чёрная

Кишинёвский Государственный Университет
г. Кишинев, Республики Молдова

ГАХМУРЕТ И ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ «ПАРЦИФАЛЬ» ВОЛЬФРАМА ФОН ЭШЕНБАХА

В данной статье идет речь о супружеских связях Гахмурета и об идеальном браке с точки зрения автора средневекового немецкого романа «Парцифаль». Вольфрам фон Эшенбах считал, что идеальный брак основывается на любви, а не на политических и социально-экономических условиях общества.

По замыслу автора главной фигурой в начале романа становится Гахмурет, будущий отец Парцифаля, который выступает как рыцарь куртуазного общества и должен стать примером для знатной публики. Но у читателя сразу возникает вопрос, как Гахмурет может стать примером для других, если он оставляет свою жену Белакану в положении и отправляется на поиски новых «*adventure*» (СВН: „приключение“). Этот поступок имеет ряд причин, которые связаны с самой личностью персонажа и его характером, а именно, несовместимостью двух для Гахмурета характерных черт «*strit*» и «*minne*» (СВН: „борьба“ и „любовь, служение даме сердца“). К тому же невозможно осуждать его за то, что он женится во второй раз на Герцелойде, т.к. его первый брак был языческим. Заключенный с язычником или язычницей брак представлен Вольфрамом как ни к чему не обязывающий и может быть расторгнут после заключения брака с христианином или христианкой. Хотя, как утверждают историки, расторжение языческого брака в 1200 г. зависело от решения партнера-язычника, но у Вольфрама в романе данный факт описывается совершенно по-другому.

Как уже было сказано, «*strit*» и «*minne*» являются основными особенностями характера Гахмурета. Из этого возникают противоречия между куртуазной «*minne*» и браком. После смерти отца Гахмурет решает отправиться в странствия, чтобы познать вкус побед, испытать любовь и прославиться в бою [1; 6]. Старший брат Гахмурета тоже готов разделить с ним участь в «*aventure*», но остается править королевством Аншоувэ.

Гахмурет может остаться при дворе, но он выбирает судьбу рыцаря-воина, у которого, к сожалению, даже нет ленного поместья. Гахмурет надеется на признание и похвалу со стороны слабого пола. Его целями становятся «*pris*» и «*ere*» (СВН: „награда“ и „честь“) [1; 2]. Поэтому движущими силами борьбы могут быть только «любовь» и «награда» женщины.

Первый брак Гахмурета. Царица мавров Белакана и Гахмурет относятся к понятиям «любовь» и «награда» одинаково. Белакана готова с помощью любви побудить волю Гахмурета к борьбе. Рассказчик достоверно описывает, с первых минут их встречи, обоюдное влечение друг к другу, в кротком взгляде Белаканы отражена влюбленность, а любовь Гахмурета возрастает до страсти. В стремлении к «*pris*» на первый план выступает жажда любви. Этот порыв направлен на завоевание любви женщины, т.к. достижением этой цели является доказательством рыцарства. Но именно это становится для Гахмурета большой проблемой в первом браке, потому что для Гахмурета не существует любви без борьбы и борьбы без любви. Это сплетение разрывается после заключения брака. К этому добавляется еще одна проблема, рыцарь должен следовать кодексу чести. Поэтому Гахмурет решает покинуть свою царицу, т.к. он не может находиться в плену возникших внутренних противоречий.

Причину своего побега Гахмурет объясняет Белакане в своем прощальном письме [1; 49]. Другая причина всплывает уже на турнире в Конвалейсе, где Гахмурет говорит о «*huote*» (СВН: о „заботе“) Белаканы, которую она к нему проявляла. В прощальном письме Гахмурет пишет о возникших религиозных разногласиях в их отношениях, так как Белакана язычница. Возможно Гахмурету наскучила жизнь в Цазаманке и он не испытывает более той радости и удовольствия от брачных уз, как это было вначале супружества. Хотя он очень любит свою жену, стремление к рыцарским подвигам и победам переполняют

чашу его терпения. Гахмурет живет в постоянном конфликте двух жизненных принципов: между «*minne*» и «*strit*». Можно сделать вывод, что брак Гахмурета и Белаканы распался, т.к. Гахмурет не смог разрешить данный внутренний конфликт.

Гахмурет и Герцелойда. Гахмурет, увидя Герцелойду, был очарован ее красотой. Красота и изящные наряды дам придают атмосфере турнира оттенок эротичности и шарма. Рыцари знают о том, что придворные дамы с интересом смотрят на их внешность и рыцарские доспехи. Герцелойда еще перед турниром останавливает свой взгляд на Гахмурете. Она не принимает доводы Гахмурета, что касается законности заключения брака, т.к. он женат. Поэтому Герцелойда обращается в турнирский суд, который выносит решение, что Гахмурет должен, как победитель турнира, взять в жены королеву Вaleyса, и он подчиняется.

После первого брака с Белаконой Гахмурет стал мудрее, он не упускает возможности получить разрешение Герцелойды о ежемесячном участии в турнире [1; 68]. Таким образом, ему удается во втором браке жить в согласии со своими принципами. Чем явнее надежда на любовь, тем быстрее возрастает желание к борьбе. Гахмурет в полной мере вознагражден «любовью» своей госпожи. Вольфрам рассматривает роль женщины в идеальном браке как синтез двух образов – жены и музы. Он также вводит в сюжет рождение ребенка, что является счастливым событием в жизни супругов. Материнская любовь спасает Герцелойду от самоубийства после трагической смерти мужа.

Между двумя браками можно провести следующие параллели: Белакана и Герцелойда независимые правительницы земель, им нет необходимости выходить замуж по принуждению, они сами могут управлять своей жизнью и не принимать во внимание советы вассалов [2; 246].

И Белакана и Герцелойда берут на себя роль женщин, которые делают первыми предложение мужчине. Настоящие, страстные чувства женщины автор выводит на первый план. В этом отражено Вольфрамовское видение действительности, что противоречит этикету куртуазной культуры. Женщине предоставлена возможность выбора, она может сделать предложение мужчине. На примере Герцелойды и Белаканы мы видим, что их чувства искренни, они великодушны и щедры, так обе провозглашают Гахмурета правителем своих земель. В соответствии со своим положением Белакану и Герцелойду можно причислить к кругу знатного, высшего общества, что приводит к мысли о феодальном браке. Но в обоих случаях желание заключить брачный союз исходит из любовных чувств, а не из политических соображений. Конечно же, политика играет здесь не последнюю роль, но слова и поступки героев говорят о том, что брак заключался именно по любви. В случае с Белаконой желание выйти замуж и выбор мужа совпали, она могла бы и не выходить замуж за Гахмурета, но она делает этот выбор, потому что она страстно его любит.

Выбор супругов зависит от силы чувств и основан на симпатии. Брак предполагает обоюдное желание долгосрочных отношений. Вольфрам прославляет в романе брак, наполненный любовью и верностью, свободный от выгоды и обязательств, т.е. брак как одной из главных мирских ценностей жизни. Вольфрам создает, таким образом, концепцию христианско-рыцарского брака, которая в средневековье считалась новизной.

Реальная жизнь Вольфрамовского времени выглядела совсем по-другому. Очень редко при вступлении в брак учитывалась личная симпатия женщины. Главную роль играли политические, династические и экономические спекуляции отцов и братьев, которые воспринимали женщин как объект торга, сделки. Знатную молодую девушку или женщину не воспринимали как личность, и тем более не обращали внимания на её чувства, симпатии и, конечно же, отрицался самостоятельный выбор мужа. Собственное решение о браке не могло соперничать с социальными политическими функциями брака. С 1120 по 1220 гг. женщины выдавали замуж – это достоверный факт в истории средневековья [3; 14].

Возникает вопрос, почему Вольфрам представляет в романе брак не соответствующий реальности своего времени. Вероятно, он хотел создать контраст между внешними и внутренними условиями реальности. Так, два брака Гахмурета неразрывно связаны с общественной и политической выгодой, хотя сам Гахмурет не придает большого значения этому факту. Вольфрам создает тем самым двойственную картину общественной действительности, концепцию единства рыцарско-культурной «*minne*» и взаимных, чувственных, духовных отношений между мужчиной и женщиной. Этот контраст, конечно же, сразу бросается в глаза читателю. Вольфрам раскрывает своей публике секрет идеального брака и дает намек на существование в браке взаимной любви.

Вольфрама можно считать создателем своей собственной идеальной действительности и критиком феодального представления о браке.

Список использованных источников

1. Bumke, Joachim: *Wolfram von Eschenbach* Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2008.
2. Emmerling, Sonja: *Geschlechterbeziehungen in den Gawan -Büchern des „Parzival“* Max Niemeyer Verlag, Tübingen, 2003.

3. Wiegand Ernst, Herbert: *Studien zur Minne und Ehe in Wolframs Parzival und Hartmanns Artusepik* Walter de Gruyter - Berlin-New York, 1972.

4. Wolf, Alois *Ein maere willich niuwe, daz saget von grôzen triuwe*. Vom höfischen Roman Chrétien zum Meditationsgeflecht der Dichtung Wolframs, in: Lit. Jb. 26 (1985), S. 9-71.

УДК 82

М.А. Рябцева

*Кузбасская государственная педагогическая академия
г. Новокузнецк, Россия*

**УТРАЧЕННЫЙ РАЙ?..
(УСАДЕБНЫЙ ХРОНОТОП В РОМАНЕ И. ВО «ВОЗВРАЩЕНИЕ В БРАЙДСХЕД»)**

В докладе рассматриваются особенности функционирования усадебного хронотопа в романе Ивлины Во «Возвращение в Брайдсхед». Уделяется внимание как лингвистическим характеристикам самого романа, так и интертекстовым связям, сделана попытка проанализировать значение «усадебных» мотивов в романе И.Во как представителя литературы XX века.

В последние годы в науке наблюдается актуализация изучения феномена усадьбы (работы В. Г. Щукина, Т. М. Жапловой, Е. П. Зыковой и др.). Исследователи признают способность хронотопа усадьбы определять жанровое своеобразие произведения. Очевидно, что повышение интереса к этой теме в науке перекликается с психологической потребностью современного человека в атрибутах «изыщного века»: истинном аристократизме, культуре поведения и чувств, художественном вкусе.

Многие современные исследования вновь обращаются к «усадебным» романам XIX века – произведениям Дж. Остин, Е. Инчбальд, М. Эджворт. Нам показалось интересным рассмотреть, как трансформируются идеалы «усадебной» культуры в романе XX века. Исследований, посвящённых непосредственно этому вопросу, практически нет, что определяет новизну нашей работы, результаты которой могут быть использованы в преподавании истории зарубежной литературы в вузах, когда установление межтекстовых связей и прослеживание тенденций литературного процесса способствуют лучшему пониманию и усвоению предмета. Данное исследование может быть продолжено на материале других произведений зарубежной литературы, с привлечением текстов русской литературы и установлением межтекстовых и межкультурных связей.

Ивлину Во, заслужившему славу неотразимого сатирика, были присущи и совсем другие интонации – интонации лирика и тончайшего психолога, автора «Возвращения в Брайдсхед» и «Пригоршни праха», сочетавших в сатиру и глубокий, очень печальный лиризм. Моральными принципами, с которыми Во соотносил окружающий его мир, были традиционные устоявшиеся нормы жизни людей: честность, умеренность, доброта и порядочность. Идеалы, которые он стремился противопоставить капиталистическому обществу, Во искал в прошлом. Идеальным общественным укладом казался ему уклад старинных католических родов.

Идеал этот внеисторичен и фантастичен. Во писал, что, создавая «Возвращение в Брайдсхед», он «сознательно писал некролог обречённому высшему классу Англии» [3, с.278].

Во оказывается тонким пейзажистом-живописцем, свободно владеющим богатой палитрой поэтических сравнений. Дом, поместье, окрестности Брайдсхеда по праву могут считаться самостоятельными героями книги.

Достоинно внимания первое появление Брайдсхеда в романе. Это появление можно назвать призрачным. Не упоминается название поместья, не описан сам дом. И то, что он словно скрыт за полупрозрачной ширмой, придаёт ему особую значимость и притягательность. Его имя не произносится вслух, как имя святыни, сам дом скрыт от суетных глаз.

«— А как эта местность называется?»

Он ответил; и в ту же секунду словно кто-то выключил радио и голос, бубнивший у меня над ухом беспрестанно, бессмысленно день за днём, вдруг пресёкся; наступила великая тишина, сначала пустая, но постепенно, по мере того как возвращались ко мне потрясённые чувства, наполнявшаяся сладостными, простыми, давно забытыми звуками, ибо он назвал имя, которое было мне хорошо знакомо, волшебное имя такой древней силы, что при одном только его звуке призраки всех этих последних тощих лет средой понесли прочь.

<...>

С того места, где я стоял, дом не был виден за зелёным бугром, но я и без того знал, где и как он расположен, укрытый кронами лип, точно спящая лань папоротниками» [1, с.204-205].

Лексика, синтаксические конструкции, общий тон повествования – всё резко меняется, стоит только появиться Брайдсхеду. Эта контрастная перемена в сознании героя подчёркивается немудрыми комментариями взводного Хупера: «Ничего квартира. Просторная. <...> Очень живописно, я бы сказал. Интересно, там пристроена вроде католическая часовня, так в ней, когда я заглянул, по-моему, шла служба – один только падре и ещё какой-то старикан. А я влез как дурак. Мне это ни с какого боку, скорее по вашей части. <...> И ещё там здоровенный фонтанище перед главным входом – камни, камни и разное зверьё высечено» [1. с.205-206].

Название романа Ивлина Во содержит в себе дополнительный смысл, которого не отражает распространённый русский перевод — «Возвращение в Брайдсхед» (пер. И.Бернштейн). Буквально название романа 'Brideshead Revisited' переводится как «Вновь посещённый Брайдсхед». Так называется не только сам роман, но и его пролог и эпилог. Таким образом, текст закольцовывается на образе Брайдсхеда, что закрепляется названием второй, центральной книги романа – «Брайдсхед покинутый» ('Brideshead Deserted') — синтаксически построенной так же.

Синтаксически фраза 'Brideshead Revisited' представляет собой неполное предложение, где 'Brideshead' является подлежащим: 'Brideshead (is) Revisited'. Таким образом, происходит субъективизация неодушевлённого предмета. Уже в названии подчёркнута особая роль Брайдсхеда в повествовании.

Всему роману в целом присуща ассоциативность: само повествование есть воспоминание, рождённое видом старого дома, и названия частей романа есть интертекстовые цитаты. С Брайдсхедом связаны библейские мотивы: 'Brideshead Revisited' – почти 'Paradise Revisited'. Название первой книги — "Et In Arcadia Ego" («И я в Аркадии») – напоминает о классической литературе XVII-XVIII веков, где Аркадия являлась синонимом счастливой, беззаботной жизни. Название третьей книги романа – 'A Twitch Upon The Thread' («Стоит только дёрнуть за верёвочку») – цитата из рассказа Г.К.Честертон «Странные шаги».

Уже среди античных философов бытовало устойчивое представление о том, что современные им времена – эпоха дегенерации и распада. Европейское сознание унаследовало от античности легенду о золотом веке простоты – состоянии, от которого человек впоследствии отошёл, — и так или иначе скомбинировало её с представлением о последовательном социальном и материальном усовершенствовании мира, за которым непременно должен последовать период упадка. [2, с. 139-144]

Автор делает категорический вывод, что в современном мире нет места идиллии, т.к. жить современно – значит жить быстро, а романтические идеалы слишком громоздки для мира скоростей. Город врывается в замкнутое пространство старинных загородных домов. Дома Таппок-Магна-Холл и Брайдсхед, подобно человеку, живущему ностальгической мечтой о прошлом, не может найти место в настоящем, не вписывается в современную комфортабельную жизнь, обречены на упадок и разрушение.

В эклогах Вергилия Аркадия предстаёт не только как идиллическое место, но и как топос смерти: именно здесь, согласно Вергилию, разворачивается похоронная церемония в память Дафниса. Большой известностью пользуется картина Н.Пуссена, на которой изображены аркадские пастухи, неожиданно наткнувшиеся на надгробие с надписью 'Et in Arcadia ego' – "И в Аркадии я (есть)", т.е. смерть есть и в Аркадии. Существует и другое толкование этой фразы: «Я тоже жил в Аркадии». В тексте романа фраза 'Et in Arcadia ego' появляется дважды: в названии первой книги романа (где её логично интерпретировать как грустное воспоминание о счастливом прошлом) и на черепе, принадлежащем Чарльзу Райдеру в студенческие годы («Человеческий череп, приобретённый совсем недавно на медицинском факультете, а теперь лежащий в широкой вазе с розами и являющийся в настоящее время главным украшением моего стола; на лобной кости был выписан девиз: 'Et in Arcadia ego'») [1, с. 226-227]). Перед нами пример так называемого foreshadowing («предзнаменования»), осложнённого возможностью двоякой интерпретации.

Поместье семьи Флайтов Брайдсхед является в романе основным пространственным ориентиром. Брайдсхед фундаментален, капитален, он уходит корнями в историю, в нём текла жизнь нескольких поколений. Мудрость, накопленная ими, оставила свой след. Само представление об усадьбе как о «гнезде», «приюте», спасении особенно остро ставит вопрос о её эфемерности. И когда на рубеже XIX-XX веков эта тема встанет в реальности с особой остротой, в литературе она окажется лишь повторением мифологем, уже освоенных словесностью не только XIX, но даже и XVIII столетий [2, с.175].

Список использованных источников

1. Во И. Избранное: Сборник. Пер. с англ. Сост. и пред. Г.Анджапаридзе. – М: Прогресс, 1979. — 654 с.
2. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретённый рай. – 2-е изд. – М: ОГИ, 2008. — 528 с.: ил.
3. Ивашева В.В. Английская литература (XX век). – М: Просвещение, 1967. – 476 с.

УДК 80

Е.С. Обуткина, Р.З. Азнагулова

Сибайский институт Башкирского Государственного Университета,
г. Сибай, Россия

КОНЦЕПТОСФЕРА ТЕКСТОВ ДЕТЕКТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. КРИСТИ)

В последнее время повышен интерес лингвистов к тексту как средству хранения и передачи знаний в когнитивном аспекте, а также, в частности, недостаточно изучена структурная и концептуальная организация текста детектива и взаимодействия концептов «преступление», «преступник» и «сыщик», «их действия» в его концептосфере. В связи с этим в данной статье рассматриваются концептосферы, способы и средства репрезентации их базовых концептов и их взаимодействие в текстах английских детективов.

Когнитивный подход к исследованию текста представляет собой чрезвычайно важную и актуальную проблему современной лингвистики, так как текст является центральным объектом лингвистики. Функциональный аспект в изучении языка привел к выявлению коммуникативной единицы высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение. Такой единицей является *текст* единица динамическая, которая организовывается в условиях реальной коммуникации и, следовательно, обладает экстра- и интралингвистическими параметрами. Текст любого жанра имеет свое коммуникативное намерение. Коммуникативное намерение *текста детектива* – завлечь читателя, вызвать интерес, волнение, чувство как бы сопричастности с описываемыми событиями, заставить читателя строить догадки.

Объектом данного исследования являются тексты английских детективов, а **предметом** исследования являются их концептуальная организация, модели, способы и средства репрезентации таких базовых концептов, как «преступление», «преступник», «сыщик» в них и др.

Концептосфера текста детектива включает шесть типов денотатов:

I. *Денотат преступления*, который может быть представлен в качестве:

1) убийства–умышленное и неумышленное:

* "...Don't tell me it's absurd for a man of sixty to fall in love with a girl of twenty. It happens every day – and I dare say with an old autocrat like Sir Ambrose... *His mad jealousy became so great that he preferred killing her to letting her go to young Lorimer...*" [4, 104].

2) кражи:

* And not Mary alone was missing! *Two brooches and five rings of Miss Lavinia's, three rings, a pendant, a bracelet, and four brooches of Miss Emily's were missing also!*...

Young Mrs. Devereux had lost her diamonds which she kept in an unlocked drawer and also some valuable furs given to her as a wedding present. *The judge and his wife also had had jewellery taken and a certain amount of money. Mrs. Carmichael was the greatest sufferer.* Not only had she some very valuable jewels, but she also kept a large sum of money in the flat which had gone... It seemed clear that Mary, the perfect maid, had had keys to fit all the flats! [3, 198-199].

II. *Денотат преступника*, в качестве которого может выступать: мужчина [4], [5] или женщина [1], [2] или же группа лиц [3].

Свойства денотата преступника включают в себя:

1) описание внешности преступника:

* ...Poirot paused, and then added softly: "The official description of Elsa Hardt is: *Height 5 ft. 7, eyes blue, hair auburn, fair complexion, nose straight, no special distinguishing marks*" [2, 76].

2) описание характера, привычек, манер преступника:

* Miss Marple reassured him. "It will be all quite easy. *She's the kind of woman who will break down at once when she's taxed with the truth.* And then, you see, I've got her tape measure. I – er – abstracted it yesterday when I was trying on. When she misses it and thinks the police have got it – well, *she's quite an ignorant woman and she'll think it will prove the case against her in some way*" [1, 157].

III. Важную роль в зоне идентификации детективных произведений играет *денотат сыщика*. Последний в свою очередь может быть: мужского пола (Hercule Poirot [2], [5], Hastings [2]) и женского (Miss Marple [1], [3], [4]). К данной категории можно отнести:

1) описание внешности и личности сыщика:

* Miss Marple, that *sweet-faced* (and some said *vinegar-tongued*) *elderly spinster* who lived in the house next to the rectory... [1, 141].

2) описание характера, манер:

* Not that where women were concerned *Hercule Poirot carried his passion for geometrical precision* so far. *He was, on the contrary, old-fashioned.* He had a continental prejudice for curves – it might be said for voluptuous curves. *He liked women to be women.* He liked them lush, highly coloured, exotic [5, 3].

IV. Кроме того, базисная модель концептосферы текста детектива включает концепт *расследуемого* - чаще всего инспектор (Inspector Japp [2], Inspector Slack [3], Inspector Miller [5]).

* *Inspector Miller, who was in charge on the Clayton case, was not one of Poirot's favourites.* He was not, however, hostile on this occasion, merely contemptuous [5, 30].

V. Также можно выявить концепт *подозреваемого*:

* "...We started, all of us, by an assumption that was not true – the assumption that there were only two persons who had the opportunity of putting the body in the chest – that is to say, *Major Rich, or William Burgess.* But we were wrong – *there was a third person at the flat that evening who had an equally good opportunity to do so.*"

"And who was that?" demanded Miller sceptically. "The lift boy?"

"No. *Arnold Clayton.*"

"What? Concealed his own dead body? You're crazy" [5, 60].

VI. Концепт *пострадавшего (жертвы)* не менее важен:

* "Arnold was an extraordinary person. *He was all bottled up,* if you know what I mean. *I think he did know.* But he was the kind of man who would never have let on. *Anyone would think he was a dry stick with no feelings* at all. But *I'm pretty sure he wasn't like that underneath.* The queer thing is that I should have been much less surprised *if Arnold has stabbed Charles* than the other way about. I've an idea *Arnold was really an insanely jealous person*" [5, 39-40].

* *Miss Lavinia remained tearful. Miss Emily was so upset and felt so alarmed* by her condition that she actually sent for Dr. Haydock [3, 199].

Анализ базисных моделей концептосферы английских текстов детективов позволил сделать следующие выводы. В текстах художественных произведений А. Кристи как единичные предметы следствия встречаются убийство ([1], [2], [4], [5]), кража ([2]).

Новизна результатов проведенного анализа определяется применением функционально-когнитивного подхода к описанию текстов детективов и методики моделирования их концептосферы с описанием способов и средств ее презентации в них. Разработка методики моделирования концептосферы текста детектива позволяет применять результаты данного анализа при чтении лекционных курсов по лингвистике, стилистике текста и когнитивной лингвистике.

Список использованных источников

1. Christie A. Tape-measure Murder. M., 2000.
2. Christie A. The Adventure of the Cheap Flat. M., 2000.
3. Christie A. The Case of the Perfect Maid. M., 2000.
4. Christie A. The Herb of Death. M., 2000.
5. Christie A. The Mystery of the Spanish Chest. M., 2000.

УДК 159.923:028

Д.П. Осышная

Саратовский государственный университет
г. Саратов, Россия

ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ

Данная работа направлена на изучение проблем, с которыми современный человек, современный читатель сталкивается в процессе выбора литературы, изучению того, литературу какого жанра современная молодёжь предпочитает читать, в какую форму литературы она предпочитает, в какой форме и как выбор литературы влияет на личностные особенности человека.

Сознание, убеждения и мышление человека во многом являются следствием влияния той литературы, которую он читает. Однако всё чаще и чаще сегодня мы сталкиваемся с таким мнением, что с повседневным чтением раз и навсегда покончено. Как правило, причинами этого называют такие явления, как кино, интернет, телевизор, радио. Некоторые пессимисты даже утверждают, что люди практически перестали читать. Неужели это действительно так?

Безусловно, с возникновением дополнительных источников информации, у человека появляется альтернатива чтению, пропадает потребность брать в руки книгу, интересный журнал или газету. Можно просто включить телевизор или компьютер и там тебе расскажут о тех событиях, которые произошли се-

годня. Но, не смотря на такие убеждения, типографии мира выпускают миллионные тиражи печатной продукции, которые распродаются во всех уголках нашей планеты. Отсюда можно сделать вывод, что книга не умерла, она продолжает жить и развиваться.

Привычка к чтению литературы того или иного рода, да и к чтению вообще формируется у человека в раннем детстве, в его семье, школе, в том окружении, в котором он находится. При отсутствии привычки к чтению у человека может развиться функциональная неграмотность [2]

Литература современности и литература в целом стремится влиять на сознание и восприятие человеком окружающей его действительности.

Уже в конце XX века в нашу повседневную жизнь прочно вошло и укоренилось такое явление как интернет. Интернет – это постоянно манящая к себе всемирная паутина, которая несёт в себе массу информации. В эту паутину с каждым днём попадает всё больше людей, которые уже практически не представляют своей жизни без сети. Многие считают, что Интернет полностью заменил человеку общение с книгами. Но это не совсем так. Сеть Интернет лишь немного трансформировала сознание читателей. Тот громадный объем информации, что хранится во Всемирной паутине, невольно отвлекает от чтения книг, притягивает к себе по различным критериям. Но противопоставлять эти два понятия не стоит. В сети Интернет можно найти большое количество библиотек с электронными книгами различных авторов и направлений. Так что каждый может просто скачать необходимую, даже весьма редкую, книгу и прочитывать ее на компьютере. Удобство такого чтения для себя оценивает, правда, каждый сам. Интернет даёт возможность читателю практически бесплатно ознакомиться с огромным количеством информации, повседневными новостями, можно всегда быть в курсе событий, происходящих в мире. Безусловно, всё это является огромным преимуществом тех возможностей, которые предоставляет. В месте с тем, существует и масса недостатков, которые несёт интернет. Сеть интернет – это такое пространство, которое ничем не ограничивает полёт мыслей. Таким образом, даже абсолютно безграмотный и неталантливый человек спокойно может поместить продукт своего «творчества» на всеобщее обозрение, не подвергнувшись при этом ни малейшей цензуре. Порой в интернете можно прочесть настолько грубые и беспринципные вещи, граничащие подчас с пошлостью и вульгарностью, что хочется кричать от негодования. Ведь с самого своего зарождения литература призывает писателя к ответственности за достоверность, красоту и духовную глубину излагаемого читателям материала, за нравственность и честность перед своими читателями. Кроме того, сейчас существуют, так называемые аудиокниги, позволяющие в отсутствии времени познакомиться с интересующим произведением. Так что, человек может взять плеер и слушать аудиокниги в самых различных местах и в удобное для себя время: в транспорте, на прогулке и т.д. Однако сегодня актуальной стала проблема того, что, скачивая из интернета книги в электронном варианте или аудиокниги, человек перестаёт получать даже чисто эстетическое удовольствие от прочтения качественно выполненной книги в толстом переплёте, которую можно взять в руки, в которой можно сделать закладки на понравившихся эпизодах.

Итак, читатель в современном мире сталкивается с различными трудностями. Ему необходимо выбрать из той массы информации, мыслей, суждений которые создавались человечеством тысячелетиями и продолжают создаваться, то, что будет гармонично сочетаться с внутренним миром человека, то, что поможет разобраться в своих переживаниях, то, что будет нести в себе те духовные и нравственные ценности, в которых человек испытывает огромную потребность.

Стоит отметить, что предпочтения определённого жанра в чтении могут демонстрировать некоторые особенности и характеристики личности. Так, люди, которые любят читать классическую художественную литературу, вряд ли будут испытывать ненависть и демонстрировать агрессию и какое-либо недопустимое поведение по отношению к окружающим. Они никогда не смогут позволить себе использовать в речи нецензурную лексику и вести себя, выходя за рамки дозволенного.

Гораздо хуже ситуация может быть у людей, которые вообще отрицают чтение, которые отказываются от него. Стоит ли говорить, что такому человеку очень сложно самостоятельно, без опоры на книги, чтение сформировать свой твёрдый и уверенный взгляд на мир, очень трудно разобраться в своих эмоциях, чувствах и переживаниях. Кругозор такого человека всегда будет ограничен собственной жизнью и той скудной и однобокой информацией, которую он получает, смотря телевизор.

Процедура эксперимента:

Наше исследование проводилось среди студентов Саратовского государственного университета. В исследовании принимало участие 30 человек. Из них 15 девушек и 15 юношей. Возраст испытуемых от 18 до 25 лет. Каждый испытуемый ответил на следующие вопросы анкеты: какой литературный жанр предпочитает, как часто читает, в какой форме предпочитает читать литературу (аудиокниги, обычные книги). С испытуемыми проводились диагностические методики, направленные на изучение личностных особенностей. Нами были использованы следующие психодиагностические методики: «Пятифакторный личностный опросник». МакКрае – Коста («Большая пятерка»), Опросник Шмишека. Акцентуации характера [1, стр. 63], Методика диагностики межличностных отношений Т.Лири [1, стр. 130].

Целью нашего исследования было выявить влияние литературы, которую читает человек на его личностные характеристики.

Анализ и обсуждение результатов:

Данные, полученные в ходе данного исследования, показали: 1) поклонниками книг ужасов и мистики является 10 (33,3%) испытуемых, где 5 (16,6%) испытуемых по пройденным ими психодиагностическим методикам продемонстрировали частое пребывание в плохом расположении духа, эмоциональную неустойчивость, импульсивность, высокий уровень агрессии и пессимизма. Все испытуемые, предпочитающие данный жанр литературы написали, что им просто хочется перенестись в иллюзорный мир, где можно выплеснуть своё накопившееся напряжение и негативные эмоции. 2) предпочтение классической литературе и приключенческим историям отдало 15 (50%) человек. Все эти испытуемые показали высокий уровень эмоциональной устойчивости, дружелюбия, не склонны к импульсивным поступкам, склонны к волевой регуляции поведения. 3) 5 человек (16,6%) испытуемых читают очень редко и в основном романы. Испытуемые этой группы продемонстрировали высокий уровень эмоциональной неустойчивости импульсивность, поверхностное суждение о мире. 4) 20 (66,65) испытуемых предпочитают читать книги в обычном формате и 10 (33,3%) испытуемых регулярно прослушивают аудиокниги

Трудности, с которыми сталкивается читатель сегодня, связаны с тем, что среди многих шедевров и просто хороших книг появляется всё больше не очень глубоких и даже поверхностных рассказов. И среди них, нужно найти то, что будет по душе, что будет соответствовать особенностям внутреннего мира человека. Положительной чертой современной литературы является то, что среди всего того многообразия жанров, который сейчас существует, среди всего множество книг всегда можно найти то, понравится и подойдёт тебе. Чтение формирует у человека критическое мышление, аналитический ум, расширяет кругозор. Книга - это неисчерпаемый источник мудрости, знаний. Книга может быть другом, советчиком и помощником. Поэтому, трудно представить себе, что люди перестанут читать, наверное, это не возможно.

Список использованных источников

1. Сборник психологических тестов. Часть I: Пособие / Сост. Е.Е.Миронова – Мн.: Женский институт ЭНВИЛА, 2005. – 155 с.
2. Функциональная неграмотность – проблема развитых стран В.П.Чудинова Социологические исследования. Март 1994. № 3. С. 98-102.

УДК 82-3

К.Б. Солодовник

*Российский государственный социальный университет
г. Москва, Россия*

ВОПЛОЩЕНИЕ МИФОЛОГЕМЫ ЗАГРОБНОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ РОМАНА (на материале романов Дж. Фаулза)

Использование мифологии в современной литературе связывает духовное прошлое и настоящее, осуществляет новый синтез во имя новой гуманистической задачи обретения целостности, которая не может быть достигнута исключительно логическим подходом; на что еще указывал Е.М. Мелетинский в своей работе «Поэтика мифа»: «Мифологическая мысль сконцентрирована на таких “метафизических” проблемах, как тайна рождения и смерти, судьба и т.д., которые в известном смысле периферийны для науки и по которым чисто логические объяснения не всегда удовлетворяют людей даже в современном обществе» [3; 268]. Всеобщая сущность мифа состоит в том, что он представляет собой бессознательное смысловое родство человека с силами непосредственного бытия, будь то бытие природы или общества. Миф создает именно модель текущей реальности, конкретное социокультурное воплощение материальной действительности.

Механизм мифотворчества, как на уровне художественного, так и массового сознания, заработал с новой силой, когда обнаружилась несостоятельность рационального объяснения мира на основе причинно-следственных связей. В западной и отечественной культурологии и философии изучением феномена мифотворчества занимались К.Г. Юнг, З. Фрейд, Э. Нойманн, И. Хейзинга, М. Хайдеггер, К. Кереньи, М. Элиаде, Н. Леви-Стросс, О.М. Фрейденберг, Я.Э. Голосовкер, А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский.

Категории времени и пространства являются важными моделирующими средствами романа, так как они определяют формы пространственно-временной организации произведения – его хронотоп. Хронотопическая организация высказывания зародилась еще на ритуально-мифологической стадии культуры и несет в себе импульсы значений, уходящих корнями в коллективное бессознательное человеческой духовности. В статье «О мифологическом коде сюжетных текстов» Ю.М. Лотман отмечает особую пространст-

венно-временную характеристику мифа: «Циклическая структура мифического времени и многослойный изоморфизм пространства приводят к тому, что <...> подобное оказывается тем же самым» [2; 46].

Миф о загробном мире в полотнах ранних романов представлен через персонификацию образа смерти – образ «играющего в бога», где под богом, скорее всего, понимается античный образ Гадеса-Аида, весьма характерный для барочной эстетики, акцентирующей тему смерти. Архетип «играющего в бога», реализованный в главных героях романов «Коллекционер» и «Волхв», представляет собой образ первопредка-демиурга — культурного героя, мифологического персонажа, строго «соответствующего представлению о мифическом времени первотворения и моделирующего коллектив — носителя мифологических традиций — в целом» [3; 138]. Героиня Миранда по сюжетной канве напоминает пойманную Гадесом Персефону. «Сначала мне представилось, что вот на нее нападает какой-то человек, а я ее спасаю. Потом как-то так повернулось, что человек этот – я сам, только я не делаю ей больно, никакого вреда не причиняю. Ну вот, вроде я увез ее в уединенный дом и держал ее там, как пленницу, но по-хорошему, без всяких. Постепенно она узнала, какой я, полюбила, дальше уже мечта была про то, как мы поженились...» [6; 28-29]. Клегг первоначально моделирует в своем сознании картину мира-мечты с точки зрения коллекционера, что весьма напоминает действия Гадеса в поимке прекрасной Персефоны. Последнее указывает на связь игровой концепции Фаулза с «эстетикой жестокости», экзистенциальной по своей окрашенности.

Особо важным представляется прочтение образов-символов в романах, с их помощью приоткрывается понимание архетипа «играющего в бога». Морилка, используемая коллекционером для умерщвления бабочек, в отношениях с Мирандой разрастается до масштабов тайного подвала, некогда бывшего тайной молельней. Разрушение находится уже в сознании героя-коллекционера, допускающего мучительную гибель живого существа ради сохранения красоты его формы. Коллекционер Клегг представляет собою архетип всех коллекционеров живой природы, кто в «конечном счете коллекционирует лишь одно: смерть всего живого» [4; 21]. Захватывая Миранду, Клегг боится причинить ей боль и в последующих действиях старается избежать прямого насилия. Мягкость, щедрость, склонность к риску — эти свойства характера, вкуче с игровой предрасположенностью, возвышают Клегга. Однако биологически в нем побеждает волевое стремление к власти, желание осознавать себя хозяином, хозяином подземелья, что Миранда определяет следующим образом: «Ему важно только, что он меня поймал... Он – коллекционер. Коллекционерство – огромное мертвое нечто, заполняющее все его существо» [6; 258]. Антиномичное столкновение двух разных биологических стихий и является главным источником абсурдной ситуации в контексте постмодернистского романа.

Для романного творчества определяющей становится тема смерти, представленная образом подземелья, лишённого света. Образ искусственно созданного подземного мира будет объединять образы Клегга и Кончиса в архетипе «играющего в бога Гадеса», пришедшего из греческой мифологии. Сама тайная молельня-морилка похожа на античный Гадес. Клегг-Гадес превращает особняк в царство смерти, иссушает в нем душу: «Дом этот такой старый, он – как живой, в нем есть душа. И нельзя делать с ним то, что вы сделали с этой замечательной комнатой, такой красивой, такой старой-престарой, в ней ведь жили люди, много людей, поколение за поколением. Разве вы сами этого не чувствуете?» [6; 86].

Также морилка-подземелье Клегга-Гадеса, как и вилла Бурани Кончиса-Гадеса, может представлять собой, по выражению Карла Кереньи, «конструирование нового мира в миниатюре» [8; 22], что подтверждает способность мифологического уровня в художественном тексте переходить в действие, становиться созиданием. К.Г. Юнг, лекции которого посещал Дж. Фаулз, писал о ре-конструкции мифа в современных художественных текстах: «Такие вещи не могут быть выдуманы; они должны снова вырасти из темных глубин забвения, если они существуют для того, чтобы выразить высшие предчувствия сознания и глубочайшие интуиции духа» [8; 26-27].

Художественное время и пространство представляют собой сложную единую систему, организующую литературный материал. Дж. Фаулз в анализируемых нами романах демонстрирует виртуозную «игру со временем и пространством», используя временные сдвиги, сопряжение временных пластов, расширение пространственной ограниченности за счет времени. Время и пространство задают параметры художественного мира произведения. Их взаимоотношения в романной архитектонике отражают структуру сознания автора, его миропонимание, систему философских представлений и, следовательно, их интерпретация – это средства выражения авторской идеи.

Пространство в его художественном отражении может быть конкретным, природным, историческим, мифологическим. Особую роль в художественном пространстве играет граница, символика которой универсальна. Система символических образов пространства обширна — дорога, река пропасть и т.д. В нашем случае символической границей в романе «Коллекционер» является келья-морилка, в «Волхве» — остров Фракос («остров заборов»). И в том и в другом случае граница – это геометрически замкнутое пространство, посредством воды, края, пропасти – ограда от всего, что символизирует собой полную отрешенность героев от мира и желание/случай найти себя, открыть свою сущность, узнать свое предназна-

чение, постичь истину при условии минимального вторжения извне.

Мифологема дома занимает одно из первых мест в английском менталитете; бытописание является одним из средств отображения психологии героя. Особняк, который собирается покупать герой романа «Коллекционер» Фердинанд Клегг, хотя и описывается в реалистическом ключе, все же напоминает мифологему загробного царства. «Он раньше принадлежал какому-то отставному адмиралу или вроде того, а хозяин умер, и следующий владелец тоже неожиданно скончался, так что дом приходилось продавать по второму разу» [6; 31]. И перечисленные смерти не замыкают мрачного списка в истории данного дома.

Наряду с данной репрезентацией Тартара, важно заметить деталь, связанную с виллой Кончиса – прибитую дощечку с надписью «Зал ожидания». Николас знакомится с Митфордом, также проработавшим в школе и посещавшим Бурани, который предупреждает своего приемника: «Ожидание смерти или что-то в этом роде. К дереву прибита надпись по-французски. – Он вывел пальцем в воздухе: - *Salle d'attente*» [5; 654]. Это своего рода философское отступление, которое может трактоваться и как современная версия античного представления о загробном царстве.

Таким образом, для обеспечения мифологического обыгрывания определенных тем в полотнах романов «Коллекционер» и «Волхв» используется ряд приемов: 1) многоуровневая организация текста; 2) игровой принцип (необарокко пользуется эффектом «игровой ремифологизации... обломков культурных единств» [1; 391]); 3) мистификации; 4) уничтожение грани между фактом и вымыслом; 5) аллюзии и реминисценции.

После «Любовницы французского лейтенанта» Фаулз отходит от темы игры, моделируемой реальности на основе мифа. Герои «Дэниеля Мартина» (1977) и «Мантиссы» (1982) полностью погружены в действительность. За почти полвека творческой деятельности отношение писателя к действительности изменилось. Ранние романы Дж. Фаулза объединяет вопрос о предназначении искусства, вопрос о театральности жизни, который задает особое представление о ее творческом начале, о восприятии человека творческой направленности. Английский исследователь П. Конради отмечает: «Фаулз подчеркивал намеренно искусственный характер «Мага», как романа, представляющего модель бытия; в гораздо большей мере это роман о литературе, чем о какой-либо конкретной ситуации» [9; 43]. Учитывая смоделированность и усложненность текстовой организации первых романов Фаулза, главным, объединяющим началом для всех «игровых эффектов» произведений выступает литературная интертекстуальность.

Список использованных источников

1. Липовецкий, М.Н. Постмодернизм: агрессия симулякров и саморегуляция Хаоса / М.Н. Липовецкий // Русская литература XX века: закономерности исторического развития. Книга 1. Новые художественные стратегии / Отв. ред. Н.Л. Лейдерман. – Екатеринбург: УрО РАН, УрО РАО, 2005. – С. 355-394.
2. Лотман, Ю.М. О мифологическом коде сюжетных текстов / Ю.М. Лотман // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. – Тарту, 1973. – С. 46.
3. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
4. Релф, Дж. Введение / Дж. Релф // Фаулз Дж. Кротовые норы. / Пер. с англ. И. Бессмертной, И. Тогоевой. – М.: Махаон, 2002. – С. 9-25.
5. Фаулз, Дж. Волхв / Дж. Фаулз / Пер. с англ. Б.Н. Кузьминского. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 700 с.
6. Фаулз, Дж. Коллекционер / Дж. Фаулз. – СПб.: Изд-во «Симпозиум», 2002. – 443 с.
7. Фаулз, Дж. Что стоит за «Магом» / Дж. Фаулз // Фаулз Дж. Кротовые норы. / Пер. с англ. И. Бессмертной, И. Тогоевой. – М.: Махаон, 2002. – С. 95-109.
8. Юнг, К.Г., Нойманн Э. Психоанализ и искусство / К.Г. Юнг, Э. Нойманн. – М.: REFL-book; Киев: Ваклер, 1996. – 304 с.
9. Conradi, P. John Fowles / P. Conradi. – London and New York, 1982. – 112 p.

УДК 82-1

А.Г. Шнейдер

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
г. Красноярск, РоссияСВОЕОБРАЗИЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ТЕМЫ В СТИХОТВОРЕНИИ
А.А. БЛОКА «БЫЛ ВЕЧЕР ПОЗДНИЙ И БАГРОВЫЙ...»

Рождество Христово – это событие, к истокам которого обращалось множество авторов – прозаиков и поэтов, среди которых Н.В. Гоголь, А.П. Чехов, И.С. Шмелев, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет, В.С. Соловьев, А.А. Блок, С.А. Есенин, Б.Л. Пастернак, С. Черный и т. д.

В произведениях упомянутых художников слова, наряду с яркой авторской индивидуальностью, присутствует некоторая общность, что, в свою очередь, способствует формированию определенных классических черт, входящих в литературно-художественный комплекс темы Рождества Христова. Так, стихотворения, посвященные явлению Иисуса Христа, имеют общие черты, проявляющиеся и в заглавии поэтических произведений («Ночь на Рождество» В. Соловьева, «Ночь тиха...» А.А. Фета, «Святая ночь на небосклон взошла...» Ф.И. Тютчева и др.), и в избранном авторами тоне повествования (торжественность и осознание исключительности свершившегося события), и в средствах художественной выразительности (обилие церковнославянизмов, особых сравнений, устаревшей лексики и приема цветописи). Стоит отметить, что в творчестве А.А. Блока, наряду с рассматриваемым в данной статье поэтическим произведением, встречаются стихотворения, включенные, в силу своей поэтики, в число «традиционных» произведений о Рождестве. К подобным стихотворениям относится «Сочельник в лесу», название, тональность и лексика («светлолик», «реет», «риза» и т.д.) которого вполне соотносятся с «классическими» произведениями, посвященными заявленной теме.

Выше мы более подробно остановились на тех выразительных средствах, присутствующих в поэтических произведениях различных авторов, которые наделяют тему Рождества определенными литературными традициями. Тогда как главная цель данной статьи – увидеть новаторство А. А. Блока в трактовке рождественской истории, проявленное в стихотворении «Был вечер поздний и багровый...» (1902), которое входит в цикл «Стихи о Прекрасной Даме». Не забудем, что обозначенная книга стихотворений относится к первым созданиям автора, к тому времени, когда происходит формирование А. Блока как поэта, символиста, художника. Это важно потому, что анализируемое стихотворение наполнено особыми знаками, напрямую соединяющими его с другими произведениями о Прекрасной Даме. Идеальным центром, в данном случае, является «Вступление» («Отдых напрасен. Дорога крута...»). Здесь мы находим «прекрасный вечер», «красную тайну» у входа и, самое главное, вопросы, на которые лирический герой будет искать ответы на протяжении всего пути:

*Кто поджигал на заре терема,
Что воздвигала Царевна Сама?
<...>*

*Ты ли меня на закатах ждала?
Терем зажгла? Ворота отперла?*

Заметим, что и на символическом уровне (*Звезда – жемчуга; Дева – Царевна*), и на уровне цветописи («*Был вечер поздний и багровый*» – «*Красная тайна у входа легла*») анализируемое стихотворение неразрывно связано с другими произведениями цикла о Прекрасной Даме.

Стихотворение Блока отличается высокой динамичностью. В нем не только отсутствует размерность и неспешные описания, но и четко означенное вступление, хотя условно к данной части в произведении мы можем отнести следующие строки:

*Был вечер поздний и багровый,
Звезда-предвестница взошла.*

Но и это не столько вступление, сколько непосредственный рассказ о произошедшем, случившемся, в корне которого уже заключено действие. Помимо указанного значения данные строки создают определенную интонацию, в рамках которой будет выдержано все стихотворение. Словесно эта интонация была выражена поэтом с помощью двух прилагательных – «поздний и багровый». Именно в них содержится временное обозначение события и цветовая гамма стихотворения. Важно, что оба прилагательных функционально равнозначны. Так, «поздний» в данном случае значит «темный», «чёрный», а «багровый», согласно толковому словарю В.И. Даля, – «червлёный, пурпуровый, самого яркого и густого красного цвета, но никак не с огненным отливом, а с едва заметною просинью» [Даль, 2007: 78]. Во многом именно «цвет» и своеобразная цветопись, избранные поэтом, создают необходимый, нужный настрой у читателя, который можно обозначить как «смутная, неясная, темная тревога», «предчувствие опасности».

И если «цвет» поэтического произведения создает атмосферу, то символы, во множестве присутствующие в стихотворении Блока, делают его таинственным, особо значимым, требующим не только своей разгадки, но и определенной эрудиции, определенного *знания* со стороны читателя. Не случайно «символ» в семиотике, философии и лингвистике принято понимать как «знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы для другого содержания <...>, своего рода конгломерат равноценных значений [Маслова, 2001: 96 - 97].

«Звезда - предвестница» – один из первых символов, которые читатель встречает в стихотворении Блока. Именно этот образ открывает целый ряд знаков, которые в Новом Завете имеют свое, определенное значение. Так, за номинацией «звезда-предвестница» угадывается Вифлеемская звезда, которая, согласно евангельской легенде, вошла на небо во время рождения Иисуса Христа и возвестила о появлении мессии. В Библии рассказ о звезде подробно представлен в Евангелии от Матфея. Но у поэта «Звезда-предвестница» – это не только знак, данный Богом и возвестивший о рождении Спасителя, но и символ, указующий путь во тьме. Следовательно, «звезда-предвестница» указывает, в данном случае, путь волхвам (реальный, географический) и праведный путь всему человечеству (символический); освящая, звезда приводит волхвов и человека к Нему.

Следующий символ, требующий раскрытия значения, заключен в слове «бездна». Согласно Писанию бездна означает тяжелую нужду, ужасную тоску (Пс. 41:8). С выявлением значения данного слова известная легенда наполняется новым смыслом: время, прошедшее до рождения Иисуса Христа, согласно стихотворению Блока, – это время, наполненное муками, нуждой, человеческой тоской и ожиданием Его прихода. Если же буквально рассматривать слово «бездна», то жизнь, прожитая людьми до прихода мессии, – это жизнь без дна, без опоры, без надежды на спасение и избавление от страданий. Не случайно в христианской традиции наряду со словом «Мессия» используется также термин «Спаситель».

Младенец и Дева – два знака, которые, на наш взгляд, заслуживают особого внимания. На символический смысл данных номинаций указывает написание слов с прописной буквы. Это важно потому, что те же слова, написанные со строчной буквы, употребляются в прямом лексическом значении. Более того, замена собственного имени словом «Дева» традиционна и связана с сюжетом непорочного зачатия; она подчеркивает и выделяет в Марии чистоту, причастность к чуду:

Младенца Дева родила.

Что касается номинации «Младенец», то она широко встречается, прежде всего, в Новом Завете: в повествованиях о рождении Иисуса Христа, в различных высказываниях и проповедях, и, наряду с номинацией «Дева», является глубоко символической. В данном случае можно говорить о схожести значений, которые включают в себя слова «Младенец» и «Дева» – чистота, невинность, праведность, незапятнанность, чудесное рождение (последнее относится только к слову «Младенец»).

Наряду с символами в стихотворении присутствует сравнение:

*На голос тонкий и протяжный,
Как долгий визг веретена...*

Как ясно из поэтического текста, голос новорожденного Младенца уподобляется веретену, и, что особо значимо, оно также обладает своим звучанием. Если Его голос «тонкий и протяжный», то «голос» веретена, ко всему прочему, еще долог и визглив. Такая характеристика у Блока не случайна: именно тонкий, протяжный (долгий и визгливый) голос может быть услышан. Именно на такой зов Младенца

*Пошли в смятеньи старец важный,
И царь, и отрок, и жена.*

Ключевое слово в приведенном отрывке – «в смятеньи». Словно желая увериться в своих надеждах, пошли волхвы к Иисусу, неся ему в дар злато, смиру и ладан.

Чудо Рождения Иисуса Христа сталкивается в стихотворении Блока с другим знаком, с другим «чудом»: появлением Иуды. Второму знамению, сопутствуют свои черты – «невозмутимая тишина», «толпа», «холодная маска», «конь». Все это представляет Иуду, предателя Иисуса, как победителя, соперника, наделенного не только силой физической, заключенной в выражении «на коне», но и силой внутренней, которая заключена автором в слове «маска». Важно, что «маска» в этом контексте – синоним лицедейства, сокрытия тайны, обмана, предательства, лжности. К тому же, маска Иуды – холодна, а значит, рассудочна, рациональна и расчетлива. Она – полная противоположность «толпе», пришедшей к колыбели Иисуса с чувством великой радости и торжества. Заметим также, что все явления, сопровождающие появление предателя, скорее всего, носят символический характер. Иуда, согласно Блоку, бывший среди тех, кто пришел к Младенцу, представляет собой реальный пласт повествования, тогда как «конь» и «холодная маска» – это, скорее всего, символы будущей гибели Иисуса, вестником и причиной которой и является Иуда Искариот.

Волхвы, убедившиеся в чудесном рождении Иисуса Христа, «послали весть во все концы» мира, чтобы известить людей о Его пришествии, но радости владык поэт вновь противопоставляет фигуру Иуды Искариота, на губах которого появляется улыбка, видимая гонцами, но не истолкованная ими (Блок не

дает нам знать о реакции людей на улыбку Иуды, скорее всего потому, что он никому в данный момент не кажется опасным). Улыбка является и символом будущей гибели Иисуса Христа, и действительной реакцией предателя на Его рождение.

Таким образом, рассмотренное стихотворение – это не только взгляд А.А. Блока на события, описанные в Новом Завете, но и попытка осмысления Рождества Христова в контексте новой, современной поэту эпохе. Время создания данного поэтического произведения очень важно. Так, стихотворения, написанные поэтами XIX века и посвященные рождественской теме, разительно отличаются от стихотворений начала XX столетия. Отличие, главным образом, заключается в умонастроении автора и его восприятии данного события. Можно отметить, что в рамках этой категории выявляется некоторое противопоставление в трактовке Рождества авторами XIX и XX веков. Если поэты золотого века создают образ святого, ясного и светлого торжества, которому сопутствует славение Бога («...Славят Бога пастухи» у А.А. Фета), то художники следующей эпохи, говоря о том же самом явлении, не только показывают его прочную связь с новым временем, но и представляют всю мощь изменений, произошедших в сознании людей в период с XIX по XX века.

Одним из главных поэтов новой эпохи, сумевшим увидеть и выразить то общее, что довлело над большинством людей: крушение прежних идеалов, тревогу, предощущение беды и отсутствие опоры – был, безусловно, А.А. Блок. Именно поэтому рассмотренное стихотворение во многом разительно отличается от классических стихотворений предшествующей эпохи. Поэт знакомую каждому историю, известное повествование настолько ярко и тесно связал с пространством и временем, окружавшим его, бывшим его современностью, что привычные символы наполнились совершенно иным содержанием, при этом форма (история Рождения Иисуса Христа) осталась прежней. Младенец, Дева, звезда-предвестница, новость о Рождении – все эти образы традиционны, но, вплетая в ткань лирического сюжета Иуду, сыгравшего роковую роль в упоминаемой истории, поэт не только дает в рамках своего стихотворения новое развитие евангельскому сюжету, но и наделяет героя яркими знаками: особой цветописью, интересными сравнениями и атрибутами, значение которых мы попытались раскрыть в данной статье.

Описанная символика не только раскрывает новаторство А.А. Блока, но и позволяет увидеть связь между произведениями разных эпох, что является непременной составляющей литературоведческого анализа.

Список использованных источников

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т.1: А-З. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 640 с.
2. Маслова В. А. Лингвокультурология/В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

УДК 821.511.152

Т.Н. Михалкина

*Мордовский государственный университет имени Н.П.Огарёва
г. Саранск, Россия*

Н. ЧЕРАПКИН И МОРДОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: «ДУХОВНАЯ» СВЯЗЬ

Автор исследует научную и литературно-критическую деятельность Н.И. Черапкина, создавшего новый уровень в развитии мордовской науки и литературоведении.

Неизученность наследия Н. И. Черапкина, вероятнее всего, объясняется вписанностью всего его творчества в «сонную одурь» застойного времени, в котором идея слияния наций и их культур политиками Родины Октября внедрялась в науку и культуру как непререкаемая. Не отсюда ли истекает и то, что в мордовском литературоведении до сих пор нет традиции изучения научного опыта своих критиков и литературоведов, которых Николай Иосифович образно называл «осветителями литературного цеха»¹⁰.

В своей первой книге - «Современная мордовская литература» (1954), заложившей основы формирования мордовского литературоведения как науки, ученый назвал мордовскую литературу «детисцем советского строя»¹¹. «Мордовская письменная художественная литература, — писал он тогда, — одна из самых молодых национальных литератур нашей страны. Она вызвана к жизни Великой Октябрьской социалистической революцией»¹². Это было первое обобщение истоковых начал истории мордовской литературы, которое затем стало переходить из книги в книгу других исследователей.

¹⁰ Черапкин, Н. Современная мордовская литература. Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1954. С.208.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Незадолго до появления первых статей и книг о дооктябрьской мордовской литературе он первым вносит коррективы в свои ранее сделанные выводы. В предисловии к сборнику «Проблемы современной мордовской литературы» (1980) истоковый рубеж художественной словесности на мокша - и эрзя языках ученый переносит почти на два века назад от своей первоначальной точки отсчета. Мордовская литература, по уточненным позициям Н. И. Черапкина, почти на двести лет повзрослела за счет нововыявленных фактов, «...поскольку она, - пишет ученый, - с самого начала своей истории возникла на основе русской графики, то ее рождение следует исчислять не с выхода первых мордовских книг, а с появления национальных произведений фольклорного, мифологического, церковного и словарно - текстологического характера, а также первых переводов на мокшанский и эрзянский языки. А эта, как бы засечная черта, лежит где-то на рубеже XVIII—XIX веков»¹³. Не успев сам развернуть это принципиальное наблюдение в самостоятельное исследование, ученый дал своим последователям верное русло для историко - литературных поисков.

Действительно, русло это оказалось не только верным, но и весьма широким и многообразным для воссоздания реальной картины развития дооктябрьской мордовской литературы. Фольклор, переходящий на страницы книг (а именно об этом шла речь в новом концептуальном наблюдении Н. И. Черапкина), по существу утрачивает свои основные функции и приобретает отличные от произведений устных форм народного творчества условия существования. Основной формой распространения таких произведений выступает уже не устная, а письменная - печатная форма. С утратой устности, коллективности, вариативности, связей с обрядом, театрализованностью и музыкальным сопровождением фольклор становится формой книжно-народной художественной словесности, т. е. тем, что принято называть «народной литературой»¹⁴.

В научном развитии Н. И. Черапкина самое примечательное то, что он, как ученый, не стремится затушевать или чем-то оправдать встречающиеся в его работах противоречия в определении этой «засечной черты» мордовской литературы, но оставляет их в таком виде, в каком они есть: он, словно подсказывает, что об одном и том же явлении могут существовать даже взаимоисключающие мнения - и с этим нельзя ничего поделать. Его вывод о зарождении мордовской литературы на рубеже XVIII - начала XIX века - это не синтетический итог научных позиций, а, скорее, совокупность напластований, накопившихся более чем за 30 лет размышлений ученого по этой проблеме. А, в конечном счете, это есть не что иное, как продукт удвоенных, утроенных усилий и поисков в решении одной и той же задачи. Результатом этих усилий в силу краткости человеческой жизни для него оказалось не аналитическое приближение к «истине», а всего лишь смена убеждений. К аналитическому их изложению в конце своей жизни он приблизился вплотную, но дать им развернутое обоснование уже не успел.

В книгах и мыслях отражается вся «внутренняя» жизнь Н. И. Черапкина, и прежде всего, диалектика его приближения к реальности исторического развития мордовской и других младописьменных литератур Поволжья. Если даже бегло просмотреть названия разделов одной из основных книг Н. И. Черапкина - исследования «В братском содружестве» («Новое явление в литературном развитии», «Близость духовная», «Неиссякаемый родник. О фольклоре», «В условиях национального возрождения», «Формирование литературных жанров и художественного метода», «Международные связи литератур Поволжья»), то без труда можно понять основную «внутреннюю» идею Черапкина-литературоведа. Знакомясь с его трудами, двигаясь от первой книги ко второй, читатель легко заметит движение мысли ученого к будущему через прошлое.

Как исследователь, глубоко проникающий в сложную суть формирования и развития общероссийского историко-литературного процесса, Черапкин чувствовал, что в анализе истории литературы мордовского народа, формировавшейся внутри общероссийского литературного движения, он не высказался до конца. Иногда может показаться, считал ученый, а что особенного, тем более значительного в том, что народы Поволжья интересовали и стали предметом изображения русских летописцев, многих публицистов и писателей былых времен, Радищева, Пушкина, Мельникова-Печерского, Белинского, Короленко?¹⁵ «Отдельные факты, - приходит к выводу автор книг о Горьком, - взятые разрозненно, вне связи друг с другом, могут и не иметь принципиального, жизненно важного значения для того или иного народа. Но рассмотренные в логической связи и последовательности, они формируют историко-культурные традиции, представляющие обоюдную, взаимообогащающую ценность: и дающим, т. е. опытным, и берущим... В названных традициях обнаруживается интересная диалектическая закономерность, когда дающие становятся и берущими»¹⁶. Эта мысль не «отпускала» Н. И. Черапкина до конца жизни как целенаправленное движение к некоему дополнительному результату изучения истории культуры и литературы мордовского народа.

¹³ Кубанцев, Т. Николай Иосифович Черапкин (1917 – 1987) // Вестн. Мордовск. ун-та. - 1997. - № 2/3. С. 29-30.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Черапкин, Н. Мордовский народ в изображении М. Горького // Литература возрождённого народа. Саранск, 1959. С. 119-138.

¹⁶ Там же.

Николай Черапкин как основоположник научных традиций мордовского литературоведения стремился направить исследовательскую мысль в Мордовии в русло сравнительно-типологического литературоведения, на поиски в национальной культуре и литературе их самобытности через исследование этой самобытности в сравнении с явлениями и традициями других культур и литератур. В национальном он всегда видел «самобытность в ее устремленности к переработке и освоению ценностей, накопленных человеческим обществом в целом»¹⁷. «Национальное в современном представлении, - писал он, - всегда предполагало устремленность, т. е. лучшие унаследованные родословные элементы в сочетании с обновленностью, с внутренним стремлением к поиску более совершенного»¹⁸. В результате, продолжает ученый, образуется органическое соединение, «которое невозможно ни расторгнуть, ни расчленить. Здесь не помогут никакие средства, даже самые сильные растворители: алмаз, образованный из лучших и прочных частиц материи, нельзя снова вернуть в прежнее состояние распыленности»¹⁹.

С теоретической точки зрения, литературоведческие труды Н. И. Черапкина были характерным симптомом взросления мордовского литературоведения как науки. И этот путь взросления Черапкин - ученый видел в возможностях освоения будущими исследователями мордовской литературы методологии сравнительно - типологического изучения явлений национальной литературной культуры. Пойдет ли их осмысление «по пути обобщения опыта группы литератур по какой-то одной существенной проблеме, встанет ли на плоскость жанровых изысканий или, скажем, поисков художественно-изобразительных и образных ассоциаций, - все равно польза будет огромная»²⁰.

Список использованных источников

1. Черапкин, Н. Современная мордовская литература. Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1954. 208с.
2. Там же.
3. Там же.
4. Кубанцев, Т. Николай Иосифович Черапкин (1917 – 1987)// Вестн. Мордовск. ун-та. - 1997. - № 2/3. С. 29-30.
5. Там же.
6. Черапкин, Н. Мордовский народ в изображении М. Горького // Литература возрождённого народа. Саранск, 1959. С. 119-138.
7. Там же.
8. Кубанцев, Т. Николай Иосифович Черапкин (1917 – 1987) // Вестн. Мордовск. ун-та. - 1997. - № 2/3. С. 29-30.
9. Там же.
10. Черапкин, Н. Притоки. М.: Современник, 1973. С.197.
11. Черапкин, Н. В братском содружестве. Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1969. С. 387.

УДК 82

М.А. Чернякова

Магнитогорский государственный университет
г. Магнитогорск, Россия

ЧЕЛОВЕК В АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ В. МАЯКОВСКОГО

В статье рассматривается место человека в системе ценностных доминант В. Маяковского. Автор исследует изменение содержания концепта «Человек» от раннего творчества поэта до послереволюционного.

Ценностные доминанты В. Маяковского заявлены в его первой поэме. В пафосе «Облака в штанах» («Долой вашу любовь», «Долой ваше искусство», «Долой ваш строй», «Долой вашу религию») социально-нравственная программа поэта ориентирована на вечные ценности человечества – любовь, искусство, религию, человека. Поиск и утверждение содержания вечных ценностей обуславливает аксиологическую стратегию творчества В. Маяковского.

Человек в ценностной системе В. Маяковского занимает место нового Бога, высшего идеала. Проблематика раннего творчества В. Маяковского связана с попыткой осознания сущности человека и его

¹⁷ Черапкин, Н. Притоки. М.: Современник, 1973. С.197.

¹⁸ Черапкин, Н. В братском содружестве. Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1969. С. 387.

¹⁹ Там же, С.14.

²⁰ Кубанцев, Т. Николай Иосифович Черапкин (1917 – 1987)// Вестн. Мордовск. ун-та. - 1997. - № 2/3. С. 29-30.

места в мироздании. Человек раннего В. Маяковского, идеал которого воплощен в образе лирического героя, – личность, прекрасная внешне и духовно: его красота неоспорима, его ценность бесспорна: «*Если не / человечьего рождения день, / то чёрта ль, / звезда, / тогда еще / праздновать?!*» [1, Т. 1, с. 247]. Воссоздание цельности мира, восстановление его изначальной гармонии (разрушенной обывателями, «жирными») немислимы для поэта без совершенствования человека, который должен стать основой нового миропорядка, Творцом нового мира. Лирический герой раннего В. Маяковского – исключительная личность, что подчеркивается и его постоянным противопоставлением себя окружающему миру, массе: «А вы могли бы?», «Нате!», цикл «Я», завершающийся сколь эпатажным, столь и трагическим заявлением-криком «*Я одинок, как последний глаз / у идущего к слепым человека!*» [1, Т. 1, с. 49], и гиперболизацией внешнего облика героя: его отец – солнце, его жена – луна.

Таким образом, утверждение нового Творца мира, на место которого претендует лирический герой раннего В. Маяковского, поэт начинает с попытки преодоления пространственной и временной ограниченности лирического героя. В стихотворении «Себе, любимому, посвящает эти строки автор» гигантизм лирического героя доведен до предела, «Я» заполнило собой все пространство, «превзошло все представимые степени величия и силы» [270, с. 32]: «*Если б был я / маленький, / как Великий океан – / на цыпочки б волн встал, / приливом ласкался к луне бы... О, если б был я / тихий, / как гром, – / ныл бы, дрожью объ-ял бы земли одряхлевший скит. / Я / если всей его мощью / выреву голос огромный – / кометы заломят горящие руки, / бросятся вниз с тоски*» [1, Т. 1, с. 126-127]. Телесный гиперболизм лирического героя, подчиняющего себе пространство и преодолевающего время, выступает своеобразным маркером духовной мощи поэта и уравнивает его с единственной сущностью, не ограниченной во времени и пространстве, – божественной.

В поэзии В. Маяковского 1920-х гиперболизм как особый принцип создания художественного образа остается актуальным, при этом гиперболизация оказывается тесно связана с проблемой мировидения художника и с оценкой мира и конкретных явлений действительности. Так, характеризуя новую действительность в стихотворении «Юбилейное», В. Маяковский пишет о ее грандиозности: «*Нынче / наши перья – / штык / да зубья вил, – / битвы революций / посерьезнее "Полтавы", / и любовь / пограндиознее / онегинской любви*» [1, Т. 6, с. 54]. Вместе с тем, грандиозность лирического героя как показатель его исключительности и обоснованности претензий на главного переустроителя мира теряет актуальность. Наряду с изображением грандиозности, гигантизма эпохи: «*Я жизнь / отдать / за сегодня / рад. / Какая это громада! / Вы чуеете слово – / пролетариат? – / ему грандиознее надо*» [1, Т. 6, с. 206], отдельный человек, положительный герой В. Маяковского 1920-х гг., – это обычный человек, типичный представитель своей профессии, самоотверженно и даже героически выполняющий порученное дело (Хренов, Нетте), но это не сверхчеловек раннего В. Маяковского.

Однако верность ранее провозглашенным ценностям – важная черта лирического героя В. Маяковского. Как воплощение авторского идеала, он остается принципиальным и неподкупным даже в том случае, когда автор может в чем-то примириться с жизненными обстоятельствами. Недоверие автора к себе нынешнему с особой отчетливостью реализуется в поэме «Про это». Лирического героя поэмы разрывают противоречия между идеалами нового времени и внутренним родством с атакуемым «мещанским» миром, желанием простого человеческого счастья и ответной любви, в связи с чем появляется в поэме система двойников лирического героя как воплощений конкретной черты его сознания (медведь как воплощение животного, инстинктивного начала; Человек из-за семи лет как идеал, неподкупная совесть героя; мальчик-самоубийца; двойник героя на семейном празднике – персонификация обывательской составляющей сознания героя). Воплощение идеала героя, его бескомпромиссной совести – Человек из-за семи лет – выступает в поэме своеобразным мерилом соответствия героя идеалу. И если на раннем этапе творчества идеальный человек грезился поэту в далеком будущем («Облако в штанах», «Война и мир»), то в середине 1920-х гг. приходит осознание того, что идеальный Человек остался в прошлом, что нынешнему поэту не достичь той бескомпромиссности в утверждении собственных идеалов, стойкости и принципиальности позиции его однажды «в отчаяньи созданного» героя: «*Семь лет стою, / буду и двести / стоять пригвожденный, / этого ждуций. / ... / должен стоять, / стою за всех, / за всех расплачу'сь, / за всех распла'чусь*» [1, Т. 4, с. 172].

Человеку, ждущему преобразования мира, человеческих отношений: «*А тот стоит – / в перила вбит, / он ждет, / он верит: / скоро!*» [1, Т. 4, с. 164-165], – никто не идет на помощь. Отсюда разочарование В. Маяковского в людях, в самом себе, и своего рода противопоставление того Человека (из-за семи лет) и человека нынешнего, себя семилетней давности – и себя настоящего, смирившегося с предлагаемыми обстоятельствами, довольствующегося непростой семейной ситуацией: «*Я день, / я год / обыденцине предал. / Я сам задыхался от этого бреда / Он / жизнь дымяком квартирошным выел*» [1, Т. 4, с. 169].

В стихотворении «Протестую» (1924 г.) поэт развенчивает могущество человека, отдавая предпочтение механизму, поскольку тот не подвластен слабостям и примитивным инстинктам. Если сопоставить стихотворение 1924 г. со своеобразным гимном человеческому устройству, звучавшему в поэме «Чело-

век», то еще более очевидным становится разочарование поэта. Вместо восхищения, удивления, даже некоторого благоговения перед человеческим телом в поэме: «Как же / себя мне не петь, / если весь я – / сплошная невидаль, / если каждое движение мое – / огромное, / необъяснимое чудо», – горькая ирония и неприятие человеческой анатомии в стихотворении: «Я / ненавижу / человецье устройство, / ненавижу организацию, вид / и рост его». Если в «Человеке» поэт поистине упивается могуществом человеческих рук: «Две стороны обойдите. / В каждой / дивитесь пятилучию. / Называется "Руки". / Пара прекрасных рук! / Заметьте: / справа налево двигать могу / и слева направо. Заметьте: / лучшую шею выбрать могу и обовьюсь вокруг», то в стихотворении «Протестую» звучит некоторое раздражение, к себе несовершенством и излишней чувствительностью рук в сравнении с бездушной, но рациональной машиной: «На что похожи / руки наши? / Разве так / машина / уважаемая / машет?.. / Представьте, / если б / шатунов шатия. / чуть что – / лезла в рукопожатия». Даже непререкаемая ценность – творящая сила человека – ум и сердце – уступают в сознании поэта 1924 г. свои позиции в пользу безэмоционального и надежного механизма: «Тот человек, / в котором / цистерной энергия - / не стопкой, / который / сердце / заменил мотором, / который / заменит / легкие - топкой. /». Руки, сердце, мозг человека сегодняшнего (1920-х гг.) утрачивают свою креативную силу, преобразующую мир мощь. Идея новой человеческой породы оказалась нереализованной, отодвинутой в неопределенное будущее. Более того, она оказалась объективно исчерпанной, что во многом обусловило драму В. Маяковского.

В центре художественного мира раннего В. Маяковского находится человек (лирический герой), внешне и внутренне прекрасный, противостоящий, с одной стороны, безличному омассовленному обществу, с другой стороны, – надличному высшему существу, Богу. Перемены в жизни страны, изменения строя жизни неизбежно повлекли за собой необходимость пересмотра системы ценностей, что не могло не отразиться в творчестве В. Маяковского. Послеоктябрьская жизнь в произведениях поэта соотносится со старым миром, как Новый Завет с Ветхим Заветом. Отсюда – требование нового героя, которым и становятся 150 миллионов, а сам поэт пытается стать безымянным представителем революционной массы, не выделяющимся ни внешним видом, ни жизнетворящими, преобразующими мир способностями.

Список использованных источников

1. Маяковский, В. В. Полн. собр. соч. : в 13-ти т. [Текст] / В. В. Маяковский. – М. : Гослитиздат, 1955-1961.
2. Полехина, М. М. Художественные искания в русской поэзии первой трети XX века. М. Цветаева и В. Маяковский. Художественная космогония : монография [Текст] / М. М. Полехина. – М. : Прометей, 2002. – 308 с.
3. Сарычев, В. А. Эволюция лирического героя Маяковского в 20-е годы [Текст] / В. А. Сарычев // Писатель : сб. статей. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – С. 46-64.

УДК 82-91

А.Г. Скакун

Нижевартовский государственный гуманитарный университет
г. Нижевартовск, Россия

РОЛЬ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СУЩНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ

Данная работа имеет своей целью описать основные параметры современной массовой литературы, факторы влияния на современное общество, а также выяснить каковы причины её особой популярности среди читателя.

Взаимосвязь литературы и общества воспринимается неоднозначно. Тем не менее, эти понятия не существуют по отдельности, какими бы абстрактными не были их определения.

Основные принципы взаимодействия столь широких понятий можно выразить так: общество реагирует на литературу, иными словами – решает, что в ней ценно. В свою очередь, литература, реагируя на современное общество, занимается главным образом саморефлексией, анализирует свои возможности и свою жизнеспособность [Гудков, Дубин, Страда: 21]. Таким образом, вполне ясно, что взаимодействие литературы и общества носит глубокий характер.

Итак, чтобы оценить влияние литературы на массового читателя, обратимся к понятию «массовая литература». Массовой литературой обычно называют многочисленные разновидности словесности, обращенной к предельно широкой, неспециализированной аудитории современников и реально функционирующей в «анонимных» кругах читателей [Там же: 22].

Основными признаками «массовой литературы» являются:

- принцип жизнеспособности, где социально характерные герои действуют в узнаваемых социальных ситуациях и типовой обстановке, сталкиваясь с проблемами и трудностями, знакомыми большинству читателей;
- социальный критицизм, что выражается в повествовании о жизни маргинальных групп общества (мир «отверженных», социальное «дно»);
- закрытая «поэтика», которая вполне соответствует каноническим требованиям завязки, кульминации и развязки, а нередко и традиционным для классицизма критериям единства времени и места действия;
- позитивный пафос утверждения базовых ценностей и норм данного общества. Здесь торжествует нескрываемая назидательность, подчеркнутая ясность моральной структуры повествовательного конфликта и всего повествования.

Исследуя феномен массовой литературы и ее развитие, делаем вывод о существовании двух основных взглядов на литературу в жизни общества:

- элитаристская, исходящая из идеи существования жесткой иерархии, предполагающей наличие высокой – средней – низкой (массовой) культуры; при этом «средняя» и особенно «низкая» культуры подвергаются критике с позиций культуры «высокой», сориентированной на вкусы интеллектуальной и художественной элиты;
- плюралистическая, предполагающая, что в эпоху всеобщей грамотности и множества разнообразных продуктов культуры человек имеет право сам выбирать, что он хочет, а что отказывается «потреблять», при этом его выбор есть свидетельство личной творческой активности.

Современные исследователи популярной культуры последовательно отстаивают один из двух подходов:

- продукция массовой культуры является серьезной проблемой общества, так как, не представляя интеллектуальной и художественной ценности, отвлекает своего «потребителя» от размышлений о проблемах бытия и самопознания, лишает его счастья приобщения к «высокой» культуре;
- потребление продукции массовой культуры имеет свою интеллектуальную ценность, приносящую несомненную пользу «потребителю»; отказ поп-культуре в значимости свидетельствует о стремлении обесценить интересы и деятельность одной части общества в пользу другой.

Читатели массовой литературы также рассматриваются либо как бездумные «потребители», которыми манипулируют создатели соответствующих текстов, либо как активные покупатели, выбирающие интересный им способ проведения досуга. Изменяется и отношение к литературному произведению. Произведение массовой литературы – это особый тип текста, предназначенного для массового «потребления», воспроизводимого и воспринимаемого согласно спросу, сформированному массовым ожиданием [Хализев: 42].

Ситуация, в которой литература становится одним из продуктов потребления, теряя свою эстетическую сущность, оценивается, как сложившаяся в ходе исторического развития и отвечающая на экономические, культурные, духовные изменения в обществе с течением времени. Итак, основной проблемой в изменении представлений о литературе становится постепенная замена понятий: читатель становится потребителем, а автор становится производителем.

Массовая литература создается для того, чтобы быть быстро проданной: отложенный спрос для нее неприемлем. При этом адресат массовой литературы сегодня достаточно разнороден. Определить, что придется по вкусу этой, так называемой, «распыленной аудитории» с абсолютной степенью точности не могут ни создатель текста, ни издатель, ни продавец. Тем не менее, издатель обязан предугадывать, какими чертами должен обладать тот или иной проект, с какого типа конкуренцией он столкнется, есть ли для него «ниша» на рынке массовой литературной продукции.

На основе сделанных выводов, можем сказать, что массовая литература оказывает влияние на читателя, исходя из различных интересов. Искусственный ажиотаж, вызываемый рекламой и другими маркетинговыми средствами, обычно привлекает внимание массового читателя. Но зачастую ответственность за создаваемые образы, а точнее за их влияние на массовое сознание издатели не несут. Поэтому мы часто слышим о потере нравственности в обществе, о подмене ценностей и утрате норм морали. Причина этому – целый ряд социальных, экономических и культурных факторов. Но важно отметить, что независимо от своего выбора, массовый читатель все же рано или поздно получает те знания и принимает за свое то мнение, что навязывают ему автор и издатель популярной литературы.

Список использованных источников

1. Гудков Л.Д. Массовая литература как проблема. Для кого? // Новое лит. обозрение. 1999. №22. – С. 75.
2. Гудков Л.Д., Дубин Б.С., Страда В.Н. Литература и общество: введение в социологию литературы. М., 1998.

3. Зенкин С. Н. Введение в литературоведение: Теория литературы: Учеб. пособие. М., 2000.
4. Купина Н.А., Литовская М.А., Николина Н.А. Массовая литература сегодня. М., 2009.
5. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999.

УДК 821.161.1(092)“19”

Н.А. Иванова, Л.В. Ляпаева

*Чуваши́йский госуда́рственный университет им. И.Н. Улья́нова
г. Чебоксары, Чувашская республика, Россия*

БИБЛЕЙСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОВЕСТИ Б.К. ЗАЙЦЕВА «ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА»

В художественной структуре повести Б.К. Зайцева «Голубая звезда»(1918) важное место занимают библейские реминисценции, позволяющие глубже понять проблематику произведения. Герои повести часто обращаются к ветхозаветным и новозаветным сюжетам. Библейские реминисценции выступают и в виде названий псалмов, упоминаний церковных фраз, названий церковных реалий. Их использование позволяет расширить пространственно-временные границы событий, возвести реальность к сакральному.

Повесть Б.К. Зайцева «Голубая звезда» (1918) относится к числу программных произведений писателя, о чем свидетельствует запись в автобиографии: «В 1918 году <...> появилась повесть, которую я считаю самой полной и выразительной из первой половины моего пути. Она прозрачнее и духовнее «Земной печали» (3;50-51). В ней свое наивысшее воплощение находят как идейные, так и художественные искания автора.

В современном литературоведении изучению повести «Голубая звезда» посвящены исследования М.В. Ветровой, Е.Ф. Дудиной, Л.А. Иезуитовой, О.Г. Князевой, Л.В. Ляпаевой, Л.А. Пермяковой, Л.В. Усенко (5;6;7;8;9;10). В поле зрения исследователей находились разные аспекты анализа. Наиболее освещаемыми являлись следующие вопросы: проблема героя (5;6;7;8), мотивная структура (мотив одиночества; мотив культуры, мотив игры) (6; 9), поэтика сна (6), символика (звезда) (6), вопросы традиций Достоевского, Чехова, Вл.Соловьева (5;6;8), импрессионистические черты повести (10). Таким образом, обращение исследователей к повести «Голубая звезда» представлено достаточно разносторонне, однако такая особенность повести «Голубая звезда» Зайцева, как активное введение «чужого слова» в ткань повествования, является недостаточно исследованным. «Чужое слово» - это «речь в речи», по М.Бахтину, это избраженная речь, способ структурного обнаружения диалогичности в иной плоскости, чем сюжет и система персонажей (4;331). С этой точки зрения повесть не была объектом анализа, что позволяет говорить об актуальности темы. Главная форма «чужого слова» в «Голубой звезде» связана с введением библейских реминисценций.

Цель нашей работы: выявить специфику использования библейских реминисценций в повести «Голубая звезда». Для достижения поставленной цели необходимо раскрыть способы введения «чужого слова»-библейских реминисценций, рассмотреть с точки зрения их соотносительности с текстом Библии, выделить их формы и виды и, наконец, обозначить функции.

Библейские, новозаветные и ветхозаветные, мотивы и реминисценции широко представлены в повести «Голубая звезда».

Носителем христианских идей в произведении является Алексей Петрович Христофоров, утверждающий, что «нет ничего в мире выше христианства» (2,364). В противовес герою Анна Дмитриевна, представитель элиты Москвы, говорит своей приятельнице: «Фанни, слышишь? "Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Небесное"! Это про нас с тобой» (2,364). В данном тексте мы видим точное введение цитаты из Библии (Матф. 19:24; Лк. 18:25). Анна Дмитриевна говорит о сложности отречения от «светских» ценностей и принятия жизни согласно христианской морали.

Христофорова иронично сравнивает Фанни с Франциском Ассизским. Эта реминисценция подчеркивает монашеское поведение Алексея Петровича, поскольку известно, что Франциск Ассизский — католический святой, учредитель названного его именем нищенствующего ордена, знаменующий собой перелом в истории аскетического идеала, а потому и новую эпоху в истории западного монашества и римской курии.

Анна Дмитриевна – героиня, мироощущение которой невозможно определить вне библейских реминисценций, говорит Христофорову: «С меня долго надо смывать, ах, как долго смывать прежнее. Голубчик, мне оттого с вами легко, что вы не теперешний, древний человек... Уж и сейчас похоже, что мы удалились с вами в пустыню, но это только первые шаги. Ах, иногда я мечтаю о настоящей Фиваиде, о

жизни, в какой-то блаженной египетской пустыне, наедине с Богом» (2,405). Здесь содержится прямая библейская реминисценция: текст отводит к евангельскому рассказу, согласно которому Иисус Христос, ведомый Духом, удалился в пустыню, чтобы в уединении, молитве и посте подготовиться к исполнению миссии, с которой он пришел на землю. Иисус сорок дней «Был искушаем от диавола и ничего не ел в эти дни, а по происшествии их взалкал» (Лк. 4:2). Главный смысл обращения Анны Дмитриевны к подобному библейскому сюжету – в готовности уйти от мирской жизни, эта готовность, пока не реализовавшаяся, но существует как возможность.

Параллели между ситуациями бытовыми и библейскими в повести постоянны, даже на уровне иронии, самоиронии. Так, войдя в дом Христофорова, Анна Дмитриевна говорит: «А, убежище отшельника. Здравствуй, святой Антоний» (2,340). Содержание этого разговора отсылает читателя к житию святого Антония и непосредственно к Ветхому Завету. Преподобный Антоний известен как аскет-отшельник III – IV вв., подвизавшийся в египетской пустыне Фиваиде. Христофоров, по сути, ведет аскетический образ жизни.

Таким образом, использование библейских ситуаций и реминисценций позволяет расширить пространственно-временные границы событий, возвести реальность к сакральному.

Наполнить пространство, сделать его духовным помогают такие виды библейских реминисценций, как названия псалмов, упоминания отдельных церковных фраз, даже названий каких-либо церковных реалий: «Рождество у Вернадских проходило по точному ритуалу: на первый день являлись священники, пели "Рождество Твое, Христе Боже наш"» (2,370), «"Христос воскрес!" - "Воистину воскрес!"» (2,404), «ставила свечку "Укротительнице злых сердец"» (2,359), лампадка, «пахнет ладаном» (2,334), вечерня и т.д. При этом в земное время органично вливается время вечное, что подчеркивается уже тем, что оно измеряется церковным календарем: «Легко, приветливо светлел в Машуриной чистой комнате масленичный день» (2,398), «Следующий день был четверг Страстной недели, знаменитый день Двенадцати Евангелий, длинных служб, вечернего шествия с огоньками» (2,403), «через несколько дней, незадолго до Рождества» (2,366). Все это соотносится с жизнью Вечной. Так, Христофоров говорит: «...недавно, на днях я испытал странное чувство. На минуту я ощутил себя блаженным и бессмертным духом, существующим вечно, здесь же, на земле. Жизнь как будто бы пронеслась передо мной миражом, вечными сменами, и уходящих миражей мне не жаль было, а будущее – я знал, придут. Я забывал о прошлом и не думал о будущем. Быть может, такое состояние, со всегдашним ощущением света, то есть Бога, и есть райская жизнь, о которой говорит Библия» (2,406). Герой здесь органично соединяет себя с идеями Библии. Библия выступает как напоминание о краткости человеческой жизни и вечности мира. Именно на фоне вечной жизни, жизни, в которой сокрыты истинные ценности бытия, и рассматриваются земные явления в повести.

Таким образом, библейские реминисценции занимают значительное место в художественной структуре «Голубой звезды» Б.Зайцева. Они многообразны. Герои (Христофоров, Анна Дмитриевна, Фанни и др.) часто обращаются к ветхозаветным и новозаветным библейским сюжетам. И именно с помощью такого типа «чужого слова», как библейские реминисценции происходит углубление представлений о духовных исканиях героев начала XX века.

Список использованных источников

1. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Издание Московской Патриархии, 1993. – 1372с.
2. Зайцев Б.К. Осенний свет: Повести, рассказы / Б.К. Зайцев. – М.: Советский писатель, 1990. – 544с.
3. Зайцев Б.К. О себе (1943) // Зайцев Б.К. Сочинения: В 3т. Т.1. - М.: Терра, 1993. – 527с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. - М.: Искусство, 1979. – 424с.
5. Ветрова М.В. Повесть Бориса Зайцева «Голубая звезда»: круг символистских идей и художественный опыт Достоевского // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Серия Филология. – 2008.- Вып. 53, № 798.
6. Дудина Е.Ф. Творчество Б.К. Зайцева 1901-1921 годов: своеобразие художественного метода: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.01: Орел, 2007.
7. Иезуитова Л. В мире Бориса Зайцева // Б.К. Зайцев Земная печаль: Из шести книг. – Л.: Лениздат, 1990. – с. 5-16.
8. Князева О.Г. Религиозно-философские основы художественного творчества Б.К. Зайцева 1910-1920-х гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.01: Курск, 2007.
9. Ляпаева Л.В. Некоторые особенности мотивной структуры повести Б. Зайцева «Голубая звезда» // Классика и современность. – Чебоксары: Изд-во Чуваш.ун-та, 2007. – с. 43 – 48.

10. Усенко Л.В. Импрессионизм в русской прозе начала XX века / Л.В. Усенко.– Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1988. - 237с.

УДК 88-26

О.И. Осипова

*Технический институт (филиал) Якутского государственного университета
г. Нерюнгри, Россия*

АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ И ИМПЛИЦИТНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

На примере романа В. Я. Брюсова «Огненный ангел» рассматриваются поливалентные авторские установки на создание романа, ориентированного на множественность читательских интерпретаций.

Имплицитный читатель – термин, введенный в научную практику немецким литературоведом В. Изером [1], означает нарративную инстанцию, ответственную за реализацию интерпретационной схемы, наиболее полно соответствующей авторскому замыслу. Это текстуальная конструкция, а не проекция реальной аудитории, так как наряду с другими категориями текста в замысел автора произведения входит ориентация на определенного читателя. Часто мы можем наблюдать авторскую установку на вариативность читательского восприятия произведения. Так, с «несколькими читателями» играет модернизм. Специфика большинства текстов модернизма заключается в том, что присутствующие в них имплицитные читатели образуют иерархию возможных интерпретаций текста.

Множественность интерпретаций может проявиться на любом уровне текстового анализа. Наиболее отчетливо это можно наблюдать при рассмотрении жанровых особенностей текста, так как именно жанр чаще всего выявляет диалогическую природу произведения [2]. В период модернизма одним из таких жанров становится роман, в игровом пространстве которого различные коды жанров не просто синтезируются или взаимоосвещаются, но придают роману многослойность, что в свою очередь стратифицирует способы читательского восприятия. На каждом уровне читательского восприятия формируется свое понимание жанра произведения. Поэтому недостаточно обозначить роман как автобиографический, исторический, готический, символистский, необходимо рассмотреть возможность столь же многоуровневого восприятия жанра романа, изначально заложенного автором.

Сложность читательского восприятия жанровой природы «Огненного ангела» В.Я. Брюсова обусловлена сложностью взаимоотношения «авторских масок» в романе. Авторская установка на игру повествовательными «я» приводит к включению в структуру романа разных повествовательных форм и структур, что в свою очередь инспирирует возможность использования разных жанровых форм, определяющих читательское восприятие.

Выходу романа в свет, как известно, предшествовала мистификация, благодаря которой Брюсов смог отрекомендовать себя как редактор и переводчик немецкой рукописи XVI века. Им создается предисловие, в котором он анализирует исторический контекст романа, характеризует героя-повествователя, роман снабжается 300 примечаниями, составленными так, будто Брюсов действительно комментирует и объясняет художественный текст, написанный кем-то другим. Это позволяет вывести первую «авторскую маску» – героя романа, Рупрехта, который тоже неоднократно подчеркивает активность своей авторской позиции, сознание творческого процесса при написании текста своей исповеди. Мы не беремся утверждать, что при выходе в свет первого издания романа (в журнале «Весы» 1907 года) он был воспринят читателями как исповедь, написанная человеком XVI века, но здесь очевидна «игровая» установка Брюсова на объективизацию своего героя-повествователя.

Когда мистификация была «разоблачена», на титуле книги появляется фамилия Брюсова-автора, активными становятся установки на написание исторического романа. Прежде всего, это хронотоп повести, историзм художественного воссоздания закономерностей жизни прошлого. Документальная фиксация того, что стало достоянием истории, и соотнесение с этим жизни личности позволяет вписать частную жизнь в историческое бытие. Очевидно, что чаще всего читательское восприятие будет следовать данной авторской установке: исторический роман, построенный как исповедь героя.

Коллизия романного текста строится на любовном треугольнике, но одновременно в ее основе лежат реальные взаимоотношения В. Брюсова, Н. Петровской и А. Белого. С планом истории совмещен план современности. Появление в романе автобиографических мотивов делает трактовку романа только как исторического неполной. Автобиографические мотивы выдвигают на первый план особенности символистской прозы: установка на слияние искусства и жизни, описание души автора, принцип антиномии, пронизывающий весь романский мир, представление об отсутствии одной для всех истины, стилизация, игровое начало. В свою очередь, читатель, который будет знаком с историей создания романа, будет знать ав-

тобиографический подтекст, уже совершенно по-новому воспримет романский мир, увидит его глубинный пласт, что предоставит выход к новым ценностным уровням романа.

Таким образом, перед нами роман, который может подвергаться различной жанровой интерпретации. Ипостаси автора формируют доминирующие жанровые установки, что приводит к восприятию романа в нескольких жанровых регистрах. «Карнавальная» сменой повествовательных форм автор закладывает возможность полифонического прочтения произведения. Тем самым выстраивается иерархия читателей, интерпретирующих текст, исходя из индивидуального читательского опыта.

Список использованных источников

1. Iser W. Der Akt des Lesens; Theorie asthetischer Wirkung. – Munchen, 1976.
2. Кихней Л.Г. К герменевтике жанра в лирике // Герменевтика литературных жанров / Под общей редакцией профессора В.М. Головки. – Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета; Ставропольское книжное издательство, 2007. С. 36 – 68.

УДК 82

М.С. Щукина

*Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
г. Красноярск, Россия*

РОЛЬ АКТЕРОВ В ВОПЛОЩЕНИИ ПРИНЦИПА ТЕАТРАЛЬНОСТИ В ПЬЕСЕ ТОМА СТОППАРДА «РОЗЕНКРАНЦ И ГИЛЬДЕНСТЕРН МЕРТВЫ»

В статье анализируется пьеса английского драматурга Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильдестерн мертвы», раскрывается один из основополагающих принципов создания художественного текста – принцип театральности. Рассматривается роль актеров в пьесе.

Принцип театральности, структурой которого является иерархическое сочетание различных художественных реальностей, получил широкое применение в литературе XX века. Такой принцип наиболее характерен для драматического произведения, поскольку оно рассчитано на сценическое воплощение, что позволяет нескольким художественным реальностям сосуществовать в рамках одного произведения на основе игры человеком определенной роли [1].

Характерным в этом смысле является пьеса английского драматурга Тома Стоппарда «Розенкранц и Гильдестерн мертвы» (1966 г.) [2], построенная на шекспировских аллюзиях. Интерес к Тому Стоппарду в России появился сравнительно недавно, а его творчество только начинает исследоваться нашими соотечественниками. Наиболее значимые статьи о пьесах Стоппарда были написаны Ю. Фридштейном [3], О. Шихзамановой [4], Г. Шовкоплясом [5].

Главными героями пьесы Т. Стоппарда становятся второстепенные шекспировские герои трагедии «Гамлет» Гильдестерн и Розенкранц, именно их глазами читатель узнает о происходящем в датском королевстве, а также труппа бродячих актеров, которым Т. Стоппард отводит чрезвычайно значимое место в своем произведении.

Важную роль у Т. Стоппарда играют актеры, которым известен конец пьесы. Уже при первой встрече с Розенкранцем и Гильдестерном Актер намекает на некий «шанс», который получают герои в его лице. Благодаря этой возможности, по мнению Актера, они смогут узнать свое истинное положение и, быть может, им удастся избежать печальной судьбы. Вместе с актерами в пьесу входит мотив театральности, как двусмысленности жизни и постоянного присутствия в ней чего-то ненастоящего, наигранного. Именно эта наигранность в отношениях между людьми является, по мнению актера, «вывихом века», о котором говорил Гамлет.

Актер предлагает Розенкранцу и Гильдестерну проиграть собственные роли в мини-спектакле, чтобы они смогли понять суть взаимоотношений реальности и игры. Вся деятельность актеров направлена на подготовку героев к финальной сцене на корабле, где Розенкранцу и Гильдестерну предстоит совершить единственно верный и единственно возможный шаг, позволяющий им выйти из игры.

Палуба корабля, в качестве финального места действия, не случайна. Корабль нужен Стоппарду, чтобы дать своим героям максимальную свободу действий и мыслей, ведь здесь за ними никто не следит, никто не отдает им новых приказаний. Как раз в тот момент, когда Розенкранц с Гильдестерном вновь пытаются разобраться в обстановке и причине их отправки с Гамлетом в Англию, на корабле появляются актеры (у Шекспира этого нет).

Вместе с актерами вновь проявляется мотив театральности. Они в костюмах из пантомимы короля, королевы, двух шпионов «мастерски» разыгрывают смерть перед Розенкранцем и Гильдестерном. Этот спектакль, заканчивающийся благополучным «воскрешением» актеров в игровой действительности, обо-

рывается реальной смертью для друзей. Так вновь подтверждается мнение Актера, что в мире реальность и игра поменялись местами.

Таким образом, роль Актера в спектакле «Убийство Гонзаго» аналогична роли шекспировского Гамлета, – это роль "рассказчика", внимательно следящего за действием и комментирующего его. Он соединяет театральную условность с объективной действительностью, создает такую реальность, которая объединит действительность и игру. Актеры играют важную роль в судьбе друзей Гамлета, поскольку они являются своеобразной авторской «подсказкой», которая должна помочь героям сознательно посмотреть на действительность, окружающую их, и определить свое место в ней. Бродячие актеры, возведенные Стоппардом до «всеведущих» и «всезнающих» персонажей пьесы, которым известен ее конец, в отличие от Розенкранца и Гильденстерна активно действуют, импровизируют, свободно творят в реальной жизни, они чувствуют себя в жизни так же уверенно и комфортно, как и в роли, поэтому в конце пьесы они остаются живы.

Список использованных источников.

1. Парфенов А.Т. Театральность «Гамлета» // svr-lit.niv.ru/svr-lit/articles/parfenov-gamlet.htm
2. Стоппард Т. Розенкранц и Гильденстерн мертвы (Пьеса в трех действиях)/Перевод с англ. Иосифа Бродского // Иностранная литература – №4 – 1990. С.83–135.
3. Фридштейн Ю. Открываем «спецхран»: пьесы Тома Стоппарда, которых мы не знаем // Диапазон – №1 – 1991. С. 33–37.
4. Фридштейн Ю. Парадоксы Тома Стоппарда // Иностранная литература – №4 – 1990. С. 136–137.
5. Шихзаманова О. Тайна второстепенного персонажа. // Театр. 1979. № 10. С. 117-123
6. Шовкопляс Г.Е. Том Стоппард. Портрет на фоне новых исследований. // Современная художественная литература за рубежом – июль-август – 1990. М.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 1:81

Н.Н. Ростова

*Кемеровская государственная медицинская академия
г. Кемерово, Россия*

ОБЫДЕННОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ О МИРЕ

В настоящее время возрастает интерес разных наук к обыденному знанию, обыденной философии. Интересным представляется вопрос о соотношении обыденного и научного философского знания. В их соотношении формируется целостное представление об объекте исследования.

В традиционной гносеологии принято выделять два уровня знаний: теоретически систематизированные, которые подразделяются в зависимости от «профиля» науки и теоретически несистематизированные.

Теоретически несистематизированные знания по способу получения знаний делятся на обыденные, мифологические, мистические и религиозные.

В последнее время отмечается обращение разных наук к изучению обыденного знания. Составляющими обыденного знания является повседневный опыт, здравый смысл и естественный язык. Обыденное знание представляет собой обыденную философию, народную философию.

Субъектом, носителем обыденного знания являются широкие массы людей, следовательно, обыденная философия носит коллективный характер. «Классическая гносеология считает, что обыденное сознание и знание не связано с какой-то определенной сферой деятельности, но несет в себе представления, присущие всем людям в равной мере» [Касавин И.Т., 1990; 15]. Исследование обыденных представлений – это изучение коллективного представления об интересующем нас объекте. Научные философские представления складываются из индивидуальных философских доктрин, следовательно, научные знания носят индивидуальный характер, хотя на индивидуальные взгляды философов большое влияние оказывает доминирующая общеполитическая концепция эпохи.

Характеристикой субъекта научных знаний может служить профессиональная ориентация. Обыденное знание непрофессиональное, являющееся достоянием всех членов общества.

Повседневная практика является способом получения обыденного знания, зафиксированного в обыденном языке. Научные знания, представленные в форме системы научных понятий, суждений, теоретических доказательств, получают путем специальной исследовательской деятельности.

Обыденное знание ориентировано на жизненно-практические, повседневные нужды людей. Научное знание стремится отразить истину во всей полноте.

Обыденные и научные знания представляют собой разные формы отражения действительности: обыденное – посредством органов чувств (чувственная форма отражения действительности), научное знание – посредством разума (путем логического, абстрактного мышления).

В настоящее время признается важность взаимосвязанности обыденного и научного знания, обусловленная необходимостью целостного познания окружающей действительности и человека, как наиболее важного объекта исследования.

В совокупности знания о мире складываются в картины мира, которые подразделяются в зависимости от знаний, взятых в основу. Мы будем говорить о философской картине мира на основе научного знания (далее: философская картина мира, или ФКМ) и философской картине мира, в основе которой лежат обыденные знания (далее: обыденная картина мира, или ОКМ).

Философия всегда стремилась к наиболее полному, целостному постижению своеобразия мира, отражению всех его аспектов, предстающих перед удивленным взглядом человека. Различные философские концепции – это разные способы мировосприятия, «посредством которых ум человека откликается на проблемы мира в соответствии со своим специфическим устройством» [Радхакришнан С., 1988; 30]. Каждая эпоха ставит перед человеческим умом определенные проблемы, решить которые и призвана философия. Отдельно взятая философская концепция актуализирует один из аспектов рассматриваемой проблемы, т.е. отражает однобоко. Целостность мировосприятия достигается благодаря разностороннему подходу к проблеме, т.е. рассмотрению всех существующих точек зрения. «Общая картина мира коллективного субъекта и должна, впитав остроту однобокого видения мира какого-либо субъекта, в итоговом синтезе снять эти однобокости в едином изображении» [Серебрянников Б.А., 1988; 30].

Введение в философский и научный обиход понятия «картина мира» позволило приблизиться к достижению поставленной цели. «Мир здесь выступает как обозначение сущего в целом, – заявил М.Хайдеггер. – Нарисованные вещи представлены перед нами во всей их полноте» [Хайдеггер М., 1993; 49].

Осознание действительности как целостной картины мира возможно было с развитием субъектно-объектных отношений, когда человек, осознав себя познающим субъектом, отделяется от познаваемого им мира, что позволяет объективно оценить и познать окружающую действительность.

Следовательно, философская картина мира изучает и отражает мир в целом, а не фрагмент мира, в отличие от большинства частнонаучных картин. Особенности ФКМ соответствуют своеобразию научных знаний, лежащих в основе философской картины мира (система научных доктрин; отражает действительность путем логического, абстрактного мышления; знания получены путем специальной исследовательской деятельности).

До определенного времени философы недооценивали роль языка как средства изучения мироощущения человека. Язык, по верному замечанию Бертрانا Рассела, воспринимается как средство передачи информации и высказывания каких-либо утверждений, иными словами, язык выполняет функции выражения и коммуникации.

Идея отражения в языке национального своеобразия впервые появилась в трудах философско-рационалистов. Г.В.Лейбниц осознавал важность изучения и сравнения всех языков: «Языки – это поистине лучшее зеркало человеческого духа, путем тщательного анализа значения слов мы лучше всего могли бы понять деятельность разума» [Лейбниц Г.В., 1982; 338].

Любое знание, полученное отдельным человеком, благодаря языку сохраняется и передается из поколения в поколение, становится достоянием всех. Человек, постигая мир, осознавая и объясняя его, привносит в знание субъективные черты, но и мир, в свою очередь, влияет на мироощущение человека. Жизнедеятельность человека регламентируется картиной мира, которая формирует систему запретов, норм, ценностей, определяет его социальную и культурную жизнь. Следовательно, картина мира любого человека включает объективные и субъективные знания, благодаря наличию объективных знаний, т.е. некоего общего, народного, социального ядра, происходит взаимопонимание в рамках национальной культуры. В лингвистике для обозначения данного понятия употребляется термин «языковая картина мира», или наивная картина мира. Мы, исходя из того, что языковая картина мира базируется на обыденных представлениях и знаниях, будем называть ее обыденной картиной мира.

Обыденная картина мира содержит в себе всю информацию о внутреннем и внешнем мире, которая закрепляется «средствами живых, разговорных языков» [Брутян Г.А., 1973; 108]. Особенности ОКМ можно определить, исходя из особенностей обыденного знания (коллективный характер знания; ориентация на повседневные нужды; чувственная форма отражения действительности; повседневная практика как способ получения обыденных знаний).

Появляется закономерный вопрос о соотношении ОКМ и ФКМ. В.С.Соловьев утверждает, что «философия не создает новых понятий, а только перерабатывает те, которые находит в обыденном сознании.

Эта переработка или преобразование понятий, причем их смысл, т.е. содержание, делается более сознательным и вполне отчетливым» [Соловьев В.С., 1988;81]. В связи с необходимостью целостного понимания того или иного концепта, целесообразно будет его рассматривать одновременно как элемент ОКМ и ФКМ, где есть общее смысловое ядро, доступное всем носителям языка, содержащее обыденное знание, периферия философской картины мира, т.е. актуализация определенных аспектов интересующего нас объекта, изложенных в индивидуальных философских концепциях, периферия обыденной картины мира, представляющая совокупность субъективных знаний об объекте.

Список использованных источников

1. Брутян Г.А. Язык и картина мира// Философские науки. 1973. №1 С. 108-111.
2. Касавин И.Т. Постигая многообразие разума. // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990. 372 с.
3. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разуме. М.; Л.: СОЦЭКГИЗ, 1936. 484 с.
4. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х томах. Т.2. М.: Мысль, 1982. 686 с.
5. Радхакришнан С. Цит. по книге: Роль человеческого фактора в языке. М.: Наука, 1988.
6. Соловьев В.С. Лекции по истории философии. М.: Наука, 1988. 397 с.
7. Соловьев В.С. Оправдание добра //Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. Т.1. М.: Мысль, 1988. 853 с.
8. Сыров В.Н. Картина мира и ее научное, философское и общекультурное значение // Картина мира: Язык, философия, наука. Томск: ТГУ, 2001.
9. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 445 с.

УДК-81.1

М.А. Богданова

Армавирский государственный педагогический университет
г. Армавир, Россия

НАПОЛНЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕИ СЧАСТЬЯ

Лингвокультурная идея – диалектически развивающаяся семантическая сущность, источник её развития заключается в присутствии отрицающих её категориальных противоречий, т.е. в ней содержится не только «концепт», но и «антиконцепт». Несмотря на свою мировоззренческую и психологическую значимость, лингвокультурная идея счастья не получила еще своего должного лингвистического освещения.

Лингвокультурная идея обладает набором признаков концепта, в современной философии полностью утратившая свое специфическое значение и синонимизировавшаяся с понятием. Лингвокультурная идея – диалектически развивающаяся семантическая сущность, источник её развития заключается в присутствии отрицающих её категориальных противоречий: вместе с «тезисом» в ней содержится и «антитезис», вместе с «концептом» и «антиконцепт» (Воркачев 2007: 19).

На протяжении всей сознательной истории жизни человечества неоспоримым является аксиологический статус счастья. Как одна из важнейших духовных ценностей, объект постоянного поиска, составной элемент практически всех мировоззренческих систем, счастье по своей сути обрело наднациональный характер. История всех этических учений сопрягает смысл счастья с лучшей, достойной, красивой, радостной жизнью, нежели насущная жизнь индивида. Но характер общечеловеческой и общезначимой ценности счастья вполне мирно сосуществует с национальными, традиционными аспектами восприятия и трактования данной ценности. Иными словами, понимание счастья в каждой нации, в каждой национальной культуре имеет свои специфические черты. Столь многогранное и многоаспектное понятие как счастье гранича своего внутреннего смысла сплавляется с самыми разнообразными сторонами бытия носителя определенной этнокультуры.

Рассмотрим наполнение идеи счастья, которая представлена следующими лексическими единицами.

1. **Блаженство** – высшая степень счастья: *«Счастлив (не блажен) тем, что целовал я женщин», но «Блаженны (не счастливы) плачущие, ибо они утешатся»* (Воркачев 2004:146).

2. **Благополучие** – состояние удовлетворенности, жизнь в довольстве, обеспеченности, без неудач и потрясений (материальное, семейное благополучие): *Благополучие еще не счастье, а только гарантия, что хуже не будет* (В. Тендряков. Апостольская командировка).

3. **Судьба:** *Куда бы нас ни бросила судьбина / И счастье куда б ни повело, / Все те же мы: нам целый мир чужбина; / Отечество нам Царское Село* (Пушкин. 19 октября). Идея «счастья-судьбы» является одним из самых распространенных трактований счастья.

4. **Удача** – совокупность благоприятных, способствующих успеху обстоятельств, счастливый случай: *Хаджи-Мурат всегда верил в свое счастье. Затевая что-нибудь, он был твердо уверен в удаче, – и все удавалось ему* (Л. Толстой. Хаджи-Мурат).

5. **Радость** занимает важное место в балансе счастливой жизни. Верой и надеждой живет радость, только через их действие утверждает она повседневное настроение человека, и минуты неудач и страданий обращает в стремление продолжать жить, продолжать воплощать в своем естестве Божий замысел. Именно эти мудрые законы жизни в радости, надежде и вере отражаются в народных поверьях: *«Все на свете к лучшему», «Бояться несчастья – и счастья не будет», «Кто бажит (т.е. сильно желает), тому встречу бежит».*

6. **Фортуна:** [Епиходов]: *Я знаю свою фортуна, каждый день со мной случается какое-нибудь несчастье, и к этому я давно уже привык, так что с улыбкой гляжу на свою судьбу* (Чехов. Вишневы сад).

7. **Талан** был синонимом слова «счастье» в XIX веке: [Скурыгин]: *Пойти ему господь в делах удачи, и счастья, и всякого талану* (А.Островский. Тушино, сц.4).

Перечисленные выше лексемы скорее связаны с получением удовольствия или даже наслаждения от счастливой жизни. Наслаждение, в отличие от удовольствия, может принадлежать к области «высокого» и стоять в одном ряду с истинным счастьем. Весь корпус многообразных фелицитарных идей имеет в своем основании одно из самых прочных направлений, внутренний смысл которого заключается в отождествлении понятия счастья с богатой палитрой позитивных, созидающих эмоций, переживаний, чувств человека.

Рассмотрев наполнение идеи счастья, можно сделать вывод о том, что ценным в счастье является ощущение гармонии, процветания, характеризующееся относительным постоянством, приятным эмоциональным подъемом, который по степени интенсивности может варьироваться от сдержанного проявления чувств до бурной радости.

Как уже отмечалось, лингвокультурная идея включает в себя не только концепт, но и антиконцепт. Рассмотрим антипод счастья – несчастье и его составляющие.

1. **Горе** – большое несчастье; очень тяжелое, часто непоправимое событие, очень интенсивное и наиболее глубокое, длительное чувство и обычно предполагает полную погруженность человека в свои переживания, несовместимую с нормальным функционированием человека: *Ольгу Сергеевну постигло горе: у ней скончался муж* (Салтыков-Щедрин. Господа Ташкентцы).

2. **Беда** – большое, неожиданное несчастье, событие с тяжелыми последствиями, которое оценивается отрицательно и вызывает страдание субъекта в той или иной степени интенсивности: *Расправы над пленными, военные беды и неудачи, все это мучило ее, лишало покоя, так же, как несчастья, происходившие в ее собственной судьбе* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

3. **Бедствие** – большое несчастье, очень тяжелое событие с гибельными последствиями, касающееся обычно многих людей: *Только великий народ способен в годину бедствия не потерять себя, а сплотиться, обрести несокрушимую силу духа* (Г. Бакланов. Высота духа). Бедствие представляется самым непоправимым и стихийным, совершенно независимым от человека. Употребление лексемы «бедствие» подчеркивает невозможность субъекта противодействовать случившемуся: *Неожиданное, новое бедствие обрушилось на голову Ивана Петровича: он ослеп, и ослеп безнадежно, в один год* (Тургенев. Дворянское гнездо. БАС).

4. **Неудача** (невезуха) которые употребляется для характеристики некоторого события как воли судьбы.

5. **Злосчастье** (бездолье) имеет устарелый характер, иногда употребляется в народно-поэтической речи, обычно в сочетании *горе-злосчастье*, имеющем усилительный оттенок: *[Раб] верит, что злосчастье его не бессрочно* (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); *С ней [красной девицей] зимою – Лето теплое; при бездолье – Горе – не горе!* (А. Кольцов. Песня).

6. **Злополучие** – тяжелые, неблагоприятные обстоятельства, в которых оказался человек.

7. **Лихо** совпадает по значению со словом «беда».

8. **Удар** (удар судьбы) – внезапное горе, несчастье, неожиданная неприятность, сильное потрясение: *Ему казалось, что вот, того и гляди..., неожиданный удар судьбы мигом разрушит великодушный мир блаженства* (Гончаров).

9. **Напасть** – очень неприятное, тяжелое огорчительное событие, неожиданно обрушившееся на кого-л.: *Начались домашние напасти... у сына открылось воспаление среднего уха..., у Игоря вскочили нарывы на горле* (Ю. Нагибин. Дорожное происшествие).

Таким образом, перечисленные лексемы – события, а также обстоятельства и явления жизни, которые человек оценивает как отрицательно или пагубно влияющие на его жизнь. Эта оценка является «сме-

шанной» – рационально-эмоциональной: помимо оценки с точки зрения последствий для жизни, она содержит эмоциональный компонент – страдание субъекта.

Проанализировав наполнение идеи счастья, мы приходим к выводу, что счастье – это состояние гармонии, его нельзя дать, ему нельзя научить; несчастье – это событие, часто неожиданное и трагичное. Лексема «горе» несет дополнительную смысловую нагрузку – душевное переживание. Счастье, как и несчастье, носит индивидуально-ситуативный характер.

Список использованных источников

1. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы. // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66. – № 2. – С. 13–22.

УДК 81-114.2

Т.Н. Ишмекеева

Магнитогорский государственный университет
г. Магнитогорск, Россия

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА

В статье анализируются различные подходы к определению грамматического статуса газетного заголовка. При всем многообразии точек зрения на названную проблему выделяются следующие аспекты: 1) заголовок – номинативная единица, 2) заголовок – предикативная единица, 3) заголовок – текстовая единица, 4) заголовок – номинативно-предикативная единица.

Сложность решения вопроса относительно грамматической природы заголовка заключается в том, что в научной литературе существуют полярные мнения: от полного отрицания лингвистического содержания в заглавии до признания заголовка самостоятельным текстом.

Проанализировав работы, посвященные названной проблеме, мы выделили четыре основные группы в зависимости от отнесенности заголовка авторами исследований к определенному языковому уровню.

Первая группа представлена работами ученых, отказывающих заголовку в синтаксическом статусе. Так, А. А. Шахматов, не признавая заголовки-номинативы предложениями, выделяет их как особую категорию слов. А. П. Гвоздев считает заголовки простыми наименованиями (тем самым подчеркивается номинативная функция заголовка). Отметим, что заголовок как собственно номинативная единица (следовательно, близкая к слову) рассматривается в научной литературе достаточно редко.

Ко второй группе относятся работы, в которых отмечается, что заголовок несет в себе коммуникативное содержание и, следовательно, является единицей языка (предложением) или единицей речи (высказыванием).

Исследователи, признающие за заголовком статус синтаксической единицы (Л. А. Коробова, О. А. Ляпина, К. В. Прохорова, В. М. Ронгинский, О. С. Толочасова, В. А. Чижиковский и др.), оговаривают, однако, что заголовок – это особый вид предложения, который представляет собой отдельный компонент связного текста. Учеными отмечается наличие у заголовка предикативности, что сближает его с предложением: «В самой природе названия открывается коммуникативная функция языка, предполагающая соотнесение высказывания с действительностью, т.е. предикативность» [1, с. 11]. «Он (заголовок – Т. И.) является семантическим репрезентантом текста, поэтому составляющие его единицы приобретают предикативность (как важнейшую характеристику предложения), независимо от того, какими синтаксическими единицами они представлены. Заголовок осуществляет внешний этап предикации. Отдельные имена существительные, фигурирующие в качестве заголовка, приобретают обычно пропозициональный характер, находя соответствие с семантическим аспектом предложения» [2, с. 12].

Однако связь заголовка с самой реальной действительностью отмечается не всеми лингвистами. По мнению Л. А. Коробовой, «денотатом заголовка выступает информация статьи об объективной действительности, а не сама объективная действительность, являющаяся денотатом для информации статьи» [3, с. 79]. Сходная точка зрения представлена О. А. Ляпиной, утверждающей, что заголовок соотносится не с реальной действительностью (как предложение), а только «с информацией, заключенной в озаглавленном им тексте» [4, с. 7].

Таким образом, вторая группа представлена работами лингвистов, признающих за заголовком статус предложения. Аргументами в пользу данной точки зрения являются коммуникативная функция заголовка, пропозициональный характер последнего, а также наличие в нем важнейшей категории предложения – предикативности.

К третьей группе можно отнести работы лингвистов, считающих, что заголовок представляет собой «сжатый до структуры словосочетания (слова) текст» [5, с. 51], специфический тип текста, занимающий особое место в сложной иерархической системе текстов массовой информации [6]. По мнению Г. Г. Хазагерова, возможность заголовка функционировать не только обусловлено, но и автономно объясняется тем, что заголовок сам является текстом [7, с. 2]. В связи с этим выделяются характерные черты заголовка, сближающие его с текстами других типов: «текстовая оформленность, целостность, формальная и смысловая завершенность, адресованность, интертекстуальность» [6, с. 8]. К данной группе мы относим также работы лингвистов, считающих заголовок не текстом, а его частью, своеобразным элементом текста (Э. А. Лазарева, В. М. Ваняркин и др.).

Итак, заголовок признается текстом или его элементом на том основании, что, во-первых, в названии можно выделить некоторые текстовые категории; во-вторых, заголовок, занимая пространственное положение вне текста, имеет большую самостоятельность.

В связи с полифункциональностью заголовка, а также с учетом разной степени близости к номинативному и коммуникативному полюсам некоторые исследователи высказываются за более гибкое решение вопроса относительно грамматической природы заглавия (Н. Д. Арутюнова, И. Р. Гальперин, Д. З. Гоциридзе, Г. А. Золотова, Т. Ф. Каримова, М. Н. Кожина, Н. А. Фатеева и др.). Отнесем работы названных ученых к четвертой группе, поскольку лингвистами подчеркивается двойственный характер языкового статуса заголовка. Заглавие рассматривается как номинативно-предикативная единица. С точки зрения содержания заголовок несет информацию о тексте, являясь коммуникативной единицей; с точки зрения формы – это номинативная единица, имя собственное. Как коммуникативная единица заглавие стремится к предикативному выражению, как имя собственное – к номинативному, проспективно выполняет по отношению к целому тексту тематическую функцию (номинация), ретроспективно – рематическую (предикация) [8].

Иной подход представлен в работах Н. Е. Бахарева, А. С. Попова, считающих, что одни заголовки являются предложениями (следовательно, принадлежат синтаксическому уровню языка), другие – непредложениями (лексический уровень языка). «Определяющими факторами при разграничении должны считаться функции (наличие или отсутствие сообщаемости, апеллятивности, полемичности) и структура (наличие или отсутствие структурных или грамматических признаков предложения)» [9, с. 6].

Таким образом, согласно данной точке зрения, заголовок является тем пограничным разделом функционирования языка, в котором имеют место признаки одного и (или) признаки другого уровня.

Таким образом, при всем многообразии взглядов на проблему грамматической природы заголовка можно распределить их по следующим группам:

- 1) заголовок – номинативная единица;
- 2) заголовок – предикативная единица;
- 3) заголовок – текстовая единица;
- 4) а) заголовок – номинативно-предикативная единица;
- б) заголовок – номинативная либо предикативная единица, в зависимости от особенностей структуры и функционирования заглавия.

На наш взгляд, однозначно определить грамматическую природу заглавия в целом невозможно. Широкое распространение самых разнообразных структур, функционирующих в качестве заголовка, свидетельствует о неоднозначном решении данного вопроса. Видится целесообразным при исследовании синтаксического статуса заголовка учитывать особенности его строения, функционирования, представляется наиболее продуктивным утверждение о том, что заголовок занимает промежуточное положение между словом и предложением (называя текст, одновременно является высказыванием о нем).

Список использованных источников

1. Толмачева О. С. Структурно-функциональные особенности английских газетных заголовков в сопоставлении с газетным информационным текстом: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Л., 1981. – 16 с.
2. Прохорова К. В. Совокупный заголовочный текст как разновидность газетного текста: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2001. – 234 л.
3. Коробова Л. А. О семантике газетного заголовка // Иностранная филология. – Алма-Ата: Изд-во КазГУ, 1975. – Вып. 6. – С. 77–84.
4. Ляпина О. А. Структурные, функциональные и прагматические особенности немецкого газетного заголовка (на материале немецкой общенациональной прессы): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 21 с.
5. Ткаченко П. Г. Название как единица коммуникативного синтаксиса (к вопросу о названии в системе научного текста // Реализация грамматических категорий в тексте: межвуз. сб. науч. тр. – М.: МГПИ, 1982. – С. 46–51.

6. Комаров Е. Н. Ценностные ориентиры в заголовках французских и российских средств массовой информации: Автореф. дис. канд. филол. наук – Волгоград, 2003. – 20 с.
7. Хазагерев Г. Г. Функции стилистических фигур в газетных заголовках (по материалам «Комсомольской правды»): Автореф. дис. канд. филол. наук – Ростов н/Д., 1984. – 24 с.
8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 140 с.
9. Бахарев Н. Е. Структурно-функциональное развитие заголовков (на материале заголовков из газет и журналов за 1903–1907, 1935–1939, 1965–1970 гг.): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1971. – 26 с.

УДК 669.713.7

О.В. Глазова

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н.Толстого
г. Тула, Россия*

ПРИЧИНЫ ПОЯВЛЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ НЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 40-Х И 70-Х ГОДОВ 20 ВЕКА

Материалом данной работы послужил словарь новых слов 20 века Дж.Эйто. Он рассмотрен с точки зрения выраженных в неологизмах 40-х и 70-х годов эмоционально-экспрессивных значений, исследование раскрывает причины их появления.

Развитие языка обусловлено в значительной степени развитием его словообразовательной системы, становлением новых моделей слов, изменением существующих, увеличением или уменьшением их продуктивности [2,365]. Создание новых слов осуществляется как отражение в языке потребностей общества в выражении новых понятий, возникающих в результате развития науки, техники, общественных отношений и т.д. [3,35]. Приток новых слов и необходимость их описания обусловили создание особой отрасли лексикологии – неологии – науки о неологизмах [4,12]. В общем плане в неологии в последнее время преимущественный акцент делается на функционально-прагматический аспект новых слов и значений, на учет социологических факторов. Нас, в частности, интересует именно последний вопрос, рассматриваемый в пределах новой эмоционально-окрашенной лексики: каковы же причины появления эмоционально-экспрессивных значений неологизмов английского языка 40-х и 70-х годов 20 века?

Актуальность работы определяется интенсивным пополнением лексического состава, необходимостью его исследования с точки зрения выражаемых эмоций в новой лексике, систематизации новой лексики. Цель работы заключается в анализе новой лексики английского языка 70-х годов 20 века с точки зрения причин появления эмоционально-экспрессивных значений в ней. В соответствии с поставленной целью был проведен количественный анализ, выявление наличия помет, выражающих сферу употребления неологизмов, анализ компонентов дефиниций, коннотативно указывающих на наличие эмоционально-экспрессивных элементов и сделаны выводы, определяющие причины появления эмоционально-экспрессивных значений в новой лексике данного временного периода. Объектом исследования является новая лексика английского языка 40-х и 70-х годов 20 века. Предмет исследования – анализ структурно-семантических особенностей новой лексики 40-х и 70-х годов 20 века и причины ее появления. Специфика материала исследования и поставленные задачи определили методы исследования: метод сплошной словарной выборки, метод контекстологического анализа для определения особенностей функционирования неологизмов в различных ситуациях речевого общения; лингво-статистический метод с целью статистической обработки материала и учёта численного соотношения различных групп, компонентный анализ, дефиниционный анализ. Источником исследования послужил Словарь новых слов 20 века Дж.Эйто (Twentieth Century Words/John Ayto). Материал призван способствовать систематизации знаний о причинах появления эмоционально-экспрессивных значений неологизмов английского языка 40-х и 70-х годов 20 века.

На основе проанализированного материала можно сделать следующие выводы: общее количество неологизмов 70-х годов 20 века составляет 471 слово. Из них 50 имеют эмоциональную оценочность, как негативную (30 дефиниций), так и позитивную (20 дефиниций).

В результате рассмотрения новой лексики английского языка мы обнаружили наличие следующих помет: *slang (def)*; *American slang (suck)*; *colloquial (nice one)*; *British slang (bottle out)*; *youth slang (brilliant)*.

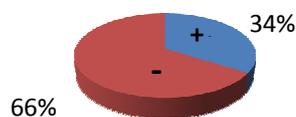
Эмоционально-оценочный компонент единиц обнаружен непосредственно в самих словарных статьях благодаря наличию семы интенсификации: *born-again*; *confrontational*; *mean machine*; *ocker*; *super-model*.

На основании проведенного анализа мы приходим к выводу, что причины появления новой лексики английского языка 70-х годов прошлого века, несущей эмоциональную нагрузку, заключаются в социально-экономической ситуации, сложившейся на тот период времени.

Характеризуя социально-экономические причины появления новой лексики, отметим такие сферы жизни общества, как:

- ✓ социально-экономические (инфляция, рост безработицы)
  - *slumpflation n* (1974) a state of economic depression in which decreasing output and employment in industry are accompanied by increasing inflation
- ✓ экологические (Это указывает на то, что 70-е годы стали первой декадой движения «зеленых», в англо-язычных странах появляется осознанность неправильного и нерационального отношения к окружающей среде и ответственность за собственное поведение)
  - *speciesism n* (1975) discrimination against or exploitation of certain animal species by human beings, based on an assumption of humankind's superiority.
- ✓ феминистическое движение
  - *person n* (1971) used in place of man in a range of compound forms in order to avoid an invidious exclusion of women, used in fanciful and often allegedly amusing combinations
- ✓ компьютеризация общества и технологические инновации
  - *hacking n* (1976) the use or programming of a computer as an end in itself, for the satisfaction it gives; the word developed the more sinister connotation of breaking electronically into others' computer systems

Для сопоставления причин появления и различий в пометах было взято десятилетие 40-х годов. Общее количество неологизмов 40-х годов 20 века составляет 490 слов. Из них 41 имеют эмоциональную оценочность, в большей степени, негативную (27 дефиниций), но и позитивная оценочность также имеет место быть (14 дефиниций).

Обнаружилось наличие следующих помет: *British slang (shaky do)*; *Military slang (cold war)*; *R.A.F.slang (bandit)*; *(British) services' slang (ginormous)*; *colloquial (megabuck)*.

Как видно из перечисления, пометы отражают нарастание международного военного конфликта, развитие военной отрасли в англоязычных странах, связанной со Второй мировой войной, а впоследствии и с началом Холодной войны. Эмоционально-оценочный компонент единиц обнаружен непосредственно в самих словарных статьях при наличии семы интенсификации: *boom and bust*; *dreamboat*; *gasser*; *super-duper*.

На основании проведенного анализа мы приходим к выводу, что появление такой эмоционально-экспрессивной лексики английского языка 40-х годов прошлого века, заключаются в военной обстановке, сложившейся на международной арене того времени. Среди причин появления проанализированной новой лексики, можно отметить такие аспекты, как:

- ✓ психологические
  - *angst n* (1944) a strong but ill-defined feeling of anxiety
  - *pissed off adj* (1946) angry, irritated, fed up, depressed
- ✓ социально-экономические
  - *blacketeer n* (1942) an unpatriotically exploiting wartime shortages for his own financial gain
- ✓ политические
  - *cold war n* (1945) hostilities short of armed conflict, consisting of threats, violent propaganda, subversive political activities etc.
  - *denazify v* (1944) to free (a person or an institution) from Nazi allegiance, influence or ideology.

Таким образом, в результате проведенного исследования, можно сделать вывод, что появление неологизмов, имеющих эмоционально-экспрессивное значение, действительно является результатом бесчисленных новых идей, изобретений, открытий, ("the myriad new ideas, inventions, discoveries" [1,3]) - результатом человеческой деятельности, то есть тесно связано с социально-экономической жизнью общества,

ведущими тенденциями в развитии науки и техники, внутренними отношениями, окрашенными положительными или отрицательными эмоциями.

Список использованных источников

1. Twentieth Century Words / John Ayto. – Oxford University Press. 1999
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия. 1968 – 607 с.
3. Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка. – М.: Наука. 1977 – 264 с.
4. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. – М.: ВШ. 1989 – 126 с.
5. Котелова В.З. Первый опыт описания русских неологизмов// Новые слова и словари новых слов. Л.: 1978. С.20-31.

УДК 811.161.1.367.626.6

Г.А. Бондарева

Воронежский государственный университет
г. Воронеж, Россия

К ВОПРОСУ О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ СОЧЕТАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье была предпринята попытка анализа степени грамматикализации компонентов сочетаний типа кто придется, где угодно, сколько хочешь и т.д. по их формальным показателям.

Грамматикализацией в лингвистике принято называть такой исторический процесс, при котором происходит превращение неграмматической единицы языка в грамматическую или появления у языковой единицы большего числа грамматических свойств. В самом общем виде можно охарактеризовать данный процесс как постепенное упрощение языковой единицы, утрата ею определенной части свойств, характеризующих ее как "полнозначную". С точки зрения происходящих процессов грамматикализации рассмотрим в данной статье сочетания типа кто угодно, где придется, сколько хочешь и т.д. В современной теоретической грамматике нет системного описания этих единиц, лишь в отдельных статьях можно найти попытки классифицировать, семантизировать подобные сочетания. Прономинальными образованиями их называет Л.Д. Лавров [Лавров 1983: 21], аналитическими образованиями Е.С. Скобликова [Скобликова 2002: 75], аналогами местоимений Л.И. Ушакова [Ушакова 1998: 87] и проч. Учитывая прономинальный характер данных сочетаний, с одной стороны, и аналитическую структуру, с другой, вслед за О.П. Ермаковой [Ермакова 1996: 195] примем в качестве рабочего термин «составные местоимения».

Структура подобных образований всегда двучастна: к местоимениям к– корней [Исаченко 1965: 163] присоединяется модификационный элемент. Подобный тип образования встречается у неопределенных и отрицательных местоимений, которые также образуются на основе местоимений к - корня (кто, что, куда, чей, сколько и т. д.) с помощью постфиксов – *нибудь*, - *либо*, - *то* и префиксов *кое-*, *не-*, *ни-*. На данный момент выявлено довольно большое количество модификаторов, однако нас будут интересовать лишь те, на примере которых наиболее наглядно можно рассмотреть процессы грамматикализации данных сочетаний.

Нас будут интересовать следующие модификаторы: *попало*, *придется*, *угодно*, *хочешь*. Данный ряд представляет собой различные стадии грамматикализации модификаторов. Условно можно представить некоторый диапазон, на одной из границ которого будет располагаться модификатор *угодно*, на другой – *хочешь*. Теряя свою изначальную семантику, слово *угодно* сближается со словообразовательными формантами *нибудь*, *либо*, *-то*. Заметим, что буквально до середины XX века в русской лингвистической литературе имело известную распространенность мнение, что перечисленные выше форманты являются частями. Например, в работе М.В. Федоровой 1965 г. присутствует особое указание на то, что следует рассматривать *нибудь*, *либо*, *-то* и *кое-* именно в качестве аффиксов, а не частиц [Федорова 1965: 158], что свидетельствует о достаточном позднем укоренении в научной литературе данной мысли.

На противоположной точке диапазона находится модификатор, представленный личными формами глагола *хотеть*. Данный модификатор, в зависимости от объекта действия, становится в ту личную форму, которая продиктована объектом: *Не Древницкий его ведет куда хочет, а шар несет Древницкого по ветру* (А. Бруштейн); *Пусть гости делают что хотят, лишь бы не трогали хозяйку* (Д. Донцова). В качестве именованного данного модификатора нами была выбрана форма 2 лица единственного числа, прежде всего потому, что она наиболее частотно употребляется. Также именно эта форма в ряде контекстов перестает зависеть от объекта: *Мама говорит, при наших средствах можно нанять каких хочешь учителей, чтоб они приходили к нам домой* (А. Бруштейн); *Запас еды-питья, предметы для работы и хобби, лампочку от аккумулятора сам включай когда хочешь* (М. Веллер);

Между этими «крайними» точками, условно обозначенными модификаторами *угодно* и *хочешь*, располагаются остальные модификаторы, выделенные нами в качестве изучаемых. Обратим внимание на слова *попало*, *придется*, которые как и модификационный элемент *хочешь*, представлены личными формами глагола. Однако в отличие от последнего, они не изменяются в зависимости от контекста, имея строго фиксированную форму: *Он прошел зимой страну с востока на запад, ночью где попало* (К. Паустовский); *Судорожно цепляясь за что придется, вернулся [Смирнов], неловко прыгнул в окно, развязал веревку, отдышался* (О. Степанов).

Таким образом, можно сделать вывод, что модификаторы, выбранные в качестве анализа для данной статьи, находятся на разных стадиях лексикализации и грамматикализации, что подтверждает степень зависимости от объекта высказывания. Более глубокое исследование, затрагивающее связь степени грамматикализации и семантических особенностей изучаемых сочетаний, должно стать предметом особого изучения.

Список использованных источников

1. Ермакова О.П. Составные местоимения в русском языке/ О.П. Ермакова// Словарь. Грамматика. Текст.- М.: Высш. шк., 1996.- с.195-205.
2. Исаченко А.В. О синтаксической проблематике местоимений/ А.В. Исаченко// Проблемы современной филологии.- М.: Наука, 1965, с. 159- 166.
3. Лавров Л.Д. Значение и употребление прономинальных образований типа кто (что) угодно/ Л.Д. Лавров // Грамматическая семантика русского языка. - Вологда, 1983.- с. 21-26.
4. Скобликова Е.С. Местоимения: различия трактовок/ Е.С. Скобликова // Русский язык в школе, 1996, №6.- С.72-75.
5. Ушакова Л.И. Местоимения и их аналоги / Л.И. Ушакова // Русский язык в школе, 1998 -№1, с. 85-90.
6. Федорова М.В. Лексико-грамматические очерки по истории русских-местоимений/ М.В. Федорова. Воронеж, Изд-во воронежского университета, 1965. - с.158.

УДК 830.035

Е.В. Чернега

*Северо-Восточный государственный университет
г. Магадан, Россия*

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ЗАГЛАВИЙ РОМАНОВ Э. М. РЕМАРКА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается основное назначение заголовка и проблема перевода заглавий на иностранные языки. Предпринята попытка проанализировать перевод заглавия романа Э. М. Ремарка «Zeit zu leben und Zeit zu sterben» на английский язык.

Проблема заглавия интенсивно обсуждается в филологической науке (как литературоведами, так и лингвистами) уже на протяжении многих десятков лет. Так, еще в работе 1931 года С. Кржижановский образно писал, что заглавие – это «не шапка, а голова, которую извне к телу не приладишь» (Цит. по: [Джанджакова: 207]).

Несмотря на обилие работ посвященных теме заглавия, в этой сфере все еще остается много неисследованных проблем. Одной из них является перевод заглавий на иностранные языки. Прежде чем перейти к этой проблеме, нужно определить те исходные положения, на которые мы опираемся в наших попытках проанализировать переводы заглавий Э. М. Ремарка с немецкого языка на английский.

Заглавие, по словам В. А. Кухаренко, это рамочный знак текста, которым текст открывается и к которому читатель ретроспективно возвращается, закрыв книгу. Несмотря на свою неразрывную связь с текстом, заглавие материально отчуждено от него: всегда печатается другим шрифтом, отстоит от первого абзаца на более или менее значительном расстоянии, разрешает включение в этот промежуток дополнительных сведений – указание на жанр, эпиграфа, посвящения, предисловия и т. п. [Кухаренко: 92].

Заглавие – это первый знак текста, дающий читателю целый комплекс представлений о книге. Именно оно более всего формирует у читателя предпонимание текста, становится первым шагом к его интерпретации. Но, как бы ни было выразительно само по себе заглавие, в полной мере понять его смысл, оценить насколько оно удачно, можно лишь по прочтении произведения, соотнеся его с уже усвоенным содержанием. [Ламзина: 96].

Если рассматривать заглавие с позиций перевода, то нужно сказать, что его нельзя переводить в отрыве от текста. Исследователи рассматривают проблему перевода названия произведений как заслужи-

вающую пристального внимания. В частности, И. С. Алексеева дает следующую рекомендацию по переводу названий: «Прежде всего, следует проверить, нет ли в языке перевода уже устоявшегося соответствия. Если нет, название переводится после обязательной консультации со специалистом (литературоведом, искусствоведом, историком и т. п.), который пояснит смысл названия [Алексеева: 248].

Эту же проблему затрагивают Р. Р. Чайковский и Е. Л. Лысенкова, подчеркивая, что даже если заголовок кажется легко переводимым на первый взгляд, при переводе его без опоры на текст «происходит частичное смещение семантической сетки текста, он сдвигается в иное тематическое поле... Подобная смена заглавия приводит к существенному разрушению связей между оригиналом и переводом» [Чайковский, Лысенкова: 191].

Теперь рассмотрим, насколько точно Д. Линдли перевел заглавие одного из самых известных и читаемых романов Э. М. Ремарка «Zeit zu leben und Zeit zu sterben» («Время жить и время умирать»). В английском варианте заглавие романа имеет несколько иное наполнение заголовочной формулы. В названии оригинала Э. М. Ремарк противопоставляет две несовместимые категории: жизнь и смерть. Английский вариант предлагает читателю семантически усеченный вариант: «A Time to Love and A Time to Die» («Время любить и время умирать»). Как видим, вместо обобщенного семантически широкого слова «жизнь», переводчик употребляет слово с более узким значением. Любовь – частное проявление феномена жизни, хотя понятие «любовь» представляет важную составляющую часть понятия «жизнь». Такое сужение семантического поля заглавия предопределяет иные читательские установки. Если читатель оригинала или перевода этого романа на русский язык ожидает обнаружить в тексте размышления о жизни и смерти, то интенциональный горизонт ожидания американского или английского читателя оказывается суженным, усеченным. Вариант заглавия «A Time to Love and a Time to Die» заставляет читателя настроиться на восприятие того, что сегодня называется «любовным романом». Между тем, книга Э. М. Ремарка – глубокая, философская.

Заглавие – это один из важнейших элементов смысловой и эстетической организации художественного текста. Именно поэтому выбор заглавия при переводе оказывается для переводчика одной из труднейших творческих задач. Подобно начальной ноте музыкальной композиции, название определяет тональность художественного целого. Оно его открывает, являясь первым его словом, его знаком, формулой, символом, ключом [Быков: 16].

Дать имя книге сложно. Но когда автору или переводчику удастся найти точное название, то оно становится его своеобразной визитной карточкой. Таким знаком стало и заглавие романа Э. М. Ремарка «Время жить и время умирать». На наш взгляд, переводчик мог сохранить верность оригиналу и при переводе его заглавия.

Список использованных источников

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: Учеб. пособие по уст. и письм. переводу для переводчиков и преподавателей. – СПб.: Союз, 2001. – 283 с.
2. Быков Л. П. О названиях произведений Валентина Распутина // Литература в школе. – 2007. – №11. – С. 16-17.
3. Джанджакова Е. В. О поэтике заглавий // Лингвистика и поэтика / Под ред. Григорьева В. П. – М.: Наука, 1979. – С. 207-214.
4. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
5. Ламзина А. В. Заглавие // Введение в литературоведение. – 1999. – С. 94-106.
6. Чайковский Р. Р., Лысенкова Е. Л. Неисчерпаемость оригинала: 100 переводов “Пантеры” Р. М. Рильке на 15 языков. – Магадан: Кордис, 2001. – 211 с.

УДК 430-316.1

Ю.Ю. Зенцова

*Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Россия*

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ НЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Данная работа посвящена изучению когнитивных основ неологии. С позиции когнитивной лингвистики появляется возможность по-новому раскрыть ментальную сущность номинативной деятельности. Цель исследования определить эмоциональное состояние языковой личности и общества в целом на основании концептов эмоций, актуализируемых в новых лексических единицах английского языка.

Когнитивный подход к изучению и анализу новообразований позволяет рассматривать их как принципиально новые концептуальные элементы лексической системы языка, созданные в ходе деятельности, ориентированной на концептуализацию и категоризацию действительности. Номинация – важная составляющая лингвоментальной деятельности языковой личности. Активно осваивая окружающий мир, языковая личность испытывает потребность в назывании объектов действительности. В ситуации меняющейся картины мира лексика является самым динамичным пластом языка, ведь она чутко реагирует на любые изменения.

Актуальность данной работы обусловлена, с одной стороны, значительной ролью, которую играет когнитивная парадигма в современной лингвистике, с другой – необходимостью описания когнитивных основ порождения новых слов, фиксации внимания на цели их использования в языке и, самое главное, необходимостью исследования закономерных взаимосвязей между происходящими изменениями в жизни общества и постоянным обновлением лексической системы.

Объект настоящего исследования составляет ментально-языковое пространство англо-американского языкового сообщества. *Предметом* исследования являются новые слова, представляющие собой лексическую репрезентацию концептов эмоций

Цель данного исследования заключается в создании лингвосоциальной карты англоязычного общества. На основании результатов комплексного когнитивного анализа мы даём характеристику эмоционального состояния языковой личности. *Научная новизна* данного исследования состоит в том, что впервые сделана попытка описать эмоциональное состояние языковой личности сквозь призму новых слов, так как, несомненно, лексический пласт является самым чутким барометром эмоционального состояния общества.

Материалом для исследования послужили данные, полученные методом сплошной выборки с сайта www.wordspy.com, фиксирующего новые лексические единицы, появляющиеся в англо-американской прессе. Общий объём выборки составил около 5000 единиц. Материал на сайте – источнике организован таким образом, что можно выделить следующие ментальные сферы: «Культура» (1040), «Социальная сфера» (1005), «Бизнес» (743), «Компьютеры» (652), «Наука» (434), «Технологии» (375), «Мир» (391), «Язык» (294). В скобках даются количественные данные. Видно, что появление неологизмов в разных сферах характеризуется разной степенью интенсивности. Мы должны пояснить, что статистика используется нами не для выделения главной и второстепенных денотативных сфер-источников, обогащающих лексическую систему неологизмами, а скорее для определения приоритетов современной языковой личности.

Мы считаем, что любое новое слово является когнитивно мотивированным и оправданным. Следовательно, новые единицы, которые появляются в речи современного человека, позволяют определить его эмоциональное состояние.

В качестве иллюстрации отрицательного концепта эмоции предлагаем рассмотреть неологизмы, актуализирующие в своей семантике концепт “anxiety” («тревожность», «волнение», «беспокойство»), вскрывающего дисгармонию, вызванную внешними факторами:

1. **«technology-related anxiety»** - «чувство *тревожности*, связанное с использованием технологий».
2. **«eco-anxiety»** - «обеспокоенность состоянием окружающей среды».
3. **«playlist anxiety»** - «чувства человека по поводу мыслей других людей о его музыкальных пристрастиях».
4. **«ringxiety»** - тревожность, связанная с ошибочным принятием постороннего звука за звонок сотового телефона; смущение, испытываемое группой лиц, когда звонит телефон и они не могут понять чей это телефон.

Наряду с вышеописанными концептами, мы выделили и проанализировали другие концепты, вскрывающие состояние личности как последствия проблем, возникающих в обществе. Все они, в сущности, составляют полную картину мира эмоций языковой личности. Приводим фрагмент нашего анализа:

Концепт «навязчивая идея», «навязчивый страх», навязчивая потребность» чаще всего актуализируется за счёт форманта –**orexia**:

Сфера «Наука»/ область «Болезни»: *Bigorexia* – a mental disorder in which patients think they are physically inadequate (психическое расстройство, при котором пациент страдает от комплекса внешности).

Концепт «усталость» (утомляемость)» может быть выражен в разных сферах с использованием лексической единицы «fatigue»:

Сфера «Компьютер»/ Область «Интернет»: Social networking *fatigue* – mental exhaustion and stress caused by creating and maintaining an excessive number of accounts on social networking sites (Нервное расстройство, стресс, вызванные необходимостью следить за множеством своих профилей в разных социальных сетях).

Сфера «Технологии»/ Область «Приборы/Устройства»: Feature *fatigue* – mental exhaustion and stress caused by products that come with a large number of features (нервное расстройство, связанное с использованием функционально нагруженных устройств).

Концепт «недомогание», «болезненное состояние»:

«Социальная сфера»/ область «Образ жизни»: *Hurry sickness* – a malaise where a person feels chronically short of time and so tends to perform every task faster (недомогание из-за хронической нехватки времени, влекущее за собой поспешное выполнение всех дел); *Leisure sickness* – ill health that occurs during leisure time, especially on weekends and vacations (состояние недомогания в период отдыха, на выходных, во время каникул)

На фоне описываемых концептов вырисовывается образ современной языковой личности как представителя определённого (англоязычного) социума. Создание неологизмов – типичная черта языковой личности, реализующая её креативные потребности. В ходе номинативной, лингвокреативной деятельности языковой личности вскрываются те идеи и мысли, которые её тревожат, волнуют, развлекают, не оставляют равнодушной и, следовательно, находят своё отражение в лексике в виде новообразований. Последовательный анализ номинаций в различных сферах позволит создать полную лингвокогнитивную карту жизни языковой личности.

УДК 8

М.Ю. Коровин

*Оренбургский Государственный Аграрный Университет
г. Оренбург, Россия*

ОШИБКИ ПЕРЕВОДА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В данной статье рассматривается ошибка переводчика как фактор, который следует обязательно включать в анализ рисков, связанных с переводом. Услуга перевода стандартно включает в себя перевод и редактуру этим же переводчиком. Чтобы исключить ошибки перевода, в некоторых случаях заказчику рекомендуется прибегать к независимой редакции.

Перевод существовал с незапамятных времён. Современная культура представляет собой совокупность культур которые, располагаясь на разных уровнях эволюции, надстраиваются друг над другом в виде разных культурных слоев. Примером является история о семинаристе, которому надо было перевести с латыни предложение "Spiritus quidem promptus est, caro autem infirma". Это евангельское изречение "Дух бодр, плоть же немощна" которое он перевёл как: "Спирт хорош, а мясо протухло". И перевод этот правильный в том смысле, что каждое из слов можно так перевести, и предложение получилось нормальное. Перевод не передал смысла исходного текста т.к. не обязательно, чтобы высказывание-перевод дословно совпадало с оригиналом. Главное чтобы имело смысловую нагрузку, которую в неё вложил автор. Качество перевода текста зависит от объективных факторов: навыков и профессионализма переводчика. Продукт переводческой деятельности по-разному воспринимается разными людьми в зависимости от их лингвистических знаний, образования, качества речи и т. д.

Ярким примером будут служить приведенные ниже ошибки перевода:

Производитель канцелярских принадлежностей компания Parker перевели свой слоган на испанский. Реклама ручки на английском звучит: It won't leak in your pocket and embarrass you ("Она никогда не протечет в Вашем кармане и не причинит Вам неудобств"). Ошибка переводчика привела к тому что в результате, рекламная кампания Parker в Мексике проходила под слоганом "Она никогда не протечет в Вашем кармане и не делает Вас беременным".

Скандинавский производитель бытовой техники Electrolux вывел свои пылесосы на американский рынок, используя слоган Nothing Sucks Like an Electrolux - "Никто не сосет так, как Electrolux".

Компания Pepsi дословно перевела на китайский язык свой главный рекламный девиз "Живи с поколением "Пепси" (Come Alive With the Pepsi Generation). Китайцы были шокированы: слоган приобрел неожиданное звучание "Пепси Заставит Ваших Предков Подняться из Могил".

Оптимальным решением вышеописанной проблемы является независимая редакция. Эту услугу называют по-разному, но суть ее обычно сводится к следующему: перевод проверяет другой (второй) лингвист, независимый от первоначального переводчика. Под "независимым" понимается то, что второй лингвист не принимал участия в переводе. Независимый редактор проверяет перевод на предмет смыслового соответствия оригиналу, отсутствия выпущенных слов, единообразия терминологии, орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок. Исправляются также грубые стилистические ошибки, однако, как правило, стиль не подвергают серьезным правкам, поскольку считают его выбор прерогативой изначального переводчика. При этом ответственность за качество перевода полностью перекладывается на независимого редактора, поскольку именно в контроле качества заключается оказываемая им услуга.

Главным недостатком независимой редакции с позиции заказчика является стоимость. Как правило, она составляет 30-50 % от стоимости перевода. Высокая стоимость обусловлена: а) большим объемом

работ нужно прочитывать весь перевод и сравнивать его с оригиналом, б) высокой ответственностью, в том числе материальной, перед заказчиком. Однако заказчику необходимо помнить, что объем работ независимой редакции складывается главным образом не из правок ошибок, а из прочтения перевода и сравнения его с оригиналом. Вне зависимости от того, сколько ошибок в тексте 1 или 10, редактор будет проверять перевод примерно одинаковое время.

Таким образом, в обоих этих случаях издатель(заказчик) платит за свое спокойствие, минимизируя риск дополнительных расходов и недовольства ваших клиентов за счет перестраховки. Если компании нужен обычный перевод с обычным качеством, то заказывайте перевод за стандартную цену не задумываясь. Если вы считаете данный перевод особенно важным для вашей компании, то смело заказывайте независимую редактуру.

УДК 811. 161 + 81–115 + 81-11

Н.В. Коч

*Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова
г. Киев, Украина*

АХРОНИЧНОСТЬ УНИВЕРСАЛЬНОГО КОНЦЕПТА В КОНЦЕПТУАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Когнитивный подход к исследованию исторической лексики как концептообразующей позволяет поставить вопрос о функционировании в концептуально-языковой картине мира универсальных ахронических концептов.

Автор концепции врожденных структур Н. Хомский и его последователи рассматривали язык как имманентно стабильную систему, которая используется в пределах определенного панхронического набора правил порождения. Ученый считал, что языковые универсалии, генетически заложенные в человеке, в его врожденной способности к освоению языка, имеют вневременной характер [8]. Выделяя субстанциональные и формальные универсалии, лингвисты всегда стремились создать универсальную грамматику, учитывающую творческий характер языка как феномена, не зависящего от времени. Эти идеи связали языкознание с психологией и теорией познания, что в дальнейшем позволило развить такие направления в науке, как когнитивная психология и когнитивная лингвистика.

Языковеды и психологи сближают понятие концепта и универсалий на том основании, что все универсальные семантические компоненты имеют концептуальную природу. Когнитивный аспект исследований позволил объединить культурные и языковые универсалии с помощью понятия «универсальный концепт». Такие универсалии-концепты, в отличие от диахронического (генетического, архаического) и синхронического (функционального) концепта, находятся как бы вне временных границ и содержат в себе смыслы, присутствующие в культурном пространстве определенного этноса или всего человечества.

История изучения универсалий отличается своей длительностью и сложностью. Одной из самых интересных попыток современной научной мысли, заключающейся в определении универсальных категорий семантики, является «набор» семантических примитивов Анны Вежбицкой [3]. Ученая попыталась выделить семантические универсалии, позволяющие описать мир с помощью четко определенных понятий. Согласно идеям концептологии, речь идет о базовых понятиях, давно легших в основу концептов-идей общечеловеческого концептуального пространства. Именно поэтому изучение семантических универсалий требует диахронического подхода, констатирующего на каждом определенном хронологическом срезе стабильные информационные единицы, которые «переходят» из одного времени в другое, сохраняя ядро концепта практически неизменным.

Наличие языковых и культурных универсалий с психологической точки зрения объясняется единством человеческой психики и ее способности, несмотря на различные способы образа жизни, отражать мир в сходных категориях [4, с. 51 – 58]. Язык репрезентирует как универсальные, так и специфические знаки материальной и духовной культуры, являясь тонким инструментом передачи и одновременно формирования общечеловеческих и национальных концептов. Анализ языка памятников письменности, прежде всего, предоставляет возможность исследователю обнаружить «отпечатки» универсальных информационных единиц, имеющих вневременной характер.

Неслучайно проблема универсалий является одной из центральных проблем сравнительно-исторического и типологического языкознания. Когнитивный подход к исследованию исторического языкового материала позволяет проанализировать ментально-языковые типологии, соотнести языковые явления с общими критериями познания мира, выделить языковые универсалии как точки пересечения культур. Универсальные концепты как общечеловеческие идеи, понятия, некие смысловые константы функционируют вне временных и пространственных границ. Поэтому их можно назвать *ахроническими (пан-*

хроническими, гномическими) концептами. Ахрония (панхрония) как подход к явлениям языка, которые «предполагаются неизменными и поддающимися обнаружению на каждом этапе развития конкретного языка», требует «исключения фактора времени из языковедческого исследования» и ставит такую цель, как «изучение свойств человеческого языка вообще» [1, с. 62]. Такой подход допускает наличие панхронических концептов, в основе которых находятся семантические универсалии.

Понятие универсалий как важных структурных элементов глубинных структур мы связываем с понятием ахронической концепт, однако в наших исследованиях этот термин применяется как для описания общечеловеческих констант, так и для идей и понятий, общих для восточнославянского этноса [6]. Описывая временные эволюционные изменения в языковой структуре, мы имеем возможность определить с помощью средств вербализации (концептообразующих единиц) концепт-идею и его ядро, которое является неизменным на протяжении длительного периода развития языка или нескольких языков, представляющих этнос. Этот стабильный компонент и определяется как основа ахронического концепта.

Исследователи универсалий различных языков, как правило, применяют синхронию как метод описания языкового материала. Так, З.Х. Бижева, изучая универсалии и концепты в современных адыгских языках, пришла к определенным выводам: «Как и в других языках, в адыгских выявились универсалии, указывающие на общий понятийный базис, являющийся основой языка, мышления и культуры, а специфичные конфигурации данных универсалий предопределены этнически обусловленным своеобразием менталитета. Это позволяет констатировать, что исследование связи этнического мировосприятия и соответствующего языка посредством анализа в последнем специфичных концептов следует проводить, учитывая общий набор понятий, лежащих в основе так называемого «психологического единства человечества» [2, с. 207] [выделено: К.Н.].

Привлекая диахронию к исследованию универсалий, можно поставить вопрос о существовании изначально ахронических концептов, не предполагающих временной и пространственной «селекции» вообще, например, бинарного концепта ЧЕЛОВЕК/ЖИВОТНОЕ (субконцепта ЧЕЛОВЕК/ЗВЕРЬ), который является одним из центральных в концептуальной картине мира каждого народа, или бинарного концепта АГНЕЦ/ОВЦА, являющегося концептом-идеей общехристианской концептосферы [5]. Их вербализация осуществляется с помощью различных лексических средств и репрезентируется в сознании с помощью концептов-спутников. Такие концепты, как правило, являются общечеловеческим культурно-историческим приобретением и связаны с универсальными культурными архетипами. Они имеют стабильные, потенциально актуализированные, востребованные во все времена элементы ядра.

Наиболее ярко ахронические концепты представлены в религиозной концептосфере как системе знаний и ценностных установок общества в культурном контексте. Концептуальный анализ лексем, вербализующих христианскую концептосферу, анализ их парадигматических связей позволяет выделить элементы вневременных ахронических концептов концептуально-языковой картины мира восточных славян. Как бы не изменялась модель действительности на протяжении веков, остаются общие для всех времен смысловые координаты, в центре которых стоит Человек (с позиций религии – Бог), связывающие языческое и христианское мировоззрение, сформировавшееся с помощью семантических ориентиров общего языка и культуры. Так, образы-метафоры и образы-символы животных (овцы, льва, единорога и т. п.) активно репрезентируют религиозные ценности как с нравственно-этических позиций средневекового, так и современного христианина.

На основе диахронических исследований языка, в частности его лексического состава, можно обнаружить некие всеобщие для языковых семей или групп семантические координаты, заложенные в архаические концептосферы разных народов. Универсальность принципов обусловила существование в каждом языке ахронических концептов как «цементирующей» силы, константы культурного пространства этноса. Особенно ярко представлены ахронические элементы концептуальной картины мира наших предков во фразеологических оборотах, так называемых гномических фраземах, которые описывают явление или действие как вневременное, заключающее в себе неотрицаемую всеобщую истину (ср.: *невинный агнец, заблудшая овца, не мечте бисер перед свиньями* и т. п.). Функциональность таких элементов обнаруживается не только в письменном тексте, но и в динамике культурного контекста, где «в изменениях обнаруживается неизменное» [7, с. 341].

Сопоставление семантических полей концептообразующих лексем с целью определения ядерных элементов ахронических концептов осуществляется путем сравнения диахронического и соответствующего синхронического концептов. В панхроническом концепте находится общекультурное универсальное информационное ядро-геном, присутствующее как в первом, так и втором ментальном образовании. Формирование такого ядра базируется на общечеловеческих или общетнических аксиологических принципах и установках, репрезентирующихся вербальными средствами. Особую роль при этом выполняют архаичные лексемы, в семантической структуре которых находятся универсальные смыслы. Перспективность такого рода исследований обусловлена необходимостью создания теории, объясняющей связь семантических универсалий с практикой когнитивного изучения архаичных знаковых систем.

Список использованных источников

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 578 с.
2. Бижева З.Х. Антропоцентризм культуры – антропоцентризм языка // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Труды и материалы международной научной конференции / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина. – Казань: Изд-во КУ, 2004. – С. 207.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
4. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. – М.: Аспект-пресс, 2000. – 207 с.
5. Пруткая Н.В. Вербализация концепта *агнец/овца* в христианской картине мира восточных славян // Київська старовина, 2009, № 4. – С. 37.
6. Пруткая Н.В. К вопросу об изучении концептообразующей лексики в диахроническом аспекте // Система і структура східнослов'янських мов: До 175-річчя НПУ імені М.П. Драгоманова: Зб. наук. праць. – К.: Знання України, 2009. – 297 с. – С. 69 – 75.
7. Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 608 с.
8. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. – вып. 2. – М.: Прогресс, 1962. – С. 412 – 527.

УДК 811.111-373.612

Л.В. Колижук

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова
г. Владикавказ, Россия

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ЗЛО – ЧЕЛОВЕК» (на материале британской прессы)

*В докладе рассматривается концептуальная метафора «зло – человек» как одна из главных концептуальных метафор, репрезентирующих лингвокультурный концепт *evil* «зло». В качестве источника материала исследования используется британская пресса.*

Последнее десятилетие XX и начало XXI века озаменованы повышенным интересом к изучению многообразия лингвокультурных концептов, в составе которых ученые (Карасик В.И., Слышкин Г.Г. и др.) выделяют три основных компонента: понятийный, ценностный и образный. Для моделирования образной составляющей лингвокультурного концепта используются концептуальные метафоры: «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [1].

Главным источником концептуальных метафор принято считать поэзию [2], тем не менее, Егоровой О.А. было проведено исследование на базе концептуальных метафор, зафиксированных при помощи ассоциативного эксперимента с участием носителей американского варианта английского языка [3]. Мы предлагаем исследовать концептуальные метафоры, репрезентирующие лингвокультурный концепт *evil* «зло» на материале современной британской публицистики (за период с 2000г. по 2010г.) [4;5;6].

Итак, анализ материала показал, что исследуемый лингвокультурный концепт представлен широким рядом концептуальных метафор: антропоморфной, пространственной, световой, предметной, среди которых главное место отводится антропоморфной метафоре: «зло – человек».

Данная метафора имеет несколько моделей: «зло – обычный человек (обыватель)» и «зло – известный человек». Первая модель по типу вспомогательного объекта имеет гендерную обусловленность, т.е. зло представляется либо в образе женщины, либо мужчины. Женщины, ассоциирующиеся со злом, причиняют физические и моральные страдания как детям: «stepmother as evil» [Murdered son labels stepmother 'evil'. // “Times Online”, 25/05/2007], так и мужчинам: «Sarah was pure evil in my eyes» [“Evil” woman jailed for giving her boyfriend HIV. // “The Times”, 19/06/2006].

Вектор зла, исходящий от мужчин, направлен как на детей, так и на женщин: «he is truly evil personified» [Wives swept off feet by charmer who turned into an evil sadist. // “The Times”, 14/11/2007].

Метафорическая модель «зло – известный человек» представлена прецедентными именами, с одной стороны, связанными с историей, например, А. Гитлером: «Hitler as evil incarnate» [Mother causes fury dressing daughter up as Hitler. // “The Telegraph”, 18/03/2010]; И. Сталиным: «evil tyrant» [From evil tyrant to wartime savior, Stalin's political makeover divides Russia. // “The Times”, 6/05/2005], с другой стороны, с современниками: Осамой бен Ладеном: «the evil is Osama bin Laden» [Evil plotters? More like sad and crackpot. // “The Times”, 07/07/2007.], Дж. Бушем: «No beating about the Bush <...> he's evil» [No beating about the

Bush <...> he's evil. // "Mirror", 12/06/2008]; Г. Браунум: «the sign of an evil tyrant» [Attacks on Gordon Brown are just bull. // "The Mirror", 25/02/2010] и Р. Вудом: «the Evil Goblin King» [Ronnie Wood looks like a goblin as he strolls with new girlfriend. // "The Mirror", 28/02/2010].

Как человек, независимо от его известности, зло имеет лицо: «evil with the face of charity» [Waking. // "The Times Literary Supplement", 17/03/2010]; «the look of evil» [Faces of evil: if looks could kill. // "The Sunday Times", 30/08/2009]. Оно обладает умом: «clever as Evil» [Evil plotters? More like sad and crackpot. // "The Times", 7/07/2007] и логикой «the logic of evil» [Miracle that defies the logic of evil. // "The Times", 05/09/2006].

Для него характерны такие качества как экстраординарность: «evil is cool», хитрость и злоба «evil is wicked» [Evil plotters? More like sad and crackpot. // "The Times", 7/07/2007], жадность: «Greed otherwise known as Evil Knieval» [Day traders: Simon Cawkwell, asks 'Evil Knieval', explains how to win at spread betting. // "The Telegraph", 21/07/2009], изменчивость поведения: «The Lucifer Effect» [The Lucifer Effect: How Good People Turn Evil. // "The Sunday Times", 02/03/2008].

Зло наделяется способностью к существованию: «evil exists only in human realm» [Don't kid yourself, we can all be evil. // "The Sunday Times", 8/04/2007]. Оно является полноправным гражданином государства и имеет постоянную прописку: «Where does evil reside?» [Don't kid yourself, we can all be evil. // "The Sunday Times", 8/04/2007]. Зло проявляет эмоции, насмехается: «evil gibe at Britain» [Axis of evil jibe at Britain. // "Mirror", 15/01/2007], кричит и шумит: «The Evil One shouts and makes noises» [On Satan's trail with Don Gabriele, the world's most famous exorcist. // "The Times", 13/03/2010]. Ему не чужда способность вызывать любовь: «in love with evil» [In love with evil. // "The Times", 19/02/2005] и проявлять безразличие: «Evil has never loved you» [It moved me: Evil Has Never by Union of Knives. // "The Sunday Times", 26/07/2009]. Оно обладает даром очарования: «evil <...> works through charm» [On books. // "Daily Telegraph", 31/05/2002], благодаря которому и действует.

Деятельность зла представлена следующими моделями: «зло – кампания»: «a campaign of pure evil» [Village plagued by 'evil Agatha Christie villain'. // "The Times", 21/04/2006], «зло – битва»: «the old battle of good vs evil» [London Irish ready for battle of "good vs evil". // "The Times", 03/03/2008], «зло – поле битвы»: «in most theatres of evil» [Don't kid yourself, we can all be evil. // "The Sunday Times", 8/04/2007].

В современной британской прессе актуализируется метафора «зло – результат деятельности человека» в моделях: «зло – телевидение»: «Television is evil» [Is Scooby-Doo so evil? // "The Times", 14/01/2008]; «зло – игрушки»: «evil teddy bear» [David Jason voices kids' cartoon// "The Mirror", 12/03/2010]; «Barbie - the embodiment of evil» [Blonde, bland, busty Barbie – the embodiment of evil is back. // "The Telegraph", 21/07/2009]; «зло – прибор»: «evil-ometer» [In love with evil. // "The Times", 19/02/2005].

Человеку как существу социальному присуще стремление к объединению в группы, что нашло отражение в следующих метафорах: «зло – банда»: «evil is a gang» [Mathew Parris Evil plotters? More like sad and crackpot. // "The Times", 7/07/2007], «зло – правительство»: «evil British Government» [Iran's distrust of 'evil Britain' rooted in history of imperial meddling. // "Times Online", 19/06/2009], «зло – парламент»: «Romania's parliament of evil» [GOVERNMENT. // "The Mirror", 17/02/2010], «зло – штабквартира»: «the headquarters of evil» [Saddam warns his people of dark forces. // "The Times", 26/12/2002].

Таким образом, в концептуальной метафоре «зло – человек» зло проявляется в физических, гендерных, эмоциональных и социальных признаках.

Список использованных источников

1. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Baranov.htm>
2. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: «Гнозис», 2007. – 284с.
3. Егорова О.А. Нравственно-оценочные категории «добро» и «зло» в лингвокогнитивном аспекте: на материале русского и английского языков: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ульяновск, 2005. – 156с.
4. The Times. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://timesonline.co.uk>
5. Mirror. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mirror.co.uk>
6. Daily Telegraph. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dailytelegraph.co.uk>

УДК 81

В.И. Максимова

*МУ «Управление образования Намского улуса РС(Я)»
МОУ «Намская средняя общеобразовательная
политехническая школа №1 имени И.С. Гаврильева»
с. Намцы, Намский улус, Республика Саха (Якутия), Россия*

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА НАД УЧЕБНЫМ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ТЕКСТОМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В докладе представлены некоторые формы работы одного из наиболее эффективных приемов самостоятельной работы – работы над учебным лингвистическим текстом.

Концепция модернизации российского образования ориентирует учителя на деятельностный характер обучения: образование должно быть направлено в первую очередь на формирование общих умений и навыков, обобщенных способов учебной, познавательной, коммуникативной, практической, творческой деятельности. Русский язык выполняет определяющую роль в формировании и совершенствовании общеучебных умений и навыков, в основе которых - речемыслительные способности.

В условиях современного обучения важно воспитывать у учащихся потребность самим двигаться вперед в познании, развивать стремление к расширению и углублению полученных знаний и подготавливать их к получению новых знаний. Исследования современных психологов и дидактиков показывают, что формирование самостоятельности - процесс длительный, его нельзя решить формально, искусственно, путем призывов и редких специальных заданий, речь идет о систематической работе на каждом уроке.

Задача учителя - организовывать самостоятельную мыслительную деятельность учащихся при изучении русского языка, которая направлена на приобретение ими знаний, умений и навыков. В процессе которой дети учатся наблюдать языковые явления, сравнивать и сопоставлять их, анализировать, обобщать, выделять главное, делать выводы - словом, овладевать теми логическими операциями, которые необходимы для самостоятельного решения вопросов, выдвигаемых жизнью.

Руководящая роль учителя при этом приобретает еще большую значимость. Познавательность и самостоятельность учащихся имеет четкую целевую направленность. Мы выделяем три основные задачи: приобретение и пополнение знаний, подготовка к эффективному дальнейшему самообразованию, развитие познавательных способностей творческой активности учащихся.

Современной дидактикой изучено и разработано множество приемов и средств по организации самостоятельной работы на уроках русского языка. Одним из наиболее эффективных приемов самостоятельной работы является работа над учебным лингвистическим текстом. Нас, учителей, беспокоит ситуация, когда ученики, без затруднений воспроизводящие то или иное правило, не могут затем применить его на практике. Происходит это потому, что у школьников не сформированы необходимые приемы работы с лингвистическим текстом. Обычно учащиеся тратят минимальные усилия при заучивании: многократно повторяют предназначенный для запоминания материал и пытаются его воспроизвести. Как только это им удастся, прекращают дальнейшие занятия. Выученное таким способом очень скоро забывается и для ребят остаются скрытыми многие вопросы и, конечно, ответы на них, которые должны возникать при внимательном прочтении текста учебника. Исследование психологов показали, что только 0,3% учащихся владеют элементарными приемами работы с книгой. Те, кто не владеет никакими приемами, компенсируют это неумение нагрузкой на память. На уроках необходимо вооружать учащихся рациональными приемами самостоятельной работы с учебником.

Первый этап работы с учебным текстом (чтение его, членение на части и т.д.), более традиционен, поэтому остановимся на втором этапе.

Рассмотрим работу с лингвистическим текстом на материале самостоятельных частей речи.

Желательно, чтобы уже на первом уроке предложить учащимся вопросы, ответы на которые требуют от ребят выяснения общих черт и различного в теоретических сведениях о частях речи. Например, почему в определении каждой части речи выделены три части? Что общего и чем различаются имена и глагол? и т.д. Эти вопросы предполагают обобщенные знания школьников и могут быть использованы для создания проблемной ситуации на уроке. Ученики 5 класса, начиная знакомство с самостоятельными и служебными частями речи, читают и анализируют теоретический материал, отвечают на вопросы и задания, подготовленные учителем:

- 1). Самостоятельные части речи – это...
- 2). На какие вопросы отвечают слова, обозначающие: а) предметы, б) признаки, в) действие г) количество?
- 3). Как вы узнаете, что имя существительное употреблено в роли: а) подлежащего, б) дополнения, в) обстоятельства г) сказуемого.

В качестве домашнего задания ученикам предлагается самостоятельно сформулировать вопросы по тексту учебника. Такая работа по формированию приемов понимания текста обеспечит осознанное и глубокое овладение сложным теоретическим материалом. Учащимся придется создавать вопросы заново, так как на уроке им приходилось искать ответы, извлекать необходимую лингвистическую информацию. В этих условиях ученики не обращали внимания на то, как такие вопросы формулировать. Такой подход дает учителю возможность выявить, насколько каждый ученик понимает теоретический материал, так как основным приемом самостоятельной работы по осмыслению текста является постановка читателем перед собой вопроса и нахождение ответа на него.

Приемы учебно-исследовательской деятельности учащихся могут быть сформированы на этапе развертывания и свертывания лингвистической информации до ключевых слов. Покажем эту работу при изучении темы «имя прилагательное как часть речи».

1). Укажите по таблице общие признаки у имен существительных и прилагательных. Проверьте по учебнику. Приготовьте развернутый ответ.

2). Определите, чем различаются имена существительные и прилагательные. Проверьте по учебнику. Подготовьте сообщение об имени прилагательном как части речи.

3). Используя таблицу, сформулируйте самостоятельно определение имени прилагательного как части речи, уточните формулировку по учебнику.

Умение создавать самостоятельно определение теоретических понятий является одним из показателей умственного развития школьников. Важным этапом усвоения теоретических сведений является свертывание лингвистической информации, создание учащимися под руководством учителя обобщающих таблиц.

Широкое использование свертывания и развертывания лингвистической информации позволяет вести изучение теоретического материала более компактно, высвобождая время для формирования практических умений и развития речи учащихся. Так, прочное усвоение пятиклассниками понятия «служебные части речи» и осмысленное сопоставление признаков предлога и союза позволяют в седьмом классе изучать эти части речи вместе.

Для того чтобы процесс запоминания стал управляемым, а запоминание – результативным, следует обучать школьников приемам осмысления и присвоения лингвистических знаний. Предлагаем взять им четыре чистых листа. На первый ученики переписывают определение, подлежащее запоминанию. Происходит ознакомление с правилом, а также при записи сопоставляется устная и письменная речь, совершенствуется орфографический навык списывания текста. Учащийся проверяет по учебнику правильность списывания. На втором листке записываются сформулированные по данному правилу вопросы. Ученик осмысливает содержание всего текста как на этапе формулировки вопросов, так и при ответах на эти вопросы; проверяет правильность своих ответов по учебнику или по записи на первом листке. На третий листок ученики переносят только ключевые слова, которые оказались выделенными из правила при помощи вопросов. По ним ученики воссоздают весь текст и сравнивают с правилом учебника. Если необходимо, уточняют, дополняют, исправляют. С помощью четвертого листка дети закрывают от себя записанную информацию, на нем могут быть некоторые пометки, дополнительные вопросы, ключевые слова. При таком способе обучения повышается роль самостоятельной работы учащихся, обеспечивается индивидуальный подход, воспитываются необходимые для успешного учения качества личности – внимание, аккуратность в работе, ответственность за принятое решение, выверенность практических действий, постоянный самоконтроль своей деятельности. В этих условиях учащиеся будут рассматривать учебник как источник познавательных задач, что будет поддерживать постоянный интерес к самостоятельной работе с учебной книгой, здоровый дух соперничества, благодаря чему обнаружатся резервы в обучении не только в обучении русскому языку, но и другим предметам, так как приемы работы с текстом, обеспечивающие его понимание, вырабатывают обобщенные, или общеучебные умения.

УДК 800

Л.В. Горбань

*Мурманский государственный педагогический университет
г. Мурманск, Россия*

КОНЦЕПТ «СЛУЖБА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И МЕНТАЛЬНОМ СОЗНАНИИ СЛУЖАЩИХ ВМФ РОССИИ

В данной работе представлен языковой материал, связанный с концептом «служба», - одним из главных в языковой картине мира военных моряков и определяющих менталитет служащих Военно-Морского Флота России на всем промежутке его существования.

Антропоцентричность современных языковых исследований выдвигает проблему определения особенностей языковой картины мира (ЯКМ) личности и через нее менталитета определенных групп, различимых по региональному, профессиональному, гендерному и другим признакам.

Имея в виду, что концепт – основная единица ментального плана, содержащаяся в словесном знаке и явленная через него как образ, понятие и символ²¹, концепты «служба», «море» и «корабль» в языковой модели мира военных моряков нам представляются главными.

В выявлении особенностей языковой картины мира и менталитета служащего ВМФ России - военного моряка - на разных этапах формирования Военно-Морских Сил нашего государства остановимся на примере концепта «служба», так как именно эта функция ВМФ являлась первостепенной со дня основания Российского флота при Петре I. До недавнего времени так она воспринималась и самими военными моряками, и обществом в целом. Мы ставим перед собой задачу выявить отношение военного моряка к центральному образу (символу, концепту, константе) в его языковой картине мира и ментальном сознании – *службе*²² – на всей протяженности существования ВМФ России.

«Толковый словарь живого великорусского языка»²³ дает следующее толкование «службе»: «*Служба*, служивый, солдат, кавалер. *Службу служить, душой не кривить*» ...*Служилые люди*, стар. ратные, воинские чины. *Служилая кабала*, Уложн. Срочная военная служба».

Таким образом, до XVIII в. в общенародном русском языке о военной службе сложилось представление как о тяжелой, но честно исполняемой обязанности на благо государства и народа. Современная трактовка «службы» - «исполнение обязанностей (служебных, воинских и т.д.); несение личным составом вахты, дежурства, нарядов».²⁴

Служба военного моряка специфична, к своему делу у служащих на флоте всегда было отношение особое. Эпиграфы к произведениям о военно-морской службе позволяют сделать вывод: военный моряк до последнего времени (1990-х гг.) относился к службе как к самому святому, незабываемому: «...*Подводный флот* – это не служба и не вид деятельности. *Это судьба и религия...*» (флотская поговорка).²⁵ Эта же мысль и в метафорическом определении флотского поэта: «*Подводники* – лучшую долю / не ищем. *Мы рыцари флота*».²⁶

В последние десятилетия у служащих ВМФ, видимо, возникало сомнение в востребованности своего дела: «Хватит ныть. *Наше дело – служба*. / Мы не *сборище*, мы – *оплот*».²⁷ Семантика контекстуальных антонимов *сборище* - *оплот* и их подчеркнутый стилистический контраст говорят о сомнениях военных моряков в том, что есть долг, о разочарованиях и колебаниях - кому служить и зачем, о душевном настрое военного моряка и его главной проблеме – что делать? Свои переживания военный моряк открывает основателю Российского флота – Петру I: «Мин херц! Поверь. Мы в час кручины/ врагу не отдали земли./ Не раз со дня твоей кончины / Топили вражьи корабли. / Русь велика, жива и славна,/ Вас вспоминает, только вот / Случилось так, совсем недавно: / *Хиреет потихоньку* флот./ И бюрократы разрезвились, / Пусть ненадолго – на чуток, / Видать с врагом договорились / *Закрывать нам море на замок*. / И вот еще, - я мямлю тихо / Косясь на царственный палаш, / Ах, будь, что будет, крикнул лихо: / - И *черный флот* теперь не наш!»²⁸ Просторечие *хиреет*, профессиональный фразеологизм *закрывать море на замок* и профессиональный сленгизм *черный флот* (Черноморский флот – прим. Л.Г.) демонстрируют мировосприятие говорящего.

Определение главной беды для моряка – невозможности выйти в море, отработать боевые задачи, поверить себя на готовность управления кораблем и способности в любой момент дать отпор врагу – заключено в авторском неологизме «*пристеночное существование*»: «Что бы там не говорили, но в наши

²¹ Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – С. 5.

²² Материал, описывающий концепты «море» и «корабль», представлен в работах: Горбань Л.В. Языковая картина мира военного моряка и менталитет служащего ВМФ России (на материале, связанном с концептом «море») / Л.В. Горбань // Молодая наука Заполярья: идеи, новации, перспективы: Материалы научно-практической конференции студентов и аспирантов МГПУ. Апрель 2006 г.: В 2 т. – Мурманск: МГПУ, 2007. – Т. 2. – С. 55-59; Горбань Л.В. Языковая картина мира военного моряка и менталитет служащего ВМФ России (на материале, связанном с концептом «корабль») / Л.В. Горбань // Молодая наука Заполярья: идеи, новации, перспективы: Материалы научно-практической конференции студентов и аспирантов МГПУ. Апрель 2006 г.: В 2 т. – Мурманск: МГПУ, 2007. – Т. 2. – С. 59-63.

²³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. – М.: Русский язык, 1979. – С.224.

²⁴ Каланов Н.А. Словарь морского жаргона. – М.: Азбуковник, Русские словари, 2002. – С. 347.

²⁵ Пикуль В.С. Крейсера. – М.: Воениздат, 1992. – С. 3.

²⁶ Курганский Ю. Автономка – 2 (Сборник стихов и песен, посвященных подводникам). – СПб, 2003. – С. 26.

²⁷ Кравченко В. России чистые снега. Стихи. – Заозерск, 2003. – С. 18-19.

²⁸ Кванчиани Р. Я тундру песней разбудил... Стихи и песни. – Мурманск, 2004. – С. 65-66.

дни, когда *большая часть флота влечит жалкое пристеночное существование, служить на плавающем боевом корабле – это заветное моряцкое счастье*».²⁹

Сегодня служащий ВМФ по-иному рассуждает о службе, отдает приказы, чем его предшественник, скажем, 20 лет назад; его внутренний мир и внешнее поведение определяют совершенно иные ценности. Автор многочисленных произведений о военно-морской службе А. Покровский³⁰ пишет: «Старпом с утра уснул всех на корабль, не сказав, чем же заниматься после обеда. *Стиль работы – раздать работу и слить* (курсив – Л.Г.)»³¹; «Что в службе главное? *Главное – доложить вовремя. Думать при этом совершенно не обязательно*»³²; «*Думать на службе вредно*»³³; «На службе всегда испытываешь терзания перед тем, как украсть. Терзаться не надо. *Надо красть*».³⁴ Сегодня уже вряд ли кто-то удивляется или возмущается, прочитав в рубрике «Продам» одного из печатных изданий: «Продам куртку меховую (канадку ВМФ), все размеры» (ниже указан номер телефона).³⁵

Документальные источники столетней давности открывают черту русского военного моряка, которая, к сожалению, ныне утрачена: желание послужить Отечеству; желание приложить свои силы и знания к его освобождению, спасению в трудные дни; пусть честолюбивое желание – отличиться в бою и прославиться: «Из 866 человек, бывших на «Бородино», чудом спасся выловленный из воды японским миноносцем единственный матрос – марсовый Семен Юшин. С кораблем погиб и *флагманский интендант* эскадры капитан 2 ранга А.Г. Витте, отказавшийся ради повышения по службе ради участия в походе».³⁶

Таким образом, изменения, произошедшие в нашей стране за время перестройки и постперестроечные годы, повлекли и изменения ценностных ориентиров военного моряка. На примерах языковой рефлексии мы наблюдаем процесс трансформации ментального сознания языковой личности служащего ВМФ. Под действием экстралингвистических факторов в ЯКМ военного моряка концепт «служба» претерпел существенные изменения: он уже не связан с такими понятиями как патриотизм, долг, честь, достоинство, совесть, культура и т.д. Деформация восприятия Военно-Морского Флота в качестве опоры и защиты государства, а личности военного моряка как доблестного защитника Отечества произошла и в общественном сознании.

Список использованных источников

1. «Полярный вестник», № 14 от 6 апреля 2006 г.
2. Грибовский В.Ю. Эскадренные миноносцы типа «Бородино» в Цусимском сражении. – Гангут / Научно-популярный сборник статей по истории флота и судостроения – СПб: Гангут, 1991.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. – М.: Русский язык, 1979.
4. Каланов Н.А. Словарь морского жаргона. – М.: Азбуковник, Русские словари, 2002.
5. Кванчиани Р. Я тундру песней разбудил... Стихи и песни. – Мурманск, 2004.
1. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002.
6. Кравченко В. России чистые снега. Стихи. – Заозерск, 2003.
7. Курганский Ю. Автономка – 2 (Сборник стихов и песен, посвященных подводникам). – СПб, 2003.
8. Пикуль В.С. Крейсера. – М.: Воениздат, 1992.
9. Покровский А. «...Расстрелять!». – СПб: Инапресс, 1994; «...Расстрелять» (Часть вторая и прочие части). – СПб: Инапресс, 2004; 72 метра. – СПб: Инапресс, 2004; Бортовой журнал. – СПб: Инапресс, 2006; Покровский А. и братья. В море, на суше и выше... – СПб: Инапресс, 2004 и др.
10. Черкашин Н. Море любви. – М., 2005.

²⁹ Черкашин Н. Море любви. – М., 2005. – С. 64.

³⁰ Покровский А. «...Расстрелять!». – СПб: Инапресс, 1994; «...Расстрелять» (Часть вторая и прочие части). – СПб: Инапресс, 2004; 72 метра. – СПб: Инапресс, 2004; Бортовой журнал. – СПб: Инапресс, 2006; Покровский А. и братья. В море, на суше и выше... СПб: Инапресс, 2004 и др.

³¹ Покровский А. «...Расстрелять!». – СПб: Инапресс, 1994. – С. 28.

³² Покровский А. «...Расстрелять» (Часть вторая и прочие части) – СПб: Инапресс, 2004». – С. 10.

³³ Там же. – С. 14.

³⁴ Там же. – С. 17.

³⁵ «Полярный вестник», № 14 от 6 апреля 2006 г.

³⁶ Грибовский В.Ю. Эскадренные миноносцы типа «Бородино» в Цусимском сражении. – Гангут / Научно-популярный сборник статей по истории флота и судостроения – СПб: Гангут, 1991. – С. 40.

УДК 947.957. 1

Н.А. Коскина

Тобольская социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева
г. Тобольск, Россия

ЛЕКСИКА ВРАЧЕВАНИЯ В ТЕКСТЕ ТОБОЛЬСКОГО «ЛЕЧЕБНИКА XVII ВЕКА» В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа посвящена выявлению состава лексики врачевания рукописного памятника «Лечебник XVII века», ее тематической классификации, а также описанию междусловных семантических отношений внутри тематических групп.

На хранении в фондах библиотеки редкой книги при тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике находится тобольский вариант «Лечебника XVII века» (КП 453678). Он был для своего времени своеобразной домашней энциклопедией, в которой врачевание органически сливалось с хозяйственными заботами, с повседневным трудом и отдыхом человека, с верой человека в исцеление, если его постиг недуг. Лингвистическая содержательность и информативность «Лечебника...» чрезвычайно многообразна. Источник дает богатый материал для изучения истории ряда лексико-тематических полей и формирования специальной медицинской, ботанической и фармацевтической терминологии.

Актуальность исследования определяется неизученностью лексики врачевания региона в историческом плане. Лингвистический материал, извлеченный из «Лечебника XVII века», имеет ценность для изучения современного состояния лексики врачевания. Объектом исследования явился рукописный текст «Лечебника XVII века», хранящийся в фондах библиотеки редкой книги при музее-заповеднике города Тобольска.

По своей функциональной принадлежности текст «Лечебника XVII века» неоднороден: семантические группировки уже при первичном анализе отражают сплав книжно-славянской и народно-разговорной лексики. Это обусловлено содержанием и целью написания: лечебники прежде всего предназначались для малограмотного населения.

Под тематической группой, следуя определению Ф.П. Филина, мы понимаем «...объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях слов, а на классификации предметов, признаков, действий и явлений... с самыми разными целями» [Ф.П. Филин 1974, 231]. В тематической группе предполагается наличие слов различных частей речи, а также словосочетаний свободного и фразеологического характера. Лексическому анализу подвергались 453 лексемы в количестве 1115 употреблений. На основе анализа лексики врачевания Западной Сибири изучаемого периода выделено 14 тематических групп. 1) медицинская терминология: *аерная нечистота, афендронь, безгласие, безсильство, биение трясавичное, блевание, главная немощь, гнилые язвы, горляная болезнь, дикое мясо, дыковница, дыхательные жилы*; 2) название заболеваний человека: *водяная болѣсть, горляной отекъ, дрожанная болезнь (лихорадка), дыховница (одышка), епеленсия, епеленсиева болѣсть (эпилепсия), лунное страдание (лунатизм), паралиж, паралич*; 3) глаголы, называющие состояние человека: *заболеть, занедужить, занемочь, занозиться, затощать, исцелиться, исхудать, померать, поправиться*, а также отглагольные существительные с отвлеченным значением состояния человека: *боление, дремота, злота, истомление, исхудание, исцеление, равние, рыгание (рвота)*. От таких глаголов часто образуются имена существительные с тем же значением при помощи абстрактных суффиксов -ениј-, -аниј-, -иј-, -от-: *затощение, исхудание, истомление, исхождение, исцеление, негодование, недомогание, помутнение, потемнение, разслабление, рыгание, страдание, томление*. 4) глаголы со значением действия, направленного на исцеление больного: *веселити, заварить, заживити, заживлять, изымать, испить, обвеселеть, повязать, помазать, привязать, приложить, смазать, смочить*. 5) названия недугов человека: *болячка обморокъ, водяная болѣсть (водянка), горляная болезнь, глухота, рожса, зимница (лихорадка), кишечная болѣзнь лунное страдание (лунатизм), мокрота, охрипление, паленсистова немощь, парализъ и паралижъ (паралич), пежины (темные пятна), пеленсия (эпилепсия), колера (холера) и др. 6) название частей тела человека: *бокъ, брови, волосы, главной мозгъ, голова, глазъ, губы, десна, дыхательные жилы (bronхи), зракъ (зрачок), зубы, кровь, лядвия (поясница), лытка (нога, голень), неба, нога, носѣ, пазаха (подмышка, бок), перси (грудь), почки, рука, рясницы (ресницы), состав (сустав), стомах (желудок), туловище и др. 6) абстрактные понятия, обозначающие состояние человека: *бодрость, болезнь, велегласіе (громкогласность), вялость, горячество (жар), дивизаніе (побуждение), дремота, кашель, мокрота, недомогание, недуг, нездоровье*. Большинство существительных имеют суффикс -ость-, определяющий признак, качество предмета: *вялость, сытость, слабость*; 7) качественная характеристика состояния человека: *дельный (самостоятельный), здоровякъ, зяблый (обмороженный), изтомленный, килватый (человек с килой, грыжей), маломощный, немощный человек, несвоеличный человек (не в себе), померный (умерший), старой откормъ (застарелое ожирение)*; 8) названия атмосферных явлений (погодные условия края и природные явления): *вѣтеръ, градъ, гололедь,***

дождь, заморозки, морозъ, оттепель, повѣтріе, похолоданіе, снегъ, студеностно (прохладно), таяние, холод; 9) фауна края: звери дикие: алень, волкъ, коза дикая, лиса, медведь; домашние животные: баранъ, быкъ, коза дворовая, корова, кошка, куръ (петух), овца, свинья, собака; птицы домашние и лесные: воро-бей, ворона, гусь, индюк, курица, куропатка, кукушка, пава, петух, утка; рыбы: еришь, камбала, карась, карпъ, лосось, осетр, сазан, сом, язь; 10) флора края: деревья и кустарники: береза, кедръ, липа, ольха, осина, сосна, сирень, тополь; злаковые культуры: гречиха, горох, овесъ, ольха, просо, пшеница, пшено, рожь, чечевича, ячмень; название овощей: капуста, картофель, лукъ, морковь, огурец, перец, помидоръ, редька, репа, свекла бѣлая, тыква; название цветов и трав: васильки, макъ, мокрица, мята, подлешниковы коренья, трава зорина (салатовая, романова, пиониева), фиалков цвет; фрукты: груша, дуля (сорт груши), яблоки земные, слива; ягоды лесные и садовые: брусника, винные ягоды, вишня, голубика, клубника, клюк-ва, крыжовникъ, малина, морошка, смородина, рябина, черника; 11) названия продуктов питания: грибы (опята, рыжики, сморчки), миндальные ядра, орѣхи лесные; продукты питания, приготовленные челове-ком: лососина, майороновая водка (настойка на майоране), медъ, мясо, пеленый сокъ (настойка на полы-ни), сахаръ, соль, хлѣбъ ржаной, фряжское вино (заморское вино); 12) продукты растительного производ-ства для исцеления: мочки, настои, отвары, примочки, скипидаръ, смеси, соки и др.; 13) меры веса лекар-ственных препаратов: гривенка (фунт, равный 4,226 граммов), драхма (древняя серебряная монета; золот-ник аптекарского веса, или 7/8 торгового золотника), золотник¹ (мера веса, равная первоначально весу золотой монеты слитка (1/72, 1/96 части фунта ~ 4,226 гр.), золотник² (единица веса некоторых жидко-стей, равная 1/72 литра), ползолотника (единица веса некоторых жидкостей, равная 1/44 литра) и др.

Таким образом, на основе содержательного плана времени, места и цели написания текста «Лечеб-ника XVII века» было изучено 453 лексемы, на материала выделено 14 тематических групп различного содержательного плана и количественного состава.

Внутри каждой тематической группы можно выявить междусловные семантические отношения, важными системными свойствами лексики являются отношения вариантности (вариативности), синони-мии, антонимии и полисемии.

Непременным условием существования вариантов слов является тождество их значений. Кроме то-го, вслед за Э.В. Кузнецовой, мы считаем необходимыми чертами вариантов слов общую корневую часть и только внешние различия (место ударения, фонемы, аффиксы) [Кузнецова 1988: 65]. Характеризуя вари-антные отношения, мы уделяем особое внимание описанию типов языковых вариантов. В существующих классификациях вариантов слов ведущим признается принцип их выделения в зависимости от иерархии языковых уровней (А.И. Смирницкий, Ф.П. Филин, Д.Н. Шмелев, К.С. Горбачевич, Р.П. Рогожникова и др.).

В соответствии с этим принципом в лексике врачевания «Лечебника XVII века» выделены фонети-ческие, морфонологические, морфологические и орфографические варианты слов, а также однокоренные слова, соотносящиеся в значениях. Опущены акцентологические варианты на том основании, что выявить в исследуемом материале достаточно отдаленного от сегодняшнего дня периода вне звучащей речи не представляется возможным.

Наиболее широко в исследуемой лексике представлены фонетические варианты, обусловленные от-ражением в «Лечебнике XVII века» особенностей местного произношения: апостема – опостема, дохтур – доктор, инбирь – имбирь – имберь, морошка – марушка – морушка – мурушка, пазаха – пазуха, пухота – пыхота (опухоль), порожнее место – порозжее место, халера – холера. Морфонологическими вариан-тами слов являются: берег – брег, волхобное (коренье) – волишебное, городъ – градъ, деревяное масло – дере-вяное масло, дыхати – дышати, холодить – охлаждать. Морфологическими вариантами являются: лице – лицо, мокрота – мокроты, нутрь – нутря, острость – острога, постыти – постынуть, свербеж – свер-бота, просек – просека, темнота – темень, укормить – прокормить, утре – утром, фиников – финико-вый. Они отражают колебания в роде, числе, падеже, лице (спряжении), а также в образовании форм су-ществительных и прилагательных: балоты – болоты, болеть – болезнь, дубрава – дуброва, дяревня – де-ревня.

В исследованном материале широко представлена синонимия, которая усложнялась в исследуемую эпоху временным существованием старых и новых лексических элементов. В лексике врачевания синони-мические отношения наблюдаются и среди однословных врачебных терминов и апеллятивов, и среди тер-минологических сочетаний. Слова, находящиеся в синонимических отношениях, образуют синонимиче-ские ряды: безгласие – безмолсие – молчание, боѣзнь – нездоровье – недугъ, недомогание – немочь, враче-вание – лечение – врачение, всеневный – постоянный – ежедневный, заболеть – занемочь – ослабеть, исцелиться – поправиться. В синонимические отношения с однословными апеллятивами и терминами вступает большинство терминологических сочетаний, образуя синонимические пары: аквилапансис – ор-линый камень, болѣсть водяная – отокъ, водопитие – питье воды, дельный – самостоятельно сделан-ный, епелейсиева болѣсть – эпилепсия, жилы – кровеносные сосуды, менструо течение – ментровы,

мокрица – мокричная трава, морово поветрие – морь, отокъ воточной – водянка, перепускной – прошедший перегонку, петрушка – петросилева трава и др.

Антонимия представлена менее рельефно и прослеживаются лишь в некоторых тематических группах, в частности, в группе глаголов, называющих состояние человека, а также среди глаголов, называющих действие, направленное на исцеление человека: *дать – взять, заболеть – исцелиться, исхудать – поправиться, обвеселеть – загрустить, положить – убрать*. Много антонимических пар и среди существительных, прилагательных и наречий: *вечере – утрось, день – ночь, маленько – много, мокрота – сухость, недуг – здоровье, работа – отдых, сытость – голод, теплотный – холонокровный*.

Отметим полисемантизм в лексике памятника. Через многозначность проявляются системные отношения в лексике, поскольку развитие семантической структуры или иного слова происходит на основе каких-либо ассоциаций. Полисемия в источнике не основная, а периферийная черта. По нашим наблюдениям, многозначными являются только 75 слов, что составляет 20% от общего числа собранных слов: *иглоковые (волосы, трава и тряпица); вытянет (болезнь и одеяло); держать (в руках и отвар в банке); стоит (человек и вино); тяжолоя (кровать и болезнь); отгонять (уток и боль)* и др. Частотна этого явления среди глаголов и гораздо реже среди прилагательных и существительных: *поветрие, праздный, пустошь, течение, теплотный, тонкой, худой* и др.

Таким образом, важными системными свойствами изучаемой лексики являются отношения вариатности, синонимии, антонимии и полисемии.

Список использованных источников

1. Кузнецова Э.В. Русская лексика как система. – Свердловск: УГУ, 1980. – 65 с.
2. Филин Ф.П. О языке письменности в Древней Руси. // Вопросы филологии, 1974. – с 230-232.

УДК 669.713.7

И.П. Павлова

*Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова
г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Россия*

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

В современном языкознании актуальными являются проблемы, связанные с взаимоотношением языка и культуры. Этнолингвистика открыла новые аспекты номинативной деятельности человека, имеющие корни в дологическом мышлении. Человек познавал самого себя и свое отношение к окружающему миру, свое взаимодействие с ним. Он противопоставлял, с другой стороны, себя окружающему миру с помощью мышления и языка. В этом проявлялась антропоцентричность всех языков, так как они ориентированы на характер и содержание мышления человека.

Действительно, в лексике любого языка больше половины слов связаны с человеком, с характеристикой его внешних, физических и внутренних, духовных свойств. Из огромного разнообразия внешних явлений в сознании и языке человека отражается главным образом то, что имеет существенное значение для его жизни. При этом в связи со специализацией деятельности людей происходит и специализация их сознания языка, что отражается в социальной и профессиональной дифференциации лексики. Так называемая «народная терминология», возникшая в глубокой древности, в обязательном порядке сопровождает развитие языка. Закономерности функционирования народной терминологии в этнолингвистическом аспекте еще не изучались на материале якутского языка. Исследования подобного рода имеют широкую перспективу дальнейшего развития.

Основой принцип этнолингвистики подчеркивает необходимость обращения к широкому культурно-этнографическому контексту при исследовании слова и его функций. В языке выделяются некоторые тематические пласты лексики, характерные для языка любого народа, сложившиеся в силу общественно-исторических причин. Каждый лексический пласт отражает одну из сторон жизни и быта человечества во взаимосвязи с конкретным языком. Так, лексические единицы, называющие природные явления, содержат информацию о системе представлений человека, о восприятии окружающей действительности. В этой области непосредственно сказывается взаимосвязь между языком и культурой. Как отмечал В. фон Гумбольдт, речь идет об особом «языковом мировоззрении народа», национальное своеобразие которого проявляется в способе представления предметов окружающего мира (1, с.77). Лексические единицы, называющие предметы и явления многочисленных обрядов, обычаев, традиций, ритуалов, сигнализируют о духовной культуре народа – каковы его представления о нравственности, о ценностях, какими силами (магическими или природными) старается сохранить наработанный веками опыт.

Описание и комплексное изучение различных тематических групп лексики в этнолингвистическом плане – одна из насущных задач лингвистической науки. В настоящее время в трудах отечественных языковедов в общих чертах разработана теория и методика описания лексического состава языка в различных терминах. На наш взгляд, предпочтительны термины семантическое поле и лексико-семантическая группа.

Этнокультурную лексику якутского языка можно разделить на следующие семантические поля:

1. Семантическое поле терминов материальной культуры;
2. Семантическое поле терминов духовной культуры.

Каждое поле подразделяется на более мелкие ЛСГ:

I. К лексике, связанной с материальной культурой якутов, относятся:

1. Названия жилищ и других построек;
2. Названия предметов быта и приспособлений для ведения домашнего хозяйства;
3. Лексика, характеризующая основные виды деятельности человека: терминология коневодства, терминология животноводства, терминология охоты и рыболовства;

4. Названия одежды и украшений;

5. Названия пищи.

II. К лексике, связанной с духовной культурой якутов, относятся:

1. Термины родства и родственных отношений;
2. Лексика, связанная с верованиями, обрядами и обычаями;
3. Лексика народной медицины;
4. Термины фольклора и мифологическая лексика;
5. Названия народной музыки и танцев;
6. Термины народной метрологии.

Народная терминология охоты в якутском языке характеризуется исключительным богатством. Самодостаточность охотничьего промысла обусловила хорошую сохранность терминологических данных. Кроме того, словарь эвфемизмов, включающий 556 единиц, является самостоятельной подсистемой, непосредственно связанной с проблемой языкового табу.

Представляет интерес систематизация и анализ якутской терминологии охоты как фрагмента народной культуры. Изучение развития значения слова может пролить свет на условия материальной и духовной жизни народа, особенности его миропонимания и национальной психологии. Так, известно оперирование понятиями-суждениями, то есть явление, когда одно и то же по происхождению слово применяется к различным животным, отмечая их общее назначение как источника питания, добычи: *кыыл* – в значении «зверь», «дикий олень», «дикий лось», «беркут», «орел». Более развернутое толкование номинации *кыыл* представлено в «Словаре якутского языка» Э.К.Пекарского. Назовем основные значения: «дикий зверь вообще, дичь, дикие птицы и звери, зверь, животное; дикий олень-самец, северный олень; лось, сохатый» (2, стлб.1375-1376). Кроме того, интересно сочетание *ийэ-кыыл* (мать-зверь, мать-птица), означающее звериное воплощение души шамана, то есть животное, в которое шаман вселяет свою душу (кут), например: бык-порок, жеребец, сохатый, черный медведь, волк, собака, орел, ворон (2, стлб. 1376). Удивляет разнообразие перечисленных животных. Предположительно данная номинация первоначально была дана целому классу предметов. В прошлом для многих языков было характерно употребление слова в более широком значении, меньшая дробность наименования, что свидетельствует об отдельных семантических процессах.

Дифференциация понятий достигается образованием словосочетаний: «тойон-кыыл» (владыка-зверь) – беркут, «хотой-кыыл» – орел, «кыыл таба» – дикий олень, «эриэн кыыл» (пестрый зверь) – змея, «уорда кыыл» (лютый зверь) – пантера, «курун кыыла» (зверь выжженного леса) – лиса, «сир кыыла» (зверь земли) – евражка. Необходимо отметить наличие эвфемистических номинаций, например, «улуу кыыл» в значении «великий зверь» заменяет табуированные лексемы, называющие одновременно медведя и лося (сохатого). Допускаются перестановки: *кыыл таба* = *таба кыыл* в значении «дикий северный олень». Тем самым, создается особое семантическое поле термина «кыыл».

Наиболее ярко системность терминологии охоты выражается в наличии так называемых «ключевых слов», лексики корней, имеющих широкий семантический спектр и служащих мотивирующей основой для номинации большого числа терминов. Так, *булт* – основное слово, которое дает начало целому словообразовательному ряду. *Булт* – корень, лежащий в основе многих слов разных частей речи: *бултаа* «охотиться» (глагол), *бултаһыын* «охота, промысел» (существительное), *бултаах* «обильный промысловыми зверями, дичью» (имена обладания, переводимые на русский язык прилагательными). Кроме того, *булт* входит во многие составные наименования (около 20 в терминосистеме): *булт балагана* «охотничья избушка», *булт сирэ* «охотничье угодьё», *булт угэстэрэ* «охотничьи традиции» и другие.

Интересно парное существительное *булт* – *алт* «добыча, промысел» (3, с.82) и производный глагол *бултаа* – *алтаа* «добыть зверей, птиц, промыслить» (4, с.25). С точки зрения лексико-семантической

структуры парное существительное *булт – алт* можно охарактеризовать как парное сочетание, в котором второй компонент в современном языке отдельно не употребляется и может быть различного происхождения. Второй компонент парного существительного несет определенную семантическую нагрузку – он придает основному компоненту сочетания дополнительный оттенок значения – обычно усилительного характера.

Характерной особенностью охотничьей речи является употребление большого количества эвфемизмов, что связано с собой системой запретов, уходящей корнями в древность и связанной магической силой слова.

Терминология охоты представляет собой систему, имеющую собственную внутреннюю структуру и иерархию. Она, как и любая другая терминсистема, имеет строго определенную сферу употребления, свою историю. Закономерности ее развития не могут быть объяснены без учета реальных исторических условий, в которых протекала жизнь того или иного человеческого коллектива. Терминологическая система любой области знания или деятельности человека возникает не на пустом месте, она представляет собой результат систематизации понятий данной области. Это представления народа об окружающем мире, фрагмент народной культуры в широком смысле этого слова, а значит и фрагмент картины мира.

Список использованных источников

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
2. Э.К.Пекарский. Словарь якутского языка. Т.1-3. М., 1958.
3. Якутско-русский словарь./Под ред. П.А.Слепцова. М., 1972.
4. Луковцев А.С. Якутско-русский словарь терминов охоты и рыболовства./ рукописный фонд научной библ. ЯФ АИ СССР, инв. № 432. Якутск, 1975.

УДК 373.1

Е.П. Прокопьева

МУ «Управление образования Намского улуса РС(Я)

МОУ «Намская средняя общеобразовательная

политехническая школа №1 имени И.С. Гаврильева»

С.Намцы, Намский улус, Республика Саха (Якутия), Россия

МАСТЕРСКАЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

Сегодня быть педагогически грамотным специалистом нельзя без изучения всего обширного арсенала образовательных технологий. Форма мастерских – веяние и требование времени. Технология мастерских приобщает ребенка и взрослого к радости творчества, к законам открытия нового, к самостоятельной исследовательской и творческой деятельности. На уроках мастерских каждый ученик получает возможность реализовать себя, свои способности, сам строит знания, основанные на собственном опыте жизни.

В российском образовании провозглашен сегодня принцип вариативности, который дает возможность педагогическим коллективам учебных заведений выбирать и конструировать педагогический процесс по любой модели, включая авторские. В этом направлении идет прогресс образования: разработка различных вариантов его содержания, использование возможностей современной дидактики в повышении эффективности образовательных структур; научная разработка и практическое обоснование новых идей и технологий.

При этом важна организация своего рода диалога различных педагогических систем и технологий обучения, апробирование в практике новых форм, использование целостных педагогических систем прошлого.

В этих условиях учителю необходимо ориентироваться в широком спектре современных инновационных технологий, идей, школ, направлений, не тратить время на открытие уже известного. Сегодня быть педагогически грамотным специалистом нельзя без изучения всего обширного арсенала образовательных технологий.

Форма мастерских – веяние и требование времени. Конструкция мастерской как будто специально создана для того, чтобы участвующий в ней ученик в сжатое время «пережил» то, что человечеством нарабатывалось веками через падения и взлеты, радости и потери, боль и всплески озарений, приводящих к разрыву со старыми представлениями, понятиями, знаниями.

Мастерская – это не только технология, не только методология, в них просвечивает новая философия. С мастерской связана иная система отношений, в которой ученик и учитель переживают себя неповторимой, уникальной частью бытия, переживают отношение к себе как к творцу в момент познания, от-

ношение к другому как ценности – со своим миром, отличным, быть может, от моего, но столь же уникальным. В работе мастерской важен не только результат творческого поиска, а важен не меньше, а иногда и больше сам процесс. Именно он приобщает ребенка и взрослого к радости творчества, к законам открытия нового, к самостоятельной исследовательской и творческой деятельности.

Предмет исследования – инновационная технология «педагогическая мастерская».

Цель: разработка внедрение в практику интенсивных методов обучения и развития ребенка;

- научить мыслить творчески и раскованно и самостоятельно выстроить свое знание.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить педагогическую, методическую литературу по проблеме доклада;

- обосновать эффективность использования технологии мастерских на уроках русского языка и литературы.

В качестве гипотезы исследования послужило следующее предположение е: процесс обучения школьников будет наиболее эффективным, если использовать технологию мастерских.

Методы исследования: изучение педагогической и методической литературы по проблеме исследования; обобщение передового опыта учителей.

Идея педагогических мастерских витает уже десяток лет, появляются отдельные материалы в печати, публикуются разработки уроков – мастерских в наших профессиональных журналах. Форма мастерских – веяние и требование времени. Информация, идущая от учителя на традиционном уроке, с различной степенью активности отторгается детьми, энергия учителя уходит, главным образом, на преодоление сопротивления, а не на совместное созидание.

Педагогическая мастерская как форма, метод и технология обучения возникла не на пустом месте. Идеи свободного воспитания Л.Н. Толстого, практическая деятельность С.А.Рачинского, исследования Л.С. Выготского, теоретическое наследие А.С. Макаренко, а также основы философского учения Ж.Ж. Руссо и современных французских эпистемологов - последователей Гастона Башляра - стали основой практического моделирования сначала французских, а затем петербургских педагогических мастерских. Можно констатировать, что состоялась интеграция зарубежного и российского педагогического опыта, причем зарубежный опыт - деятельность французской группы нового образования является инновационной и в европейском образовании.

Помимо школьного предметного преподавания мастерские в самом своем процессе реализуют поистине огромный воспитательный потенциал. Поэтому они могут применяться в клубной деятельности (что и происходит, например, во Франции), в дополнительном образовании, просто в работе классного руководителя и воспитателя, а также в общении с родителями.

Чем определяется и как реализуется этот воспитательный потенциал педагогической мастерской?

I. Наличие выбора деятельности на разных этапах мастерской создает ощущение свободы и возможности самореализации.

II. То, что в мастерской называется «социализацией» (предъявление каждым участником, группой или парой своего творческого продукта),

— содействует формированию интереса к другой точке зрения, дает толчок для саморефлексии;

— побуждает слушать и слышать другого без желаний опровергнуть, так как безоценочность входит в правила мастерской;

— в процессе мастерской создается необходимая среда взаимодействия, а доверительная среда рождает чувство общности, коллегиальности, взаимоуважения, что весьма актуально в современной жизни. Все это содействует, несомненно, воспитанию толерантности и обучению этике поведения.

III. Мастерская при определенных условиях (педагогическая философия мастера, опора на соответствующее содержание и др.) дает возможность перехода от бытовых, прагматических тем к обдумыванию и обсуждению бытийных ценностных ориентации. Происходит ненасильственным путем реализация духовно-нравственного воспитания. Это оказывается возможным не только для педагогов и учащихся, но и для родителей.

IV. Каждая мастерская - при выполнении определенных принципов («Все равны, все способны», - говорят во французской группе Нового Образования) диагностична как для ведущего мастерскую, так и для любого участника.

V. Может быть, главное в мастерской - это реализация возможностей творчества. «Смысл жизни - в творчестве. А если только повторять и репродуцировать, то человечество вымрет, как вымерли мамонты», - говорил когда-то Д. И. Менделеев. Мастерская дает возможность для творчества в самом широком толковании этого процесса: от новой идеи до малого предложения по организации, от рисунка до особого штриха, от слова до материального продукта.

На уроках – мастерских каждый ученик получает возможность реализовать себя, свои способности, сам строит знания, основанные на собственном опыте жизни. Учитель – мастер на таких уроках тактично, ненавязчиво руководит творческой деятельностью учеников, каждый из которых во время мастерской

превращается в творца. При этом мастер, во – первых, создает атмосферу открытости, доброжелательности, сотворчества в общении. Между учителем и учеником исчезает пропасть, разделяющая их на традиционном уроке. Во – вторых, мастер включает эмоциональную сферу ребенка, обращается к его чувствам, будит личную заинтересованность в разрешении проблемы, раскрытии темы. В – третьих, мастер работает вместе со всеми, он равен ученику в поиске знания. Здесь работает педагогика сотрудничества, сотворчества. В-четвертых, мастер не дает готовых ответов, не торопится отвечать на вопросы учеников, информацию дает только в случае необходимости, потребности в ней у ребят. И, наконец, работа ученика официально не оценивается, но учитель дает возможность появления самооценки у ученика и ее изменения, самокоррекции через обнародование ученических работ. Учитель здесь находится в тени, давая возможность ученику самому найти истину, сделать открытие. И когда это происходит, ученик растет в собственных глазах, у него появляется уверенность в себе, в собственных возможностях, он раскрывается для получения новых знаний.

Итогом работы мастерских являются творческие работы учащихся – это результат размышлений, сопереживаний, творческой фантазии ученика, где каждое слово, каждая строчка пропущены через сердце, через собственный опыт.

УДК 420-25

Ю.В. Кристафорова

*Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Россия*

**ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ
В СВЕТЕ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НА ОСНОВЕ ДИАХРОНИЧЕСКОГО АСПЕКТА
(НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ TO OPEN, TO CLOSE)**

Работа посвящена проблеме формирования современного научного представления об изменении значений слов с точки зрения теории прототипов, с помощью диахронического подхода. Большинство рассматриваемых нами глаголов не изменили свой статус в сознании человека, доказывая то, что передаваемые ими понятия являются базисными и неизменными категориями.

Современные исследования в анализе семантики языковых единиц базируются на постулате о том, что человек является основным носителем опыта и знаний и антропоцентрический фактор является основой такого рода исследований.

Полисемия всегда представляла огромный интерес для исследователей в разное время, от полного отрицания (А.А. Потенбя, Л. В. Щерба) до признания универсального статуса (А. И. Смирницкий, Г. В. Колшанский, В. В. Виноградов), «ни один язык не был в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Язык вынужден разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий...»[Виноградов,1972:18].

Мы попытались рассмотреть изменение многозначных слов с точки зрения диахронического анализа и также рассматривали языковой знак с когнитивных позиций и предприняли попытку установить связь полисемантов с концептуальными образованиями. На основе современных воззрений на языковой знак мы предприняли попытку раскрыть и проанализировать изменения, которые происходят в многозначном слове с течением времени.

Человек осмысливает новые явления базирясь на имеющемся у него опыте, который укоренился в сознании; формирует понятия о новых объектах и ситуациях с помощью уже имеющихся семантических структур и на этом выстраивает новые элементы опыта. В такого рода расширении у слова имеющихся у него функций, от наблюдаемых реалий к абстрактным умозаключениям, и состоит общий принцип когнитивной деятельности человека.

Направление прототипической семантики начинает развиваться в 70-х годах прошлого века и основным в изучении этого направления становятся исследования центрального смысла слова. В мире есть определенные сходства и различия и это отражено в сознании человека в виде определенной категоризации. Каждая категория обладает внутренней структурой. Наиболее типичными объектами являются центры категорий или «прототипы», они являются воплощением наиболее характерных признаков (Фрумкина, 1991).

В последнее время многие исследователи вновь обращаются к диахроническому аспекту, рассматривая примеры того, как слово изменило свой начальный смысл, развило многие новые значения, а также некоторые слова не изменились с течением времени.

Нами были исследованы около ста многозначных глаголов, но подробнее остановимся на глаголах to open и to close.

Глагол to close, как показывает анализ, является менее «развивающимся», по сравнению со многими проанализированными нами глаголами. Номинативно-непроизводное (далее НН) значение не поменялось

- to shut by bringing parts together [PSDEL 1925]
- to move the parts together [Oxford 2002].

Также у глагола сохранились в употреблении все лексико-семантические варианты (далее ЛСВ), которые были зафиксированы более ранними словарями. Большинство вариантов были образованы путем расширения НН значения по функции:

- to bring to an end, terminate, conclude
- to bring into contact, join
- to shut in, enclose [PSDEL 1925]
- to end or make sth end
- to make the distance or difference between two people or things smaller, to become smaller or narrower [Oxford 2002].

Но надо отметить, что у глагола появилось несколько значений, связанных с ведением дела и получением прибыли:

- to make a work of a shop stop for a period of time, to not be open for people to use
- to stop operating as a business
- to be worth a particular amount at the end of the day's business [Oxford 2002].

Эти варианты были образованы путем метонимического переноса от НН значения. При том, что глагол не добавил большое количество вариантов к уже существовавшим значениям и не одно значение не исчезло из употребления, мы можем сказать о том, что глагол имеет устоявшиеся ЛСВ и является неизменным на определенный период времени.

У глагола to open НН значение – to move sth, so that it is no longer closed, to remove the covering, wrapping [PSDEL 1925, Oxford 2002], также не изменилось. Можно даже отметить то, что у глагола редуцировались многие значения, что отличается от многих проанализированных глаголов (практически у всех значения расширялись и достаточно активно), например:

- to inaugurate, speak or act first in, as a battle or a debate (вариант значения был образован путем метонимического расширения от НН значения)
- to make capacious, enlarge, especially, to make more receptive of ideas or sentiments (этот вариант образован путем метафорического переноса) [PSDEL 1925].

Но глагол добавил такой ЛСВ как – to start a computer program or file so that you can use it on the screen [Oxford 2002, LDCE 1995].

С развитием компьютерной техники и компьютерных технологий, такого рода варианты встречаются все чаще и чаще, они становятся неотъемлемой частью нашей жизни, человек ассоциирует определенные действия с уже знакомыми, и приписывает новые значения к существующим понятиям.

С помощью диахронического подхода к изучению полисемии мы смогли изучить некоторые механизмы изменения значений многозначных глаголов, мы прослеживали изменения, происходящие со словами во времени и попытались выявить актуальность их применения.

Список использованных источников

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове: Учеб. Пособие для филол. специальностей ун-тов. – М.: Высш. шк., 1972.
2. Фрумкина, Р. М. Семантика и категоризация. М.: Наука, 1991.
3. [LDCE] – Longman Dictionary of Contemporary English/ - Harlow, Longman group Ltd, 1995.
4. [Oxford] – Oxford Advanced Learner's Dictionary . – Oxford University Press, 2002.
5. [PSDEL] - The Practical Standard Dictionary of the English Language (Funk and Wagnalls company New York and London, 1925)

С.В. Скоморохова

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»
г. Орск, Россия

К ВОПРОСУ О КОНСТРУКТИВНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассмотрены несамодостаточные по семантике фразеологизмы, т.е. те фразеологические единицы, которые функционируют в речи только в сочетании с определенными элементами контекста.

В синтагматическом ряду фразеологическая единица (далее ФЕ) по-разному взаимодействует со словами. В одном случае она предстаёт как семантически самодостаточная величина, наделённая относительно свободной сочетаемостью. В других случаях семантизация фразеологизмов обеспечивается лишь в строго ограниченных конструкциях, без которых они оказываются информативно недостаточными. Такие ФЕ, как *пальцем не трогать (кого)* – «не причинять ни малейшего вреда кому-либо», *открыть глаза (кому)* – «помочь правильно понять истинное положение вещей, вывести кого-либо из заблуждения» обладают явной конструктивной обусловленностью значений, потому что реализуют их только в сочетании с существительными или заменяющими их местоимениями, функционирующими в чётко определённых падежных или предложно-падежных формах.

Фразеологизм как самостоятельная единица языка образуется на основе словосочетания. Слово, став составной частью фразеологизма, не превращается в ничто. Изучать компонентные свойства фразеологизма необходимо, т.к. они составляют своеобразную клеточку смысловой структуры фразеологизма [1].

Целостное обобщённо-переносное значение фразеологизма представляет собой семантический результат образного переосмысления первоначального значения всего словесного комплекса-прототипа (а не изолированных значений отдельных его компонентов) [2; 186]. Под словесным комплексом-прототипом (далее СК-прототип) той или иной ФЕ понимается сочетание слов, на основе целостного переосмысления которого данная ФЕ сформировалась [2; 186]: *повернуться спиной* (к кому, к чему) – «проявлять пренебрежение, безразличие; переставать обращать внимание на кого-либо, что-либо», *глаза открываются* (у кого) – «кто-либо узнаёт истинное положение вещей».

Денотат фразеологического значения – результат семантической трансформации свободносинтаксического прототипа ФЕ. По степени такой трансформации будем различать первичный и вторичный денотаты. Первичным денотатом служит та предметная ситуация, которая обозначается СК-прототипом фразеологизма, а вторичным денотатом – трансформированная денотативная предметная ситуация, т.е. новое, образное представление предмета фразеологической номинации. В связи с таким пониманием двойственности фразеологического денотата для ФЕ *выбивать из седла* (кого) первичным денотатом следует считать предметную ситуацию, передаваемую СК-прототипом, а вторичным – уже переосмысленную ситуацию, представляя её в новом виде – «неожиданно изменять достигнутое положение; лишать кого-либо душевного равновесия». Вторичный денотат – обозначаемая ФЕ ситуация, результат семантической трансформации прототипа.

Словесный комплекс-прототип, состоящий из глагольного слова и зависимого от него имени существительного с предлогом или без предлога, в целом мотивирует выбор той конструкции, т. е. той формы структурно-семантического восполнителя фразеологизма, которая необходима для реализации возникшего на основе этого словесного комплекса фразеологизма.

Фразеологизмы, которые по внешней модели являются глагольными непредикативными или предикативными сочетаниями, требуют объекта в форме того или иного косвенного падежа. Любой объект, необходимый для реализации значения фразеологизма, независимо от падежной формы и наличия/отсутствия предлога, является обязательным, потому что служит для проявления самодостаточности ФЕ. Между ФЕ и таким объектом устанавливается необходимая семантическая и грамматическая связь. Обусловленный элемент в составе структурно-семантической конструкции, восполняющей значение ФЕ, формально может быть представлен беспредложной управляемой формой имени или предложно-падежной управляемой формой имени. Элементы предложения, которые являются характерной принадлежностью оформления его структуры и играют первостепенную роль в раскрытии содержания ФЕ, мы считаем возможным обозначить термином *структурно-семантический восполнитель ФЕ*. Присоединение такого элемента обусловлено, с одной стороны, семантикой ФЕ, а с другой стороны (для одних ФЕ в большей, для других – в меньшей степени) – грамматическими свойствами её компонентов. Структурно-

семантические восполнители не относятся к числу компонентов ФЕ, т.к. имеют более широкие возможности варьирования, зато являются неотъемлемой стороной конструктивной характеристики фразеологических единиц. В отличие от компонентов ФЕ, структурно-семантический восполнитель всегда выполняет самостоятельную синтаксическую функцию в предложении, свободно вступая в связь с другими членами предложения.

Наиболее часто в качестве структурно-семантического восполнителя ФЕ выступают дополнения, прямые и косвенные. Наличие во фразеологизме глагольного компонента во многих случаях определяет форму структурно-семантического восполнителя, т.к. она очень часто является реализацией одной из возможных для данного глагола связей управления. Например, для таких фразеологизмов, как *поймать на удочку* (кого), *ставить на ноги* (кого), *тащить за уши* (кого), *сбрасывать со счетов* (кого, что), *сбивать с рук* (кого, что), *из пушки не прошибёшь* (кого), *на мякине не проведёшь* (кого) и т.п., структурно-семантическим восполнителем является прямое дополнение, для фразеологизмов *указать место* (кому), *колоть глаза* (кому), *подводить черту* (под чем), *вилять хвостом* (перед кем), *волосы становятся дыбом* (у кого), *искры из глаз посыпались* (у кого) и других в роли структурно-семантического восполнителя выступают различные формы косвенных дополнений.

Структурно-семантический восполнитель может выполнять роль дополнения и в том случае, если во ФЕ нет глагольного компонента: *голова на плечах* (у кого), *душа нараспашку* (у кого), *душа не на месте* (у кого), *(и) карты в руки* (кому), *кишка тонка* (у кого), *море по колено* (кому), *не все дома* (у кого), *рыльце в пуху* (у кого), *лица нет* (на ком, у кого) и другие.

Структурно-семантический восполнитель может выполнять функцию определения: *стоять на стороне* (кого, чьей); *кружить голову* (кого, чью); *идти по стопам* (кого, чьим); *голова вскружилась* (у кого, чья); *проходить через руки* (кого, чьи); *взваливать на плечи* (кого, чьи), *песенка спета* (чья).

В единичных случаях в роли обусловленного члена могут выступать обстоятельства. Например, в таких ФЕ, как *не знать, с какими глазами появиться* (куда, где, у кого, к кому); *нога не ступала* (где, куда); *соваться со своим носом* (куда, во что); *направлять лыжи* (куда); *тягу дали* (откуда).

При сопоставлении сочетаемости глаголов, давших жизнь глагольным компонентам, и сочетаемости фразеологизмов со структурой глагольного словосочетания или глагольного предложения легко обнаруживаются следующие типы структурного соотношения дистрибуции глагола свободного словосочетания и глагольного фразеологизма: в большинстве случаев глагольный компонент фразеологизма повторяет валентные свойства глагола в омонимичном словосочетании; в меньшинстве – не повторяет.

Список использованных источников

1. Жуков, В. П. О парадигматических и синтагматических свойствах компонентов фразеологизма // Актуальные проблемы русской фразеологии. – Л., 1983.
2. Солодуб, Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект) / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. – М. : Флинта : Наука, 2002.

УДК-800.61

Е.Ю. Скороходова

*Российский государственный социальный университет
г. Москва, Россия*

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ

Автор рассматривает изменения функционально-стилистической системы русского литературного языка. Выделены стабильные области и области трансформации – публицистический стиль перестает существовать как функциональный стиль и становится функциональной разновидностью, такой же, как язык художественной литературы и разговорная речь. Указаны признаки и причины подобной трансформации.

Вопрос о трансформационных процессах в функционально-стилистической системе русского литературного языка ставится уже давно. Традиционное выделение пяти функциональных стилей уже не отвечает современным представлениям. И дело не только в выделении новых функциональных стилей – хотя довольно часто речь идет о формировании религиозного или рекламного стиля. Схема, выделяющая три стиля (официально-деловой, научный и публицистический) и две функциональные разновидности (язык художественной литературы и разговорная речь) более приемлема. В качестве признака, выделяющего разговорную речь из системы функциональных стилей, рассматривается некодифицированность, а язык художественной литературы противопоставлен другим по ведущей функции – эстетической. Можно заметить, что языку художественной литературы так же свойственно пренебрежение нормами и правилами,

как и разговорной речи. Авторы художественных текстов могут, например, создавать свои произведения вообще без знаков препинания, могут использовать любые лексические и грамматические средства выразительности (в том числе и неcodифицированные), могут «придумывать» новые слова и пр. Поэтому выделение разговорной речи и языка художественной литературы из системы функциональных стилей представляется вполне оправданным. Но и эта схема в настоящее время претерпевает определенные изменения. Полагаем, что можно говорить о перерождении публицистического стиля в функциональную разновидность – язык средств массовой информации, равно как и о формировании особой области языкознания – медиалингвистики, предметом которой и является указанная функциональная разновидность.

Вопрос о стабильности публицистического стиля тем более важен, что именно эти тексты формируют в настоящее время представление о нормах русского литературного языка, именно в них формируются и развиваются процессы, которые будут определять облик русского литературного языка через 10-20 лет. Многие исследователи считают, что именно язык прессы наилучшим образом отражает современное состояние речеупотребления.

Существование единого публицистического стиля вызывает все большие сомнения. Помимо связи с формами общественного сознания, каждый функциональный стиль имеет ряд формальных признаков, на основании которых можно определять функциональную принадлежность того или иного текста. Например, последовательное использование элементов определенной терминологической сферы, четко выраженная система аргументации и логическая последовательность изложения будут характерными чертами научного текста; предельная формализация, стремление к точности и однозначности, подробное изложение всех деталей и юридическая сила документа будут объединять тексты делового стиля. Объединяющие, центристские силы пока удерживают относительную стабильность двух указанных стилей, тогда как в публицистическом стиле явно преобладают центробежные тенденции. Будучи по диапазону своих вариаций уникальным, публицистический стиль отличается подвижностью, собирательностью. Из-за широчайшего тематического диапазона в настоящее время публицистика должна сочетать, казалось бы, стилистически несочетаемые текстовые фрагменты. Специалисты утверждают, что «газетно-публицистический стиль не обладает замкнутостью ни по отношению к другим стилям, ни по отношению к его внутренним разновидностям. Эти разновидности подчас имеют очень мало общего друг с другом, а подчас их трудно отличить друг от друга, но вместе они составляют единственную в своем роде систему, целостный организм, особое сложное качество» [1].

Следует отметить, что научный и деловой стили объединены рядом общих формальных черт, различаясь прежде всего задачами коммуникации. «Научная и официально-деловая речь, обладая рядом общих признаков, обусловленных их книжно-письменным характером, отмечены и различиями, связанными с фактором общественного назначения: научная речь выполняет в качестве основной информативную функцию, хотя содержание информации определяется результатами оценочного изложения некоторой суммы знаний; деловая – не только информирует, но и предписывает, регулирует формы социального взаимодействия. Обе разновидности обладают специализированными, достаточно жесткими внутривидовыми нормами, в них слабо проявляется, или совсем не проявляется, индивидуализация речи» [2]. Строго определенная тематика, сугубо практические задачи, узкая сфера применения обеспечивают этим стилям стабильность.

Публицистический же стиль не только не обладает в настоящее время жесткими внутривидовыми нормами, но и теряет те общие признаки, которые еще 15-20 лет назад были обязательными для любого медиа-текста. В работе А.Н.Васильевой «Газетно-публицистический стиль речи» (1982) указывается: «Язык советской газеты в целом един, а языковая специфика (лексика, словосочетания) и специфика стилистической манеры в каждой газете имеют частный характер, не разрушающий этого единства. Это единство корнями уходит в содержательное единство, в морально-политическое единство общества» [3]. О морально-политическом единстве современного общества говорить не приходится, очевидно, не следует и ожидать единства в средствах массовой информации – ни идеологического, ни тематического, ни стилистического.

Причин тому довольно много. Во-первых, это само развитие средств массовой коммуникации. Их современное разнообразие влияет на специфику создаваемых текстов, на их тематическое и стилистическое разнообразие. В 20-е годы XX в. Г.О.Винокур, описывая современное ему состояние публицистики, указывал: «Словарный состав газетного языка очень невелик. Круг газетных тем, сюжетов в каждый данный момент очень ограничен. Этот небольшой словарный запас газетной речи отличается совершенно исключительной механизированностью» [4]. Эта «механизированность» проявлялась довольно долго: поскольку круг тем был весьма ограничен, были выработаны и соответствующие языковые штампы, которые применялись в соответствии с формальными признаками.

Деидеологизация и деофициализация новостного дискурса сняла прежние ограничения. «Если в соответствии с «социалистическим» новостийным стандартом новости в основном группировались вокруг трех «глобальных» макротем – «слова и деяния вождей», «язывы капиталистического общества, поиски

империалистов», «успехи в социалистическом строительстве», - то современный новостийный дискурс при отсутствии каких-либо тематических ограничений по существу принимает вид информационной мозаики» [5]. Тематический диапазон медийных текстов расширен настолько, что они уже совпадают по этому параметру с языком художественной литературы или разговорной речью.

Некогда весьма значимый для публицистических текстов параметр – кодифицированность, нормативность – в настоящее время утратил свое влияние. Отмена цензуры, языковой в том числе, привела к максимальной свободе выражения авторской индивидуальности, что также характерно для языка художественной литературы или разговорной речи, но не для функционального стиля. Самое широкое использование на страницах газет и журналов, в текстах радио- и телепередач некодифицированной лексики (жаргонов, просторечий, диалектизмов, неосвоенных заимствований и авторских окказионализмов) – характерная примета текстов современных СМИ. Причем подобная лексика используется не в качестве примера или иллюстрации – это быстро ставший привычным способ изложения.

Необходимым условием стабильности функционального стиля является и жесткая система жанров. Эта характеристика в известной степени применима для официально-делового и научного стиля, жанровые системы которых пребывают в относительной стабильности. Стандартность типовых ситуаций официального общения не вносит существенных изменений в содержание и форму документов; научная терминология и правила представления научных знаний сохраняют стабильность монографии, диссертации, научной статьи, аннотации, реферата и пр. Однако медийные тексты переживают период дестабилизации жанровой системы. Так из-за присущей ей директивности, категоричности и лозунговости, а также низкой информативности исчезла передовая статья, постепенно исчезают очерк и фельетон - тоже в силу явного агитационно-пропагандистского характера. Большое распространение получили жанры журналистского расследования, эссе, прогноза, исповеди. Многие прежде распространенные жанры (статья, корреспонденция, обозрение) теперь почти не встречаются в чистом виде.

Таким образом, факторы, прежде обеспечивавшие целостность публицистического стиля, в настоящее время утратили свое значение и происходит трансформация функционального публицистического стиля в функциональную разновидность – язык средств массовой информации.

Список использованных источников

1. Добросклонская, Т.Г. Вопросы изучения медиа текстов [Текст] / Т.Г.Добросклонская. - М.: 2000. - С.42.
2. Рогова, К.А. Стилистика сегодня [Текст] / К.А.Рогова; Современная русская речь: состояние и функционирование: сборник аналитических материалов / под ред. С.И.Богданова, Л.А.Вербицкой, Л.В.Московкина, Е.Е.Юркова. - СПб.: филологический ф-т СПбГУ, 2004. - С. 337.
3. Васильева, А.Н. Газетно-публицистический стиль речи [Текст]: учебное пособие / А.Н.Васильева. - М.: Высшая школа, 1982. - С. 18.
4. Винокур Г.О. Культура языка [Текст] / Г.О.Винокур. - М., 1929. - С. 43.
5. Культура русской речи [Текст]: учебник для вузов / Под ред. Л.К.Граудиной и Е.Н.Ширяева.- М., Норма-Инфра, 1998. - С.247.

УДК 81'366.594

Е.П. Соколова

*Магнитогорский государственный университет
г. Магнитогорск, Россия*

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ФОРМАМИ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности реализации темпоральной семантики в высказываниях с формами сослагательного наклонения, которые не имеют специальных морфологических временных показателей, однако в процессе функционирования способны при помощи лексических, морфологических и синтаксических средств имплицитно значению времени.

Грамматические категории времени и наклонения русского глагола обнаруживают тесную взаимосвязь. Формы времени образуются только в изъявительном наклонении, представляющем процесс как реальный в настоящем, прошедшем или будущем. Сослагательное наклонение, передающее значение предположительного, потенциально возможного действия, не выражает временных значений. Следовательно, можно говорить лишь о темпоральной отнесённости конструкций с конъюнктивом. Темпоральность – это семантическая категория, которая «отражает языковую интерпретацию восприятия человеком

времени обозначаемых ситуаций по отношению к моменту речи говорящего или иной исходной точке отсчёта» [Бондарко 2002: 473].

Формы сослагательного наклонения не имеют специальных морфологических временных показателей, однако в процессе функционирования они способны имплицировать темпоральную семантику благодаря участию других компонентов высказывания. По мнению Ю.А. Пупынина, любая морфологическая форма глагола должна проявить определённое отношение к данной системе, если не эксплицитно, то имплицитно, поскольку глагольная парадигма выступает как совокупный репрезентант системы грамматических категорий. «Способность словоформы к импликациям семантики «отсутствующей» грамматической категории опирается на периферийные средства данной семантики; на значения синтагматически окружающих её словоформ, в которых данная семантика может быть эксплицирована в соответствующих граммемах; на информацию, связанную с конкретной ситуацией речи» [Пупынин 1996: 60].

У форм сослагательного наклонения отсутствует граммема времени, поэтому речь может идти лишь об участии периферийных компонентов поля темпоральности, наслаивающихся на содержание конъюнктива. Имеются в виду равноуровневые лексические, морфологические и синтаксические средства, которые не имеют непосредственной связи с «ядерными» формами глагольного времени, но при активной поддержке контекста и речевой ситуации способны передавать темпоральную семантику (о способах выражения временных отношений в русском языке см.: Бондарко 1999, Всеволодова 1975, Варламова 2006).

Гипотетическое действие или отношение может быть ограничено определёнными временными рамками, при этом происходит своеобразное сужение временной перспективы.

1. Поскольку предикат в форме сослагательного наклонения не имеет собственной устойчивой темпоральной характеристики, отнесённость высказывания к плану прошлого может передаваться:

а) лексическими обстоятельственными конкретизаторами темпоральных отношений со значением точной даты, например: «В семнадцатом веке он считался бы стариком, а тут – погляди – джинсы, теннисом занимался» (Э.Радзинский) или приблизительной датировки: «В прежнее время жених у меня бы в пыли лежал» (М.Зощенко);

б) конструкциями с временными союзами и союзными словами, например: «Он (Елисей) и двор-то когда имел, так ночей не спал – всё следил, как бы что не погубило, как бы лошадь не опилась, не объелась, да корова чтоб настроение имела, а теперь, когда весь колхоз, весь здешний мир отдан его заботе...» (А.Платонов). В данном высказывании отнесённость гипотетической ситуации к плану прошлого дополнительно подчёркивается лексическим показателем *теперь*, противопоставляющим описанную ситуацию настоящему положению вещей;

в) контекстуальными средствами, например: «Это было бы очень убедительно, если бы хоть когда-либо вотские и зырянские границы захватывали нынешнюю Московскую область и бассейн Москва. Не было такого. Предположение отпадает. Историки решительно против» (Л.Успенский). В первой части высказывания содержится предположение, что определённые гипотетические отношения могли иметь место в истории Москвы, это дополнительно подчёркивается сочетанием наречия *когда-либо* с частицей *хоть*. А далее отрицается самый факт существования подобного положения вещей в прошлом.

2. Футуральная перспектива высказываний с формами сослагательного наклонения может быть обусловлена наличием лексических обстоятельственных актуализаторов типа *завтра*, *потом*, например: «Мы ему прививку против коклюша сделаем. Чтоб потом всю жизнь не кашлял» (В.Розов); «А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала» (М.Лермонтов).

В некоторых высказываниях могут сочетаться элементы внеязыковой среды и лексические средства выражения футуральной перспективы гипотетического действия, например, при противопоставлении плана возможного будущего плану настоящего: «Мало того, якобинцы сейчас более всего заинтересованы в реставрации Бурбонов, ибо при королях они бы имели больше свободы, нежели теперь» (В.Пикуль).

В оптативных ситуациях формы несовершенного вида в сослагательном наклонении, выражающие желание говорящего, чтобы обозначаемая ситуация имела место, приобретают прагматическую функцию побуждения и тоже передают отнесённость к плану будущего, например: «Шли бы вы домой, поздно уже» (А.Володин); «Ну, что это вы сидите дома? Ехали бы на тёплые воды, благо собрались» (Л.Толстой). В высказываниях содержится смягчённое побуждение: просьба, совет.

Аналогичную темпоральную характеристику имеют формы конъюнктива в сложноподчинённых предложениях нерасчлнённой структуры с придаточным изъяснительным, содержащие в главной части модальные глаголы типа *хотел*, *желал*: «Я бы желал, Полина, чтобы и ты к ней не ходила, а также и к Белогубовым» (А.Островский). Подобные высказывания в модально-прагматическом плане близки к оптативным, поскольку передают желания, направленные на гипотетические действия других лиц.

3. В выражении темпоральной отнесённости к плану настоящего принимают участие обстоятельственные конкретизаторы: «Если бы тебе твой доктор только такие рецепты предписывал, то я бьюсь об заклад, что ты теперь не сидел бы за столом, а лежал бы на столе» (М.Лермонтов), а также все элементы высказывания, имеющие отношение к передаче данной семантики, в частности средства выражения перцеп-

тивности. Условная наблюдаемость ситуации с позиции говорящего может подчёркиваться тщательной детализацией описываемого, например: «Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом чёрными смушками, с дьявольски сплетённой плетью...» (Н.Гоголь).

Особо следует остановиться на употреблении перформативных форм типа *просил бы, советовал бы*, равносильных однократному реальному выполнению действия, обозначенного глаголом в форме сослагательного наклонения. При этом время произнесения высказывания совпадает со временем совершения действия, например: «Я бы просил вас оставаться в рамках исполнения своих обязанностей. А советы свои оставить» (Л.Толстой). Подобные глаголы, обозначая акт просьбы или совета, способны имплицировать значение изъявительного наклонения настоящего времени [Comrie 1987: 37].

4. При отсутствии специальных контекстуальных показателей определить темпоральную отнесённость высказывания с формами сослагательного наклонения трудно, а в некоторых случаях не представляется возможным, например: «Князь стоял перед ней немой и безгласный и вдруг побледнел. – Здесь ни одного нет, который бы стоил таких слов! - разразилась Аглая» (Ф.Достоевский).

Таким образом, неспособность глагольных форм сослагательного наклонения передавать временные значения в процессе функционирования компенсируется с помощью других языковых средств, поскольку в особенностях ирреальной семантики конъюнктива содержатся предпосылки для взаимодействия с темпоральными семантическими элементами.

Список использованных источников

1. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. – Спб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 260с.
2. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
3. Пупынин Ю.А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях // Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. С.43 – 60.
4. Варламова В.В. Способы выражения временных значений в современном русском языке // Русский язык в школе. - 2006. - № 6. С. 56 – 60.
5. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 284 с.
6. Comrie B. Tense. Cambridge Univ. Press. 1986. – 139 p.

УДК 4-53

М.С. Выхрыстюк

*Тобольская социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева
г. Тобольска, Россия*

СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА РУКОПИСНЫХ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ Г. ТОБОЛЬСКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

В настоящей статье проанализированы средства речевого этикета скорописных деловых текстов г. Тобольска первой половины XVIII в., а именно стереотипные этикетные формулы начальной, конечной и средней частей документов разных жанров, а также их варьирование с учетом специфики и правил речевого этикета применительно к сословным группам – авторам документов – и эпохе написания текстов.

Исследование памятников письменности XVIII в., хранящихся в архивах разных городов, имеют огромное значение для создания объективной картины состояния и уровня нормирования языка в столице и на периферии в период формирования русской нации. Они отражают различные сферы человеческой деятельности, от общегосударственных до частно-бытовых, расширяют знания по истории города и края.

Город Тобольск в XVIII в. был столицей большой губернии, центром науки, культуры, торговли. Памятники письменности бывшей столицы характеризуются тем, что они создавались в период ее культурного расцвета. Они мало изучены, хотя могли бы значительно расширить и углубить базу лингвистического исследования на разном языковом уровне.

В архиве ГУТО «Государственный архив в г. Тобольске» среди документов есть источники, отражающие деятельность Тобольской духовной консистории (Ф И-156) г. Тобольска и Тобольской губернии

XVII–XIX вв. Они отражают процесс становления жанрово-стилистической системы делового языка как ведущего звена русского литературного языка периода его формирования.

Формы этикета, в том числе и речевого, возникали и развивались исторически, поэтому закономерен интерес к истории русского речевого этикета, в том числе этикета деловых бумаг отдалённой от российского центра территории, каким являлся г. Тобольск. Способ оформления той или иной разновидности актовых источников, складывавшийся на протяжении длительного времени, определяется различными факторами, в том числе его содержанием и целевой установкой. Писец при составлении документа отбирает из того набора устойчивых формул и клише, которые в наибольшей степени могут способствовать решению поставленных задач. Они являются показательными и отражают устремления автора. Так, писец, имея своей целью добиться выполнения заявленной просьбы, при составлении документа ставит задачей воздействовать на чувства того лица, к которому он обращается с жалобой и просьбой, поэтому эмоциональная задача автора находит свое выражение и в самой структуре документа.

В текстах, содержащих прошения, в основной части документа часть с описанием обстоятельств дела может отсутствовать. Это обусловлено тем, что основная цель автора – добиться выполнения своей просьбы, поэтому просительная часть документа становится центральной. Кроме того, может не быть необходимости в подробном изложении обстоятельств дела. Сама ситуация уже известна адресату, поэтому автор после начального протокола непосредственно приступает к содержанию своей просьбы. Например, прошение архиерейского хлебника Ивашки Лаврентьева архиепископу Афанасию о выдаче денежного жалования выглядит так: *«Гсдрю преосвященному и первопрестолному Афанасию архиепископу Колмогорскому и Важескому бьет челом твой архиерейской домовою хлѢбник Ивашко Лаврентьевъ. Млствый гсдръ преосвященный и первопрестолный Афанасий архиепископъ Колмогорский и Важской пожалуй меня сироту своего вели гсдръ млѢ выдать из своей архиерейской казны денежное жалованье. Гсдръ свѣтитель смилуйся»* (И-156-21-140). Автор, как видим, считает, что факт нахождения его на службе и учиненный оклад уже известны адресату и поэтому не видит необходимости сообщать ему об этом. В других же случаях, когда авторы считают нужным указать на это, они вносят соответствующие пояснения в начальный протокол, что избавляет их от необходимости оформления казусного раздела. Так оформлено прошение архиепископу Афанасию с просьбой о выдаче хлебного и денежного жалования: *«Гсдрю преосвященному Афанасию архиепископу Холмогорскому и Важескому бьют челом стаго дому твоего архиерейского работники цркви... дьячек Андрюшка Еремного хѢнной службы Оска Артемевъ Васка Гаврилов кузнецъ Ивашко Гвоздарев, конюхи которые в окладном хлѢбном жалованьи. Млстивый гсдръ преосвященный Афанасий архиепископъ Холмогорский и Важеский пожалуй нас работников своих вели гсдръ выдать нам свое архиерейское хлѢбное тако ж и денежное кому из нас не давало жалованье.. Гсдръ пресвященный архиепископъ смилуйся»* (И-156-21-142).

В данном примере зачин представляет собой сложноподчиненное предложение (что совсем не свойственно документам данного вида), где придаточное *«которые в окладном хлѢбном жалованьи»* содержит необходимые сведения. В другом документе, в челобитной архиепископу Афанасию от подьячих с просьбой о хлебном жалованьи, начальный протокол расширен за счет введения причастного оборота: *«Гсдрю преосвященному Афанасию архиепископу Тоболскому и Тюменскому бьют челом бгомолцы твои стаго дому твоего архиерейского вновь рукоположенные тобою гсдремъ подьяки Федка Замошкинъ Ивашко Матигоровъ Ивашко Протопоповъ Ивашко Поповъ Млстивый гсдръ преосвященный Афанасий архиепископъ Тоболский и Тюменский пожалуй нас бгомолцевъ твоихъ бгволили гсдръ учинить нам окладное свое архиерейское хлѢбное жалованье... Гсдръ стль смилуйся»* (И-156-31-123 об.). Причастный оборот несет в себе ту информацию, которую необходимо сообщить писцам в казусной части.

В других документах конкретизация дается уже в начальном императиве. Так, в указе Тобольского митрополита Варлаама сыну боярскому Нехорошему Гаврилову об отводе боярскому сыну Якову Ракову поместья из оклада умершего отца его и о выделе оною из участков братьев его Пиная и Ивана Раковых формулы с условным наклонением выглядят так: *«И вам бы его пожаловати, жезь отца его поместья съ братьею съ его Пинаемъ да съ Иваном указ учинити...»* (И-156-28-50). Далее читаем: *«И, мы Якуша Ракова пожаловали, изъ отца его поместья въ усадище ему дали треть, обжу, а Пинаю да Ивану двѢ доли, двѢ обжи...»* (И-156-21-148). Здесь же излагается по сути содержание указа - кому какая доля предназначается. И в следующей за тем формуле *«...как къ тебѢ ся наша грамота придетъ»* дается конкретное указание тому лицу, которому адресована грамота, что ему необходимо сделать относительно этого вопроса: *«... И ты бѣ отдѣлишь тому Якушу Ракову изъ отца его поместья, у братьи его у Пиная да у Ивана т усадище обжу...»* (И-156-21-140).

В ряде документов используется еще одна формула, удостоверяющая полученную информацию. Находится она после подробного пересказа изложения полученной жалобы или просьбы и начинается словами: *«И будетъ такъ, какъ нам билъ челомъ...»*, после чего следует перечисление высказанных основных положений в сочетании с глаголом *“будет”*. Так с жалобой обращался архимандрит Феодосий с братьею, где он писал о том, что приказчик Семен Губарев хотел вывозить крестьян из деревень мона-

стырской вотчины в деревню Давыдково: «А сказывают деи Давыдковского села крестьяне, что тѢ крестьяне, которые въ сей нашей грамоте имяны писаны, села Давыдкова старожилцы. А тѢ дети села Давыдкова и деревни за монастырь достались съ тѢми крестьяны... И далее 1. И будет такъ, какъ намъ Спасского монастыря архимандритъ Феодосей съ братьею билъ челом. 2. и тѢ будетъ крестьяне въ монастырскихъ селехъ и въ деревняхъ старожилцы, и за монастырь будетъ ДавыдковѢ тѢ села и деревни съ тѢми крестьяны, а въ селѢ будетъ ДавыдковѢ тѢ крестьяне не живали» (И-156-21-140).

В спорных же вопросах формула «и будет так» выражает позиции не стороны, которую она признает правой, а чьи действия считает заслуживающими осуждения. Так, в царской грамоте Тюменскому воеводе Федору Акинфову говорится о несправедливом осуждении Матюшки Карпова и содержится отрицательная оценка действий воеводы: «И будет такъ какъ намъ Матюшка Карповъ билъ челомъ, а вы будетъ, по нашей грамотѢ и по его Матюшкину извѣсту... безъ нашего указу того Матюшку пытали и въ тюрьму посадили и вы то делаете негораздо, что такъ дѣлаете не по нашему указу» (И-156-21-148). Формулы могут варьироваться в структуре документа.

Проведенные наблюдения показывают, что выбор автором той или иной формулы, внесение каких-либо изменений и дополнений обусловлено стремлением автора добиться поставленной цели. В прошениях просьба о снисхождении и милосердии приводит к использованию определений «милостивый», «милосердный» и др., а также наряду с традиционными «пожалуй меня» ряд других: «смилюйтесь», «умилосердитесь» и т. п., а также обуславливает введение дополнительных формул «возри на наши слезы милостиво», «по своему милостивому рассмотрению» и др., что усиливает эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата и способствует достижению цели.

Спецификой документов разных жанров определяется и устойчивость формул, их частотность и возможность варьирования. Помимо этого, существенную роль играет социальный фактор (социальный статус адресата и адресанта), а также чисто психологический момент, связанный с целевой установкой автора.

Анализ формул начального, конечного и среднего блоков позволяет сделать вывод о сложном характере языка документов, включающих в себя переплетение строгих канцелярских штампов, элементов высокой книжности, стилистически сниженной народно-разговорной речи на нейтральной стилистически немаркированной языковой основе. Наиболее выдержаны зачин и концовка скорописных документов. В своей структуре и имеют регулярно повторяющиеся формулы. Степень их варьирования незначительна. Варианты речевых формул по видам текстов и внутри видов находились в зависимости от жанра документа и его содержания, а также от целевой установки и некоторых других факторов.

Этикетные формулы XVI-XVII вв. нашли продолжение в деловых, а также эпистолярных текстах и последующих столетий. Особенно ярко это проявилось в XVIII в. и первой половине XIX в. В настоящее время в жанрах деловой речи этикетные формулы минимальны, однако они и сейчас необходимы.

Список использованных источников

1. Фонд И-156 Тобольская духовная консистория.
2. Новоселова Н.А. Складывание норм русского делового письма // Русский язык для делового общения / Н.А.Новоселова. – Челябинск, 1996.
3. Глинкина Л.А. О статусе деловой письменности XVIII века в системе русского национального языка / Л.А.Глинкина // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова: Тезисы докладов. РАН, МГУ. – М., 1995.

УДК 669.713.7

М.С. Мазур

Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Россия

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОЗНАНИИ РУССКИХ И ПОЛЯКОВ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Настоящая статья посвящена рассмотрению концепта «Русский язык» в рамках лингвокультурологии. Работа носит сравнительный характер: материалом для исследования послужили предварительные результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей русского и польского языков.

На протяжении нескольких десятилетий отличительной чертой лингвистики является ее антропоцентричность, и на пике своей популярности находятся направления, изучающие языковую картину мира носителя языка, его языковое сознание, а также базовые для всего человечества или той или иной культу-

ры понятия – концепты. Одним из важнейших концептов русской культуры является «Русский язык», включенный в книгу Ю.С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» [Степанов 2004]. О его значимости для русского человека свидетельствует не только его включение в Словарь Ю.С. Степанова, но и данные исследования Л.А. Тавдгиридзе «Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании» [Тавдгиридзе 2006], выполненной в русле когнитивной лингвистики. Однако, насколько нам известно, других работ о «Русском языке» нет ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Нет также подобных работ сравнительного характера, предоставляющих сведения о том, существует ли в сознании того или иного народа концепт «Русский язык», и если существует, то каковы его коннотации.

Цель данного исследования – выявить структуру и содержание ассоциативного поля концепта «Русский язык» в языковом сознании русских и поляков. В работе приводятся лишь предварительные результаты сравнительного исследования, выполненного в рамках лингвокультурологии.

Лингвокультурология является дисциплиной, смежной «с науками, изучающими культуру, и филологией (лингвистикой)», а именно: когнитивной лингвистикой, психолингвистикой, этнолингвистикой, социолингвистикой [Воробьев 2008: 32]. Следовательно, для лингвокультурологии характерно использование методов данных наук. В частности, для изучения особенностей концепта «Русский язык» в русском и польском языковом сознании мы использовали ассоциативный эксперимент – метод психолингвистики.

Как пишет А.А. Леонтьев, «ассоциативная организация вербальных связей репрезентирует модель хранения знаний в памяти человека, и, следовательно, ассоциативные исследования представляют собой источник уникальной лингвистической и паралингвистической информации: в них отражены актуальные для сознания носителей языка особенности семантики слова-стимула» [Леонтьев 1977]. Окончательным итогом ассоциативного эксперимента является построение ассоциативного поля, которое, в свою очередь, служит предметом когнитивной интерпретации (метод когнитивной лингвистики) [Тавдгиридзе 2006: 45].

В перспективе данное исследование будет проведено с учетом гендерного, возрастного и образовательного факторов, однако на данном этапе материал позволяет выявить «взгляд» на «Русский язык» лишь информантов женского пола (200 респондентов – 100 россиянок и 100 поляк). Опрос был проведен в марте 2010 года. Более 50 % респондентов с обеих сторон относятся к возрастной категории 18-30 лет, все имеют либо получают высшее образование. Информантам был предложен следующий текст (на русском и польском языках соответственно):

*Здравствуйте! Прошу вас принять участие в ассоциативном эксперименте, направленном на изучение русского/польского лингвокультурного сознания. Для этого, напишите, пожалуйста, первые 5 (можно более) ассоциаций со словосочетанием **РУССКИЙ ЯЗЫК** и укажите свои данные в мини-анкете внизу (это очень важно для статистики!).*

Большое спасибо. С уважением, аспирантка кафедры русского языка СФУ Мария Мазур.

Мини-анкета включала следующие параметры: возраст; пол; образование), и в результате эксперимента было получено примерно равное количество ассоциаций: 727 – польских; 742 – российских.

Уже на данном этапе исследования есть возможность построить примерное ассоциативное поле концепта «Русский язык». По российской «версии», в ядро ассоциативного поля концепта входят реакции *могучий* (40) и *великий* (36). К ближайшей периферии можно отнести: *родной язык* (23), *богатый* (19), *Россия* (19), *школа* (16), *Родина* (15), *Пушкин* (14), *сложный* (13), *учитель* (13), *школьный предмет* (12), *красивый* (11), *сложный для изучения* (11), *урок* (11), *носители языка/россияне/русский народ* (10), *сочинение* (10). Затем следуют реакции, относимые к дальней периферии.

Для интерпретации полученных реакций последние были распределены по смысловым зонам Ю.Н. Караулова [Караулов 2000]. Ядерные реакции *могучий* и *великий* относятся к смысловой зоне «Мифологемы» и в данном случае могут демонстрировать не столько реальное мнение информантов о русском языке, сколько типичные стереотипы российского общества (сравните известное выражение И.С. Тургенева о русском языке). Ассоциации ближайшей периферии также интерпретируются с использованием названной классификации. Часть их связана со школьными воспоминаниями информантов и относится к смысловой зоне «Изучение языка»: *школа, учитель, школьный предмет, урок, сочинение*. Реакции *сложный* и *сложный для изучения* включаются в смысловую зону «Возможность освоения»: *сложный* характеризует общую сложность языка, *сложный для изучения* – трудность его освоения не носителями языка. Ассоциация *родной* входит в смысловую зону «Близость носителям». *Богатый* относится к зоне «Объем словарного состава», *красивый* – к зоне «Эстетическая оценка». Реакции *Россия, Родина, носители языка/россияне/русский народ* входят в смысловую зону «Сфера использования языка». Данная зона является одной из самых ярких; ее ассоциаты характеризуют язык с точки зрения его распространенности, сферы использования, многообразие людей, которые им пользуются, на их нравственные идеалы. Так, *Россия* и *Родина* указывают на территориальную распространенность языка, *носители языка/россияне/русский народ* – обозначают этнических носителей русского языка. К данной зоне относится и ассоциат *Пушкин*, входящий в подгруппу писателей и поэтов.

По данным опроса польских информантов, ядром ассоциативного поля концепта «Русский язык» является *кириллица* (49). В ближайшую периферию входят следующие реакции: *Москва* (32), *матрешка* (29), *Путин* (23), *Россия* (22), *Достоевский* (21), *водка* (18), *Сибирь* (16), *православная церковь* (16), *СССР* (13), *мороз* (11), *гражданский шрифт* (11), *сходство с польским языком* (10), *коммунизм* (10), *староцерковнославянский язык* (10), *зима* (10).

Реакции *кириллица*, *гражданский шрифт*, *староцерковнославянский* целесообразно включить в смысловую зону «Изучение языка».

Наиболее широко представленной является зона «Использование языка»; в нее входят следующие ассоциации: 1) указывающие на территориальную распространенность русского языка (*Москва*, *Россия*, *Сибирь*, *СССР*); 2) называющие предметы материального быта страны носителя языка (*матрешка*, *водка*); 3) ассоциации с природными условиями страны носителя языка (*мороз*, *зима*). Кроме того, полученные ассоциации *Путин* и *Достоевский*, относящиеся к подгруппам известных людей, писателей и поэтов, а также *коммунизм*, включенный в подгруппу «Идеалы страны использования языка». Ассоциацию *православная церковь* представляется логичным также отнести к зоне «Сфера использования языка».

Реакцию *сходство с польским языком* следует отнести к зоне «Близость носителям», однако с некоторой оговоркой, что речь идет о носителях польского языка. Будучи схожим с их родным языком, русский, вероятно, является для поляков относительно близким, знакомым.

Примечательным является то, что подавляющее большинство польских реакций (12 пунктов из 16) относятся к смысловой зоне «Сфера использования языка», которая, напомним, характеризует прежде всего территорию распространения языка, его этнических носителей, предметы материального быта страны и так далее. Подобная концентрация польских ассоциаций в одной зоне говорит, с одной стороны, о своеобразном узком коридоре, ведущем от стимула «Русский язык» непосредственно к стране использования русского языка, а с другой – о цельности восприятия польскими информантами концепта «Русский язык», что облегчает анализ и моделирование структуры концепта.

Как можно заметить, в отношении смысловых зон российские ассоциации вполне закономерно гораздо богаче польских.

На наш взгляд, то, что по частотности реакция *Россия* опережает реакцию *СССР* на 9 пунктов, является фактом весьма положительным, так как это говорит о том, что постепенно отождествление России с Советским Союзом, который в свою очередь связывается с коммунизмом и русской оккупацией, уходит в прошлое.

В дальнейшем ходе исследования на большем количестве информантов, надо полагать, появится возможность рассмотрения ассоциативного поля концепта «Русский язык» более детально, что позволит сформулировать содержание данной константы русской культуры максимально точно как для русского языкового сознания, так и для польского. Кроме того, результаты данного исследования, вероятно, помогут сломать некоторые русско-польские стереотипы прошлого, однако при этом необходимо помнить, что подобное исследование в силу своей специфики не может претендовать на абсолютную точность.

Список использованных источников

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология [Текст] / В.В. Воробьев. – М., 2008. – 336 с.
2. Караулов Ю.Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания [Текст] / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание. Содержание и функционирование. – М., 2000. – С. 107-109.
3. Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных форм русского языка [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – М., 1977.
4. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. – М., 2004. – 992 с.
5. Тавдгирдзе Л.А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании [Электронный ресурс] / Л.А. Тавдгирдзе. – М., 2006. – 246 с.

УДК 811.161.1

В.В. Даниловская, Е.Н. Трегубова

*Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт
Средняя образовательная школа № 3
г. Славянск-на-Кубани, Россия*

КОНЦЕПТ *ВОЖАТЫЙ* В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

В статье анализируется лексема вожатый как одна из ядерных, важнейших единиц повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Ее семантический потенциал растворен в тексте и образует семанти-

ческое пространство художественного концепта *вожатый*. Линия отношений главных персонажей, по нашим предположениям, составляет смысловой центр этого концепта.

Предметом нашего исследования является смысловой потенциал слова *вожатый* и его функции в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». «Вожатый» - таково название второй главы повести, где Петр Гринев неоднократно именуется Емельяна Пугачева *вожатый, мой вожатый*. Обратим внимание также на то, что в предшествующей сцене (метель) юный дворянин называет его же словом *дорожный*, затем *бродяга*. Почему же в дальнейшем эти слова заменяются многократным *вожатый*, и почему вся глава получила такое же название.

Для ответа на эти вопросы мы обратились к словарю В.И. Даля как к наиболее близкому по времени лексикографическому источнику, зафиксировавшему лексику 19 века. В результате анализа словарных статей мы установили, что семантический объем слова *дорожный* значительно уже в сравнении со словом *вожатый*. Лексема *вожатый* обладает комплексом значений в то время как *дорожный*, очевидно, в связи с более конкретной внутренней формой, не обладает таким потенциалом. Сравним: для слова *вожатый* отмечены такие значения, как 'проводник слепцов', 'указчик дороги', 'передовая скотина в стаде', 'предводитель, вождь' [1: 223]; для слова *дорожный* - 'извозчик, едущий в дальний путь', 'проезжий', 'путник' [1: 474].

Если обратиться к тексту повести с точки зрения замысла писателя, то можно увидеть реализацию всех значений слова *вожатый* в произведении: Пугачев явился первоначально в образе случайного человека, проводника, который указал дорогу к селению и явился спасителем для Савельича и Петра Андреевича. В дальнейшем смысл 'спаситель' проявится в повести в других сценах – отмены казни Гринева и отказа предать смерти Машу Миронову.

Во всей судьбе молодого Гринева Пугачев примет участие как *проводник* среди социальной «метели» – мятежа, крестьянского бунта, смуты. Как видим, в дальнейшем текст строится на скрытой метафоре «проводник на дороге в метель» - «проводник в период социальных перемен, смутного времени; проводник как активный участник в судьбе Гринева».

Во второй встрече главных действующих лиц Пугачев представлен автором как *вожак* и *вождь, предводитель* одновременно. Обратимся к значению слова *вожатый*, которое мы приводили выше 'передовая скотина в стаде'. Автор показывает мятежников *воровскими* людьми, идущими против закона, в среде которых действует звериный закон. Пугачев уподоблен вожаку стаи. Позднее о людях Пугачева Петр скажет: «— Сам рассуди, — сказал я ему [Пугачеву], — можно ли было объявить при твоих людях, что дочь Миронова жива. Да они бы ее *загрызли*». И в сцене метели образ Пугачева-волка тоже заявлен «— Эй, ямщик, — закричал я, — смотри: что там такое чернеется? Ямщик стал всматриваться. — А бог знает, барин, — сказал он, садясь на свое место; — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк или человек». Для социума этот статус первенства в отношениях принято обозначать словами *вождь* и *предводитель*. Именно эти смыслы лежат в основе сцены казни и всех безобразий, которые творят люди Пугачева, они формируют образ человека-зверя, несмотря на то, что сам герой претендует на образ государя. Слово *государь* в тексте прозвучало, но не наполнилось смыслом, осталось пустым, при этом, на наш взгляд, заняло позицию, контрастирующую в отношении смыслов, названных выше.

Мы наблюдаем в пушкинском тексте удивительную способность слова (как единства смысла и формы) жить в пространстве художественного произведения не только будучи замкнутым в собственную форму, но и без формы, образуя новые, метафорические смыслы, которые реализованы уже не на уровне слова. В этом случае следует говорить о наличии концепта, который может быть представлен в слове как основном знаке, именуемом его. «Идея «сверхслового» восприятия существует давно... Известная идея трехслойности структуры текста художественного произведения (слово-образ-идея) явно перекликается с концептосферой, которая все же в более концептированной и ясной форме и на уровне современных научных представлений показывает фундаментальнейшее семантическое свойство главной единицы языка - слова с его неистощимой способностью окружать себя в тексте ореолом бесконечного множества новых значений» [2: 47].

Таким образом, в повести нами обнаружен художественный концепт *вожатый*, смысловые зоны которого можно обозначить однокоренными *вожак, проводник, вождь*. Однако центральный, ядерный смысл концепта образует значение 'спаситель'. Именно это значение становится базовым при взаимодействии семантических сфер анализируемого нами концепта и концепта *душа*.

Список использованных источников

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Терра, 1994 г. Т.1.
2. Лыков А.Г. А.С. Пушкин и русский национальный литературный язык (к 200-летию со дня рождения). Учебно-методическое пособие. – Славянск-на-Кубани, 2000. – С . 47.

3. Пушкин А.С. Капитанская дочка // Собрание сочинений в шести томах. Т. 4. - М.: "Правда", 1969.

УДК 811

Ю.И. Янзытова

Костанайский филиал «Челябинский Государственный университет»
г. Костанай, Казахстан

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРА

Language pattern of the world is a combination of images of reality. Political sphere is an important part of national culture. Values, ideals and norms of a given society are reflected in it.

Одно из основных понятий современной лингвистики – «языковая картина мира», то есть целостная совокупность образов действительности, которая существует в индивидуальном или коллективном сознании и отражается коммуникативной деятельностью.

Проблемой исследования, мы считаем выявление языковой картины мира, а именно, что субъекты политической деятельности (конкретные люди, политические движения, партии и др.) считают наиболее важным для себя, к чему они стремятся, за что готовы бороться. Объектом исследования является язык законодательных и нормативных документов, монографии и статьи Президента Республики Казахстан. Научная новизна и теоретическая значимость языковой картины мира состоит в том, что выявлены тенденции и закономерности, действующие в сфере системы ценностных и антиценностных ориентиров современного казахстанского общества

Политическая сфера – это важная часть национальной культуры. Языковая картина политического мира представляет собой сложное объединение ментальных единиц (концептов, стереотипов, сценариев, концептуальных полей, ценностей и др.), относящихся к политической сфере коммуникации и политическому дискурсу. [3,254]. Языковую картину политического мира представляют следующие единицы.

1. *Политические концепты*. В современной лингвистике *концепт* – это единица сознания (ментальная единица), которая обозначается словом (фразеологизмом, составным наименованием и др.). Содержание концепта значительно шире содержания, обозначающего данный концепт слова (термина) поскольку в содержание концепта входят не только понятийные, но и эмоциональные, ценностные, культурно-исторические и образные компоненты.

Концепт охватывает все богатство содержания слова и представлений носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взятым во всем многообразии его качеств, признаков, связей и оценок.

2. *Ментальные сферы* или *ментальные поля*. Образующие языковую картину политического мира концепты могут относиться к различным сферам политической жизни. В процессе классификации разграничиваются сферы внутренней и внешней политики. К сфере внешней политики относятся языковая «карта» политического мира, образы зарубежных стран, населяющих их народов, глобальные объединения по религиозным, расовым и социокультурным признакам. Например, в современном русском национальном сознании разграничиваются ближнее и дальнее зарубежье, страны западной и восточной цивилизации, страны католической, православной, протестантской, мусульманской, буддистской и иных религий. К этой же сфере относятся типовые представления о различных государствах (например, концепты «Франция», «Соединенные Штаты», «Япония») и о национальном характере тех или иных народов (этнические стереотипы), о взаимоотношении государства с прочими государствами и цивилизациями. Языковая картина политического мира включает ментальные поля «Субъекты политической деятельности» (политические партии и организации, политические лидеры и активисты, граждане, избиратели и др.), «Органы государственной власти» (федеральные и региональные, представительной, исполнительной и судебной), «Политическая борьба и ее формы» (митинги, демонстрации, выборы и др.), «Политическая агитация» и др.

Вместе с тем каждый язык представляет собой оригинальную категоризацию и оценку политической реальности. Например, при общности функции наш концепт «милиция» воспринимается в русском национальном сознании не так, как концепт «полиция» в представлении граждан Германии или США. Наши соотечественники значительно меньше, чем американцы или немцы, верят в то, что результаты политических выборов в их родной стране подводятся объективно и действительно позволяют выявить наиболее достойных кандидатов.

3. *Стереотипы* в политическом дискурсе. Понятие «стереотип» в настоящее время нашло широкое применение в политической лингвистике. Стереотип – это схематичное и стандартное представление о политическом феномене, отличающемся устойчивостью и эмоциональной окраской.

Стереотипы формируются под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. В зависимости от сферы существования (нация в целом, члены определенной партии, представители профессиональных или иных социумов и др.) различают стереотипы национальные, партийные, социумные, групповые и личностные. В отечественной ментальности закрепились стереотипы о немецкой педантичности, африканском темпераменте, вспыльчивости итальянцев, упрямстве финнов,

4. *Ценности и антиценности в политическом дискурсе.* Политическое сознание отдельного человека, социума или нации в целом в значительной степени определяет принимаемая система ценностей и антиценностей. Социализация и трансляция культурных ценностей членам общества – одна из главных функций массовых коммуникаций.

В трудах исследователей, работающих в различных направлениях политической лингвистики, представлено несколько классификаций политических ценностей. Основываясь на классификации ценностей, предложенной А.П.Чудиновым мы выявили следующие ценности:

– высшие ценности – человек, человечество;

– материальные ценности – природные ресурсы, труд, орудия и продукты труда, необходимые для существования человечества и его воспроизводства;

Большие *площади* сельхозугодий и *пашни*, позволяющие Казахстану после реформы земельных отношений стать заметным... [1, 5].

– ценности социальной жизни – различные общественные образования, возникающие в ходе прогрессивного развития человечества, общественные институты, необходимые для жизнедеятельности общества: семья, нация, класс, государство;

Казахский народ подобен могучему дереву, чьи корни глубоко проникли в толщу земли. [2, 64].

– ценности духовной жизни и культуры – научные знания, философские, нравственные, эстетические и другие представления, идеи, нормы, идеалы, призванные удовлетворять духовные потребности.

Совершенно очевидно, что борьба за Веру, как духовный символ общества, объединяет несравненно больше людей [2, 86].

– политические ценности – свобода, демократия, права человека, права нации и др.

... укрепить государственные начала, построить правовое общество, обеспечить становление суверенитета Казахстана будет поддерживать обороноспособность [2, 190].

Нормативно-оценочный элемент политической культуры образуют характерные для данного общества, определенной социальной группы, отдельного индивида политические ценности, нормы, цели, идеалы. Содержание и направленность устойчивых ценностных ориентаций обуславливают место политических явлений в жизни личности, группы, общества.

Список использованных источников

1. Назарбаев Н.А. Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии. // 2006, №6.
2. Назарбаев Н.А. Критическое десятилетие. – Алматы: Атамұра, 1999.
3. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие/ А.П.Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.

УДК 811.161.1

А.М. Нерез

*Славянский-на-Кубани Государственный педагогический институт
г. Славянск-на-Кубани, Россия*

О РОЛИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ПРОЗЕ А. С. ПУШКИНА

В данной работе рассматривается вопрос о преобладании в прозе А. С. Пушкина той или иной части речи, мнения некоторых ученых по этому поводу и точка зрения автора работы. Утверждается, что важную функцию в пушкинских текстах играют глаголы. Предметом наблюдения являются отрывки из повести «Капитанская дочка», иллюстрирующие точку зрения автора статьи.

Пушкинский стиль, пушкинская манера лирического выражения и повествования до определенной степени описаны и исследованы. В филологических журналах можно встретить работы, посвященные индивидуальному стилю А.С.Пушкина. О нем, например, пишут П. Г. Пустовойт» [1], Н. И. Логинова [2], В. В. Гуревич [3]. Рассматривались законы и нормы пушкинской композиции, пушкиноведение богато фактами, в том числе и о непосредственном содержании художественного слова А.С.Пушкина. Разрабатывались подробные стилистические комментарии к отдельным произведениям, к примеру, академик В.В.Виноградов создал работу под названием «Стиль «Пиковой дамы» [4]. Однако проблема понимания

стройка пушкинского произведения еще требует довольно значительной историко-литературной и лингвистической работы.

Исследования пушкинского текста не утратили актуальности. Чем далее мы отдаляемся во времени от Пушкина, тем отчетливее понимается, что проза его представляет собой феномен, трудно поддающийся однозначному определению. В частности, среди многочисленных работ в области пушкиноведения незначительной является доля исследований, посвященных особенностям индивидуально-авторского стиля писателя. Между тем одним из основных в истории литературных стилей является, безусловно, вопрос о пушкинском повествовательном стиле, поскольку творчество А. С. Пушкина открывает собой совершенно новую эпоху в развитии русской словесности.

Вопрос о преобладании той или иной части речи в творчестве поэта до сих пор остается дискуссионным. Большинство исследователей считают, что в прозе Пушкина преобладают глаголы. Это вовсе не означает, что глаголов больше, в количественном отношении, чем других частей речи. Имеется в виду, что на глаголы в пушкинских текстах падает значительная смысловая нагрузка. Многие ученые (в частности, В.В.Виноградов) считают, что в прозе Пушкина одинаковую (или почти одинаковую) важность имеют две части речи – глагол и имя существительное.

Интересна точка зрения С.В. Рымаря. Исследователь [5] уделяет внимание не только проблеме количества глагольных форм, но и вопросу о значении и преобладании имени существительного у Пушкина. Ученый отмечает, что большинство других филологов придерживается мнения о преобладании в прозе Пушкина глаголов. Однако, считает С.В. Рымарь, данные свидетельствуют о том, что количественно глаголы никак преобладать не могут. По данным исследователя доминируют существительные: «В «Капитанской дочке» существительные составляют 27% от общего количества слов в произведении, глаголы – 20%». Отрицается и ведущая семантическая роль глаголов, так как, по мнению ученого, они в смысловом и стилистическом отношении являются менее значительными, чем имена существительные. Имя существительное конкретнее глагола, так как соотносится с понятием предметности, глагол же (в том числе и с грамматической точки зрения) более абстрагирован: «Использование любой языковой единицы в соответствующей функциональной разновидности языка (речи) определяется главной языковой особенностью, которой подчинены все языковые средства. В художественной речи такой особенностью является художественно-образная конкретизация». Таким образом, глаголы не имеют превосходства над именем существительным, «если говорить о них как о средствах осуществления художественно-образной речевой конкретизации». Логика рассуждений С.В. Рымаря хорошо прослеживается в следующем фрагменте: «Обратим внимание: в языке глагольные слова обозначают действие и состояние, существительные – и действие, и состояние, и качество, кроме того, в существительном заключено значение предметности. Следовательно, уже в языке заложена потенциально большая семантическая емкость имен существительных. Эти семантические преимущества существительного реализуются в художественном тексте. Действие, обозначенное именем существительным, приобретает предметный, чувственно воспринимаемый характер. Для осуществления же художественно-образной конкретизации предметность – наиболее ценное свойство слова. В отношении актуализируемой контекстом семантики существительное оказывается более емким, чем глагол, чем прилагательное, так как во многих случаях в одном слове актуализируются одновременно и действие, и состояние, и процесс, и качество». В качестве доказательства ученый анализирует фрагменты повести «Выстрел». Таким образом, в качестве «Рассмотренные примеры позволяют говорить о том, что бытующее в филологической литературе утверждение о преобладании глаголов в произведениях Пушкина не соответствует объективным языковым фактам. Целесообразнее говорить о преобладании в сочинениях Пушкина имен существительных, составляющих суть и основу пушкинского лаконизма».

Мнение С. В. Рымаря представляется слишком категоричным. Надо иметь в виду, что исследователь делает вывод на основе изучения синонимических рядов в прозе Пушкина. И мысль о том, что имена существительные преобладают в количественном отношении, в большинстве случаев действительно верна. Однако вывод об уступке глаголами первенства именам существительным и в семантическом аспекте все же не слишком убедителен. Ведь для пушкинского стиля характерен не только необычайный лаконизм, но и динамизм, быстрота развертывания событий, действий, состояний и т. д. А эту функцию выполняют именно глаголы. Считать, что Пушкин не уделял глаголам важного, едва ли не первостепенного значения, в своих текстах, вряд ли верно. Для синтаксиса поэта характерны короткие предложения, часто отделяющиеся друг от друга точкой с запятой или двоеточием, что еще больше подчеркивает быстроту смены событий. Например: «Пугачев уехал: народ бросился за ним». Здесь смысловая нагрузка падает именно на глаголы, действие совершается чуть ли не молниеносно. Еще недавно пугачевская «шайка» штурмовала Белогорскую крепость, еще совсем недавно происходила казнь «государевых ослушников», присяга «царю» - и вот он уже уезжает, народ «бросается» за ним. Все эти действия, их молниеносная смена размещены на 3 неполных листах! И все это стало возможно именно благодаря глаголам.

Для примера возьмем отрывки из повести «Капитанская дочка»:

1) «*Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»...»

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали. «Что же ты не едешь?» — спросил я ямщика с нетерпением. «Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка, — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом». Я стал было его бранить. Савельич за него заступился. «И охота было не слушаться, — говорил он сердито, — воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу!»

Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели...*».

33 им. сущ., 45 глаголов.

2) «*Пугачев сказал мне: «Сиди; я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе веревку на шею? Я чаю, небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если бы не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный). Ты крепко передо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмехаешься? — спросил он меня нахмурясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя погибели; и то, на что был я готов под виселицею в глазах всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостию. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминаю эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачеву: «Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смысленный: ты сам увидел бы, что я лукавствую».

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачев взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иногочего? Кто ни поп, тот батька. послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

— Нет, — отвечал я с твердостию. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачев задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною проститься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрема клонит*».

71 им. сущ., 89 глаголов.

Вывод: проведенный подсчет количества имен существительных и глаголов в отрывках из повести позволяет говорить о том, что в описательных и некоторых других частях текста существительные преоб-

ладают над глаголами, но их количество ненамного превышает количество глаголов. Это такие места повести, как, например, разговор родителей Гринева, описание внешности Пугачева, описание окончания войны с бунтовщиками и др. отрывки, учитывавшиеся при подготовке данной работы. В тех же эпизодах, где дается описание динамично разворачивающихся событий, глаголы «догоняют» в количественном отношении имена существительные, а иногда и превышают их число. Например, в том месте повести, где описывается буря в степи, количество глаголов резко возрастает – их гораздо больше в числовом отношении, чем существительных, и семантическая роль их также необычайно высока: этот отрывок максимально приближен к пушкинской прозаической «схеме» - «глагол + существительное» (так называемая «нагая фраза»): прилагательных здесь почти нет, употреблены лишь самые необходимые – *белая туча, мелкий снег, снежное море, темное небо*, их нельзя назвать эпитетами. Глагольные же формы передают всю динамику происходящего природного явления. Разговор самозванца и Гринева также необычайно насыщен глаголами – «служить», «присягать», «царствовать», «казнить», «миловать» и т. д. – эти глаголы играют основную роль в диалоге, составляют своего рода «костяк» и содержание темы беседы. Важно отметить также и то, что Пушкин, скорее всего, сознательно отдавал первенство глаголам, понимая их многозначность, широкие семантические возможности. Ведь глаголы могут передавать не только механические движения, действия, но и отношение к чему-либо или кому-либо, мыслительные процессы, эмоциональные состояния, проявление какого-либо признака и т. д. Там, где порой можно было бы использовать имена прилагательные, поэт чаще всего пользуется глаголами. Например, выражения: «Пугачев *смотрел* на меня пристально», «Пугачев *нахмурился*», «*задумался*», «*взглянул* быстро» и др. в какой-то степени дают нам представление о внешнем облике, мимике самозванца и в то же время свидетельствуют о мыслях и настроении «царя» - Пугачев поначалу относится к Гриневу добродушно, затем настороженно, потом он задумывается, как же ему поступить с Гриневым, и в конце концов, пораженный искренностью молодого дворянина, решает его отпустить. При этом меняется и стилистическая окраска глаголов и существительных: пытаюсь изображать государя, Пугачев употребляет такие слова: «*помилвал за добродетель*», «*пожалую*», «*обещаешься ли служить с усердием*». Но увидев, что Гринева не признает в нем царя, самозванец вновь возвращается к просторечию и народным выражениям («*кто ни поп, тот батька*», «*казнить – так казнить, миловать – так миловать*» и проч.).

Таким образом, чтобы избежать односторонних трактовок, очевидно, необходим целостный анализ художественного дискурса пушкинских повестей и учет комплекса факторов, определяющих выбор системы выразительных средств автором.

Список использованных источников

1. П. Г. Пустовойт. О развитии русского литературного языка в творчестве А. С. Пушкина. // Вестник Московского университета: 1999, №5.
2. Н. И. Логинова. К вопросу об иронии у А. С. Пушкина («Капитанская дочка») и у Ф. М. Достоевского («Подрасток»). // Вестник Московского университета: 1999, №5.
3. В. В. Гуревич. Язык А. С. Пушкина и французский язык. // Вопросы языкознания: 2000, №2.
4. В. В. Виноградов. О языке художественной прозы. – М.: 1980.
5. С. В. Рымарь. Количественное распределение и анализ синонимических рядов языка А. С. Пушкина. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: 2008, №4.
6. А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 3-х томах. Том 3. Проза. – М.: 1987.

УДК 81.221.18

А.Ф. Кудзоева

Северо-Осетинский государственный университет
г. Владикавказ, Россия

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ПОЛИПРЕДИКАТИВНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Полипредикативное сложноподчиненное предложение является особой разновидностью полипредикативного предложения, имеющей свои закономерности построения и функционирования. Структура полипредикативного сложноподчиненного предложения определяется способом организации конструкции и количеством компонентов.

Полипредикативное сложное предложение является следствием более или менее тесного синтаксического взаимодействия нескольких (как минимум – двух) моделей предложения [1, 20-21].

В любом полипредикативном предложении можно выделить доминирующую структурную схему. По типу этой схемы, формирующей основное членение предложения, выделяются полипредикативные

сложносочиненные, полипредикативные сложноподчиненные и полипредикативные бессоюзные сложные предложения. Каждый из типов полипредикативных сложных предложений (далее – ПСП), характеризуется присущими ему структурными особенностями.

Анализ строения полипредикативных сложноподчиненных предложений (далее – ПСПП) необходимо начать с учета того, наблюдается ли в нем группировка предикативных единиц в блоки, т.е. объединяются ли предикативные единицы в блоки (или компоненты). В зависимости от наличия или отсутствия такой группировки различаются два типа конструкций: с линейным распространением частей и с включением предикативных единиц (и, соответственно, модификацией синтаксических связей и отношений).

Первый тип ПСПП «состоит из объединенных попарно предикативных частей» [2, 610]. Это предложения с одномерной структурой, в которых не возникает особого уровня синтаксических связей. К этому типу относятся, в частности, ПСПП с неоднородным присловным (разночленным или одночленным) соподчинением: *Чызг да кед хъауы, уед, дзырд цас уыдыстем, уый аххастай бафид. (Коцойты А.) – Если тебе нужна девушка, то, сколько мы договаривались, то полностью заплати. Да нана дын да хуртай бафсада, кед агас у, уед, нама рухсы бадаед, кед мардты бастем аивъуыдта), уед. (Амбалты Ц.) – Твоя бабушка чтоб насладилась твоим теплом, если (она) жива, то, или же светлая ей память, если (она) отправилась в мир иной, то.* Особенностью этого вида подчинения является то, что оно «во всех случаях его применения создает одну структурную схему, осложненную совмещением на одном уровне членения нескольких структурных схем подчинения». [3, 56]

В предложениях второго типа выделяются «сложные главные» или «сложные придаточные части» - компоненты, состоящие из предикативных единиц, связанные друг с другом более тесно, чем с другими предикативными единицами. В этих ПСПП устанавливается особый уровень синтаксических связей и образуются конструкции с двумя и более уровнями членения (они создаются путем включения в доминирующую структурную схему одной или двух подчиненных ей структурных схем, которые формируют второй уровень членения). Подобную многоуровневую структуру имеют ПСПП:

1) С однородным соподчинением: придаточные в них образуют один сложный компонент («сложную придаточную часть»); второй уровень членения создается структурной схемой сочинения или бессоюзия, формирующей сложную придаточную часть: *Туг цы растдзинадэй кела, асвадалты хъаен херам цы растдзинадэй рæза, уый маен дæр ницамаен хъауы семае дау дæр. (Нафи) – Кровь из какой правды течет, между родственниками раздор какая правда сеет, та и мне не нужна, и тебе.*

Блок из однородных придаточных является тесным структурно-семантическим единством с непосредственной синтаксической связью между однородными придаточными, что не создает, однако, свободы функционирования этого блока в составе всего ПСП. «Соподчиненные придаточные лишены внутренней смысловой объединенности и соединяются только на основе их грамматической и функциональной однородности, благодаря скрепляющей роли подчиняющей части, то есть в составе определенной конструкции с соподчинением, что прослеживается особенно наглядно, если однородные придаточные попытаться представить самостоятельно, как сложносочиненное предложение...» [1, 19]

2) ПСПП с неоднородным соподчинением, в которых одно из придаточных (присоставное) и главное образуют структурную основу конструкции, а другие придаточные (присловные) функционируют на низшем уровне членения: *Авд фаендагыл цал цаеуеджы уа, уал хатты йæ хыл кæнын хъаудзæн, уымæн семае йын зиан кæндзысты йæ фæллой. (Амбалты Ц.) - На семи дорогах сколько будет путников, столько раз ему придется ругаться, потому что будут вредить его добру.*

3) ПСПП с последовательным подчинением, в которых одна из предикативных единиц относится к сочетанию двух или более предикативных единиц: *Нае хъауыл «Красногор» ном цаемаен савæрдтой, уый бæлвырдзинадтæ кæд ничиуал зоны, уæддæр йæ равзæрды тыххæй ис септын къаддæр дыууæ хъуыдыйы. (Дзасохты М.) - Почему наше село назвали «Красногор», это хотя уже никто точно не помнит, все же по поводу его происхождения есть по крайней мере два мнения.*

5) ПСПП с контаминированной структурой, то есть с комбинацией разных типов подчинения: *Зын баууæндæн у, афтае чи дзуры, уыдоныл, уымæн семае, кед ахæм хох æцагæй уыдис, уед ныртæккæ дæр хъуамæ уайд семае йæ адæм зониккой. (Дзасохты М.) - Трудно поверить, кто так говорит, тем, потому что, если такая гора в самом деле была, но и сейчас бы она была и люди бы о ней знали.*

В зависимости от количества видов связи выделяются неконтаминированные и контаминированные ПСПП.

В неконтаминированных конструкциях имеется один вид подчинительной связи. Это может быть неоднородное соподчинение: *Федта аллах уый дæр, кадджын эмир йæ фæсдзæуинты Халемæ æфснайынмæ кæй арвыста, уымæн семае уый савæндонæй бæласей хус къалу дæр не 'рхаудзæн. (Булкъатты М.) – Увидел аллах и то, что почтенный эмир своих слуг отправил в Халёб убирать, потому что без его ведома даже сухая ветка с дерева не упадет;* или последовательное подчинение: *Æрмæст уый курæг дæн, семаей нае зердыл æрлаууын кæнæм, а фæстаг азты номдзыд фыссаг Горький цы тох самадта аив литературсейы саваджы тыххæй, уый. (Нигер) – Прошу только о том, чтобы мы вспомнили, в*

последние годы знаменитый писатель Горький какую борьбу начал за язык художественной литературы, то.

По характеру связи придаточных с главным и друг с другом выделяются ПСПП со структурной основой неоднородного соподчинения (*Цалынмæ Зæринаæ æхсыртæ барста æмæ сæ журналы фыста, уæдмæ агроном къуымты æрзылды æмæ федта, кæм цы уыды, уый. (Дзаттиаты Т.) – Пока Зарина взвешивала молоко и записывала в журнал, агроном прошла по комнате и посмотрела, где что было*) и ПСПП со структурной основой последовательного подчинения (*Ныгуылаен паддзахы минæвæрттæ дисæнгæ карæдзимæ бакастысты, куы ницыма ской кодтам, уæд нын цыма на хъуыдытæ куыдаей бамбæрста, зæгъгæ). (Хъайтыхъты А.) – Посланцы западного царя с удивлением переглянулись, мы же еще ничего не сказали, так как он понял наши мысли, мол.*)

В контаминированных конструкциях совмещаются разные виды связи. К примеру, в ПСПП *Абхазов инæлар фыста сæрмагонд æрвыст чынджы, цæмæй тæгиатæ хъалон иннæтау фидой, цæмæй айсой сæхимæ паддзахы ицауы, цæмæй сæ хæдæрттæ паддзахы æфсæдтæн кæддæриддæр фысымæн цæттæ уой, цæмæй уырысы мауал хъыгдарой, цæмæй радтой æвзæргæнджыты æмæ æндæр ахæмтæ. (Гæдиаты Ц.) – Генерал Абхазов писал в специальном послании, чтобы благородные платили дань как все, чтобы (они) приняли царского наместника, чтобы всегда были готовы предоставить свои дома царским войскам, чтобы (они) больше не тревожили русских, чтобы выдали своих преступников и прочее совмещены подчинение (однородное соподчинение) и бессоюзие. Соподчинение и последовательное подчинение выявляются в следующем предложении: *Фарон уæ лæппу куы амарди, рухсаг уæд, уæд мын сомырдæг йеддæмæ æхца на радтат, афтæ загътат, маена, дам, нæм хъыбылтæ куы рацæуа, уæд дын дзы цу ратдзыстæм. (Коцойты А.) – Когда в прошлом году умер ваш мальчик, царство ему небесное, то вы дали мне всего полтинник деньгами, сказали так, мол, когда у нас появятся поросята, то дадим тебе одного из них.**

Список использованных источников

1. Калашникова Г.Ф. Многокомпонентное сложное предложение в современном русском языке. - Харьков, 1979.
2. Современный русский язык. Анализ языковых единиц. / Под ред. Е.И. Дибровой.- М., 2001.
3. Уханов Г.П. Сложные полипредикативные (многокомпонентные) предложения. - Калинин, 1981.

УДК 811.111

В.П. Пылайкина

*Уральский государственный педагогический университет
г. Екатеринбург, Россия*

ЭВОЛЮЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА В ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНУЮ КАТЕГОРИЮ ГЕНДЕРА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статус категории рода в английском языке – одна из дискуссионных проблем теоретической грамматики. Введение понятия гендер в лингвистическое описание, возникновение лингвистической гендерологии как самостоятельного научного направления предлагают одно из возможных решений..

Антропоцентричность парадигмы современного языкознания определяет повышенный интерес ученых к проявлениям взаимодействия человека и языка. За пределами всестороннего лингвистического изучения долгое время оставались проблемы взаимовлияния языкового кода и пола человека, который его использует. Категория *гендер*, появившаяся в языкознании в 80-е годы XX века, вызвала рост интереса к вопросам обозначения лиц разного пола в языке и речевого поведения личности. **Гендер** – совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола [3: 21].

Категория гендера связана с категорией рода и возникает на ее основе. До настоящего времени не выработано единого мнения по поводу статуса категории рода в английском языке. Многие ученые, занимающиеся проблемами теоретической и практической грамматики, не признают наличия такой грамматической категории в английском языке (L.G. Alexander, В.В. Буракова, М.А. Ганшина, В.Н. Жигадло, И.П. Иванова, Б.А. Ильиш, Дж. Лайонз и многие другие). Проблема возникает из-за отсутствия формальных показателей как у самого существительного, так и у согласующихся с ним слов. Отнесенность к мужскому или женскому полу у одушевленных существительных со значением лица либо отсутствие указания на принадлежность к полу у неодушевленных существительных закреплены в лексическом значении слова.

На основе именно этого факта ряд ученых делает вывод о семантическом характере категории рода в современном английском языке [2: 53-56; 4: 148].

В статье 1937 года Б.Л. Уорф ввел в лингвистическое описание понятия *скрытой* (covert) и *открытой* (overt) грамматических категорий, которые имеются в любом языке. «Открытая категория имеет формальный показатель, проявляющийся в каждом предложении, в котором встречается данное слово». «Скрытая категория проявляется либо морфологически, либо через структуру предложения только в определенных типах предложений, а не в каждом предложении...» [5: 45, 47]. Формальным показателем может служить не только часть слова, но и отдельное слово или модель предложения.

В английском языке категория рода является скрытой, формальный показатель, обнаруживающий значение рода, – личное местоимение. Б.Л. Уорф по сути признает семантический характер категории – родовое различие «скрыто» в лексическом значении слова. Основываясь на том, что категория рода является скрытой, а показателем рода может служить отдельное слово, была разработана система согласовательных классов [7, 8]. Система включает от семи до десяти классов слов: 1) мужской (*brother*); 2) женский (*sister*); 3) двойной (*doctor*); 4) общий (*baby*); 5) коллективный (*family*), 6) особь мужского рода высокого порядка (*bull*); 7) особь женского рода высокого порядка (*cow*); 8) животные низшего порядка (*ant*); 9) неодушевленные (*box*). Иногда выделяют десятый класс названий неодушевленных предметов в случае их персонификации (France/it/she).

Российский лингвист В.Н. Ярцева предложила ввести категорию «активности – пассивности». Активные существительные в роли подлежащего в предложении управляют дополнением. Они соотносятся с местоимениями *he/she, who*, принимают –’s притяжательного падежа. Пассивные существительные в функции подлежащего не требуют дополнения. Они соотносятся только с личным местоимением *it* и с относительным местоимением *which* [Цит. по 1: 108-109].

Авторы предложенных объяснений родовых различий исходили из традиционного представления о грамматических явлениях. Род – формальная грамматическая категория, которая должна иметь морфологические способы выражения. Поскольку нет морфологических показателей, то нет и соответствующей категории. Если применить лингвосоциокультурный подход к рассмотрению номинаций лиц в английском языке, то можно предложить иную трактовку проблемы. Д. Кристал утверждает, что язык превратился в средство выражения отношения к лицам мужского и женского пола. [6: 368].

Введение понятия *гендер* в лингвистическое описание и возникновение лингвистической гендерологии как самостоятельного научного направления создают возможность пересмотра статуса категории рода в английском языке. Исследование процесса номинации лиц на разных этапах исторического развития английского языка свидетельствует о превращении грамматической категории рода в лингвосоциокультурную категорию гендера.

В языке древнеанглийского периода (VII—XII вв.) род выражен у неодушевленных существительных, что делает преждевременным вывод о существовании категории гендера в целом на этом этапе исторического развития языка. Обнаруживаются лишь **элементы категории гендера** – группа одушевленных существительных со значением лица. Отнесенность наименований мужского рода преимущественно к лицам мужского пола, а наименований женского рода к лицам женского пола позволяет выявить статусно-ролевые позиции мужчин и женщин в жизни общества древнеанглийского периода.

Анализ семантических областей, которые выделяются среди наименований мужского и женского рода, показывает, что все ключевые позиции были заняты лицами мужского пола. Управленчески-политическая функция, функция защиты территории и жизни соплеменников, осуществлявшиеся мужчинами, находят отражение в развитой системе номинаций мужского рода, обозначавших правителей разного ранга и воинов. Существительные мужского рода отражают закрепленность за лицами мужского пола поста священника и высших должностей в иерархической структуре церковной организации, а также занятие квалифицированной профессиональной деятельностью. Лица женского пола представлены в семейно-матримониальной, профессиональной, и очень скромно в религиозной сфере.

В среднеанглийский период (XII—XV вв.) в большинстве диалектов произошло отмирание категории рода. Распад категории рода привел к утрате признаков выражения рода у неодушевленных существительных. Элементы категории гендера не претерпели изменений. В средне- и раннеанглийский периоды расширяется область отражения гендерных различий. Семантический анализ наименований лиц выявляет не только место, но и их социальный статус в обществе XIII—XVII вв., особенности взаимоотношений с обществом, индивидуальные характеристики, оценку лиц обоего пола. Постоянные и интенсивные изменения в категории гендера, имеющие место в этот период, позволяют сделать вывод о том, что он является **переходным** в становлении данной категории.

Грамматическая функция родовых различий для обозначения биологического пола людей практически утрачена в современном английском языке. Изменение парадигмы полоролевых стереотипов привело к стиранию ряда проявлений, которые категория гендера имела в среднеанглийский период. Семантический анализ наименований лиц в меньшей степени выявляет их социальное положение в жизни

общества. Категория гендера продолжает отражать взаимоотношения лиц с обществом и их индивидуальные характеристики. Основная функция гендерных различий на современном этапе развития языка – выразить отношение общества к лицам мужского и женского пола. Принадлежность к полу, закрепленная в семантике слова, окончательно превратилась в средство выражения морально-нравственной оценки людей.

Список использованных источников

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: Физматлит, 2005.
2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка. – М.: Высшая школа, 1983.
3. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. – М.: Информа-ция – XXI век, 2002.
4. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959.
5. Уорф Б.Л. Грамматические категории / Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972.
6. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of the English language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
7. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A Comprehensive grammar of the English language. – L., N-Y.: Longman, 1985.
8. Strang B. Modern English structure. – L.: Beccles, Edward Arnold, 1969.

УДК 80+81'42:32(045)

Ж.Е. Гостева

Поморский государственный университет
г. Архангельск, Россия

ДОМЕНЫ ОТПРАВИТЕЛЯ И ПОЛУЧАТЕЛЯ В МОДЕЛИ КОНЦЕПТА ИСТИНЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена определению и характеристике некоторых аспектов концепта истины, в частности отправителю и реципиенту, которые позволяют адекватно описать функционирование данного концепта в политическом дискурсе.

Изучая интерактивную деятельность участников общения, современные лингвистические теории позволяют сфокусироваться в равной степени на процессах внутри отправителя и получателя, с одной стороны, и на сообщении в контексте социальной ситуации коммуникантов, с другой, т.е. исследовать дискурс не только «извне» как общественное событие в терминах воздействия на получателя, но и «изнутри» как ментальные процессы участников, получая выводное знание о намерениях отправителя или о том, что он имеет в виду.

Настоящее исследование посвящено определению и характеристике некоторых аспектов концепта истины, которые позволяют адекватно описать функционирование данного концепта в политическом дискурсе.

Согласно многопараметральной модели концепта истины, истина характеризуется относительно четырех элементов коммуникации: отправитель, содержание, получатель и контекст. Предметом данной работы являются адресант и адресат в процессах актуализации концепта истины в политической коммуникации.

Домены отправителя и получателя в принципе соотносятся с ролевыми позициями агентов и клиентов, адресантов и адресатов, однако имеют свою специфику. Исходя из положения, что участники политической коммуникации составляют ролевою структуру дискурса, исследователи предлагают разграничение ролей профессионалов (агентов) и непрофессионалов (клиентов) [1]. В качестве агента выступают политические институты, главная задача которых в самом общем виде – установление, поддержание и укрепление политической власти. К ним относятся парламент, правительство и другие институты, конкретизирующиеся в социальных ролях их представителей – то есть в стандартизированных моделях поведения лиц, наделенных правовыми полномочиями. В качестве клиентов политического дискурса выступает все население, прибегающее к услугам политических институтов [1, с.32]. В более узком смысле к клиентам политической коммуникации можно отнести избирателей, голосующих за конкретную политическую партию или движение, обращающиеся к ним с наказом [4, с.44].

При рассмотрении модели концепта истины такая схема представляется несколько упрощенной, поскольку элементы отправитель и реципиент получают характеристику в основном в конкретной коммуникативной ситуации, сторонами которой могут быть как профессионалы, например, участники предвыбор-

ных телевизионных дебатов (признаем, что в качестве конечного получателя и в таком случае выступает массовый телезритель, но в рамках проводимого анализа есть необходимость различать непосредственно-го, актуального получателя и любого члена общества – потенциального избирателя), так и непрофессионалы, обсуждающие политические вопросы.

С позиций актуализации концепта истины домен получателя предполагает, что данное сообщение может быть адресовано и другим участникам ситуации. Чем шире круг этих лиц, тем меньше сомнений в истинности высказывания. Самый поверхностный анализ некоторых жанров политического дискурса показывает их преимущественную ориентацию на массового получателя информации и особую значимость реципиента, т.к. именно прогнозируемые действия адресата являются конечной основополагающей целью адресанта, зависящего от этих действий. Например, ритуальные жанры (инаугурационное обращение, радиообращение) направлены на интеграцию всего общества, ориентационные жанры (доклады, указы, приглашения) носят информационно-прескриптивный характер, агональные жанры (лозунг, рекламная речь) выполняют регулятивную функцию в ее различных аспектах. Таким образом, возникает предположение, что в аспекте получателя концепт истины почти всегда объективируется. На самом деле массовый тип получателя представляет наибольшую трудность для выявления истинностных оценок.

Описывая получателя в политической коммуникации, С.Н.Плотникова, С.А.Домышева называют его социальным. Дискурс политика предназначен социальному адресату, как правило; т.е. не конкретному человеку, а любому члену общества, коллективной личности. В коммуникативном плане с точки зрения взаимодействия между политиками и народом, считают С.Н.Плотникова, С.А.Домышева, политический дискурс можно разделить на дискурс политиков и дискурс реагирования – любой дискурс, произведенный в качестве реакции на дискурс политика [3, с.104]. Дискурсивные реакции на один и тот же дискурс политика в совокупности образуют сеть взаимодействий. Социальный адресат предполагает, что часть конкретных его составляющих, конкретных личностей, являются пассивными реципиентами политического дискурса. В аспекте получателя эту часть адресатов следует, видимо, отнести к маргинальной, периферийной и не учитывать при анализе истинностных характеристик, в силу того, что мнение как таковое не получило вербального выражения. Другие элементы в домене получателя проявляют политическую активность и порождают ответный дискурс, на основании которого и можно судить об объективации истины с позиции реципиента.

При понимании дискурса как отложившегося и закрепившегося в языке способа видения мира, способ упорядочения действительности, реализуемого в самых разнообразных практиках, становится естественным предположение, что выбор языковых средств говорящим обусловлен мироощущением субъекта [2]. Соответственно, домен отправителя связан с тем, насколько высказывание соответствует картине мира (ментальным репрезентациям) говорящего, и со сферой «мнение».

Кроме того, с позиции отправителя истину не следует воспринимать как нечто готовое, существующее за пределами политической коммуникации, вносимое извне и воспроизводимое. Она характеризуется диалогичностью. Политический дискурс часто возникает из аргументативных реакций на уже сказанное, и это взаимодействие, это сцепление как раз и создает дискурсивное пространство [6, с.3]. Понятие интертекстуальности очень важно для понимания того, как функционирует концепт истина в политическом дискурсе. Действующие лица политической коммуникации формулируют свои высказывания не в вакууме, и отдельные речевые акты происходят не в изоляции. Они связаны с предшествующими и последующими речевыми действиями. Политическая речь в значительной степени формируется из ранее сделанных высказываний. Оратор апеллирует к уже написанному или произнесенному, примыкает или конфронтрует с определенной политической традицией. В то же время каждая новая речь - это новое видение, новый взгляд и новая перспектива, но одновременно и новый "монтаж мира" [5]. Для того чтобы положения, претендующие на статус истинных, были приняты как достоверные и правдивые, они должны стать частью общественного обсуждения, где они многократно повторяются, переутверждаются.

Список использованных источников

1. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса. – Диссертация на соискание ученой степени канд. филолог. наук. – Волгоград, 2002.—200 с.
2. Михалева О.Л. Дискурс объекта vs дискурс субъекта: системообразующие признаки // Системное и асистемное в языке и речи: материалы Международной науч. конф./ под ред. М.Б.Ташлыкковой. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос ун-та, 2007. – С. 360-377.
3. Плотникова С.Н., Домышева С.А. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования // Политическая лингвистика, 27, 2009. – С.103-108.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.:ИТДГК, 2004. – «Гнозис». – с. 326.
5. Шкловский В.Б. Энергия заблуждения: Книга о сюжете. – М.: Советский писатель, 1981. – 352 с.
6. Юдина Т.В. Теория общественно-политической речи (на материале немецкого языка). М: Изд-во МГУ, 2001. – 160 с.

УДК 8.08

А.В. Флоря, Н.В. Егорова

*Орский гуманитарно-технологический институт
г. Орск, Россия.*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

На современном этапе официально-деловой стиль отличается от его же состояния в недавнем прошлом. Его тексты становятся экспрессивными. Он активно пополняется не только новой терминологией, но и разговорными и, напротив, книжными словами и оборотами, ранее не характерными для него. В значительной степени это влияние американских текстов того же функционального стиля.

Тема исследования актуальна с разных точек зрения: лексикографической (неполное и неточное отображение в словарях новой лексики, употребляемой в деловой сфере), социолингвистической (отражение в речи и языке общественных изменений), стилистической (описание новых тенденций в области официально-делового стиля) и культурно-речевой (борьба за точность, ясность и чистоту речи – в данном случае деловой), причем все эти аспекты взаимосвязаны. Предмет изучения – лексико-семантический и словообразовательный уровни современного официально-делового стиля. Научная новизна исследования определяется изучением лексики, освоенной официально-деловым стилем в течение последних двадцати лет XX века.

Цель исследования – анализ современного состояния лексики официально-делового стиля как отражения общественного менталитета (относящегося к социально-политической сфере фрагмента языковой картины мира). Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в курсах стилистики, культуры речи, спецкурсах по социолингвистике и лексикографии.

В состав официально-делового стиля (ОДС) следует включать, по крайней мере, финансово-экономический подстиль и специально-деловой (научно-деловой или профессионально-деловой) промежуточный стиль. Между ними есть общее: использование лексических единиц, не входящих в собственно ОДС. Эти подязыки относятся к другим областям социальной коммуникации, нежели сферы собственно ОДС (административная деятельность, управление): финансово-экономический подстиль – к банковскому делу, торговле, предпринимательству, профессионально-деловой промежуточный стиль – к науке и производству. Финансово-экономический подстиль содержит лексику, постороннюю по отношению к собственно ОДС, но не чуждую ему, органичную для него, так как ОДС особенно близок к экономической сфере. Мы считаем такую лексику потенциальной, то есть в принципе могущей употребляться в ОДС в типичных для него, широко распространенных, регулярно повторяемых ситуациях. Специально-деловой промежуточный стиль включает в себя неорганичную для ОДС научную и профессиональную лексику. По отношению к ОДС она диффузна, то есть чужда для этого функционального стиля, и используется в нем лишь по необходимости в конкретных случаях, конкретных ситуациях – не обязательно типичных и регулярно воспроизводимых. Для промежуточного стиля эта лексика органична и естественна.

Следует разграничивать ОДС и канцелярит – псевдостилевой феномен, проникающий, главным образом, в виде разрозненных вкраплений во все функциональные стили и отличающийся от ОДС пониженной функциональностью, шаблонностью, многословием, речевыми излишествами, стилистическим эклектизмом и неоправданной эмотивностью.

Пополнение текстов ОДС происходит преимущественно на лексическом уровне – через заимствование слов, – которые затем могут способствовать расширению лексического состава на словообразовательном уровне – через создание гнезд, причем малых: «маркетинг – маркетинговый»; «ваучер – ваучерный, ваучеризация».

Впрочем, эти процессы происходят обычно за пределами ОДС: новые слова и производные от них заимствуются из других функциональных стилей или общенационального языка (в крайнем случае могут возникать в ОДС как потенциальные слова). В рамках русского языка и самого ОДС лексика деловой сферы обогащается за счет аббревиации.

Активное расширение лексики деловой сферы косвенно проявляется в возникновении паронимии («бракер – брокер», «демпинг – дампинг») и омонимии (АСП, ГКО, СПС и многие другие).

Слова, пополняющие ОДС, часто бывают ему стилистически чужды – во всяком случае, по происхождению (такие слова более характерны для промежуточных стилей, связанных с ОДС). Они приходят в тексты ОДС из научной, профессиональной речи, зачастую – разговорной и жаргонной. Это относится не только к диффузной лексике, но и словам, органичным для ОДС и даже прочно освоенным им.

Лексика, активно используемая в текстах деловой сферы в течение последних двадцати лет XX века, относится к общественно-политической, юридической, экономической терминологии (ОДС и его под-

стили), естественнонаучной (например, медицинской, химической, физической) и технической терминологии (в ОДС она диффузна и чаще всего появляется спорадически, для промежуточных стилей она органична и широкоупотребительна).

Значения лексем, употребляемых в официально-деловом стиле, могут иметь специфику в сравнении с их употреблением в других речевых сферах. Это связано, в частности, с полисемией терминов. Например, в научном функциональном стиле многозначные термины в разных значениях используются в соответствующих им науках: «конверсия внутренняя» – вылет электрона из атома при передаче ему избыточной энергии атомного ядра – в физике, «конверсия гена» – в биологии. Специфически научные значения того же термина могут употребляться как органичные компоненты в промежуточных стилях, связанных с ОДС, а в рамках собственно ОДС они составляют диффузную лексику. Другие значения термина – политические, экономические (перерасчет; перевод военной промышленности на производство гражданской продукции) – типичны и органичны уже для самого ОДС. В последнем случае мы имеем дело с семантической деривацией, или спецификацией (когда в ОДС у многозначных терминов развиваются значения, специфичные именно для этого функционального стиля – политические, экономические). Основным источником стилистической дисперсии (расслоения) официально-деловой речи является ее американизация.

В официально-деловых текстах используется экспрессивно окрашенная лексика: «келейно», «мягкотелость», «ужасные злодеяния» и др. Употребление и этой лексики, и средств создания выразительности ограничивается определенными жанрами (послание, обращение, доклад). Она особенно типична для канцелярита. Из выражаемых эмоций преобладают отрицательные – ирония, гнев, сарказм. Образные и выразительные средства относятся не только к лексическому, но и к фразеологическому уровню: это и отдельные слова, и речевые клише. Их основные источники – язык СМИ, разговорная речь (значительно реже) и заимствования-кальки (американизмы).

Исследование лексики ОДС косвенно приносит дополнительную научную пользу: дает возможность изучить уровень описания слов и выражений, недавно вошедших в русский язык (или заново актуализованных в нем), и сопоставить с их отражением в деловых текстах. При этом часто возникают несовпадения в семантической конфигурации данных слов в текстах ОДС и словарях – в том числе специальных.

Основные коммуникативные требования, предъявляемые к ОДС: рациональная стандартность; простота, точность, исключение двусмысленности; чистота; компактность подачи материала. Но коммуникативные черты современного ОДС корректируются. Особую актуальность приобретают богатство, точность, чистота и уместность. В ОДС проникает много новых слов, преимущественно терминов, требуется их освоение, уточнение их семантики, корректное использование, при этом крайне нежелательно засорять тексты излишними – особенно двусмысленными и непонятными – лексемами.

УДК 373

Б. Чимитдоржиева

*Узонская средняя общеобразовательная школа
с. Узон, Россия*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА «УЧИТЕЛЬ»

Статья посвящена исследованию лингвокультурологического портрета слова «Учитель» в языковом сознании учащихся МОУ «Узонская средняя общеобразовательная школа».

2010-й год объявлен годом Учителя. Именно поэтому мы для лингвокультурологического исследования мы выбрали слово «учитель». По результатам социологических опросов он занимает не последнее место в иерархии профессий россиян, но в средствах массовой информации бытует расхожее представление о том, что в российском социуме так весомо мнение, что профессия учителя теряет свою престижность и это отражается в массовом сознании россиян в виде негативного отношения учеников к учителям.

Для нас большое значение имеет исследование С.Л. Смысловой, в котором подчеркивается, что слово «Учитель» имеет особое место в сфере образования, и вместе с тем отражает особенности языковой картины мира конкретного человека, конкретного языка. Поэтому наше исследование поможет нам уточнить представления школьников о современном школьном учителе.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить роль слова «учитель» в языковом сознании учащихся 5-11 классов Узонской СОШ, носителей русского языка, и сравнить со сложившимся культурно-национальным стереотипом носителей русского языка, выраженным в СМИ, художественных произведениях русских писателей. Для достижения поставленной цели была предложена рабочая гипотеза о том, что язык, выполняя накопительную функцию, фиксирует в ассоциациях учащихся культурно-национальные стереотипы.

Объект исследования: слово «учитель» в языковой картине мира россиян.

Примененные **методы** исследования: изучение научной литературы по теме исследования; 2) ассоциативный эксперимент; 3) лингвистический анализ отобранного материала; 4) когнитивный тест; 5) сравнительный анализ.

Для знакомства с лексическим значением слова используется толковый словарь, а через него знакомство со смысловым и ценностным наполнением слова, ассоциациями школьников. Для нас важным является утверждение ученых, что ценностное наполнение слова «учитель» зависит от степени необходимости его в обществе. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово «учитель» толкуется как «наставник, преподаватель, профессор, обучатель». Слово «учить» толкуется как «наставлять, обучать, научать, преподавать что, передавать знание, умение свое другому.., Учить, школить, держать строго, часто наказывая, для нравственного образования, послушания» [1, с. 528].

В средствах массовой информации встречается разные точки зрения на ценностное наполнение слова «учитель». Мы придерживаемся точки зрения ученых, что учитель - «это человек, который занимается обучением и воспитанием учащихся в школе». Таким образом, нам необходимо выяснить, как определяют это слово школьники, какие ассоциации приводят, и каким они представляют современного учителя, его место в обществе.

Для анализа мы выбрали общероссийскую газету «Учительская газета»:

1. В газете за 1924 г. подчеркивается нищенское положение учителя. Мизерная зарплата. Отсутствие квартиры. Но кроме этого, его энтузиазм, целеустремленность (УГ от 17 октября 1924 г.).

2. Из «Учительской газеты» (29 сентября 2009 г.) мы узнаем, каков современный учитель. Учитель – талант, эрудированность, душевность, требовательность, обаяние, умение убеждать, увлекать за собой, отвечать на пытливые вопросы юношества.

3. Ответы учителей на вопрос недели «Учительской газеты»: «Почему вы стали учителем?» выявил следующее: А) Очень хотелось сделать учеников счастливыми. Б) Узнавали с нашей помощью что-то новое. В) От потребности общаться. Г) Потому что родители были учителями. Д) Был пример для подражания. Е) Осознание своей пользы и самореализация.

Таким образом, ценностное наполнение слова «учитель» положительное. В «Учительской газете» показывается, что учитель – человек, талантливый, эрудированный, душевный, требовательный, обаятельный, умеющий убеждать и вести за собой, знающий, что и как отвечать на вопросы детей.

Для проверки нашей гипотезы мы обратились к текстам художественных произведений. Значимость слова «учитель» подтверждается большим количеством текстов художественных произведений (А.П. Платонов «Песчаная учительница», В.Г. Распутин «Уроки французского»). Словесный материал, вобравший в себя особенности менталитета, дает возможность наиболее ярко и полно представить смысловое и ценностное значение слова «учитель». Человек, являющийся учителем, - это не только профессионал, но Человек с большой буквы, готовый ради своих учеников на нравственные подвиги. Таким образом, для русского сознания слово учитель связано с определенным образом жизни: «ОН СЕЕТ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ» (Н. Некрасов).

Также нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент [10, с. 190]. Информантами стали 26 мальчиков и девочек в возрасте от 11 до 17 лет (учащиеся 5-11 классов Узонской средней общеобразовательной школы), носители русского языка. Для проверки гипотезы нами применялась методика ассоциативного эксперимента. Ассоциативная реакция-ответ должна следовать немедленно, информант не должен размышлять над тем, что бы сказать. В результате эксперимента нами также было установлено, что в языковом сознании школьников, носителей русского языка, слово «учитель» ассоциируется прежде всего с такими словами: знание (8), педагог (3), преподаватель (4), ученик (3), человек (5), профессия (1), личность (1), кумир (1). Слово «учитель» породило большое количество разнообразных ассоциаций.

По результатам проведенного когнитивного теста нами был составлен лингвокультурологический портрет современного учителя и любимого учителя. Мы выявили разницу в определении современного и любимого учителя.

Подытожим основные наблюдения и подведем итоги проделанной работы:

1) Проведенный нами анализ текста художественных текстов позволяет констатировать, что человек, являющийся учителем, - это не только профессионал, но Человек с большой буквы, готовый ради своих учеников на нравственные подвиги.

2) В «Учительской газете» утверждается, что учитель – это человек, талантливый, эрудированный, душевный, требовательный, обаятельный, умеющий убеждать и вести за собой, знающий, что и как отвечать на вопросы детей;

3) Анализ экспериментальных данных позволил нам вывести содержательное ядро слова: учитель – это «человек, который учит и воспитывает»;

4) Проанализировав словесные ассоциации к слову-стимулу «учитель», мы выяснили, что учитель у школьников ассоциируется прежде всего со школой (69,2%), источником знаний (30,7 %), хорошим че-

ловеком (11,5 %); В результате эксперимента, нами выявлено, что доминантным являются слова добрый (8 человека), понимающий (4), умный (2). Результаты данного исследования показывают большой процент положительной наполненности эмоционально-оценочного компонента:

а) Во всех ответах учащихся (100 %) подчеркивается, что учитель – это «хороший человек, который учит и помогает в трудную минуту», «Наши учителя хорошие, они учат отлично, они как вторые наши мамы, потому что хотят нам помочь»;

б) современный учитель – учитель, владеющий ИКТ-технологиями, любящий детей, эрудированный, хорошо знающий свой предмет, являющийся примером для детей и модно одевающийся;

в) любимый учитель – это учитель добрый, умный, который умеет все, в том числе, и шутить, а также поддерживать в трудную минуту.

Анализ экспериментальных данных позволил нам вывести ядро слова: учитель – это «хороший, требовательный человек, который занимается учебной и воспитанием детей».

Проведенное нами исследование подтверждает гипотезу о том, что язык, выполняя накопительную функцию, фиксирует в ассоциациях учащихся культурно-национальные стереотипы, вызывает стандартные для данной культурной группы ответы, отражает культурную память народа.

Данные исследования не подтверждают расхожего представления о том, что в российском социуме так весомо мнение, что профессия учителя потеряла привлекательность, престижность. Новое поколение, принимая современные ценности образования, настроено позитивно.

Теоретическая значимость данного исследования, по нашему мнению, заключается в том, что оно дополняет теорию и практику изучения слова «учитель» в лингвистике данными ассоциативного эксперимента.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты могут быть использованы в научных статьях, на уроках русского языка, на занятиях элективных курсов, кружка, в СМИ, поскольку приносят новые сведения о слове «учитель». Необходимость проведения дальнейших исследований очевидна. В перспективе можно исследовать тему «Учитель и Интернет».

Список использованных источников

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4: р-в / Владимир Даль. – Рус. яз. – Медиа. – 2006. – 683 с.
2. Учительская газета. – от 29 сентября 2009 г.

УДК 482

А.В. Флоря, Н.Д. Яцук

*Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
ГОУ ВПО «Оренбургский государственный университет»
г. Орск, Россия*

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ЛЕКСЕМЫ С КОМПОНЕНТОМ *-ИНК-* В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ю. М. ПОЛЯКОВА

В статье описывается одна из групп авторских лексических новообразований (окказионализмов) прозы Ю.Полякова в рамках структурно-семантической типологии.

В статье представлен анализ группы авторских новообразований, передающих мировосприятие Ю.Полякова, описаны их структурно-семантические особенности, смысловая маркированность и специфика функционирования. Научная новизна работы заключается в том, что ранее авторское словотворчество Ю.М. Полякова как одно из средств выразительности не было предметом специального исследования.

Актуальность данной работы обусловлена потребностью в определении роли авторских новообразований в системе образных средств, формирующих идиостиль известного писателя современности Ю.М.Полякова. Объектом исследования является язык художественной прозы и публицистики Ю.М. Полякова.

Выделим информацию, которая является основополагающей в современной теории окказионального слова:

1. Узуальное слово это явление языка, а окказиональное – явление речи, обусловленное системой языка, его словообразовательными и семантическими возможностями. 2. Окказиональные слова являются частью авторского контекста, текстообразующим средством, несущим не только смысловую, но и художественную нагрузку. 3. Окказионализмы могут быть созданы по существующим словообразовательным

моделям и с отступлением от деривационной нормы. По этому признаку все новообразования можно разделить на потенциальную лексику и собственно окказиональную.

На фоне кодифицированной языковой нормы различные авторские лексические находки воспринимаются особенно рельефно как выразительные средства, усиливая экспрессию. В словообразовательном аспекте для прозы Ю.Полякова наиболее характерны окказиональные слова, т.е. слова, сочиненные писателями по случаю. Они вписаны в определенный контекст, практически не входят в общенациональный язык; в структуре их значения релевантностью обладает и изобразительный и эмотивный компоненты.

Каждое окказиональное слово по структуре подобно уже известным языку образцам, типам. Поэтому окказиональное слово включено в сетку синтагма-парадигматических отношений, облегчающих понимание его в минимальном контексте. [3,59] Окказионализм представляет собой речевое выражение не реализованных языком возможностей системы. Так как окказионализм принадлежит конкретному автору и контексту, анализ его семантики и структуры очень важен для понимания идиостиля писателя. Окказионализмы в произведениях Ю.Полякова производятся по образцу слов продуктивных типов, но с нарушением условий их образования. При этом изменяется характер производящей основы: производное слово создается от основ иной семантики или иных грамматических свойств, чем это характерно для языка.

Современными исследователями выделяются следующие типы окказионализмов: фонетические (автор предлагает новый звуковой комплекс), грамматические (семантика актуализируется необычной грамматической формой), семантические (появление семантических приращений узуальной лексемы), лексические (комбинация различных узуальных основ и аффиксов), окказиональные сочетания слов. [1, 7]. В произведениях Ю.Полякова наиболее частотны лексические окказионализмы. Анализ лексем данной группы состоит из нескольких этапов. В соответствии с предложенной Н.Г.Бабенко методикой, вначале следует словообразовательный анализ, сопоставимый с этапами данного вида анализа узуальных слов: выделяется словообразовательная модель, аффиксальные морфемы, определяется степень продуктивности. Этот вид анализа сочетается с семантическим, который предполагает выявление сем, возникших в результате окказионального соединения мотивирующей основы и деривационного средства. В целом формулируется лексическое значение новообразования и его функциональная значимость в тексте художественного произведения.

Наиболее распространенным способом образования лексических окказионализмов является суффиксация. Рассмотрим одну из групп окказионализмов, образованных компонентом *-инк*. В литературном языке существительные, образованные с помощью этого суффикса имеют значение «признак, проявляющийся в небольшой степени»: хитрый – хитринка (разг.) «некоторая доля хитрости», лукавинка, горчинка, глупинка.[2, 59]. Ю.М. Поляков использует данный компонент для экспрессивного обозначения качеств, свойств, признаков, проявляющихся неполно, едва заметно, причем всегда с отрицательными коннотациями. Семантика проявления неполноты иногда эксплицируется в контексте: «*К тому же в физиономии Бадьлкина имелась некая **неуловимая неандерталинка**, и он в самом деле, чем-то напоминал человекообразного Чубакку из “Звездных войн”*» («Замыслил я побег»); «*(...) Антуан – тощий красавчик с влажными черными кудрями и легкой **паскудинкой** в личике*» («Небо падших»); «*(...) в её усмешке появилась **чуть заметная стервоточинка***» («Небо падших»). Другие примеры аналогичных слов: «*(...) командный, с обязательной **недоволинкой** голос, способный довести до слёз даже самого закоренелого двоечника-хулигана*» («Замыслил я побег»); «*Потом соскользнули на политику и пришли к единодушному заключению, что Мишка мужик в общем-то неплохой, хотя с **гнудовинкой**...*» (Козлёнок в молоке); «*Я переминался с ноги на ногу и думал о том, что комбат хотя и неплохой мужик, но с **самодуринкой**: то ему на все наплевать, то хочет враз все переделать*» («Сто дней до приказа»); «*(...) эти самые цветы, свежие, без единой **подвялилки**, и положат на её, Катину, могилку*» («Замыслил я побег»). Возможны и другие варианты, но при более внимательном взгляде, оказывается, что и они тяготеют к отрицательным смысловым оттенкам. Например: «*(...) у тех, кто стоит в толпе и слушает, глаза хоть и с **отважинкой**, но все же испуганные*» («Замыслил я побег») – иными словами люди испытывают легкий кураж, но все-таки не могут преодолеть страх.

Негативные коннотации могут через иронический контекст приобретать положительный оттенок: «*Платье было умопомрачительное, элегантно-легкомысленное, с той изящной **небрежинкой**, которая, наверное, и стоит таких денег*» («Парижская любовь Кости Гуманкова»). Это иронический оксюморон – объединение двух противоположных видов иронии: антифразиса (порицающей похвалы: *элегантно-, изящная*) и астеизма: (похвального порицания: *легкомысленная, небрежинка*), и оба смысла объединяются в слове «*умопомрачительное*» (отрицательном в буквальном, формальном значении, положительном – в переносном). Это скорее насмешка над претензиями на элегантность в соединении с расчётливостью («стоит таких денег»), т.е. конечное впечатление отрицательное.

По-видимому лишь в одном случае у Ю.М. Полякова слово такого типа имеет формально выраженную положительную коннотацию: «*И название неплохое – с **подзадоринкой!** Не модернист, часом?*» («Козленок в молоке»). Впрочем, позитивная коннотация сомнительна и здесь. Эти слова в романе произ-

носит партийный функционер, который изъясняется на привычном ему казенно-бюрократическом жаргоне. О таком стиле недвусмысленно высказывается Ф.А.Искандер в повести «Созвездие Козлотура»: «(...) мне порядочно надоел псевдомолодежный словарь нашей газеты, её постоянное бесплодное бодрячество. Мне надоели задумки вместо замыслов, **живинки** вместо живости, **веселинки** вместо веселья и даже **глубинки** вместо глубины» [4, 10].

Такие слова принципиально не предназначены для выражения положительных коннотаций. У компонента *-инк-* два основных смысла:

- а) нечто плохое, проявленное в малой степени;
- б) нечто хорошее, проявленное недостаточно.

Однозначно квалифицировать словообразовательный статус компонента *-инк-* в авторских новообразованиях Ю.М.Полякова невозможно. В разных случаях он различен и условен.

Например, у М.А.Булгакова в «Театральном романе» есть фраза: «Сидит в тебе **достоевщи́нка**». Это слово образовано с помощью деминутивного суффикса *-к-* от реально существующего слова «**достоевщина**». Смысл фразы: «Ты не Достоевский (т.е. не пессимист, не мракобес), но что-то от худших черт Достоевского в тебе есть». В этом случае *-инк-* - два отдельных суффикса. Но вряд ли можно сказать, что «**неандертали́нка**» - это слабое, малозаметное проявление какой-то «**неандерталины**»: т.е. «**неандерталина**» - это большое сходство с неандертальцем, а «**неандерталинка**» - малое. Конечно, подразумевается именно это, но слова «**неандерталина**» и, следовательно, производства «**неандерталинка**» именно от него не существует. Происхождение таких слов может иметь двойственную мотивировку и поэтому двойственный морфемный состав:

а) с общезыковой точки зрения, «**неандерталинка**» образована от «неандертальца» (вернее, от производящей основы «**неандертал-**») с помощью суффикса *-инк-*

б) с точки зрения окказионального словообразования, оно может быть образовано от виртуального слова «**неандерталинка**», существующего в сознании Ю.М. Полякова и нигде, кроме сознания, ни в каком тексте, не проявленного. В этом случае *-ин-* и *-к-* - два суффикса, а слово образовано с помощью второго из них. Поэтому *-инк-* в авторских новообразованиях мы будем называть не суффиксом, не словообразовательным формантом, а **компонентом**.

Такое же предположение можно сделать насчет слов, явно выражающих какие-то стабильные качества, свойства человеческого характера: «**гнидовинка**», «**самодури́нка**». Для них, в принципе, могут существовать виртуальные, принадлежащие только автору, слова «гнидовина», «самодурина», т.е. ярко выраженная способность человека быть «гнидой» или самодуром. Если эта способность выражена слабо, к соответствующим лексемам добавляется суффикс *-к-*. Но, по-видимому, это не относится к словам с семантикой состояний, которые могут изменяться («**недоволи́нка**», «**отважинка**»), признаков предметов («**небрежинка**», «**подвяли́нка**»). Вопрос об их происхождении и, соответственно, строении решается индивидуально. «**Недоволи́нка**» и «**отважинка**» - это «**недово́ль(ств-о)**», «**отваг(а)**», проявленные в малой степени, и соответствующие неологизмы образованы с помощью суффикса *-инк-*. «**Подвяли́нка**» и «**небрежинка**», скорее всего, образованы от прилагательных «**вял(ый)**» и «**небреж(н-ый)**» приставочно-суффиксальным способом, причем суффикс *-инк-*.

Зато лексема «**подзадори́нка**» настолько необычна, что трудно определить, от чего она образовалась: от «**задора**», «**подзадорить**» или чего-то другого.

Иногда новообразования Ю.М.Полякова ассоциируются с другими словами, и, главное – словообразовательными парами: «**стервоточинка**» - с «**червоточинкой**», которая, в свою очередь, происходит от «**червоточины**», т.е., по аналогии, может существовать и виртуальное слово «**стервоточина**», а в слове «**стервоточинка**» выделяется суффикс *-к-*. Аналогичный пример: «(...) **Думала, познакомимся поближе, позову в гости, попробует, как я стряпаю, ну и все остальное умею... Не-ет! На **девчати́нку** потянуло!**» («Женщины без границ»). В этом случае авторское новообразование входит в ассоциативную аналогию «**свежати́на – свежати́нка**», содержит суффикс *-н-* и является одним из средств создания иронии (персонаж текста относится к девицам как «гурман» к мясу).

Таким образом, рассмотренные примеры показывают, что значение окказионального слова богаче значения узального за счет появления новых коннотаций. Авторские слова являются сознательным, мотивированным отступлением от нормы и несут эстетическую информацию, т.е. выступают как образное средство.

Список использованных источников

1. Бабенко, Н. Г. Окказиональное в художественном тексте Структурно-семантический анализ: Учебное пособие [Текст] / Н. Г. Бабенко. - Калининград : Изд-во Калининградского государственного университета, 1997. - 56 с. - Библиогр. - ISBN 5-88874-068-3.
2. Краткая русская грамматика / Белоусов В.Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др.; Под ред. Шведовой Н. Ю. и Лопатина В.В. - М.: Рус. яз., 1989. - 639 с. ISBN 5-200-00726-7

3. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высшая школа, 1982. 120с.

4. Флоря, А.В. Русская стилистика : ч 2. Курс лекций. Словообразование. Лексикология. Семантика. Фразеология [Текст] /А. В. Флоря. – Орск : Изд-во ОГТИ, 2003б. – 135 с.- Библиогр. – С. 134. ISBN 5-8424-0185 1.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ТЕХНИЧЕСКИХ И ИНЖЕНЕРНЫХ ПРИЛОЖЕНИЯХ

УДК 621.039

В.В. Каверин, М.Л. Абрамзон

*ФГУП НПП «Всероссийский научно-исследовательский
институт электромеханики с заводом имени А.Г. Иосифьяна»
г. Москва, Россия*

БАЗА ДАННЫХ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ НА СЕЙСМОСТОЙКОСТЬ ЭЛЕКТРООБОРУДОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЗАЩИТОЙ АЭС

Обеспечение сейсмостойкости оборудования является актуальной задачей. В статье предложена структура и реализация базы данных для хранения и быстрого доступа к информации по результатам испытаний поставляемого предприятием электрооборудования АЭС.

НПП ВНИИЭМ разрабатывает и поставляет на АЭС электрооборудование системы управления и защитой (СУЗ) более 40 лет. Разработанное институтом оборудование СУЗ для реакторов типа ВВЭР эксплуатируется более чем на пятидесяти энергоблоках АЭС, сооруженных в России и других странах.

За последние годы оборудование СУЗ было введено в эксплуатацию на ряде блоков Калининской АЭС, АЭС «Козлодуй» (Болгария), «Тяньвань» (Китай), «Богунице» (Словакия), вводится в эксплуатацию на энергоблоках АЭС «Бушер» (Иран) и Ростовской АЭС, изготовлено и поставлено на АЭС «Куданкулам» (Индия), находится в стадии изготовления оборудование для Нововоронежской и Кольской АЭС.

Основной задачей электрооборудования СУЗ АЭС является обеспечение безопасности функционирования АЭС при возникновении аварийных ситуаций, в частности, при сейсмических воздействиях. В настоящее время все электрооборудование, предназначенное для установки на атомных станциях, проходит специальную процедуру подтверждения стойкости к таким воздействиям.

Процесс подтверждения способности оборудования выполнять заданные требования с сохранением требуемых характеристик называется его квалификацией. При проведении квалификации в части сейсмостойкости может использоваться несколько методов:

- аналитический (расчетный метод)
- прямые испытания оборудования
- опытом предыдущей эксплуатации (квалификация по прототипам)

Последний вариант квалификации используется в случае наличия данных по ранее проведенным испытаниям прототипов поставляемого оборудования [1]. Прототипом, в данном случае, является оборудование близкое к квалифицируемому по конструкции, составу электронных блоков и функциональному назначению, прошедшее полный цикл испытаний. По их результатам составляются протоколы, содержащие данные о режимах, результаты измерений собственных частот и проверки функционирования, другие важные сведения. Учитывая, что документация, выпущенная в результате проведения испытаний, оформляется (по традиции) в бумажном виде, и представляет собой довольно большой массив данных, возникают очевидные трудности с оперативным доступом к нужной документации и своевременной оценкой и применением полученных данных. Так, например, по каждому шкафу электрооборудования, объем информации в пересчете на бумажные носители, составляет более 250-ти страниц числовых и графических данных. Это не только информация по испытаниям на сейсмостойкость, но и результаты вибропрочностных испытаний, испытаний на стойкость к климатическим факторам и электромагнитную совместимость.

Целью создания базы данных (БД) по шкафам электрооборудования СУЗ являлось обеспечение надежного хранения и мгновенного доступа к результатам испытаний прототипов оборудования. Структура БД и интерфейс доступа к данным для конечного пользователя позволили оптимально систематизировать накопленную информацию, обеспечить быстрый поиск требуемой документации по определенным критериям.

В части требований и результатов испытаний по сейсмостойкости, база данных содержит

следующую информацию:

- Категория сейсмостойкости. (В зависимости от степени ответственности оборудование может быть I, II или III категории сейсмостойкости).
- группа механического исполнения по ГОСТ 17516.1-90. Для оборудования СУЗ АЭС чаще всего применяется группа М38.
- классификация по ПНАЭ Г-01-011-97
- требования по сейсмическим воздействиям. Для всех зарубежных станций, а так же для большей части отечественных эти требования заданы поэтажными спектрами отклика. В базе данных они представлены в виде графиков по осям X, Y, Z индивидуально для каждого места установки оборудования. Для части отечественных станций требования задаются по ГОСТ 17516.1-90 в виде отметки установки оборудования и бальности строительной площадки.
- методика испытаний, по которой проводились испытания на сейсмостойкость, с описанием процедуры проведения испытаний, типа испытательного и измерительного оборудования, режимов испытаний для оборудования I, II категории сейсмостойкости.
- протоколы снятия АЧХ, по трем осям.
- значения резонансных частот по всем осям.
- протоколы испытаний на сейсмостойкость

В связи с тем, что основными пользователями системы являются конструкторы и проектировщики, программный продукт обладает дружественным интерфейсом, позволяющим использовать и вести сопровождение базы данных пользователям, не имеющим навыков программирования, что, впрочем, является одним из основных требований, предъявляемых к разработкам подобного рода.

Оцифровка документации проходила в три этапа. На первом этапе цифровые копии документов сохранялись в первозданном (аутентичном) виде в графическом формате и подключались к базе данных. На втором — эта же документация распознавалась и переводилась в соответствующие задаче форматы (PDF, HTML, MS Word и др.), и также входила в состав БД. На третьем этапе в часть документации внедрялись гипертекстовые элементы, что позволило осуществлять быструю навигацию как внутри определённого документа, так и при переходе по внешним ссылкам — в обход работы СУБД. Данный подход позволил использовать все программные возможности для быстрого доступа к данным по определенным критериям, вносить изменения в документацию и осуществлять прочие, стандартные для данного класса программных продуктов, операции, и, в то же время, оставил возможность получить представление об оригинальных документах, по их состоянию на момент подключения к БД. Структура БД была разработана в среде MS Access 2007 и удовлетворяет требованиям четвертой нормальной формы.

При разработке интерфейса доступа к БД ставились две задачи: во-первых — это следование традиционным правилам разработки интерфейсов под ОС MS Windows, с тем, чтобы конечный пользователь видел перед собой стандартные, привычные инструменты для работы с программой; второе — максимальная простота работы с данными и инструментами поиска, интуитивно ясная навигация. Вся оперативная информация помещается на вкладках основной программы, а вся тяжелая, многостраничная документация «спрятана» в БД, и открывается в соответствующей программе (Adobe Reader, специально разработанный для работы с БД браузер, использующий движок входящего в ОС Windows браузера Internet Explorer, и др.) простым нажатием кнопки. При этом формат хранения и, соответственно, отображения документации зависит от характера и объема требуемой информации. Интерфейс для работы с БД был разработан в IDE Borland Development Studio 2006 с использованием библиотеки VCL. Выбор данной среды разработки был основан на том, что на момент создания БД она являлась оптимальным по простоте и скорости инструментом решения поставленной задачи.

Разработанная система позволила значительно снизить временные затраты на поиск нужной информации, сократить объем бумажной документации. Создание базы данных дало возможность проводить предварительную оценку стойкости оборудования к предъявленным требованиям на этапе конструирования, тем самым, уменьшая количество доработок на дальнейших этапах производства.

В настоящее время в НПП ВНИИЭМ разрабатывается вторая версия БД СУЗ АЭС. Новая версия будет основана на клиент-серверной архитектуре, что позволит максимально оптимизировать совместную работу большого числа специалистов, занимающихся созданием и проверкой электрооборудования СУЗ на соответствие заданным требованиям, автоматизировать документооборот. Кроме того, система будет оптимизирована для работы на современной операционной системе MS Windows 7, а тесная интеграция с инструментами создания и сопровождения документации (в частности MS Office 2010) позволит использовать широкие возможности существующих, или находящихся ещё в стадии так называемого β -тестирования приложений. Разработка системы ведётся в среде MS Visual Studio 2008 (2010); СУБД — MS SQL Server 2008.

Список использованных источников

1. В.Я.Геча, А.И.Горшков, Е.А.Канунникова, А.И.Прусс, Ю.Ф.Пчеляков, В.А.Фатнев. Квалификация электрооборудования для АЭС в части его сейсмостойкости по результатам предшествующих испытаний. // Тр. ВНИИЭМ. -2004, №101. – С.45-52.

УДК 004.451.5:519.8

Е.Л. Додолин

*Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН
г. Томск, Россия*

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ**

В статье изложены теоретические основы информационной системы (ИС) управления метеорологическими данными. Рассмотрена модель состояний системы, построенная на базе структурно-функциональной схемы процесса метеорологического мониторинга.

На сегодняшний день отсутствует универсальный механизм управления жизненным циклом метеорологических данных, имеющий теоретическую базу и практическую реализацию. Ученые вынуждены приспособлять бесплатные средства управления информационными ресурсами либо писать (или заказывать) дорогое программное обеспечение, отвечающее требованиям именно их конкретной задачи.

В ходе работы по созданию сервера данных мониторинга характеристик состояния окружающей среды [1, 2] института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС) СО РАН, были рассмотрены существующие теоретические методы и практические реализации [3-5] информационно-вычислительных систем различных отраслевых структур. Собранная база знаний легла в основу изложенной ниже теории, а так же помогла в построении программных моделей и в выборе технических решений.

Объекты информационной системы

Определим основные объекты ИС. Будем понимать под единицей информации определенную числовую, строковую либо символьную величину, имеющую некоторую смысловую нагрузку. Уникальную совокупность связанных между собой информационных единиц определим как ресурс рассматриваемой системы. Уникальность задается ключом ресурса, который представляет собой совокупность ключевых полей (информационных единиц). Помимо ключевых ресурс может содержать набор смысловых полей.

$$r_{is_i} = \langle \overline{k_i}, \overline{x} \rangle \quad (1)$$

Здесь, $\overline{k_i}$ - вектор ключевых полей i -го ресурса, $\overline{x}$ - вектор смысловых полей. Основным объектом данной информационной системы является документ d , который позволяет представить совокупность связанных между собой по смыслу ресурсов. Документ, так же будет представлять собой ресурс информационной системы, так как любая комбинация уникальных ресурсов уникальна. Ключ всего документа определяется комбинацией ключей каждого ресурса в отдельности.

$$d = \overline{r_{is_i}} = r_{is_i} \quad (2)$$

Для описания состояний системы воспользуемся характеристиками документа [4]. Представление документа на любом его жизненном цикле характеризуется языком образа данного документа l в формате представления ϕ . Имеем следующий вид записи представления i -го документа системы: $d_i^{l_\phi}$. Запись l_ϕ обозначает стиль документа. Если документы имеют единый стиль представления, то имеет место обозначение $l_\phi(d_i) = l_\phi(d_j)$.

Следующей важной характеристикой ресурсов ИС является понятие коллекции документов γ . В коллекцию объединим все документы, которые имеют общий стиль, т.е. $d_i \in \gamma \Leftrightarrow \forall d_j \in \gamma : l_\phi(d_i) = l_\phi(d_j)$. Объединение в коллекции позволяет выделить группы документов обладающих общими характеристиками и предполагающих единый механизм их преобразования.

Правила преобразования определяются функциями перехода от одного описания документа к другому, а именно функции $f : l_i \rightarrow l_j$ и $s : \phi_i \rightarrow \phi_j$. Преобразование не распространяется на информационное наполнение документа. Функция f является функцией перехода от одного языка описания доку-

мента к другому $I_1 \xrightarrow{f_1^2} I_2$. Функция S является функцией преобразования формата представления $\phi_1 \xrightarrow{s_1^2} \phi_2$.

Теперь можно определить рассматриваемую информационную систему в следующем пространстве множеств

$$is = \langle D, L, \Phi, F, S, \Gamma \rangle \quad (3)$$

Здесь, D - это множество документов ИС, Φ - множество возможных форматов представления документа, L - множество языков представления образа документа, F и S - множество функций преобразования документа и Γ - множество коллекций стилей.

Структурно-функциональная схема

Рассмотрим функциональную схему системы метеорологического мониторинга, приведенную на рисунке 1. Она позволяет выделить места сосредоточения информации, определяющие жизненный цикл объектов системы.

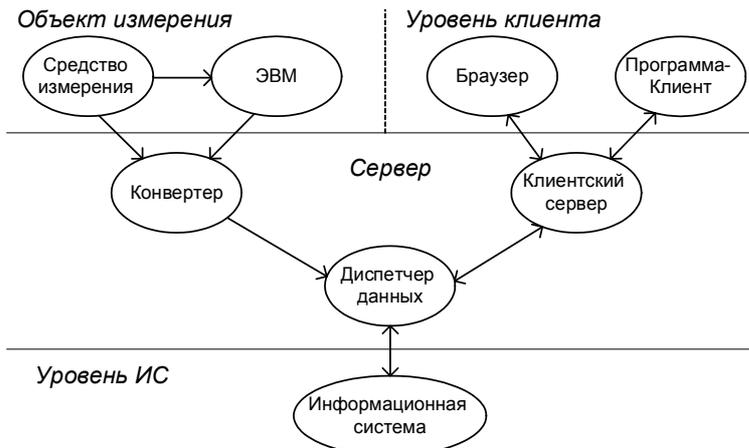

Рис. 1. Структурно-функциональная схема системы мониторинга

На схеме изображены функциональные модули и связи между ними с указанием направления движения информационных потоков. Вся функциональная схема разбита на четыре уровня сосредоточения данных, каждый из которых объединяет соответствующие функциональные модули. Деление на уровни обусловлено концептуальными особенностями модулей соответствующей части системы (назначение, программно-техническая реализация, локализация и т.п.).

Анализ состояний системы

Функциональная схема, представленная на рисунке 1, позволяет выделить точки сосредоточения метеорологических измерений в определенные промежутки времени. В момент сосредоточения данных в узле системы их совокупность может быть определена как документ информационной системы (2). Стиль документа определяет состояние самой ИС. Граф состояний ИС (рис.2) отражает стили документа в функциональных узлах и функции перехода от одного стилового представления к другому.

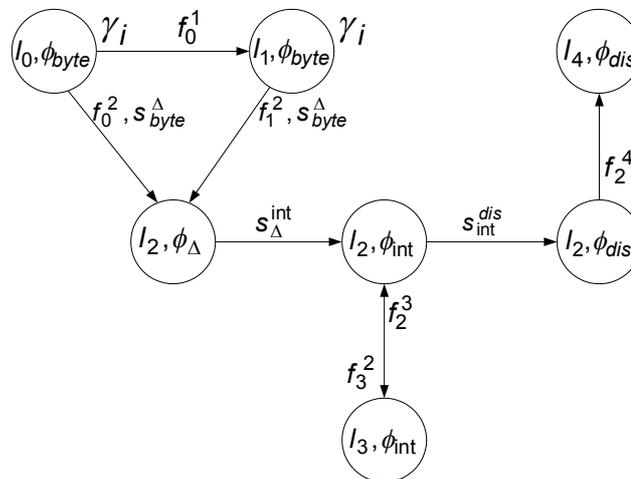

Рис. 2. Граф состояний информационной системы

Граф отражает свойства документа на каждом этапе его жизненного цикла и определяет методы переходов из одного состояния в другое. Переходы основаны на стилевом преобразовании документов. В таблице 1 дается расшифровка обозначений состояний системы.

Таблица 1

Таблица описания стилей документов ИС

L_0 , Цифровой формат	L_1 , Файл	L_2 , Язык программирования серверных приложений.			L_3 , SQL	L_4 , Скрипты (HTML, PHP, JSP ...)
ϕ_{byte}	ϕ_{byte}	ϕ_{Δ}	ϕ_{int}	ϕ_{disp}	ϕ_{int}	ϕ_{disp}
Массив байтов в электронном цифровом формате	Массив байтов в файле	Программная модель (ПМ) преобразования конвертера	ПМ внутреннего представления документа	ПМ внешнего представления документа	Внутреннее представление документа в СУБД	Внешнее представление документа на стороне пользователя

Функция перехода от одного языка описания к другому на практическом уровне представляет собой драйвер, имеющий программную или аппаратную реализацию. Разработкой и предоставлением драйверов, за исключением отдельных случаев, занимаются производители самих технических и программных средств.

- f_0^1, f_0^2 - драйвера средства измерения (может зависеть от операционной системы ЭВМ)
- f_2^3, f_3^2 - драйвера СУБД под определенную среду разработки серверных приложений, поставляются фирмой производителем СУБД (чаще всего f_2^3 и f_3^2 это один и тот же драйвер)
- f_1^2, f_2^4 - драйвера, используемые для перехода от одной среды разработки программного модуля к другой.

Формат представления документа определяется соответствующим функциональным узлом системы (рис.1). Документы, на уровне объекта измерения, имеющие общий стиль объединены в коллекции γ_i . Функция преобразования S_{byte}^{Δ} определяет индивидуальный способ преобразования для соответствующей коллекции документов.

Заключение

В ходе данной работы было дано определение информационной системы мониторинга метеорологических характеристик и ее основных объектов. Построен граф, описывающий состояния системы, на основе стилей документов и функций преобразования языка и формата представления.

На базе рассмотренного математического аппарата разработан программный комплекс автономного измерителя профиля температуры [6]. Предложенные теоретические модели легли в основу построения математических и программных моделей представления документов. Функции переходов определили алгоритмы и логику программной реализации компонентов системы.

Список использованных источников

1. Додолин Е.Л. Сервер данных для мониторинга состояния окружающей среды [Текст]. Информационные технологии и математическое моделирование: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (14-15 ноября 2008г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – Ч.1. – 243с.
2. Додолин Е.Л., Золотов С. Ю. Методологические основы распределенной информационной системы мониторинга состояния окружающей среды [Текст]. Восьмое сибирское совещание по климато-экологическому мониторингу: мат-лы рос. Конф. / Под ред. М.В. Кабанова. – Томск: Аграф-Пресс, 2009. – 408с.
3. А. В. Адаманский, А. Л. Денисов, А. А. Кочеев. Опыт автоматизации управления ВУЗом. Система УИС// Вестн. Ново-сиб. гос. ун-та. Серия: Информационные технологии. 2006. Т. 2, вып. 1.
4. Разработка фундаментальных основ создания распределенных информационно-вычислительных ресурсов ИВТ СО РАН. [Электронный ресурс]. Координаторы проекта академик РАН Ю.И. Шокин, чл.-к.

РАН А.М. Федотов. – Новосибирск. - 2006. – Режим доступа: <http://www.sbras.ru/Report2006/Report321/index.html>

5. Веселов В.М. Язык описания гидрометеорологических данных для IBM PC совместимых ПЭВМ // Труды ВНИИГМИ-МЦД. – Санкт-Петербург. 1996. – Вып. 160. – С. 41-54.

6. Додолин Е.Л. Комплексное программное обеспечение измерителя профиля температуры [Текст]. Информационные технологии и математическое моделирование: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (14-15 ноября 2008г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – Ч.1. – 243с.

УДК 669.713.7

Д.А. Евдокимов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
г. Омск, Россия

КОНЦЕПЦИЯ РАЗРАБОТКИ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО РАБОЧЕГО МЕСТА СОТРУДНИКА СЛУЖБЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящей работе представляется концепция автоматизированного рабочего места сотрудника службы информационной безопасности предприятия.

Для выполнения своих функциональных обязанностей сотрудник службы информационной безопасности (ИБ) должен обладать широкими знаниями в области международных и отечественных стандартов в области ИБ для построения эффективной системы информационной безопасности. Сотрудник должен постоянно поддерживать систему ИБ на должном уровне, чтобы она отвечала актуальным угрозам безопасности, для этого необходимо регулярно проводить аудит системы ИБ с целью ее оценки и минимизации рисков.

Применение автоматизированных систем при проведении аудита ИБ способствует улучшению качества исследования, уменьшает влияние человеческого фактора, позволяет специалисту использовать более широкий арсенал критериев оценки ИБ. Модель проведения оценки защищенности объекта информатизации (ОИ) предприятия при помощи автоматизированного рабочего места (АРМ) основана на формировании опросов для специалистов по информационной безопасности, производящих аудит. Процесс заполнения опроса основан на информации, которая не всегда может быть точной, например, в случае самооценки. Учитывая возможные неточности в исходной информации, в представляемой концепции для обработки результатов аудита применяется модель оценки, основанная на теории нечетких множеств (ТНМ).

Одной из задач разработки АРМа является разработка опросной анкеты по определенным критериям и стандартам информационной безопасности, а это влечет необходимость проведения исследования по актуальным, для специфики исследуемой информационной системы, требованиям в данной области. Предлагаемая концепция предусматривает наделение АРМа свойством масштабируемости, которое достигается путем применения метода лексического анализа текстовых документов с целью получения опросной анкеты, которая изначально не закладывается в код программы на этапе разработки.

Лексический анализ - процесс аналитического разбора входной последовательности символов с целью получения на выходе последовательности символов, называемых «токенами». При этом, в процессе лексического анализа производится распознавание и выделение лексем из входной последовательности символов [1].

Традиционно принято организовывать процесс лексического анализа, рассматривая входную последовательность символов, как поток символов. При такой организации, процесс самостоятельно управляет выборкой отдельных символов из входного потока [2]. Входной поток формируется из библиотеки документов, содержащих методики и критерии оценки информационной безопасности предприятия. При добавлении документа в библиотеку ему присваивается метка T , определяющая его принадлежность к тому или иному разделу исследования, если ранее существовал данный раздел, иначе создается новый раздел. В качестве метки T принадлежности к определенному критерию K используется заголовок документа, в котором прописывается номер K -го критерия из списка.

Для достижения масштабируемости АРМ по использованию критериев оценки, применяется метод лексического анализа библиотеки документов. Выбор критерия исследования K_i пользователем программы определяет перечень документов таких, что $T_j = K_i$. Для любого исследования будет два и более документов. Лексический анализ первого документа формирует опросную анкету для определения класса в рамках выбранного критерия, второго - анкету оценки выполнения требований. Структура анкеты и содержание формируется в результате распознавания лексем конечным автоматом

$$M = (Q, \Sigma, \delta, q_0, F), \quad (1)$$

где Q — конечное множество состояний автомата;

q_0 — начальное состояние автомата ($q_0 \in Q$);

F — множество заключительных (или допускающих) состояний, таких что $F \subset Q$;

Σ — допустимый входной алфавит (конечное множество допустимых входных символов), из которого формируются строки, считываемые автоматом;

δ — заданное отображение множества $Q \times \Sigma$ во множество $P(Q)$ подмножеств Q :

$$\delta : Q \times \Sigma \rightarrow P(Q). \quad (2)$$

Входной алфавит Σ состоит из:

- начало/конец лексемы – символ разделитель;

A – направляет лексемы в анкету аудит;

K – направляет лексемы в анкету классификация;

N – обозначение типа лексемы с наименованием раздела анкеты;

Q – обозначение типа лексемы с вопросом раздела анкеты;

$i_1 i_2 \dots i_j$ – указатель на раздел анкеты, где $i_j = 1..9$, j – глубина раздела;

\$ - задаем условие ИЛИ;

&- задаем условие И;

Пробел – конец идентификатора;

Состав конечного множества состояний Q :

1) WaitLabel – ожидает символ разделитель,

2) GetListKind – Читает символ «A» или «K»,

3) GetTextKind – Читает символ «N» или «Q»,

4) SetListPointer – Определяет указатель на пункт анкеты,

5) WaitBegin – Ожидает начало раздела анкеты,

6) ReadText – Считывает раздел анкеты,

Условия переходов:

a) Любой символ кроме #

b) Символ #

c) Любой символ кроме A или K

d) Символ A или K

e) Любой символ кроме N или Q

f) Символ N или Q

g) Символ ' или цифра

h) Любой символ кроме цифры или '

i) Символ ПРОБЕЛ

На выходе алгоритма автомат выдает анкету для классификации либо оценки ОИ в зависимости от выбранного входного документа. Анкета формируется отображением δ множества $Q \times \Sigma$ во множество $P(Q)$ подмножеств Q :

$$\delta : Q \times \Sigma \rightarrow P(Q) \quad (3)$$

Следующие этапы исследования – классификация и/или оценка исследуемой системы по выбранной методике с применением математического аппарата ТНМ. Пользователь АРМ проводящий оценку защищенности ОИ определяет метод оценки, на выбор предлагается два метода ТНМ[3]:

1. На основе балльной шкалы - реализует непосредственно количественную оценку на непрерывной, вариативной балльной шкале. Причем оценка проводится двух видов: внешняя оценка проверяющего и внутренняя оценка непосредственно сотрудников отдела ИБ. Разницу между полученной самооценкой можно рассматривать как элемент определения эффективности работы ОИБ.

2. На основе лингвистической шкалы - позволяет строить отношения между оцениваемыми параметрами в лингвистическом измерении.

Список использованных источников

1. Джон Хопкрофт, Раджив Мотвани, Джеффри Ульман Введение в теорию автоматов, языков и вычислений = Introduction to Automata Theory, Languages, and Computation. — М.: «Вильямс», 2002. — С. 528.

2. Касьянов В.Н. Лекции по теории формальных языков, автоматов и сложности вычислений. - Новосибирск: НГУ, 1995. - С. 112.

3. Батыршин И.З., Недосекин А.О., Стецко А.А., Тарасов В.Б., Язенин А.В., Ярушкина Н.Г. Теория и практика нечетких гибридных систем. Под ред. Н.Г. Ярушкиной. М.: Физматлит, 2007.

УДК 697.34 [51-74:624.04]

Д.В. Жуков

Омский государственный технический университет
г. Омск, Россия

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ЗАДАЧАХ ДИСПЕТЧЕРСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ТЕПЛОВЫМИ РЕЖИМАМИ СИСТЕМ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ТЕПЛОСНАБЖЕНИЯ

В работе приведена математическая модель теплового режима отапливаемых зданий, поставлена оптимизационная задача и предлагаемые пути решения, показаны основные принципы оперативного управления тепловыми режимами и методика расчета диспетчерского графика тепловых нагрузок систем централизованного теплоснабжения.

Система централизованного теплоснабжения (СЦТ) представляет собой комплекс различных сооружений, установок и устройств, технологически связанных и взаимодействующих между собой в общем процессе производства, транспорта, распределения и потребления тепловой энергии. Каждый элемент этой сложной системы является подсистемой со своими закономерностями функционирования и внутренними взаимодействиями. СЦТ характеризуются стохастичностью практически всех элементов, значительной рассредоточенностью объектов теплоснабжения, разнородностью структуры тепловой нагрузки, различной степенью автоматизации, низкой гидравлической устойчивостью, неопределенностью внешних и внутренних возмущающих воздействий и т.д. [1, 2, 3].

Основной задачей регулирования в системах теплоснабжения является поддержание температуры воздуха внутри помещений в заданных допустимых пределах $\pm(1\div 2)^\circ\text{C}$ при изменении внешних и внутренних возмущающих факторов. По месту регулирования различаются: центральное, групповое, местное, позонное, индивидуальное. В большинстве городов в настоящее время основным, а зачастую и единственным видом, является центральное регулирование. В настоящее время отсутствуют четкие методики или рекомендации определения требуемых параметров теплоносителя (температура, давление) и разработки диспетчерского графика центрального регулирования отпуска тепловой энергии, поэтому регулирование осуществляется в основном опытом и интуицией диспетчера.

Тепловой режим зданий формируется как результат совокупного влияния непрерывно изменяющихся внешних возмущающих воздействий (изменения температуры наружного воздуха, скорости и направления ветра, интенсивности солнечной радиации, влажности воздуха) и внутренних возмущающих воздействий (изменение подачи тепла от системы отопления, выделение тепла при приготовлении пищи, работа электроосветительных приборов, действие солнечной радиации сквозь остекление, тепло, выделяемое людьми) [1].

При моделировании тепловых режимов используются следующие математические модели [4]:

с распределенными параметрами (описывается температурное поле в плане и по высоте, а также учитывается теплообмен излучением и конвекцией);

с частично распределенными параметрами (температура воздуха принимается одинаковой по объему, при этом также учитывается теплообмен излучением и конвекцией);

с сосредоточенными параметрами (температура воздуха принимается одинаковой по объему, теплообмен в помещении описывается без разделения на конвективную и лучистую составляющие).

Математическую модель более просто можно построить на основе уравнений тепловых балансов, сохраняя при этом общность полученных моделей и их адекватность моделируемым процессам.

Схема теплового баланса здания задается в виде матрицы соединений $\mathbf{M}$, которая отражает топологическую структуру графа физических связей между основными элементами здания, влияющих на тепловое состояние здания (наружное ограждение, внутреннее ограждение, светопрозрачные ограждения, внутренний воздух, вентиляция, внутренние предметы и т.д.). Количество узлов графа соответствует количеству основных элементов.

Баланс тепловой энергии i -го элемента определяется уравнением:

$$c_i m_i \frac{dt_i}{d\tau} = \sum_j Q_{ij}, \quad (1)$$

где c_i – теплоемкость элемента, Дж/(кг $^\circ\text{C}$); m_i – масса элемента, кг; t_i – средняя температура по объему или поверхности, $^\circ\text{C}$; τ – время, с; $\sum_j Q_{ij}$ – суммарная тепловая энергия i -го элемента за период времени dt , Вт.

Общий тепловой баланс здания, учитывающий изменение температурных состояний основных элементов, определяется системой независимых уравнений. Присваивая индексы i от 1 до 5 соответственно

теплоносителю, отопительным приборам системы отопления, внутреннему воздуху, внутренним и ограждающим конструкциям здания, получим:

$$\begin{aligned}
 c_1 m_1 \frac{dt_1}{d\tau} &= c_1 G_1 (t_{11} - t_{12}) - \alpha_{12} F_{12} (t_1 - t_{21}); \\
 c_2 m_2 \frac{dt_2}{d\tau} &= \alpha_{21} F_{21} (t_1 - t_{21}) - \alpha_{23} F_{23} (t_{22} - t_3) - \alpha_{24} F_{24} (t_{22} - t_4) - \alpha_{25} F_{25} (t_{22} - t_5); \\
 c_3 m_3 \frac{dt_3}{d\tau} &= \alpha_{23} F_{23} (t_{22} - t_3) \pm \alpha_{34} F_4 (t_3 - t_4) \pm \alpha_{35} F_{51} (t_3 - t_{51}) + c_3 L \rho_3 (t_H - t_3) + Q_{J3} + Q_B; \\
 c_4 m_4 \frac{dt_4}{d\tau} &= \alpha_{23} F_{23} (t_{22} - t_4) \mp \alpha_{34} F_4 (t_3 - t_4) \pm \alpha_{45} F_{51} (t_4 - t_{51}); \\
 c_5 m_5 \frac{dt_5}{d\tau} &= \alpha_{23} F_{23} (t_{22} - t_{51}) \mp \alpha_{35} F_{51} (t_3 - t_{51}) \mp \alpha_{45} F_{51} (t_4 - t_{51}) + \alpha_{52} F_{52} (t_H - t_{52}) + Q_{J5}, \quad (2)
 \end{aligned}$$

где α_{ij} – эквивалентные коэффициенты теплообмена между основными элементами i и j ($i \neq j$), учитывающие теплообмен теплопередачей, конвекцией и излучением, Дж/м²·ч; F – площадь поверхности элемента, м²; L – расход инфильтрующегося воздуха, м³/с; ρ – плотность воздуха, кг/м³; Q_{J3} и Q_{J5} – инсоляционная тепловая энергия, передаваемая через светопрозрачные ограждения и ограждающим конструкциям соответственно, Вт; Q_B – бытовые тепловыделения, Вт.

В целях упрощения в данной системе уравнений не отражены процессы массопереноса и изменения состояния влаги в ограждающих конструкциях,

Данная система уравнений (2) может быть преобразована к канонической форме Коши путем ввода векторов температур элементов $\mathbf{T}=[t_1, t_2, t_3, t_4, t_5]$, возмущающих воздействий $\mathbf{V}=[t_H, L, J, Q_B]$, управляющих параметров $\mathbf{U}=[t_{11}, G_1]$ и канонических переменных a_{ij} , получаемых делением параметров при переменных в правой части на параметры при производных.

Математическая модель теплового режима построена на основе физических законов и представляет собой систему соотношений, имитирующих тепловые процессы в элементах. На входе модели задаются возмущающие воздействия, на выходе получают температурные параметры в элементах.

Решение системы при заданных входных возмущающих воздействиях $\mathbf{V}(\tau)$ позволяет получать температурные параметры в элементах $\mathbf{T}(\tau)$ и найти оптимальное сочетание компонентов вектора управляющих параметров $\mathbf{U}(\tau)$ в любой период времени.

Задача может быть значительно упрощена при переходе на модель с сосредоточенными параметрами и при приведении внешних возмущающих воздействий к эквивалентной температуре наружного воздуха при помощи соответствующих поправок [1], а в качестве управляющего параметра принять только температуру теплоносителя на выходе теплового источника t_{11} .

По результатам проведения исследований численными методами предлагается следующая методика изменения диспетчерского графика тепловых нагрузок, исходя из минимизации амплитуды изменения температуры t_{11} :

Шаг 1. Определение начального состояния $\mathbf{T}(0)$ на основании данных о значениях $\mathbf{U}$ и $\mathbf{V}$ на предыдущих интервалах $\Delta\tau_{i-1}$ и $\Delta\tau_{i-2}$.

Шаг 2. Определение состояния $\mathbf{T}(i)$ по прогнозируемым параметрам $\mathbf{V}(i)$ и $\mathbf{V}(i+1)$.

Шаг 3. Определение отклонения температуры внутреннего воздуха t_3 от заданного значения.

Шаг 4. Если данное отклонение в конце интервала $\Delta\tau_i$ меньше допустимого, то изменение $\mathbf{U}(i)$ не производится, в противном случае параметры $\mathbf{U}(i)$ изменяются $t_{11} \pm \Delta t_{11}$ и определяется новое состояние $\mathbf{T}(i)$.

Шаг 5. При отклонении фактических параметров от прогнозируемых $\mathbf{V}$ производится корректировка $\mathbf{U}(i)$.

Шаг 6. Повторение шагов 1-5 с использованием состояния $\mathbf{T}(i-1)=\mathbf{T}(i)$.

Данная методика расчета диспетчерского графика центрального регулирования тепловых режимов позволяет улучшить эффективность СЦТ:

во-первых, снижаются риски повреждаемости трубопроводов тепловых сетей за счет уменьшения амплитуды изменения температуры теплоносителя и повышается надежность теплоснабжения;

во-вторых, повышается экономичность при производстве энергии на ТЭЦ за счет разности приростов расхода топлива на выработку энергии при различных температурах теплоносителя и снижения количества пусков-остановов основного теплогенерирующего оборудования.

Список использованных источников

1. Автоматизированные системы теплоснабжения и отопления / С.А. Чистович, В.К. Аверьянов, Ю.Я. Темпель, С.И. Быков. - Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1987. – 248 с.
2. Михайленко И.М. Оптимальное управление системами централизованного теплоснабжения. – СПб.: Стройиздат, СПб, 2003. – 240 с.
3. Монахов Г.В., Войтинская Ю.А. Моделирование управления режимами тепловых сетей. – М.: Энергоатомиздат, 1995. – 224 с.
4. Табунщиков Ю.А., Бродач М.М. Математическое моделирование и оптимизация тепловой эффективности зданий. – М.: АВОК-ПРЕСС, 2002. – 194 с.

УДК 665.6.013.001

Р.Р. Мавлютов

*Уфимский государственный нефтяной технический университет
г. Уфа, Россия*

ОСОБЕННОСТИ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ ОБРАБОТКИ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Разработана система автоматизированной обработки технических текстов, использующая методы экспертных систем.

Перспективы развития современной нефтяной и газовой промышленности тесно связаны с тенденциями совершенствования процессов информационного обеспечения в данной прикладной области. В данной работе предлагается новая технология, обеспечивающая более эффективную обработку массивов технических текстов на основе достижения технической, программной, информационной и методологической совместимости. Данная технология предусматривает обработку данных в модели клиент/сервер, хранение данных, формирование базы знаний, выполнение приложений, т.е. выборка и обработка данных для нужд прикладной задачи, а также представление данных и результатов обработки конечному пользователю. В такой ситуации целесообразно применение методов экспертных систем. Имеющиеся знания об особенностях организации текста представляются в виде набора продукционных правил, а процесс первичной обработки осуществляется методом построения дерева решений. Число продукционных правил можно изменять в широких масштабах в зависимости от поставленной задачи и особенностей текста. Разработанная экспертная система позволяет извлекать максимум информации из массивов текстов. Архитектурные особенности системы позволяют быстро изменять глубину обработки текста и тип извлекаемой информации путем смены набора продукционных правил.

УДК 630*32:51-7;517.958:5

А.Н. Заикин

*Брянская государственная инженерно-технологическая академия
г. Брянск, Россия*

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РАСЧЕТА РЕЖИМОВ РАБОТЫ ЛЕСОСЕЧНЫХ МАШИН

Приведены краткие сведения состояния математического моделирования и полученные математические модели расчета режимов работы лесосечных машин, отличающиеся тем, что дают возможность рассчитать не только объемы межоперационных запасов, но и режимы их пополнения и потребления, обеспечивающие максимальный объем выработки комплекта машин с минимальными затратами.

Технологический процесс лесозаготовительного производства осуществляется вне помещений в условиях непосредственного воздействия на рабочих и технику различных природных факторов. Помимо этих факторов на неравномерность лесозаготовительного производства оказывает большое влияние расщепленность выполнения технологических операций на большей территории, частая перебазировка машин с одной лесосеки на другую. Кроме этого лесосечные работы выполняются по различным технологическим схемам различными типами и комплектами машин.

Нормальное течение любого производственного процесса, в том числе и лесозаготовительного, требует создания на различных его фазах запасов сырья, заготовок, материалов, продукции. Взаимодействие машин на лесосечных работах позволяет рассматривать и имитировать процессы пополнения и потребления запасов при этих работах, как процессы массового обслуживания (МО).

При определении объемов запасов [3, 5, 6, и др.] с помощью аналитических моделей теории МО для лесосечных работ не учитывается технологическая взаимосвязь смежного оборудования, особенности

создания межоперационных запасов между операциями лесосечных работ, отличающие их от буферных запасов, не отражается так же работа на операциях различных типов машин.

Значительные погрешности этих методов вызывают отличие фактических потоков обрабатываемых объектов на лесосечных работах от простейших (нестационарность, неординарность) [2, 7 и др].

Отсутствие аналитических методов изучения многофазных систем МО с достаточно общими характеристиками - одна из причин широкого применения статистического моделирования, в том числе и для анализа процессов лесной промышленности [1, 2, 8 и др.].

Обобщая результаты анализа выполненных работ, можно констатировать, что в основном работы посвящены определению необходимых объемов запасов и упор в управлении запасами лесоматериалов делается на методы и модели, допускающие формализацию основных факторов или основанные на известных распределениях вероятностей.

В опубликованной работе [4] были предложены математические модели процесса пополнения и потребления запасов с учетом технологической взаимосвязи оборудования и подключения резервного оборудования, а также модели по определению оптимальных режимов пополнения и потребления запасов между парой операций, по условию их максимальной выработки. Как показали дальнейшие исследования, эти модели должны учитывать максимальный объем выработки комплекта, а не только пары смежных операций. Кроме этого предлагается в расчетах учитывать запас, обеспечивающий работу смежного оборудования на тот случай, когда одно из них простаивает по причине выхода из строя другого (технический уровень, составляющий вместе с технологическим объемом, объем страховых запасов).

Величина технологического уровня запасов между операциями валка и трелевка определяется объемом древесины, обеспечивающим пятидесятиметровую зону безопасной работы:

$$Q_{ТЛ} = \frac{L \cdot B \cdot Q_{ср}}{10000},$$

где L, B - длина и ширина зоны безопасной работы (разрабатываемой ленты), м; $Q_{ср}$ - средний запас древесины на га, $м^3/га$.

При $L=50-250$ м; $B=50$ м, $Q_{ТЛ}=(0,25-1,25)Q_{ср}$.

Между операциями трелевка и обрезка сучьев, обрезка сучьев и погрузка - тридцатиметровую зону, а уровень запасов может быть обеспечен сменным объемом древесины ($П_{см}$) соответственно сучкорезной (сучкорезно-раскряжевочной) машины или погрузчика, т. е. $Q_{ТЛ} = П_{см}$.

Объем технического уровня запасов можно определить, рассмотрев простейшую линию, состоящую из двух технических средств (ТС), производительности которых в единицу времени соответственно равны $П_1$ и $П_2$, а коэффициенты технической готовности $K_{мг1}$ и $K_{мг2}$. Продолжительность простоя в единицу времени их будет, соответственно равна:

$$T_{пр1} = 1 - K_{мг1}; \quad T_{пр2} = 1 - K_{мг2},$$

тогда продолжительность наложенных простоев в единицу времени двух смежных ТС составит:

$$T_{прН} = T_{пр1} + T_{пр2} = 1 - K_{мг1} + 1 - K_{мг2} = 2 - (K_{мг1} + K_{мг2}),$$

а объем технического уровня запасов, необходимый для бесперебойной работы ТС в течение смены, можно рассчитать по формуле:

$$Q_{ТХ} = П_{i \max} * T_{прН} * T_{см} = П_{i \max} * [2 - (K_{мг1} + K_{мг2})] * T_{см}.$$

Анализ работы лесосечных машин показал, что подобрать численность машин в комплекте так, чтобы их производительность на всех операциях была бы одинаковой, практически невозможно. Общий объем выработки такого комплекта машин зачастую равен минимальному объему выработки машин на одной из основных операций, составляющих комплект.

Требуется же так организовать процесс, чтобы общий объем выработки всего комплекта машин был бы равен или близок к максимальному объему выработки на основной операции, выполняемой головной машиной.

Данное условие может быть реализовано с учетом поддержания на требуемом уровне необходимых в конкретных производственных условиях объемов оперативных запасов путем маневрирования численностью и (или) сменностью работы машин на отстающих операциях. То есть, на операциях с объемом выработки меньшим, чем Q_{max} следует на определенное, рассчитанное для конкретных условий время подключать дополнительную машину и (или) же на это время увеличивать сменность работы на этой операции одной или нескольких машин.

Анализ работы лесосечных машин показал, что, в основном, возможны два варианта несоответствия объемов выработки на смежных операциях. Первый, когда объем выработки машин на предыдущей i -й операции больше, чем на следующей s -й ($Q_i > Q_s$); второй наоборот.

При условии одновременного начала работы машин на отдельных операциях, число дней (t_i) работы i -х машин до создания гарантийного уровня запаса (при $Q_i < Q_s$) будет:

$$t_1 = \frac{Z_{\Gamma}}{Q_i} \quad (1)$$

Число дней (t_2) совместной работы i -х и s -х машин до изменения численности (сменности) i -х (при $Q_i < Q_s$) будет равно:

$$t_2 = \frac{Z_{\Gamma} - Z_C}{Q_s - Q_i} \quad (2)$$

Продолжительность (t_3) работы дополнительных i -х машин совместно с основными можно определить по формуле:

$$t_3 = \frac{Z_{\Gamma} - Z_C}{Q_i^{(D)} - Q_s} \quad (3)$$

Общая продолжительность планируемого периода (месяца) для первого месяца разработки лесосеки составит:

$$T^{(1)} = \frac{Z_{\Gamma}}{Q_i} + \frac{Z_{\Gamma} - Z_C}{Q_s - Q_i} + \frac{Z_{\Gamma} - Z_C}{Q_i^{(D)} - Q_s} \quad (4)$$

Проведя соответствующие преобразования и решив уравнение (4) относительно Z_{Γ} , получим математическую модель (5) для определения гарантийного уровня оперативного запаса в зависимости от объемов его пополнения и потребления, с учетом подключения дополнительных машин на отстающей операции при ($Q_i < Q_s$)

$$Z_{\Gamma} = \frac{[T^{(1)} \cdot (Q_s - Q_i) \cdot (Q_i^{(D)} - Q_s) + Z_C \cdot Q_{iD}] \cdot Q_i}{(Q_s - Q_i) \cdot (Q_i^{(D)} - Q_s) + Q_i \cdot Q_{iD}} \quad (5)$$

а при ($Q_i > Q_s$)

$$Z_{\Gamma} = \frac{(T^{(1)} \cdot Q_i - Z_C) \cdot (Q_i - Q_s) \cdot (Q_s^{(D)} - Q_i) + Z_C \cdot Q_i \cdot Q_{SD}}{Q_i \cdot Q_{SD}} \quad (6)$$

Полученные математические модели 5 и 6 позволяют определить режимы работы и, в частности, объем гарантийного уровня оперативных запасов между парой операций с учетом максимальной выработки на одной из них и подключением дополнительных машин на отстающей операции в конце планируемого месяца. Для расчета режимов работы комплекта машин, имеющего более двух операций, необходимо применять те же формулы, но с учетом максимальной выработки на одной из операций комплекта, т.е. с учетом максимальной выработки комплекта машин (Q_{max}). Поэтому модели (5 и 6) для определения объема гарантийного запаса для первого месяца разработки лесосеки примут вид для случая ($Q_i < Q_s$):

$$Z_{\Gamma} = \frac{[T^{(1)} (Q_{max} - Q_i) \cdot (Q_i^{(D)} - Q_{max}) + Z_C \cdot Q_{iD}] \cdot Q_i}{(Q_{max} - Q_i) \cdot (Q_i^{(D)} - Q_{max}) + Q_i \cdot Q_{iD}} \quad (7)$$

для случая ($Q_i > Q_s$)

$$Z_{\Gamma} = \frac{(T^{(1)} \cdot Q_{max} - Z_C) \cdot (Q_{max} - Q_s) \cdot (Q_s^{(D)} - Q_{max}) + Z_C \cdot Q_{max} \cdot Q_{SD}}{Q_{max} \cdot Q_{SD}} \quad (8)$$

где Q_i и Q_s , соответственно, объем пополнения запаса машинами i -й операции и потребления машинами s -й операции; Q_{max} объем выработки ведущей машины в комплекте; Q_{iD} и Q_{SD} , соответственно, объем выработки дополнительных машин на i -й и s -й операциях; $Q_i^{(D)}$ и $Q_s^{(D)}$, соответственно, объем выработки машин на i -й и s -й операциях после подключения дополнительных машин; Z_C – объем страхового запаса, $Z_C = Z_{TX} + Z_{TH}$.

Для того, чтобы оперативные запасы не превышали величины гарантийного уровня и не снижались ниже уровня страховых запасов, необходимо знать когда, на сколько и какое дополнительное техническое средство требуется подключать к основному комплекту машин (или на сколько необходимо увеличить число дней работы основного оборудования).

Для ответа на эти вопросы нами были получены математические модели для определения продол-

жительности времени работы дополнительного оборудования на отстающих операциях с учетом максимальной выработки комплекта машин в различных условиях их эксплуатации.

При ($Q_i < Q_s$):
для первого месяца

$$t_3^{(1)} = \frac{(T^{(1)} \cdot Q_i - Z_{\Gamma}) \cdot (Q_{\max} - Q_i)}{Q_i \cdot Q_{iD}}; \quad (9)$$

При ($Q_i > Q_s$):
для первого месяца

$$t_3^{(1)} = \frac{(T^{(1)} \cdot Q_{\max} - Z_{\Gamma}) \cdot (Q_{\max} - Q_s)}{Q_{\max} \cdot Q_{SD}}; \quad (10)$$

Полученные математические модели (7)-(8) и (9)-(10) позволяют определить объемы запасов и режимы работы комплекта машин с учетом их максимальной выработки (выработки равной ведущей машины) в конкретных производственных условиях для первого месяца (лесосека, как правило, разрабатывается от одного месяца до года). Аналогичные модели получены и для других месяцев. Второй и следующие месяцы отличаются тем, что запасы только пополняются и потребляются (включают время t_2 и t_3), а в последний - пополняются, потребляются и вырабатываются (включает время t_2 , t_3 и t_4 для выработки запаса).

Результаты исследований на математических моделях режимов работы лесосечных машин показали их достоверность. Практическое использование результатов моделирования позволило увеличить объем выработки комплектов машин до 40% и уменьшить число дней их работы на лесосеке до 30% (в зависимости от объема производства) за счет обеспечения межоперационных запасов на рассчитанном для конкретных условий уровне путем увеличения численности и (или) сменности работы машин. Кроме этого, дало возможность снизить удельные показатели эффективности (эксплуатационные затраты, металлоемкость, энергоемкость и др.), а также уменьшить техногенное воздействие машин на лесные экосистемы за счет снижения, например, объемов отравляющих веществ, выбрасываемых с отработавшими газами.

На лесосечных работах, как правило, применяются различные типы машин и условия их работы разнообразны. Для расчета режимов работы комплектов машин в конкретных природно-производственных условиях нами составлена аналоговая модель и разработана программа для персональных ЭВМ.

Список использованных источников

1. Алябьев, В.И. Оптимизация производственных процессов на лесозаготовках. – М.: Лесная промышленность, 1977. – 232 с.
2. Буслекко, В.Н. Автоматизация имитационного моделирования сложных систем / В.Н. Бусленко // Под ред. и с послесл. Н.П.Бусленко. - М.: Наука, 1977. - 239 с.
3. Дудюк, Д.Л. Определение оптимального межоперационного запаса сырья / Д.Л. Дудюк // Известия высших учебных заведений.-Лесной журнал.-1978.- №3. с. 131 - 134.
4. Заикин, А.Н. Моделирование режимов работы лесосечных машин / А.Н. Заикин // Известия высших учебных заведений.- Лесной журнал.-2009.-№1.-С 71-77.
5. Климушев, Н.К. Управление запасами лесоматериалов: монография.-М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2005.- 187с.
6. Лебедев, Ю.А. Исследование процесса перегрузки хлыстов на нижних складах леспромхозов / Ю.В. Лебедев. - Л.: Межвуз. сб. научн. тр. Лесосечные, лесоскладские работы и сухопутный транспорт леса.- 1976, вып. 5.
7. Никитин, В.А. Опыт работы по созданию запасов хлыстов на нижних складах лесозаготовительных предприятий Свердловского края / В.А. Никитин. - М.: Лесная промышленность, 1974. - 35 с.
8. Редькин, А.К. Математическое моделирование и оптимизация технологий лесозаготовок: учебник для вузов / А.К. Редькин, С.Б. Якимович.- М.: ГОУ ВПО МГУЛ, 2005.- 504с.

УДК 669.713.7

А.И. Жуков, М.Б. Аль-Згуль
Донской государственный технический университет
г. Ростов-на-Дону, Россия

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МЕТОДА БИГИБРИДИЗАЦИИ АЛГОРИТМОВ КЭШИРОВАНИЯ

В современных информационных системах кэширование является универсальным средством, позволяющим ускорить обработку и предоставление данных конечным пользователям системы. В статье рассматривается инновационная математическая модель универсального метода гибридизации двух алгоритмов кэширования.

В зависимости от области приложения параметры системы кэширования могут варьироваться, однако, общий подход заключается в комбинировании двух типов памяти: основной памяти и кэш-памяти. Данный принцип с методологической точки зрения означает наличие в информационной системе (ИС) относительно медленной и дешевой памяти (основная память), используемой для хранения данных ИС и относительно быстрой и дорогой памяти, которая может быть использована в качестве кэш-памяти. Кэш-память, таким образом, может быть применена для хранения и предоставления наиболее востребованной информации конечному пользователю.

В данном контексте, информация может быть рассмотрена как совокупность объектов ИС. Как правило, время, за которое объект предоставляется из кэш-памяти, на порядки быстрее аналогичного показателя для основной памяти ИС. Таким образом, имеет место задача эффективного использования ограниченных ресурсов доступной кэш-памяти. Под эффективностью работы кэш-системы обычно понимают вероятность нахождения запрошенного объекта информационной системы в кэш-памяти.

На текущий момент доказано, что оптимальная стратегия кэширования, т.е. совокупность определенных алгоритмически правил, на основании которых объекты размещаются в кэш-памяти, реализуема только в том случае, если существует возможность достоверного прогнозирования трассы запросов [3]. При моделировании кэш-систем под трассами запросов понимается упорядоченная последовательность объектов, запрашиваемых из ИС. Разумеется, в абсолютном большинстве практических приложений составление такого прогноза является невыполнимой задачей, поэтому применяются другие методы и стратегии при реализации алгоритмов кэширования.

В качестве алгоритма кэширования обычно выбираются алгоритмы, реализующие некоторую стратегию кэширования. Например, известный алгоритм кэширования (иначе говоря, алгоритм замещения) Least Recently Used в качестве определяющего параметра для своего функционирования рассматривает временную локальность данных [1]. Существуют и другие стратегии кэширования (иначе говоря, стратегии замещения объектов в кэше), однако, в силу практической непредсказуемости характера трассы запросов в любой следующий момент времени каждая из них может давать как хорошие, так и негативные результаты на разных участках трассы.

Одним из методов повышения эффективности кэш-систем, исследуемым в данной работе, является управляемая гибридизация двух алгоритмов кэширования. Рассмотрим инновационную математическую модель метода управляемой гибридизации двух алгоритмов кэширования, которая позволяет кэш-системе комбинировать стратегии каждого из гибридизируемых алгоритмов.

Математическая модель метода бигибридизации. Основываясь на работе Aho A.V. [2] опишем математическую модель гибридизации двух базовых алгоритмов кэширования – такую гибридизацию будем называть бигибридизацией.

Введем следующие понятия:

$$N = \{1, 2, \dots, n\}; \quad (1)$$

N – множество объектов системы.

$$M = \{1, 2, \dots, m\}; \quad (2)$$

M – множество адресов кэш-памяти.

$$\omega = (r_1, r_2, \dots, r_t, \dots, r_T); \quad (3)$$

где ω – поток запросов (трасса) на доступ к объектам,

$r_t \in N$ – объект, запрошенный от кэш-системы в момент времени t .

$$M_m = \{S \mid S \subseteq N \wedge |S| \leq m\}; \quad (4)$$

M_m – множество подмножеств множества объектов N , которые могут быть расположены в кэш-памяти M .

Алгоритм кэширования обеспечивает предельный максимальный уровень заполнения кэш-памяти посредством исключения из кэш-памяти объектов с минимальным рейтингом. Этот рейтинг может зависеть от различных факторов, например, от того, как давно было последнее обращение (алгоритм LRU) или от того, как часто в ближайшем прошлом (алгоритм LFU) был запрошен объект системы. Этот рейтинг может быть представлен явно – как некоторое числовое значение, либо неявно – в виде зависимости текущих параметров системы кэширования и основных характеристик объекта. Упорядоченную последовательность рейтингов, в совокупности с некоторой дополнительной информацией об объектах из кэша, будем называть состоянием управления.

Алгоритмом кэширования будем называть следующую упорядоченную тройку:

$$A = (Q, q_0, g), \quad (5)$$

где Q – множество состояний управления;

$q_0 \in Q$ – начальное проинициализированное состояние управления;

g – отображение перехода, обеспечивающее по состоянию кэш-памяти, состоянию управления и запрошенному объекту получение нового состояния кэш-памяти, содержащего запрошенный объект, и новое состояние управления.

Пусть кэш-система при решении задачи о выборе объекта для замещения его в кэше может использовать два базовых алгоритма кэширования A_1 и A_2 :

$$A_1 = (Q_1, q_{10}, g_1), \quad A_2 = (Q_2, q_{20}, g_2), \quad (6)$$

где Q_1, Q_2 – множества состояний управления алгоритмов A_1 и A_2 ;

q_{10}, q_{20} – начальные состояния управления алгоритмов A_1 и A_2 ;

g_1, g_2 – отображения перехода алгоритмов A_1 и A_2 , которые по состоянию кэш-памяти и соответствующим состояниям управления позволяют получить новое состояние кэш-памяти и новые состояния управления q_{11} и q_{21} соответственно для алгоритмов A_1 и A_2 .

Тогда, отображение перехода для алгоритма A_1 выглядит следующим образом:

$$g_1 : M_m \times Q_1 \times N \rightarrow M_m \times Q_1 \quad (7)$$

$$g_1(S, q_1, x) = \begin{cases} (S, q_{11}), & \text{если } x \in S; \\ (S \cup \{x\}, q_{11}), & \text{если } x \notin S \wedge |S| < m; \\ ((S \cup \{x\}) \setminus \{y\}, q_{11}), & \text{если } (x \notin S) \wedge (|S| = m) \wedge (y \in S) \wedge y = d_1(S, q_1). \end{cases} \quad (8)$$

$$d_1 : M_m \times Q_1 \rightarrow N; \quad (9)$$

Отображение перехода для алгоритма A_2 :

$$g_2 : M_m \times Q_2 \times N \rightarrow M_m \times Q_2 \quad (10)$$

$$g_2(S, q_2, x) = \begin{cases} (S, q_{21}), & \text{если } x \in S; \\ (S \cup \{x\}, q_{21}), & \text{если } x \notin S \wedge |S| < m; \\ ((S \cup \{x\}) \setminus \{y\}, q_{21}), & \text{если } (x \notin S) \wedge (|S| = m) \wedge (y \in S) \wedge y = d_2(S, q_2). \end{cases} \quad (11)$$

$$d_2 : M_m \times Q_2 \rightarrow N; \quad (12)$$

Бигибридным алгоритмом A базовых алгоритмов A_1 и A_2 будем называть упорядоченное множество:

$$A = (Q_1, Q_2, q_{10}, q_{20}, g) \quad (13)$$

где g – отображение перехода бигибридного алгоритма;

$$g : M_m \times Q_1 \times Q_2 \times N \rightarrow M_m \times Q_1 \times Q_2 \quad (14)$$

Полученное отображение перехода бигибридного алгоритма, таким образом, приводит к изменению множества состояний управления в обоих гибридируемых алгоритмах. При этом новое состояние кэш-памяти S_1 получается с использованием рассмотренного отображения перехода бигибридного алгоритма следующим образом:

$$(S_1, q_{11}, q_{12}) = g(S, q_1, q_2, x); \quad (15)$$

$$g(S, q_1, q_2, x) = \begin{cases} (S, q_{11}, q_{21}), & \text{если } x \in S; \\ (S \cup \{x\}, q_{11}, q_{21}), & \text{если } x \notin S \wedge |S| < m; \\ ((S \cup \{x\}) \setminus \{y\}, q_{11}, q_{21}), & \text{если } (x \notin S) \wedge (|S| = m) \wedge (y \in S) \wedge y = R(S, q_1, q_2). \end{cases} \quad (16)$$

где x – объект, запрошенный у кэш-системы в момент t ;

S – состояние кэш-памяти в момент t ;

q_1 – состояние управления алгоритма A_1 в момент t ;

q_2 – состояние управления алгоритма A_2 в момент t ;

q_{11} – состояние управления алгоритма A_1 в момент $t+1$;

q_{21} – состояние управления алгоритма A_2 в момент $t+1$;

R – отображение выбора исключаемого из кэш-памяти объекта:

$$R: M_m \times Q_1 \times Q_2 \rightarrow N \quad (17)$$

Данная математическая модель была использована для реализации гибридного алгоритма кэширования RRFU на базе алгоритмов LRU и LFU. Эффективность алгоритма RRFU подтверждается экспериментально, в том числе и в сравнении с другими известными методами гибридизации [1,4].

Основными направлениями развития данной математической модели являются: введение дополнительных параметров для управления процессом гибридизации, а также обобщение модели для нескольких алгоритмов.

Список использованных источников

1. Аль-Згуль Мосаб Басам. Гибридные алгоритмы в системах кэширования объектов. // Вестник ДГТУ, №4 2008.
2. Aho A.V., Denning P.J., and Ulman J.D., Principles of optimal page replacement, J. ACM, vol. 18, no.1, 1971.
3. Таненбаум Э. Современные Операционные Системы, 2-е изд. Питер-2002.
4. Жуков А.И., Гранков М.В. Применение меры махаланобиса в гибридных алгоритмах кэширования. // ММТТ-22, том 11.

УДК 621.787.4

Л.Р. Милованова, Я.И. Барац,

С.Я.Торманов, В.В.Богомазов

Энгельский технологический институт (филиал)

ГОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет»

г. Энгельс, Саратовская область, Россия

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕПЛОВЫХ ПРОЦЕССОВ МЕХАНИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ОТВЕРСТИЙ

В статье показана методика расчета теплового режима в теле с отверстием, возникшего в процессе механической обработки, которая заключается в условном расщеплении температурного поля на местное и общее.

При интенсивных режимах механической обработки в поверхностных слоях обрабатываемого материала возникает большой температурный градиент. Это вызывает неравномерные объемные изменения и появление внутренних термических напряжений. Таким образом, моделирование тепловых процессов обработки деталей машин позволяет решать задачи регулирования остаточных напряжений за счет управления механизмом их формирования, что значительно расширяет возможности технологического обеспечения необходимых эксплуатационных свойств поверхностей.

Рассмотрим теплофизическую задачу в следующей постановке. При обработке отверстия радиуса r_0 с окружной скоростью V и с силой в направлении окружной скорости P_V , тело будет нагреваться местным источником теплоты мощностью $Q_0 = P_V V$, перемещающимся вместе с инструментом со скоростью подачи S . В данном случае теплофизическая задача сводится к расчету температурного поля в детали, нагреваемой местным движущимся источником, перемещающимся вместе с очагом деформации по винтовой линии на поверхности отверстия. В соответствии с принципом местного влияния [1] допустимо рассматривать температурное поле в детали как сумму двух полей: общего поля вдали от источника и местного поля непосредственно в пространстве источника. При этом, определяя общее поле, можно всемерно схематизировать источник теплоты, учитывая в то же время более точно условия теплоотвода. При расче-

те же местного поля условия теплоотвода могут быть схематизированы, в то время как распределения интенсивности местного источника должны быть наиболее полно учтены.

Исследование местного поля

При расчете местного температурного поля в детали, можно допустить следующую схематизацию. Обрабатываемую деталь условно представить неограниченным телом с цилиндрическим отверстием радиуса r_0 , на поверхности которого действует мгновенный кольцевой источник с распределением интенсивности в направлении радиуса r и координаты z по нормальному закону Гаусса [2]:

$$q(r', z') = q_0 \exp\left[-k \frac{(r_0 - r')^2 + (z')^2}{R^2}\right]. \tag{1}$$

Интенсивность тепловыделения в центре такого источника определяется выражением

$$q_0 = \frac{kP_V V \tau}{\pi^2 r_0 R^2}.$$

Известно, что для расчета температурного поля в неограниченном теле с мгновенным источником мощностью q Дж/м в виде окружности радиусом r' , действующего в плоскости $z'=0$ в момент времени $t=0$ используется соотношение [3]:

$$\theta(r, z, t) = \frac{Q}{8c\rho(\pi at)^{\frac{3}{2}}} \exp\left[-\frac{r^2 + (r')^2 + (z - z')^2}{4at}\right] I_0\left(\frac{rr'}{2at}\right) \tag{2}$$

где $Q = 2\pi r' q$;

$I_0\left(\frac{rr'}{2at}\right)$ - функция Бесселя нулевого порядка от мнимого аргумента;

$c\rho$ - объемная теплоемкость;

a - коэффициент температуропроводности.

После преобразований в соответствии с принципом пространственно-временного соответствия [3], получим выражение, описывающее тепловой режим в неограниченном теле с отверстием радиуса r_0 с объемным нормально-тороидальным источником в положении $r' = r_0, z' = 0$:

$$\theta(r, z, t) = \frac{Q}{8\lambda\pi^2 \sqrt{rr_0} \left(t + \frac{R^2}{4ak}\right)} \exp\left[-\frac{(r - r_0)^2 + z^2}{4a\left(t + \frac{R^2}{4ak}\right)}\right] \tag{3}$$

Аккумуляция теплоты в теле при обработке отверстий

В соответствии с принципом местного влияния [1] допустимо принять, что каждый отдельно взятый виток источника, предшествующий последнему, определяющему местное поле, – это мгновенный тепловой импульс, предельно сосредоточенный по направлениям радиуса и образующей. Основываясь на этом, можно процесс аккумуляции теплоты в теле представить следующей схемой.

Предположим, что теплоисточник J_0 , определяющий местное поле в области около диаметрального сечения $z=0$, возникает в момент времени $t=0$. Следовательно, предыдущий виток источника при угловой скорости ω и величине подачи S за один виток источника (J_1) завершился раньше в момент времени $t_1 = 2\pi / \omega$ на расстоянии $z_1 = S$ от источника J_0 . Еще раньше в момент времени $t_2 = 2t_1$ и на расстоянии $z_2 = 2z_1$ действовал кольцевой источник J_2 , и так далее вплоть до первого мгновенного кольцевого импульса J_m , возникшего в момент времени $t_m = 2\pi m / \omega$ в положении $z_m = mS$. В соответствии с принятой схемой, накапливание теплоты в детали может быть представлено как повышение температуры местного поля каждым мгновенно-кольцевым источником.

Поскольку повышение температуры местного поля от каждого источника определяется за достаточно короткий промежуток времени, то для расчета температуры общего поля можно использовать соотношение (3), положив $r = r_0, t_i = 2\pi m / \omega$ и $z_i = mS$, получим выражение

$$\theta_0 = \frac{Q}{16\pi^3 \lambda r_0} \sum_{i=1}^m \frac{1}{m_i} \exp \left[-\frac{\omega S^2}{8\pi a} \cdot m_i \right]. \quad (4)$$

Влияние стока теплоты, который учитывается при изображении процесса в неограниченном теле [3], можно также учесть с использованием соотношения (2). В этом случае следует в этом соотношении положить $r' = 0, r = r_0, z = z_i, t = t_i, I_0(0) = 1$. В результате получим, что снижение температуры местного поля за m витков источника теплоты определяется соотношением

$$\theta_C = \frac{-Q_C}{8c\rho(\pi a)^{3/2}} \sum_{i=1}^m \frac{1}{t_i^{3/2}} \exp \left[-\frac{r_0^2 + z_i^2}{4at_i} \right]. \quad (5)$$

Таким образом, для тела ограниченного изнутри отверстием, местное поле в области действия нормально-тороидального источника рассчитывается по формуле (3); повышение температуры местного поля за счет аккумуляции теплоты определяется соотношением для общего температурного поля (4) и снижение температуры местного поля, вызванное стоком теплоты для каждого из m_i кольцевых источников рассчитывается по формуле (5).

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 10-08-00669-а.

Список использованных источников

1. Рыкалин Н.Н. Теория нагрева металла местными источниками теплоты // Тепловые явления при обработке металлов резанием: Сб. науч. тр. - М.: НТО Машпром, 1959.-С.14-45.
2. Резников А.Н. Тепловые процессы в технологических системах / А.Н.Резников, Л.А.Резников.- М.: Машиностроение, 1990.- 288 с.
3. Барац Я.И., Маслякова И.А., Барац Ф.Я. Математические модели технологической теплофизики и физических процессов.- Саратов: Сарат. гос. техн. ун-т, 2002.-89 с.

УДК 621.002:661.666

**В.А. Скачков, В.И. Иванов,
В.П. Грицай, С.В. Болюк**

*Запорожская государственная инженерная академия
г. Запорожье, Украина*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА УПЛОТНЕНИЯ УГЛЕРОД-УГЛЕРОДНЫХ КОМПОЗИТОВ ПИРОУГЛЕРОДОМ В ПЛОСКОМ РЕАКТОРЕ

Предложена модель процесса уплотнения пористой структуры углерод-углеродных композитов в рабочем объеме плоского реактора, учитывающая распределение концентрации реакционного газа (пропана) по длине реактора, его доставку к нагретым поверхностям и последующую диффузию в пористую структуру уплотняемых композитов.

Расширение области применения углерод-углеродных композитов в значительной степени определяется снижением их себестоимости, и в первую очередь, энергозатрат на их производство. Так, снижение уровня температуры уплотнения пористой структуры данных композитов до 600...700 °С при использовании сжиженных газов позволяет найти подход к проблеме энергосбережения [1].

В работах [2-4] рассмотрены вопросы уплотнения пористой структуры углерод-углеродных композитов, однако не учтена реальная структура пор данных композитов и не выполнена оценка ее влияния на процесс уплотнения.

Задачей настоящих исследований является разработка методики расчета процесса уплотнения пористых углерод-углеродных композитов в условиях пиролиза пропана с учетом его диффузии в реальную пористую структуру при изотермическом нагреве.

Известно, что реальная пористая структура данных композитов представляется порограммой с распределением эффективного радиуса пор в пределах от нескольких нанометров до нескольких сотен микрометров. Для более точного расчета процессов уплотнения реальных конструкций из углерод-углеродных композитов в расчетные модели необходимо вводить реальную структуру пористого объема указанных материалов.

Дифференциальное уравнение диффузии реакционного газа в модельной поре с эффективным радиусом r при его разложении на поверхности поры имеет вид [3]:

$$\frac{d^2C}{d\ell^2} = \frac{2k}{r \cdot D} \cdot C, \quad (1)$$

где C – концентрация реакционного газа; ℓ – координата по длине поры; k – константа скорости разложения реакционного газа на нагретой поверхности; D – коэффициент диффузии в поре.

Уравнение (1) дополняется граничными условиями

$$C|_{\ell=0} = C_0^{\Pi}; \quad \left. \frac{dC}{d\ell} \right|_{\ell=h} = 0, \quad (2)$$

где C_0^{Π} – концентрация реакционного газа у входа в пору; h – половина толщины ($2h$) стенки углерод-углеродного композита.

Решение уравнения (1) с учетом условий (2) можно записать как

$$C(\ell) = C_0^{\Pi} \cdot \left[\frac{\exp(z \cdot \ell)}{1 + \exp(2z \cdot h)} + \frac{\exp(-z \cdot \ell)}{1 + \exp(-2z \cdot h)} \right], \quad (3)$$

где z – корень характеристического уравнения, $z = (2k / r \cdot D)^{0.5}$.

В объеме реактора реализуются два диффузионных потока реакционного газа: один поток направлен от центра реактора на беспористую поверхность его стенки, второй – на пористую поверхность углерод-углеродного композита.

Поток на беспористую поверхность стенки реактора можно определить методом равнодоступных поверхностей Франк-Каменецкого [5]. В этом случае концентрацию реакционного газа на поверхности реактора C_0^P рассчитывают с использованием выражения $C_0^P = \frac{\beta \cdot C}{\beta + k}$, где C – концентрация реакционного газа в ядре реактора; β – константа скорости диффузии.

На поверхности углерод-углеродного композита реакционный газ разлагается на пористых участках и диффундирует в поры с осаждением пироуглерода на их поверхности.

С учетом изложенного концентрацию реакционного газа на пористой поверхности углерод-углеродного композита C_0^{Π} определяют по формуле

$$C_0^{\Pi} = \frac{\beta \cdot C}{\left[\beta + k \cdot (1 - q_n) + q_n \cdot \pi \cdot \sum_{i=1}^N \Omega_i \right]}, \quad (4)$$

где q_n – пористость поверхности углерод-углеродного композита;

$\Omega_i = r_i^2 \cdot D_i \cdot z_i \cdot p_i \cdot \left[\frac{\exp(-2z_i \cdot h) - \exp(2z_i \cdot h)}{2 + \exp(2z_i \cdot h) + \exp(-2z_i \cdot h)} \right]$; r_i , p_i – средний эффективный радиус и относительная доля i -той характерной группы пористой структуры композита соответственно; N – число характерных групп пор ($N = 4$).

Рассматривают плоский реактор шириной b_p и длиной L . В центре, между боковыми стенками реактора, располагают плоскую пластину углерод-углеродного композита шириной b_n и толщиной $2h$. Реакционный газ (пропан) равномерно обтекает данную пластину с обеих сторон и диффундирует на поверхности стенок реактора и пластины. Стенки реактора и пластина нагреты до постоянной температуры, при которой пропан разлагается на нагретых поверхностях с отложением твердого осадка (пироуглерода) в соответствии с уравнением

Константа скорости гетерогенного разложения пропана k на нагретых поверхностях определена в работе [1].

Дифференциальное уравнение переноса пропана по длине плоского реактора с учетом его разложения можно записать

$$\frac{d(C \cdot U)}{dx} = -k \cdot \beta \cdot C \cdot \left[\frac{b_p}{\beta + k} + \frac{b_n}{\beta + k \cdot (1 - q_n) + q_n \cdot \pi \cdot \sum_{i=1}^N \Omega_i} \right], \quad (6)$$

где U – скорость тока пропана по длине реактора; x – координата, направленная по длине реактора от входа пропана в реактор.

Из уравнения (5) следует:

$$C_{C_3H_8} = C_{ex}^{C_3H_8} \cdot (1 - \alpha); \quad C_{H_2} = C_{ex}^{C_3H_8} \cdot 4\alpha; \quad U = U_{ex} \cdot (1 + 3\alpha), \quad (7)$$

где $C_{вх}^{C_3H_8}$ – концентрация пропана на входе в реактор; U – скорость подачи реакционного газа в реактор; α – удельная степень разложения пропана по длине реактора.

С учетом соотношений (7) уравнение (6) имеет вид:

$$\frac{2(1 - 3\alpha)}{1 - \alpha} \cdot \frac{d\alpha}{dx} + \gamma = 0, \quad (8)$$

$$\text{где } \gamma = \frac{k \cdot \beta}{U_{ex}} \cdot \left[\frac{b_p}{\beta + k} + \frac{b_n}{\beta + k \cdot (1 - q_n) + q_n \cdot \pi \cdot \sum_{i=1}^N \Omega_i} \right].$$

Уравнение (8) задает степень разложения пропана по длине реактора, которая учитывает процессы осаждения пироуглерода на стенках реактора и в пористой структуре пластины композита.

Разделяя переменные в уравнении (8) и интегрируя его левую часть от 0 до α , а правую часть – от 0 до x с учетом малой величины удельной степени разложения пропана, будем иметь

$$\alpha(x) = 0,25 \left[(1 + 8\gamma \cdot x)^{0,5} - 1 \right]. \quad (9)$$

Для нахождения константы скорости диффузии β опытным путем определяют скорость выхода реакционных газов $U_{вых}$ и вычисляют предельную степень разложения пропана на выходе из реактора

$$\alpha(L) = \frac{1}{3} \cdot \left(\frac{U_{ex}}{U_{вых}} - 1 \right). \quad (10)$$

Подставляя соотношение (10) в уравнение (9) для $x = L$, получают выражение для определения константы скорости диффузии пропана от ядра реактора к поверхности разложения

$$\beta = Q + (Q^2 - G)^{0,5}, \quad (15)$$

где $Q = F \cdot (b_p - V) + k \cdot (b_n - V)$; $F = k \cdot (1 - q_n) + q_n \cdot \pi \cdot \sum_{i=1}^N \Omega_i$;

$$G = \frac{V \cdot k \cdot F}{V - b_p - b_n}; \quad V = \frac{U_{ex} \left[(4\alpha + 1)^2 - 1 \right]}{8k \cdot L}.$$

Определение константы скорости диффузии β и константы скорости разложения газа на нагретой поверхности k позволяет рассчитывать основные технологические параметры уплотнения пористой структуры углерод-углеродных композитов плоского типа.

Список использованных источников

1. Скачков В. А., Шаповалов Р. А., Иванов В. И. Определение кинетических параметров процесса осаждения пиролитического углерода // *Металлургия (Научные труды ЗГИА)*. – Запорожье: ЗГИА, 2000. – Вып. 3. – С. 52-55.
2. Колесников С. А., Костиков В. И., Васильева А. М. Уплотнение углеродных заготовок путем пиролиза газа в промышленных печах // *Химия твердого топлива*. – 1991. – №. 6. – С. 114-122.
3. Скачков В. А., Карпенко В. Д., Иванов В. И. Математические модели процессов температурной обработки и уплотнения в производстве углеродных композиционных материалов // *Вопросы атомной науки и техники*. – Харьков: ННЦ ХФТИ, 1999. – Вып. 4 (76). – С. 3-12.
4. Гурин В. А., Гурин И. В., Фурсов С. Г. Исследование газофазного уплотнения пироуглеродом пористых сред методом радиально движущейся зоны пиролиза // *Вопросы атомной науки и техники*. – Харьков: ННЦ ХФТИ, 1999. – Вып. 4 (76). – С. 32-45.
5. Франк-Каменецкий, Д. А. Диффузия и теплопередача в химической кинетике / Д. А. Франк-Каменецкий. – М.: Наука, 1967. – 491 с.

УДК 66.048:338.31

З.Ф. Мингалимов, З.М. Исакова*Уфимский государственный нефтяной технический университет
г. Уфа, Россия***АЛГОРИТМ ПОИСКА ОПТИМАЛЬНЫХ СХЕМ ТЕПЛООБМЕНА**

Разработанный двухуровневый алгоритм поиска оптимальных схем теплообмена позволит сократить капитальные и эксплуатационные затраты за счет увеличения степени рекуперации тепла от получаемых продуктов в технологическом процессе и подбора оптимального типа конструкций теплообменного оборудования.

Один из наиболее значимых ресурсов достижения высоких технико-экономических показателей в химической технологии – выбор оптимальных схем теплообмена. Исходную задачу оптимизации системы теплообмена можно решить с использованием декомпозиционно-термодинамического метода, состоящего из двух стадий: 1) перебор ограниченного множества рациональных вариантов системы теплообмена и выбор из них наиболее оптимального по максимальному значению обобщенной термодинамической характеристики; 2) оптимальный выбор типа конструкций теплообменного оборудования по каталогам их заводов-изготовителей по критерию эффективности приведенных затрат. Разработан двухуровневый алгоритм синтеза оптимальных систем теплообмена и подбора оптимального типа конструкции теплообменного оборудования по каталогам их заводов-изготовителей. При известных значениях из первой стадии тепловой нагрузки и средней разности температур в каждом узле теплообменной системы определяются конструкционные размеры теплообменного оборудования по минимальным приведенным затратам. Именно правильная организация гидродинамики в теплообменном оборудовании приводит к снижению требуемой поверхности теплообмена.

УДК 621.981

М.В. Илюшкин, А.С. Баранов*ОАО “Ульяновский НИИТ”
г. Ульяновск, Россия***АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ ЛАГРАНЖЕВОГО И ЭЙЛЕРОВОГО ПОДХОДОВ
ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ
ПРОЦЕССОВ ОМД И ФОРМОВКИ ГНУТЫХ ПРОФИЛЕЙ**

В статье рассматриваются лагранжевый и эйлеровый подходы применительно к процессам обработки давлением. Приводятся рекомендации по выбору математических методов при изготовлении гнутых профилей.

При математическом моделировании различных процессов динамики наибольшее применение нашли лагранжевый, эйлеровый и лагранжево-эйлеровый подходы.

При использовании лагранжевого подхода происходит прослеживание движения каждой материальной частицы и происходящее при этом изменение параметров, характеризующих состояние данных частиц [1]. При этом система координат вписывается в исследуемую конфигурацию и жестко связывается со средой, а течение среды рассматривается по отношению к этой системе координат, что дает возможность наблюдать за фиксированными элементами [2]. При этом положение каждой частицы в произвольный момент времени определяется радиусом-вектором:

$$r = r(\xi^j, t) \text{ или } y^i = y^i(\xi^j, t), \quad i = \overline{1,3}$$

который характеризует непрерывную векторную функцию и представляет закон движения сплошной среды.

Лагранжевый подход хорошо подходит для задач с умеренно большими деформациями, где искажение сетки и деформирование элементов является незначительными. Преимущества лагранжевого подхода в том, что материал деформируется вместе с сеткой. Основным недостатком при использовании в задачах со значительными деформациями элементов, например, в некоторых задачах обработки металлов давлением сетка становится очень искаженной и не дает точных результатов.

При использовании эйлерового подхода осуществляется наблюдение за параметрами, характеризующими состояние частиц, которые проходят точки пространства неподвижного наблюдателя. При этом система координат или разностная сетка фиксирована в пространстве, среда проходит через сетку и пред-

ставляется непрерывным методом, поэтому отсутствуют ошибки, связанные с искажением сетки, характерные для лагранжевого подхода.

Движение при этом считается заданным, если скорость v , температура и другие параметры известны как функции переменных Эйлера. Например:

$$v = v(y^i, t)$$

Эйлеровый подход хорошо подходит для задач с большими деформациями. Основной недостаток эйлерового подхода заключается в повышенных требованиях к быстродействию компьютера (примерно на порядок).

В процессах обработки металлов давлением, где предполагается возникновение малых и средних деформаций и незначительное искажение сетки, например, гибки, штамповки, изготовление гнутых профилей в роликах, рекомендуется использование лагранжевого подхода. А в процессах ОМД, где предполагается возникновение значительных деформаций и течения материала, например, высадки, штамповки в закрытых калибрах,ковки и др., рекомендуется использование эйлерового подхода.

Список использованных источников

1. А.А. Поздеев, П.В. Трусов, Ю.И. Нишин. Большие упругопластические деформации: теория, алгоритмы, приложения. – М.: Наука, 1986.
2. Численные методы в задачах физики быстропротекающих процессов. Учебник для вузов / А.В. Бабкин, В.И. Колпаков, В.Н. Охитин, В.В. Селиванов. – 2-е изд., испр. – М.: МГТУ, 2006. – 520 с.

УДК 669.713.7

И.Н. Павлишина, И.И. Насыров

*Бугульминский филиал Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева
«Национальный исследовательский университет наукоёмкого машиностроения»
г. Бугульма, Россия*

ФРАКТАЛЬНЫЙ РЕДАКТОР

Фрактальная геометрия. Итеративный метод построения алгебраических фракталов. Представление алгебраических и геометрических фракталов на плоскости и в пространстве. Реализация алгоритмов построения фракталов на языке высокого уровня с использованием библиотеки комплексных чисел.

Геометрию часто называют «холодной» и «сухой». Одна из причин – ее неспособность описать форму облака, горы, дерева или береговой линии. Облака не являются сферами, горы – конусами, береговые линии нельзя изобразить с помощью окружностей, кору деревьев не назовешь гладкой, а путь молнии – прямолинейным.

Новая фрактальная геометрия способна описать многие из неправильных и фрагментированных форм в окружающем нас мире, определив семейство фигур, которые называются фракталами [5, с. 13].

Фракталы – это язык геометрии. Однако их главные элементы недоступны непосредственному наблюдению – фракталы выражаются не в первичных геометрических формах, а в алгоритмах, наборах математических процедур, которые в свою очередь трансформируются в изображение или картину с помощью компьютера.

Проблемы научно-исследовательской работы:

- 1) создание универсальных и простых алгоритмов построения математически точных фрактальных изображений;
- 2) разработка программного продукта, реализующего эти алгоритмы;
- 3) оптимизация одного из известных фрактальных алгоритмов.

Объект исследования: алгебраические и геометрические фракталы.

Алгебраические фракталы описываются посредством одной математической формулы, где в качестве аргументов выступают комплексные числа.

Таким фракталом является фрактал (множество) Мандельброта, формула которого имеет вид:

$$z_{n+1} = z_n^2 + c,$$

где z , c – комплексные числа (число c соответствует каждой точке комплексной плоскости). Для получения большего количества вариаций данного фрактала в редакторе было решено изменить формулу следующим образом:

$$z_{n+1} = z_n^b + c,$$

где b – комплексное число, и как дополнительная опция – параметр z_0 .

Для получения фрактального изображения мы применили итеративный метод построения рисунка, который заключается в вычислении матрицы M размером $W \times H$ (W и H соответственно длина и высота изображения), каждый элемент которой есть итерация, соответствующая определенной точке комплексной плоскости.

Нас интересует не вся комплексная плоскость, а лишь некоторая окрестность радиусом r , поэтому если $|z_n| \leq r$, то текущий элемент $M_{i,j}$ увеличивается на 1, где $i \in (1..W), j \in (1..H)$. В случае если $|z_n| > r$, дальнейший подсчет итераций можно прекратить. Для построения изображения на компьютере данным методом, необходимо ввести дополнительное условие $n \leq n_{max}$ (где n_{max} – целое неотрицательное число) т.к. без него расчет $M_{i,j}$ будет происходить бесконечно долго. Чем больше n_{max} , тем точнее получится изображение, но также возрастет время построения фрактала.

После того, как массив M сформирован, он может быть использован для окрашивающих алгоритмов. Мы применили «сглаживающий» (smooth-shading) алгоритм, заключающийся в вычислении матрицы K размером $W \times H$, где

$$K_{i,j} = M_{i,j} - \frac{\lg(\lg(\sqrt{|z_{M_{i,j}}|}))}{\lg(\Re(b))}, i \in (1..W), j \in (1..H).$$

Матрица K – это конечное фрактальное изображение, которое выводится по определенной цветовой модели (например RGB).

При постоянном увеличении конечной фигуры наблюдается самоподобие фрактальной структуры, которое выражается в повторении предшествующей фигуры.

Фрактал Жюлиа является производным от фрактала Мандельброта и отличается лишь параметром c , которому соответствует одна определенная точка комплексной плоскости (т.е. константа), поэтому принцип построения и окрашивающий алгоритм тот же, что и у фрактала Мандельброта.

В совокупности изменение тех или иных параметров формулы может привести к совершенно непредсказуемым результатам. Разнообразие фигур, которые можно получить с помощью одной лишь формулы просто поражает: каждая новая фигура порой завораживает сложностью своей формы и может быть совсем неотличима одна от другой.

На сегодняшний день существует огромное количество окрашивающих алгоритмов, но наиболее интересным для нас оказался алгоритм «Будды». Он был открыт Мелиндой Грин в 1993 году и является одним из самых красивых окрашивающих алгоритмов для фракталов, но требователен к ресурсам компьютера. Мы рассмотрим этот алгоритм только для фрактала Мандельброта.

Алгоритм «Будды» заключается в расчете цвета для какой-либо точки комплексной плоскости, не принадлежащей какому-либо множеству (фракталу), а это значит, что матрица итераций M будет формироваться точно так же, как и для «сглаживающего» алгоритма. После того, как матрица M сформирована, для каждого элемента $M_{i,j}$, рассчитываются R (красный), G (зеленый), B (синий) значения цвета, каждый из которых дополнительно рассчитывается по другой матрице итераций K , каждый элемент которой рассчитывается исходя из $R_{max}, G_{max}, B_{max}$ заданных заранее ($R_{max}, G_{max}, B_{max}$ – целые неотрицательные числа). Это значит, что для построения фрактала с таким алгоритмом потребуется в n_{max} раз больше вычислений, чем для фрактала Мандельброта со «сглаживающим» алгоритмом при n_{max} итерациях! Поэтому главной нашей задачей стала оптимизация данного алгоритма для конкретного случая, т.е. для фрактала Мандельброта.

Фрактал Мандельброта представляет собой фигуру состоящую из множества окружностей и кардиоиды, лежащих в пределах примерно (-2.015, 0.465) по оси O_x и (-1.13, 1.13) по оси O_y , а т.к. алгоритм «Будды» применяется для точек комплексной плоскости не принадлежащих множеству Мандельброта, то «выбив» эти окружности и кардиоиду мы можем добиться существенного повышения скорости построения фрактала, что и было реализовано во фрактальном редакторе.

Оптимизировав данный алгоритм, мы получили следующие результаты (процессор Intel Core 2 Duo T5500, 2×1.83 ГГц):

Количество итераций R, G, B цветов			Время построения в секундах (приблизленно)	
R_{max}	G_{max}	B_{max}	с оптимизацией	без оптимизации
6	5	1	15	16
30	25	5	19	21
300	250	50	29	53
450	375	75	31	64
500	500	500	32	68
900	750	150	37	97

Таким образом, мы добились существенного прироста в скорости построения данного фрактала, оптимизировав его для конкретного множества.

Геометрические фракталы строятся посредством словесного алгоритма. Существует огромное количество разновидностей геометрических фракталов (кривая Коха, дерево Пифагора и др.). Мы реализовали алгоритмы построения двух геометрических фракталов: ковра Серпинского и его трехмерного аналога – губки Менгера. Эти фракталы интересны тем, что при относительно простом алгоритме построения могут получаться не менее красочные фрактальные изображения.

Фракталы могут найти применение не только при создании красочных рисунков, но и в различных областях науки и техники. Сжатие информации, моделирование нейронных сетей, генерация деревьев, массивов гор, случайных процессов, цепных реакций и др. и это далеко не все. Алгоритм «Будды» например, применяется Международной Космической организацией NASA для «окрашивания» черно-белых снимков, полученных телескопом Хаббла.

Созданный нами фрактальный редактор – это все лишь первый шаг в необъятный и бесконечный мир фрактальной геометрии. Мы осознаем, что не все поставленные проблемы и задачи в нашем исследовании разрешены в равной степени глубоко и основательно. Результаты проделанной работы показали необходимость продолжения дальнейших исследований в области фрактальной геометрии и подтолкнули нас к поиску иных, более эффективных алгоритмов построения фрактальных множеств.

Список использованных источников

1. Дж. Рост Рэнди. OpenGL. Трехмерная графика и язык программирования шейдеров. Для профессионалов. – Питер, 2005 г., – 432с.
2. Евченко А. И. OpenGL и DirectX. Программирование графики. – Питер, 2006 г., – 352с.
3. Липчак Бенджамин. OpenGL. Суперкнига. – Вильямс, 2006 г., – 1040с.
4. Макконнелл Стив. Профессиональная разработка программного обеспечения. – Символ-Плюс, 2007 г., – 240с.
5. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. – Москва: Институт компьютерных исследований, 2002 – 656с.
6. Херн Дональд, Бейкер Паулин. Компьютерная графика и стандарт OpenGL. – Вильямс, 2005 г., – 1168с.
7. Хилл Френсис. OpenGL. Программирование компьютерной графики. Для профессионалов. – Питер. – 1088с.

УДК 658.5

Н.С. Мокеева, В.А. Заев, Ю.В. Юрина

*Новосибирский технологический институт
Московского государственного университета дизайна и технологии
г. Новосибирск, Россия*

УНИФИКАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ШВЕЙНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Унификация в швейной промышленности позволяет искусственно повысить серийность выпускаемых изделий и мобильность производственного процесса. Технологическая унификация приводит к сокращению затрат на освоение новых узлов, снижению себестоимости выпускаемой продукции, а следовательно, и к улучшению экономического положения предприятия. В статье сформулированы рекомендации, позволяющие проводить унификацию любых технологических процессов в швейной промышленности.

Современное общество, определяющими признаками которого являются информатизация бизнеса и сегментация мирового рынка, насыщение (и перенасыщение) материальными благами в процветающих странах, переходит от экономики серийного и массового производства к экономике индивидуальных услуг, ориентированной на клиента. Традиционная цель предприятия произвести как можно больше продукции заменяется более сложной – обеспечить удовлетворение желаний заказчика за счет своевременного изготовления и поставки нужных товаров [1].

Условия современного рынка диктуют следующие основные тенденции: высокий уровень конкуренции, разнообразие моделей и выпуск одежды на небольших производственных линиях. Основной путь совместной реализации данных тенденций – проектирование гибкого, более мобильного производства. В свою очередь мобильность во многом зависит от величины временных потерь, минимизировать которые возможно за счет искусственного повышения серийности выпуска. Проведение унификации с целью со-

кращения номенклатуры деталей и узлов швейных изделий позволит существенно сократить потери времени на освоение новых моделей, переналадку оборудования и т.д. При этом необходимо правильно определить оптимальную область унификации технологических процессов в швейной промышленности.

При определении оптимальной области унификации по сочетаниям различных параметров требуется решить ряд задач:

- установить основные параметры, по которым будет проводиться унификация;
- провести объективный анализ данных о фактической применяемости узлов по выбранным параметрам;
- определить целесообразные для унификации диапазоны значений отдельных параметров;
- выявить рекомендуемую область унификации по сочетаниям основных параметров.

Оценка применяемости узлов по какому-либо параметру производится по выборочным данным. Все множество n выборочных значений случайной величины носит название объема выборки n из некоторой генеральной совокупности. Под генеральной совокупностью в данном случае понимается все множество проектируемых разновидностей технологических узлов. Если оценка применяемости производится по одному наименованию технологического узла, то элемент выборки может быть определен как одномерный, если по нескольким разновидностям технологических узлов, то как многомерный [2].

О применяемости методов обработки в отношении некоторого параметра можно судить по проценту изделий, заключающемуся в интервале между двумя пределами, которые представляют собой пределы изменчивости. При незначительном сокращении охвата объема потребности можно существенно сократить диапазон значений параметра технологического узла. Поскольку изучаемая случайная величина нормально распределена, то по полученным выборочным характеристикам m и σ можно найти пределы $u_1 = m - k\sigma$, $u_2 = m + k\sigma$. Таким образом, с вероятностью γ можно гарантировать попадание в них доли совокупности не менее заданного предела P . Однако прежде, чем принимать окончательное решение, необходимо проанализировать данные применяемости по сочетанию схожих параметров различных методов обработки.

Применяемость методов обработки по сочетанию двух наименований описывается плотностью совместного распределения $f(x, y)$. Функция двумерного распределения непрерывных случайных величин X и Y определяется как

$$P(X \leq x_1 \text{ и } Y \leq y_1) = \int_{-\infty}^{x_1} \int_{-\infty}^{y_1} f(x, y) dx dy. \quad (1)$$

Таким образом, область применяемости представляет собой эллипс, уравнение которого

$$\left(\frac{x - m_x}{\sigma_x} \right)^2 - 2\rho \left(\frac{x - m_x}{\sigma_x} \right) \left(\frac{y - m_y}{\sigma_y} \right) + \left(\frac{y - m_y}{\sigma_y} \right)^2 = \lambda^2, \quad (2)$$

где m_x – математическое ожидание случайной величины X – применяемости технологического узла по выбранному параметру; σ_x – среднеквадратическое отклонение случайной величины X ; m_y – математическое ожидание случайной величины Y – применяемости технологического узла по параметру; σ_y – среднеквадратическое отклонение случайной величины Y ; ρ – коэффициент корреляции случайных величин.

Более сложные многомерные задачи решаются путем последовательного решения двумерных, исходя из наличия функциональной зависимости между параметрами. Таким образом, анализ применяемости технологических узлов с помощью одно- и двумерных распределений дает достаточно четкое представление об области наибольшей насыщенности методов обработки швейных изделий по всем параметрам и их сочетаниям.

Следующим этапом процесса унификации технологических процессов в швейной промышленности является разработка методики построения оптимальных параметрических рядов. Под оптимальным рядом следует понимать параметрический ряд, удовлетворяющий потребительскую потребность с минимальными затратами производителя.

При создании швейных изделий для решения той или иной технологической задачи могут быть использованы одинаковые по функциональному назначению, но различные по своим техническим характеристикам и параметрам технологические процессы. Вместе с тем остается невыясненным, сколько типоразмеров узлов необходимо иметь для того, чтобы удовлетворить потребности потребителя и производителя одновременно.

В целях увеличения серийности производства, сокращения затрат на освоение новых узлов, снижения себестоимости выпускаемой продукции, а следовательно, улучшения экономического положения предприятия, изготовители заинтересованы в уменьшении количества типоразмеров в ряду. С точки зрения потребителей выгодно иметь достаточно широкое разнообразие типоразмеров узлов. Таким образом, задача построения оптимального параметрического ряда достаточно сложна и требует разработки особых методов ее решения. Итак, для установления оптимального параметрического ряда должна быть проведе-

на предварительная аналитическая работа по выявлению основных закономерностей и комплексных связей при производстве швейных изделий, а именно:

- определение применимости узлов и их фактических параметров;
- определение зависимости стоимости узлов от параметров;
- определение зависимости стоимости узлов от объема выпуска [3].

Наличие исходных данных позволяет создать единственный и оптимальный ряд параметров технологических процессов в швейной промышленности. Пользуясь в качестве основного критерия минимумом величины установленных затрат, можно определить оптимальную густоту ряда. Поскольку процесс оптимизации ряда заключается в перераспределении параметров узлов и количеств их выпуска с целью отыскания минимума затрат, формула должна иметь вид:

$$P=f(n, P_i, N_i, Q_i), \quad (3)$$

где P – суммарные затраты при изготовлении узлов; n – число членов ряда; P_i – величина параметра i -го члена ряда ($i=1, 2, \dots, n$); N_i – объем выпуска i -го члена ряда; Q_i – затраты на один типоразмер узла при проектировании и подготовке производства.

Определение зависимости затрат при производстве узлов от их параметров и объема выпуска производится на основе статистических данных швейных предприятий. При таком способе оценки зависимостей автоматически учитываются сложившиеся факторы производства, в чем и заключается его преимущество перед теоретическими оценками влияния всего многообразия переменных факторов. Сбор статистических данных по условиям применения узлов проводится с целью выявления потребности промышленности в узлах с определенными характеристиками и параметрами.

Общий характер выше изложенных рекомендаций позволяет проводить унификацию любых технологических процессов в швейной промышленности.

Список использованных источников

1. Мокеева Н. С. Системное проектирование гибких потоков в швейной промышленности [Текст]. – М.: ИИЦ МГУДТ, 2003. – 240 с.
2. Халафян А. А. Статистический анализ данных [Текст]. – М.: БИНОМ, 2007. – 412 с.
3. Юрина Ю. В. Проектирование одежды для мелкосерийного производства с применением метода комбинаторного синтеза с использованием элементов дискретной математики. В кн.: Современные проблемы технических наук [Текст]. – Новосибирск: Сибстрин, 2009. – С. 72 – 73.

УДК 534.113

А.М.Ахтямов¹, М.А.Захарова²

¹Институт механики УМЦ РАН

²Уфимский государственный нефтяной технический университет
г. Уфа, Россия

ОБРАТНАЯ ЗАДАЧА ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ УСЛОВИЙ СОПРЯЖЕНИЙ И ВЕЛИЧИН ПОСТОЯННОЙ НАГРУЗКИ, ДЕЙСТВУЮЩИХ НА СТЕРЖЕНЬ

Прямая задача определения функций прогибов стержня по известным краевым условиям, дифференциальным уравнениям прогиба и функциям нагрузки стержня хорошо изучены [1].

Обратная задача нахождения краевых условий и функций нагрузки по прогибам стержня в нескольких точках рассмотрены в работах [2-4].

Обратная задача определения условий сопряжения и нагрузки, действующей на стержень, ранее не изучалась.

Рассмотрим стержень, заделанный на обоих концах. Известна длина стержня. На него действует постоянная нагрузка f_0 . В точках x_{C_1} и x_{C_2} находятся пружины с жесткостями C_1 и C_2 , которые удерживают этот стержень. Дифференциальное уравнение упругой линии стержня имеет вид $y^{(4)}(x) = \frac{q}{EI}$, где $q = q(x)$ - полином, интенсивность распределенной нагрузки, E - модуль упругости Юнга, I - момент инерции относительно оси изгиба. Пусть $\frac{q}{EI} = f_0$ - постоянная нагрузка, тогда уравнение примет вид

$$y^{(4)}(x) = f_0. \quad (1)$$

Краевые условия на концах стержня $\begin{cases} y(0)=0 \\ y'(0)=0 \end{cases}$ и $\begin{cases} y(1)=0 \\ y'(1)=0 \end{cases}$ Условия сопряжения в точ-

ках x_{C_1} и x_{C_2} имеют вид:

$$\begin{cases} y_1(x_{C_1}) = y_2(x_{C_1}) \\ y_1'(x_{C_1}) = y_2'(x_{C_1}) \\ y_1''(x_{C_1}) = y_2''(x_{C_1}) \\ EI y_1'''(x_{C_1}) = EI y_2'''(x_{C_1}) + C_1 y_1(x_{C_1}) \end{cases} \quad \begin{cases} y_2(x_{C_2}) = y_3(x_{C_2}) \\ y_2'(x_{C_2}) = y_3'(x_{C_2}) \\ y_2''(x_{C_2}) = y_3''(x_{C_2}) \\ EI y_2'''(x_{C_2}) = EI y_3'''(x_{C_2}) + C_2 y_2(x_{C_2}) \end{cases}$$

На участке $[0; x_{C_1}]$ в точке x_1 значения прогиба y_1 ; на $[x_{C_1}; x_{C_2}]$ в точке x_2 прогиб y_2 , на $[x_{C_2}; 1]$ в точке x_3 прогиб y_3 .

Задача: Каковы должны быть коэффициенты жесткости стержня C_1 и C_2 , а также величина постоянной нагрузки f_0 , чтобы прогибы стержня были заданными величинами?

Зная, что решение уравнения (1) имеет вид

$$y = A_1 + A_2 x + A_3 x^2 + A_4 x^3 + \frac{f_0 x^4}{24},$$

где A_i - неизвестные коэффициенты.

Определим общий вид функций прогибов на промежутках $[0; x_{C_1}]$; $[x_{C_1}; x_{C_2}]$ и $[x_{C_2}; 1]$. Имеем

$$\begin{cases} y_1 = A_1^1 + A_2^1 x + A_3^1 x^2 + A_4^1 x^3 + \frac{f_0 x^4}{24} \\ y_2 = A_1^2 + A_2^2 x + A_3^2 x^2 + A_4^2 x^3 + \frac{f_0 x^4}{24} \\ y_3 = A_1^3 + A_2^3 x + A_3^3 x^2 + A_4^3 x^3 + \frac{f_0 x^4}{24} \end{cases} \quad (2)$$

Используя краевые условия, система (2) приводится к виду:

$$\begin{cases} y_1 = A_3^1 x^2 + A_4^1 x^3 + \frac{f_0 x^4}{24} \\ y_2 = A_1^2 + A_2^2 x + A_3^2 x^2 + A_4^2 x^3 + \frac{f_0 x^4}{24} \\ y_3 = (x-1)^2 A_3^3 + (x-1)^2 (x+2) A_4^3 + \frac{(x-1)^2 (x^2 + 2x + 3)}{24} \cdot f_0 \end{cases} \quad (3)$$

Используя условия сопряжения в точках $x_{C_1} = \frac{1}{3}$ и $x_{C_2} = \frac{2}{3}$ (значения $\frac{1}{3}$ и $\frac{2}{3}$ взяты произвольным образом) получим систему уравнений для определения коэффициентов A_i^j ; $i = \overline{1;4}$; $j = \overline{1;3}$. Количество уравнений системы равно количеству коэффициентов A_i^j .

$$\begin{cases} 3 A_3^1 + A_4^1 - 3 A_3^2 - A_4^2 - 27 A_1^1 - 9 A_2^1 = 0 \\ 2 A_3^1 + A_4^1 - 3 A_3^2 - 2 A_4^2 - A_4^3 = 0 \\ A_3^1 + A_4^1 - A_3^2 - A_4^2 = 0 \\ -216 A_3^1 + (11664 K - 72) A_4^1 - 11664 K A_4^2 = f_0 \\ 216 A_1^2 + 144 A_2^2 + 96 A_3^2 + 64 A_4^2 - 24 A_3^3 - 64 A_4^3 = 3 f_0 \\ 6 A_2^2 + 8 A_3^2 + 8 A_4^2 + 4 A_3^3 + 30 A_4^3 = -f_0 \\ A_3^2 + 2 A_4^2 - A_3^3 - 2 A_4^3 = 0 \\ -243 A_1^3 - 162 A_2^3 - 108 A_3^3 + (1458 L - 72) A_4^3 - 1458 L A_4^3 = 2 f_0 \end{cases} \quad (4)$$

где $L = \frac{EI}{C_2}$; $K = \frac{EI}{C_1}$. Решив систему, получили выражения для A_i^j .

Подставляя их в систему (2) имеем следующие выражения для функций прогибов:

$$\begin{aligned}
 y_1 &= A_3^1 x^2 + A_4^1 x^3 + \frac{f_0 x^4}{24} = x^2 \left(A_3^1 + A_4^1 x + \frac{f_0 x^2}{24} \right) = \\
 &= x^2 \left(\frac{f_0}{(64 - 9396K - 4212L + 1128495KL)} \cdot \left[\left(\frac{(2268L + 236196LK - 11 + 10692K)}{8} - \right. \right. \right. \\
 &\quad \left. \left. - \frac{(324L + 104976LK - 1 + 972K)}{3} + \frac{(6156L - 83)}{108} + \frac{8(4 + 2835K)}{27} \right) + \right. \\
 &\quad \left. + \left(\frac{3(-2268L + 52488LK + 11 - 7128K)}{8} + \frac{(324L + 39366LK - 1 + 648K)}{1} - \right. \right. \\
 &\quad \left. \left. - \frac{(8100L - 101)}{72} - \frac{4(8 + 2997K)}{9} \right) x \right] + \frac{f_0 x^2}{24} \Bigg) \\
 y_2 &= \frac{f_0}{(65 - 9396K - 4212L + 1128495KL)} \cdot \left[\left(\frac{(-1377L + 52488LK + 22 - 7128K)}{36} + \right. \right. \\
 &\quad \left. \left. + \frac{(243L + 78732LK - 4 + 1296K)}{27} - \frac{(513L - 8)}{108} - \frac{2(-1 + 11988K)}{243} \right) + \right. \\
 &\quad \left. + x \cdot \left(\frac{-1377L + 52488LK + 22 - 7128K}{4} - \frac{(243L + 78732LK - 4 + 1296K)}{3} + \right. \right. \\
 &\quad \left. \left. + \frac{(513L - 8)}{12} + \frac{2(-1 + 11988K)}{27} \right) + x^2 \left(\frac{-5994L + 551124LK + 121 - 32076K}{8} + \right. \right. \\
 &\quad \left. \left. + \frac{(405L + 131220LK - 11 + 2916K)}{3} - \frac{19(105L - 7)}{108} - \frac{38(-1 + 1296K)}{27} \right) + \right. \\
 &\quad \left. + x^3 \left(\frac{9(-162L + 17496LK + 11 - 2376K)}{8} - \frac{3(-27L + 13122LK - 1 + 216K)}{1} + \right. \right. \\
 &\quad \left. \left. + \frac{(1134L - 43)}{72} + \frac{2(-17 + 5994K)}{9} \right) \right] + \frac{f_0 x^4}{24} \\
 y_3 &= (x-1)^2 f_0 \left[\frac{1}{65 - 9396K - 4212L + 1128495KL} \cdot \right. \\
 &\quad \cdot \left(\left(\frac{(-5994L + 551124LK - 113 + 14580K)}{8} + \frac{(405L + 131220LK + 28 - 3888K)}{3} - \right. \right. \\
 &\quad \left. \left. - \frac{(7695L - 16)}{108} + \frac{2(-137 + 17172K)}{27} \right) + (x+2) \left(\frac{9(-1 + 108K - 81L + 8748KL)}{4} - \right. \right. \\
 &\quad \left. \left. - \frac{(7 - 972K - 162L + 78732LK)}{2} + \frac{(-2 + 567L)}{36} - \frac{2(-1 + 108K)}{1} \right) \right) \Bigg] + \frac{f_0 (x-1)^2 (x^2 + 2x + 3)}{24}
 \end{aligned}$$

Считаем, что значения прогибов Y_1 ; Y_2 ; Y_3 и точки прогибов известны.

$$x_1 = \frac{1}{4}, \quad x_2 = \frac{1}{2}, \quad x_3 = \frac{3}{4}$$

$$y_1 = 0,003; \quad y_2 = 0,004; \quad y_3 = 0,002.$$

Подставляя их в предыдущие уравнения, получим систему трех уравнений с тремя неизвестными f_0 , K , L .

$$\begin{cases} 0,003 = \frac{f_0}{16} \left(\frac{10569777,75 LK + 53379L + 854307K - 183,75}{864(65 - 9396K - 4212L + 1128495KL)} \right) \\ 0,004 = \frac{f_0}{16} \left(\frac{1024856631 LK - 6252228L + 4241484K - 39903}{3456(65 - 9396K - 4212L + 1128495KL)} \right) \\ 0,002 = \frac{f_0}{16} \left(\frac{822670911 LK - 13010220L - 74653684K + 1023637}{1944(65 - 9396K - 4212L + 1128495KL)} \right) \end{cases}$$

Используя пакет Maple нашли значения этих неизвестных. При условии, что $K, L > 0$; $K = 0,2532241$; $L = 0,19013241$. Пусть $EI = 1$. Тогда $C_1 = 5,2595$; $C_2 = 3,9494$. Значение $f_0 = 1,56$ (в безразмерных единицах).

Таким образом, задача решена однозначно.

Вывод: По значениям прогибов стержнях в трех точках, краевым условиям и условиям сопряжения можно однозначно определить величину постоянной нагрузки, действующей на стержень и жесткости пружин, на которые он опирается.

Результат полученный при решении этой задачи может быть применен в машиностроении, строительстве, нефтяном деле. Если рассмотреть в качестве стержня ось автомобиля, в точках x_{C_1} и x_{C_2} расположены рессоры. Ставится задача, можно ли зная прогибы оси определить жесткость рессор и силу действующую на эту ось, т.е. можно осуществлять контроль за выходом из строя важнейших деталей автомобиля? Т.е. результаты рассмотренной задачи могут быть применены во многих областях техники, где приходится сталкиваться с балочной конструкцией отождествляемой со стержнем.

Список использованных источников

1. Пономарев К.К. Дифференциальные уравнения. – Минск: «Вышэйш школа», 1973. – 560 С.
2. Ахтямов А.М., Нафикова Э.Р. Восстановление краевых условий и функций нагрузки// Контроль. Диагностика. 2007 №9 С.50-52.
3. Ахтямов А.М. К решению обратной задачи// Электронный журнал «Исследовано в России». 2003.49. С.567-573: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2003/049polf>
4. Ахтямов А.М. Теория идентификации краевых условий. Отдел физ.-мат. и техн. наук АН РБ. – Уфа: Гилем, 2008. – 300 С.

УДК 621.396.4

В.Г. Середкин, И.Н. Тульский

Сибирский Федеральный университет

г. Красноярск, Россия

ОАО "Информационные спутниковые системы"

имени академика М. Ф. Решетнева

г. Железногорск, Россия

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ АЛГОРИТМЫ СЖАТИЯ АУДИО И ВИДЕОИНФОРМАЦИИ В БЕСПРОВОДНЫХ РАДИОСЕТЯХ

*Данная работа посвящена разработке новых алгоритмов сжатия (компрессии) аудио и видеоинформации, с допустимыми потерями, в беспроводных радиосетях. В основе алгоритмов сжатия и восстановления мультимедийной информации лежит математический аппарат "чирплет" (*chirplet*) преобразования. Полученные алгоритмы компрессии, позволят увеличить пропускную способность канала, упростить общие программные алгоритмы обработки изображения, снизить вычислительную нагрузку на мобильный терминал и улучшить эксплуатационные характеристики сервисов потоковой доставки.*

На сегодняшний день абонентам мобильных сетей предоставляются все более сложные и насыщенные элементы мультимедийных сообщений, графики, аудио и видеоинформации. Большинство терминалов мобильных сетей и сервисов предоставления услуг в беспроводных радиосетях, в последнее время, используют компрессию, основанную на применении математического аппарата быстрого - оконного преобразования Фурье, и в последнее время, только набирающим силу вейвлет – преобразования. Однако применяемые алгоритмы не учитывают специфику каналов и устройств мобиль-

ной связи – нестабильность соединения, низкую помехоустойчивость, малые размеры дисплея и низкие вычислительные возможности мобильного терминала.

Сегодня актуальна проблема повышения эффективности и улучшения эксплуатационных характеристик сервисов доставки сообщений, и упрощения алгоритмов обработки аудио и видеoinформации абонентами мобильных радиосетей.

Данная работа посвящена повышению эффективности по обработке, доставке и компрессии, аудио и видеoinформации абонентам беспроводных радиосетей (мобильной связи), и является актуальной.

Для решения выше обозначенных проблем решаются задачи:

- проблемы эффективного сжатия мультимедийной информации, с учетом специфики каналов сетей мобильной связи третьего и четвертого поколения;
- оценка необходимости разработки новых алгоритмов сжатия аудио и видеoinформации;
- обзор решений по сжатию (компрессии) информации, применяемых в беспроводных радиосетях;
- обзор математического аппарата адаптивного чирплет – преобразования применительно к обработке мультимедийной информации и сжатия данных с допустимыми потерями;
- разработка алгоритмов сжатия аудио и видеoinформации (статических изображений и аудио потока) с использованием чирплет – преобразований;
- моделирование в различных средах с использованием прикладных программ, прохождения сигнала, имитация ошибок при прохождении информации, помех, наложение шумов;
- имитация и оценка качества восстановления информации, помехоустойчивости, качественное сравнение с уже существующими алгоритмами.

Для анализа хаотичных, нестационарных процессов, в которых информативным является сам факт изменения частотно-временных характеристик сигнала (речь, музыка, изображение), требуются базисные функции, способные выделять как частотные, так и временные характеристики, т.е. обладающие частотно-временной локализацией [1]. Одним из способов решения данной задачи является использование математического аппарата чирплет – функций, в частности чирплет – разложения сигнала, при котором, в отличие от оконного преобразования Фурье, базисную функцию не только смещают во времени, но и масштабируют, чтобы получить многократное перекрытие сигнала [1]. В условиях частотно – временного пространства мелкие ЛЧМ-импульсы существуют как вращающиеся, сдвинутые, деформированные структуры, движущиеся от традиционного параллелизма по временной и частотным осям, типичным для волн (Фурье и оконное преобразование Фурье или вейвлеты) [2].

Таким образом, чирплет – преобразование является повернутым, взвешенным или иначе измененным мозаичным представлением частотно – временной плоскости [3].

В процессе работы были разработаны и промоделированы различные варианты алгоритмов на основе математического аппарата чирплет – преобразования, написаны программы сжатия и декодирования аудио информации, созданы библиотеки адаптивной фильтрации для программы “MatLab”. В частности, написана и промоделирована программа для анализа потока аудио информации, в мобильных терминалах с помощью Гауссовских чирплет – ядер. Фактически реализован алгоритм программной фильтрации аудио – потока, сжатого посредством чирплет – преобразования с использованием Гауссовских окон.

Необходимо отметить, что бинарный поток, сформированный методом чирплет – сжатия, обладает особой гибкостью – как “внутри” кадра, так и между кадрами, во временной (частотной-временной) области. Это означает, что возможны различные пути прогрессивной загрузки аудио и видеопоследовательности: как поочерёдная загрузка всех кадров, так и одновременная. Данное свойство позволяет добиться высокой помехоустойчивости передаваемых данных по радиоканалу в современных радиосетях.

Впервые, разработан адаптивный алгоритм прогрессивной загрузки аудио и видео последовательности, сжатых посредством чирплет – преобразования. Алгоритм позволяет отказаться от привязки терминала к какому-либо выбранному закодированному видео – аудио – потоку с фиксированной скоростью, предоставляя терминалам связь (сервис) с наилучшим возможным качеством. Терминал использует ту часть общего потока данных, которая может быть принята при данной скорости абонентского подключения.

Во время работы проведена оценка качества принятого сигнала, в различных режимах работы канала связи, помехоустойчивость закодированной последовательности. Рассмотрены результаты восстановления видеосигналов при различных внесенных ошибках передачи.

Предложенные алгоритмы сжатия мультимедийной информации показали более высокую помехоустойчивость и более доступные эксплуатационные характеристики по сравнению с распространёнными алгоритмами, обеспечив при этом сравнимую или более высокую степень компрессии данных.

В настоящее время решается задача восстановления аудио и видео данных с наименьшими потерями или однозначного восстановления. Для этих целей, прорабатываются возможность компрессии с использованием d-чирплетов для аудио – потока.

Список использованных источников

1. S. Mann, Adaptive chirplet transform, Optical Engineering, Vol. 31, No. 6, pp1243-1256, June 1992; introduces Logon Expectation Maximization (LEM) and Radial Basis Functions (RBF) in Time-Frequency space;
2. D. Mihovilovic and R. N. Bracewell, "Adaptive chirplet representation of signals in the time-frequency plane," Electronics Letters 27 (13), 1159—1161 (20 June 1991).
3. Дьяконов В. П. Вейвлеты. От теории к практике. М.: СОЛОН-пресс, 2002, 448 с.

УДК 628.83

С.И. Кузьмин

Ангарская государственная техническая академия
г. Ангарск, Россия

АНАЛИЗ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМ ВЕНТИЛЯЦИИ ПРИ НЕРАВНОМЕРНОМ ПОЛЕ ПОТЕНЦИАЛА ВРЕДНОСТИ В ПОМЕЩЕНИИ

В работе излагается методика анализа и расчета производительности систем общеобменной вентиляции, основанная на предположении о вероятностном характере распределения вредности у вытяжных отверстий.

Расчет производительности систем общеобменной вентиляции по уравнениям баланса воздуха и вредности в помещении [1] предполагает известное значение потенциалов (концентраций, температур, теплосодержаний, влагосодержаний) вредности в удаляемом и приточном воздухе. Однако, в реальных условиях эти показатели определить точно не представляется возможным. Распределение потенциалов вредности по объему помещения, а следовательно и у мест расположения вытяжных отверстий носит неравномерный характер с элементами случайного распределения. В настоящей работе рассматривается метод расчета производительности и анализа работы систем вентиляции при неравномерном распределении вредности по объему помещения.

Рассмотрим помещение, обслуживаемое одной приточной и несколькими вытяжными системами, в котором выделяется производственная вредность интенсивностью W . Производительность систем определится из решения системы балансовых уравнений:

$$L_{\Pi} \rho_{\Pi} - \sum_{i=1}^n L_{Bi} \rho_{Bi} = 0$$

$$W + c_{\Pi} L_{\Pi} - \sum_{i=1}^n L_{Bi} c_{Bi} = 0, \quad (1)$$

где L_{Π} и L_B - объемные производительности, соответственно, приточной и вытяжных систем вентиляции;

ρ - плотность воздуха в соответствующей системе;

c_{Π} и c_B - потенциалы вредности соответственно в приточной и вытяжных системах;

n - количество работающих вытяжных систем.

Распределение потенциалов вредности по локальному объему помещения, где располагаются вытяжные отверстия можно характеризовать средним значением c_0 и средним квадратичным отклонением σ_c . Тогда, потенциал вредности в воздухе, удаляемом i -м отверстием можно рассматривать как случайную величину:

$$c_{Bi} = c_0 + \sigma_c x_i, \quad (2)$$

где x_i - значение случайной величины, определяемой в соответствии с законом распределения при $c_0 = 0$ и $\sigma_c = 1$.

Введем обозначение: $c_0 / \sigma_c = k$ и перепишем формулу (1) для реальных условий эксплуатации помещения в виде:

$$W + c_{\Pi} L_{\Pi} - \sum_{i=1}^n c_0 \left(1 + \frac{1}{k} x_i\right) L_{Bi} = \pm \Delta W, \quad (3)$$

где ΔW - дебаланс вредности в помещении при работе вентиляции в режиме, соответствующем расчетной производительности.

Рассмотрим помещение в котором воздух удаляется через шесть вытяжных отверстий (систем), равномерно расположенных в верхней зоне помещения. Для простоты анализа примем, что $c_{\Pi} = 0$ и производительность вытяжных систем одинакова: $L_{Bi} = L_B / n$. Имея в виду, что $c_0 = W / L_B$ формула (3) примет вид:

$$\frac{\Delta W}{W} = 1 - \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \left(1 + \frac{1}{k} x_i\right), \quad (4)$$

Допустим, что распределение потенциалов вредности по верхней зоне помещения соответствует нормальному закону. Тогда случайную величину x_i для каждого вытяжного отверстия можно определить разыграв их возможные значения по методу Монте-Карло [2]. В таблице приведены значения относительных приращений $\pm \Delta W$ для $n = 1$.

Таблица

k	Значения $\frac{\Delta W}{W}$ в вытяжных отверстиях					
	1	3	2	4	5	6
1,5	0,04	-0,81	-0,32	0,63	0,31	-0,43
2	0,03	-0,55	-0,26	0,41	0,26	-0,31

Как следует из таблицы, при наличии в помещении только одного вытяжного отверстия дебаланс вредности сильно зависит от значения потенциала вредности в удаляемом воздухе и может составлять до 80% от общего ее количества. И, соответственно эффективность работы вентиляции в основном определяется не ее производительностью, а местом расположения вытяжного отверстия. При этом, в одних случаях расчетной производительности вентиляции может оказаться недостаточно для удаления даже половины всей выделяющейся вредности (см. четвертое отверстие табл.), а в других может превышать необходимую более чем в два раза (второе отверстие). С уменьшением неравномерности распределения потенциалов вредности по вытяжным отверстиям уменьшается и вероятность неэффективности расчетного воздухообмена.

С увеличением количества вытяжных отверстий в помещении повышается и надежность вентиляции. Из распределения остаточной вредности следует, что включение в работу второго отверстия значительно снижает риск неудовлетворительной работы вентиляции, хотя при этом одновременно и возрастает вероятность ее работы в расчетном режиме. Дальнейшее увеличение числа вытяжных отверстий ведет к достаточно стабильной тенденции приближения остаточной вредности к нулю.

Уменьшение дисперсии распределения потенциала вредности по зоне расположения вытяжных отверстий снижает величины неудаленной остаточной вредности, что согласуется с уравнением (1).

Анализ работы вентиляции с учетом возможного отклонения потенциалов вредности от расчетного значения C_0 объясняет многочисленные случаи неэффективной работы вентиляции даже при обеспечении расчетного воздухообмена. Особенно опасно устраивать в помещении одно или два рядом расположенных отверстия, что весьма распространено в практике проектирования вентиляции помещений общественных зданий.

Список использованных источников

1. СНиП 2-04-05-91. Отопление, вентиляция и кондиционирование. - М.: Стройиздат, 1991 - 57 с.
2. Гмурман В.Е. Теория вероятности и математическая статистика. - М.: Высшая школа, 1988-479 с.

УДК 519.6

С.А. Дорошенко, А.В. Серебренникова
 Московский государственный строительный университет
 г. Москва, Россия

**ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ,
 ОСНОВАННЫХ НА РЕШЕНИИ ОСРЕДНЕННЫХ УРАВНЕНИЙ РЕЙНОЛЬДСА
 ДЛЯ ЧИСЛЕННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ЗАДАЧ ОБТЕКАНИЯ ЗДАНИЙ**

Сделан сравнительный анализ моделей турбулентности, основанных на решении осредненных уравнений Рейнольдса. Описано решение задачи численного моделирования обтекания ветром высотного здания среди низкой застройки с применением различных моделей турбулентности. Полученные результаты сравниваются с экспериментом в аэродинамической трубе.

В настоящее время для описания турбулентных течений используют в основном методы, базирующиеся на решении уравнений Навье-Стокса.

Прямое численное моделирование (DNS) [1] предполагает решение полных нестационарных уравнений Навье-Стокса и уравнения неразрывности. Это означает, что не требует дополнительного моделирования и происходит учет всех эффектов, присущих течению. Трудности DNS заключаются в ограниченности компьютерных ресурсов даже в настоящее время. С практической точки зрения статистика, полученная с DNS, может быть использована для тестирования и калибровки моделей, базирующихся на осредненных уравнениях Рейнольдса.

Модели турбулентности, используемые в инженерных расчетах, обычно основываются на решении осредненных уравнений Рейнольдса (RANS).

В общем виде используемые в моделях с одним или двумя дифференциальными уравнениями переноса можно записать в следующем виде [2]:

$$\rho \frac{\partial \Phi}{\partial t} + \rho u_j \frac{\partial \Phi}{\partial x_j} = P - D + \frac{\partial}{\partial x_j} \left[(\mu + \Gamma_\Phi) \frac{\partial \Phi}{\partial x_j} \right] + A \quad (1)$$

Расшифровка параметров в уравнении (1) для каждого вида уравнений приведена в табл. [3]. В случае SST-модели последний член уравнения (1)

$$A = 2(1 - F_1) \rho \sigma_{\omega 2} \frac{1}{\omega} \frac{\partial k}{\partial x_j} \frac{\partial \omega}{\partial x_j} \quad (2)$$

В остальных случаях $A=0$.

Таблица 1

Модельные коэффициенты для моделей с двумя дифференциальными уравнениями.

$k-\varepsilon$	$c_{\varepsilon 1}$	$c_{\varepsilon 2}$	σ_k	σ_ε	c_μ
	1.44	1.92	1.0	1.3	0.09
$k-\omega$	β^*	β	α	σ_k	σ_ω
	0.09	0.075	5/9	0.5	0.5
$k-\omega$ (SST)	β_1^*	β_1	α_1	σ_{k1}	$\sigma_{\omega 1}$
	0.09	0.075	$\beta_1 / \beta_1^* - \sigma_{\omega 1} k^2 / \sqrt{\beta_1^*}$	0.85	0.5
	β_2^*	β_2	α_2	σ_{k2}	$\sigma_{\omega 2}$
	0.09	0.0828	$\beta_2 / \beta_2^* - \sigma_{\omega 2} k^2 / \sqrt{\beta_2^*}$	1	0.856

Модель SST является разновидностью стандартной $k-\omega$ модели и была разработана (Menter, 1994). Модель эффективно сочетает устойчивость и точность стандартной $k-\omega$ модели в пристеночных областях и $k-\varepsilon$ модели на удалении от стенок, для этого $k-\varepsilon$ модель была конвертирована в $k-\omega$ модель. SST модель имеет следующие особенности по сравнению со стандартной $k-\omega$ моделью: стандартная $k-\omega$ модель и преобразованная $k-\varepsilon$ модель объединяются специальной функцией и обе добавлены в представленную модель. Специальная функция в пристеночной области принимает значение единицы, активизируя стандартную $k-\omega$ модель, а на удалении от стенки принимает значение нуля, активизируя преобразованную $k-\varepsilon$ модель [2].

Основные уравнения для турбулентной кинетической энергии k и турбулентной частоты ω следующие:

$$\begin{aligned} \frac{\partial \rho k}{\partial t} + \frac{\partial \rho \bar{U}_j k}{\partial x_j} &= P_k - D_k + \frac{\partial}{\partial x_j} \left(\Gamma_k \frac{\partial k}{\partial x_j} \right) \\ \frac{\partial \rho \omega}{\partial t} + \frac{\partial \rho \bar{U}_j \omega}{\partial x_j} &= \frac{\gamma}{\nu_t} P_k - \beta \rho \omega^2 \frac{\partial}{\partial x_j} \left(\Gamma_k \frac{\partial \omega}{\partial x_j} \right), \\ &+ (1 - F_1) 2 \rho \sigma_{\omega^2} \frac{1}{\omega} \frac{\partial k}{\partial x_j} \frac{\partial \omega}{\partial x_j} \end{aligned} \quad (3)$$

где $P_k = \min(\mu_t S^2, 10 D_k)$

$$D_k = \beta^* \rho \omega k$$

и стыковочная функция F1 вычислена из:

$$\begin{aligned} F_1 &= \tanh(\arg_1^4) \\ \arg_1 &= \min \left(\max \left(\frac{\sqrt{k}}{\beta^* \omega y}, \frac{500 \nu}{y^2 \omega} \right); \frac{4 \rho \sigma_{\omega^2} k}{CD_{k\omega} y^2} \right) \\ CD_{k\omega} &= \max \left(2 \rho \sigma_{\omega^2} \frac{1}{\omega} \frac{\partial k}{\partial x_j} \frac{\partial \omega}{\partial x_j}; 1.0 e^{-10} \right) \end{aligned}$$

Турбулентная вязкость вычислена по формуле:

$$\mu_t = \min \left[\frac{\rho k}{\omega}, \frac{a1 \rho k}{SF_2} \right]$$

с постоянной $a1 = 0.31$ и стыковочная функция F2, полученный из

$$\begin{aligned} F_2 &= \tanh(\arg_2^2) \\ \arg_2 &= \max \left(2 \frac{\sqrt{k}}{\beta^* \omega y}, \frac{500 \nu}{y^2 \omega} \right) \\ \varphi &= F_1 \varphi_1 + (1 - F_1) \varphi_2, \end{aligned}$$

где φ_1 и φ_2 коэффициенты k- ω и k- ϵ модель соответственно.

Эти особенности делают SST k- ω модель более точной и надежной для рассматриваемого в данной работе класса задач (с наличием градиентов давления, обтекания препятствий), чем в случае стандартной k- ω модели.

Для верификации нами был выбран тест, описывающий потоки ветра около высотного здания при низкой окружающей застройке [4], подготовленный специализированной рабочей группой при Технологическом Институте Ниигаты (Япония), специально для того чтобы оценить пригодность численного моделирования именно для этого класса задач.

Для решения задачи анализа скоростей ветра был выбран пакет ANSYS CFX, реализующий метод конечных объемов и поддерживающий широкий набор моделей турбулентности и алгоритмов дискретизации [2]. Расчетные модели создавались в препроцессоре пакета ANSYS с использованием объектно-ориентированного языка программирования APDL в параметризуемой форме.

Расчеты проводились с использованием лицензионной версии 11.0, установленной в Научно-Образовательном Центре Компьютерного Моделирования (НОЦ КМ) МГСУ.

В центре низкой застройки располагается высотное здание размерами 25*25*100 м, вокруг которого две дороги - 20 и 30 м шириной, все остальные дороги между зданиями - 10м. Окружающие здания имеют размеры 40*40*10 м.

Эксперимент проводился в аэродинамической трубе Технологического Института Ниигаты. Масштаб модели 1:400. 78 датчиков были установлены на высоте 5 мм, что соответствует 2 м над землей. Ветер задавался в трех направлениях (0° , 22.5° и 45°). Скорость ветра «на входе» составляла 6 м/с.

Нами был рассмотрен симметричный вариант (0°) с назначением соответствующих граничных условий симметрии.

С помощью макроса были последовательно составлены несколько моделей (100, 200, 400 тысяч ячеек) с использованием результатов более грубой в качестве начального приближения.

Ниже представлены результаты расчета модели, включающей ~400 тысяч шестигранных и призматических ячеек.

Как показали оценочные расчеты для модели с 700 тыс ячеек, дальнейшее сгущение сетки не приводило к заметному изменению результатов.

Сравнивались две модели турбулентности SST и k-ε.

Значения с учетом порывов определялись с учетом коэффициента обеспеченности β=1. Здесь Vm среднее значение, Vpul расчетная амплитуда пульсационной составляющей ТКЕ- кинетическая энергия турбулентности.

$$V_{pul} = \beta * \sqrt{2/3 * TKE} \quad (4)$$

$$V_{max} = V_m + V_{pul} \quad (5)$$

Полученные нами результаты показали, что для данной задачи строительной аэродинамики наиболее близкие результаты к результатам продува в аэродинамической трубе дает модель турбулентности SST.

Список использованных источников

1. Alvelius K., Johanson A.V. Direct numerical simulation of rotating channel flow at various Reynolds numbers and rotation number. In PhD thesis of K. Avelius Dept. of Mechanics, KTH, Stockholm, Sweden, 1999.
2. ANSYS CFX 11.0. User's Guide. Canonsburg 2007
3. Kolmogorov A.N. Equations of turbulent motion of an incompressible fluid. Izvestia Academy of Sciences, USSR; Physics 6: 56-58, 1942
4. Tetsu Kubota, Masao Miura, Yoshihide Tominaga, Akashi Mochida. Wind tunnel tests on the relationship between building density and pedestrian-level wind velocity: Development of guidelines for realizing acceptable wind environment in residential neighborhoods. Building and environment, Volume 43, Issue 10, October 2008, pp 1699-1708.

УДК 621.311

**В.И. Бирюлин, О.М. Ларин,
А.Н. Горлов, Н.В. Хорошилов**

*Курский государственный технический университет
г. Курск, Россия*

РАЗРАБОТКА МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАПРЯЖЕННОСТИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЧАСТОТЫ С УЧЕТОМ ПОГОДНЫХ УСЛОВИЙ

Предлагается модель расчета напряженности электрического поля, отличающаяся учетом погодноклиматических условий.

В настоящее время в системах электроснабжения различного уровня возникает проблема электромагнитной совместимости (ЭМС) технических средств. Актуальность данной проблемы объясняется тем, что неблагоприятная электромагнитная обстановка (ЭМО) может приводить к неправильному (ложному) действию или выходу из строя устройств защиты, управления и автоматики. Последствием всего этого является нарушение нормального режима электроснабжения, что приводит к экономическому ущербу.

Согласно ГОСТ Р 51317.2.5.-2000 одним из видов помех способных ухудшать ЭМО является электрическое поле промышленной частоты (ЭП ПЧ). Определение напряженности ЭП ПЧ рассматривается во многих научных работах [1,2]. Значение напряженности ЭП ПЧ от воздушной линии (ВЛ) или системы шин в зависимости от расстояния определяется по выражению:

$$E_n(x) = \frac{CU}{\sqrt{3}\pi\epsilon_0} \sqrt{\left[\frac{1}{d_{12}(x)}\right]^2 - \frac{1}{d_{12}(x)d_{23}(x)} + \left[\frac{1}{d_{23}(x)}\right]^2}, \quad (1)$$

где C – емкость ВЛ;

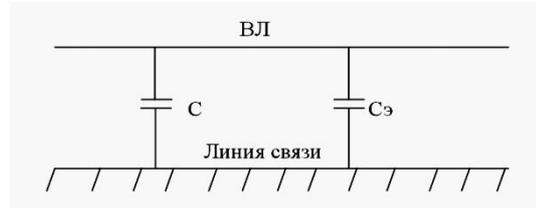
U – междуфазное напряжение;

$d_{12}(x)$, $d_{23}(x)$ - межфазные расстояния в зависимости от точки наблюдения.

Данная формула приводится для нормальных погодных условий. Однако ни одно выражение не учитывает изменение напряженности ЭП ПЧ в зависимости от погодных условий (влажности воздуха и степени промерзания или оттаивания грунта). При этом ВЛ и открытые распределительные устройства подвержены явлению электрической короны. Кроме этого из выражения (1) видно что, напряженность поля зависит от величины рабочей емкости. В результате возникновения коронного разряда происходит увеличение объемного заряда провода и соответственно увеличение рабочей емкости. Изменение рабочей

емкости обусловлено возникновение эквивалентной емкости объемного заряда короны (рис. 1), которая находится из выражения:

$$C_3 = \frac{2\pi\epsilon\epsilon_0}{\ln \frac{\sqrt{r_p^2 + 2,5kCU_k / \delta\epsilon\epsilon_0\omega}}{r_3}} \quad (2)$$

Рис. 1. Емкость между ВЛ и землей с учетом коронного разряда

где r_3 - эквивалентный радиус расщепленного провода; r_p - радиус расщепленного провода; $\epsilon\epsilon_0$ - диэлектрическая проницаемость воздуха, равная $8,85 \times 10^{-12}$ Ф/м; k - подвижность ионов в зависимости от погоды; C - рабочая емкость в нормальных условиях; δ - относительная плотность воздуха; ω - круговая частота; U_k - критическое напряжение короны для данного вида погоды, которое можно найти по формуле:

$$U_k = \frac{2\pi\epsilon\epsilon_0 n r_p E_k}{k_y C} \quad (3)$$

Из данного выражения видно, что U_k на прямую зависит от значения критической напряженности E_k , которое определяется из выражения:

$$E_k = 23,3m\delta \left[1 + \frac{0,62}{(r\delta)^{0,38}} \right], \quad (4)$$

где m - коэффициент гладкости, который согласно [3] зависит от погодных условий.

Данная зависимость заключается в том, что с увеличением интенсивности дождя или снега, т.е. с увеличением влажности воздуха коэффициент гладкости уменьшается, следовательно, из выражения (4) будет уменьшаться значение критической напряженности. Из-за её уменьшения, исходя из выражения (3) величина критического напряжения короны так же будет уменьшаться. Следовательно, эквивалентная емкость заряда короны будет увеличиваться. Получается, что емкость объемного заряда C_3 будет изменяться в зависимости от погодных условий. Поэтому рабочая емкость между ВЛ и землей будет определяться из выражения:

$$C_p = C + C_3 \quad (5)$$

В итоге (1) принимает следующий вид:

$$E_n(x) = \frac{C_p U}{\sqrt{3\pi\epsilon_0}} \sqrt{\left[\frac{1}{d_{12}(x)} \right]^2 - \frac{1}{d_{12}(x)d_{23}(x)} + \left[\frac{1}{d_{23}(x)} \right]^2} \quad (6)$$

Выражение (6) дает возможность производить расчет напряженности ЭП ПЧ с учетом погодных условий в любой точке объекта электроэнергетики.

На основании выше изложенной математической модели разработана усовершенствованная методика определения ЭМО на объектах электроэнергетики, отличающиеся учетом всех видов помех согласно ГОСТ Р 51317.2.5.-2000 и погодных условий.

Список использованных источников

1. Цицикян, Г.Н. Электромагнитная совместимость в электроэнергетике [Текст]: монография / Г.Н. Цицикян. СПб.: Элмор, 2007. 184 с.
2. Дьяков, А.Ф. Электромагнитная совместимость в электроэнергетике и в электротехнике [Текст]: учебное пособие / А.Ф. Дьяков. М.: Энергоатомиздат, 2003. 456 с.
3. Левитов В. Я. Корона переменного тока [Текст]: учебное пособие В. Я. Левитов / М.: Энергия, 1975. 532 с.

УДК 681.518.3

Д.А. Черных, А.В. Емельянов
Волгоградский государственный технический университет
г. Волгоград, Россия

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ФОРМЫ ТЕХНИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КОНТРОЛЯ НА ДИНАМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАЦИОННО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

Традиционный подход к исследованию объектов контроля, предполагает унифицированный способ определения динамических характеристик информационно-измерительных систем, основанный на использовании реакции измерительной системы на единичный входной информативный сигнал – переходную характеристику. Проведенное исследование уточняет такой подход, в пользу использования специфики объекта контроля.

Одними из важнейших характеристик информационно-измерительных систем (ИИС) являются динамические характеристики, определяющие быстродействие системы, а, следовательно, и область ее применения. При традиционном, объектно-независимом подходе, в качестве основной динамической характеристики, независимо от информативного сигнала, является реакция на входное воздействие, представимое в виде «единичной ступеньки» - функции Хэвисайда (1), называемая переходной характеристикой системы.

$$Q(t) = \begin{cases} 0, & t < 0 \\ 1, & t \geq 0 \end{cases} \quad (1)$$

Объектами контроля и измерения в различных технических отраслях часто являются объекты, информативный сигнал от которых, в зависимости от метода контроля, может быть описан математическими функциями, отличными от функции Хэвисайда. Следовательно, выявленные динамические погрешности при реальных входных сигналах, будут более объективными, чем при использовании идеализированных, предельных случаев, которые на практике встречаются крайне редко.

Анализ динамических погрешностей рассмотрим на примере контроля формы базовой детали корпусных изделий нефтегазового и энергетического оборудования - днища. Одним из основных способов контроля является использование сканирующего оптико-электронного преобразователя. Входным сигналом в таком случае служит проекция днища на плоскость оптического сканирования. Форма днища в данном конкретном случае описывается уравнением эллипса [1], а на оптический приемник поступает сигнал:

$$\phi(x) = \frac{b}{a} \sqrt{a^2 - (x - a)^2}, \quad (2)$$

где, a и b – полуоси эллипса.

Переходная функция фотоприемника может быть представлена в виде [2]:

$$h(t) = S \left(1 - e^{-\frac{t}{T_\phi}} \right), \quad (3)$$

где S – чувствительность фотоприемника, T_ϕ – постоянная времени фотоприемника.

При традиционном подходе, быстродействие данного звена ИИС определяется быстродействием фотоприемника – его постоянной времени. Однако, если известна форма входного воздействия, которая будет неизменной для данной области применения ИИС. Следует оценить реальные динамические характеристики.

Для этого произведем две операции:

- аппроксимацию эллипса экспоненциальным рядом с заданной точностью;
- свертку переходной функции фотоприемника и экспоненциального ряда.

Выбор в качестве аппроксимирующей функции экспоненциального ряда, обусловлен тем, что экспоненциальная функция инвариантна к операциям интегрирования и дифференцирования, что существенно упрощает расчеты.

Операция свертки позволяет получить выходной сигнал фотоприемника с учетом формы входного воздействия, а значит с учетом формы объекта контроля.

При сканировании детали, имеющей эллипсоидную, аппроксимированную экспонентой, форму продольного сечения, на фотоприемник поступает оптический сигнал, передний фронт которого описывается выражением:

$$\phi(t) = \Phi_m \left(1 - e^{-\frac{t}{T_o}} \right), \quad (4)$$

где Φ_m – максимальное значение входного сигнала, T_ϕ – постоянная времени, которая определяется формой детали и скоростью сканирования.

Импульсная переходная функция фотоприемника имеет следующее выражение:

$$k(t) = h'(t) = K_\phi e^{-\frac{t}{T_\phi}}, \quad (5)$$

где $K_\phi = \frac{S}{T_\phi}$.

Очевидно, что для нормальной работы сканирующего преобразователя должно выполняться условие $T_\phi < T_\phi$.

Если входной сигнал описывается выражением (4), а переходная функция элемента – выражением (3), то выходной сигнал может быть определен по формуле свертки функций:

$$u_{\text{вых}}(t) = \int_0^t \phi(\tau) h'(t - \tau) d\tau = K \left(1 - \frac{T_\phi e^{-\frac{t}{T_\phi}}}{T_\phi - T_\phi} + \frac{T_\phi e^{-\frac{t}{T_\phi}}}{T_\phi - T_\phi} \right), \quad (6)$$

где $K = \Phi_m S$.

Определим погрешность преобразования формы детали в электрический сигнал. Поскольку в процессе работы искажение обусловлено запаздыванием фотоприемника, то целесообразно для оценки погрешности привести сравниваемые величины к одной (входной или выходной). Обычно, в таких случаях используют нормированные коэффициенты при временных функциях, значения которых равны 1, что позволяет получить погрешность в относительных единицах, или в %. В данном примере $\Phi_m = 1$, $S = 1$, тогда погрешность определяется выражением:

$$\Delta u(t) = u_{\text{вых}}(t) - u_{\text{вх}}(t). \quad (7)$$

Определим теперь максимальную погрешность и время её возникновения, из условия $\Delta u'(t) = 0$:

$$t_{\Delta \text{max}} = \frac{T_\phi T_\phi}{T_\phi - T_\phi} \ln\left(\frac{T_\phi}{T_\phi}\right) \quad (8)$$

$$\Delta u_{\text{max}} = \frac{T_\phi}{T_\phi - T_\phi} \left(\left(\frac{T_\phi}{T_\phi} \right)^{\left(\frac{T_\phi}{T_\phi - T_\phi} \right)} - \left(\frac{T_\phi}{T_\phi} \right)^{\left(\frac{T_\phi}{T_\phi - T_\phi} \right)} \right). \quad (9)$$

Полученные выражения позволяют определить величину погрешности ОЭП с учетом формы детали. Использование предложенного метода позволяет повысить точность определения реальных динамических характеристик ИИС при использовании её для контроля объектов, имеющих эллипсоидную форму.

Список использованных источников

1. Рубинов, А. Д. Контроль больших размеров в машиностроении / А. Д. Рубинов. – Л.: Машиностроение, 1982. – 120 с.
2. Ишанин, Г. Г. Приемники излучения оптических и оптико-электронных приборов / Г. Г. Ишанин. – Л.: Машиностроение, 1986. – 175 с.

УДК 66.048.54:004.8

А.Н. Остриков, А.В. Трушечкин

Воронежская государственная технологическая академия
г. Воронеж, Россия

ОСОБЕННОСТИ РАСЧЕТА И ПРОЕКТИРОВАНИЯ ВАКУУМ-ВЫПАРНЫХ АППАРАТОВ С ДИСПЕРГИРУЮЩИМ УСТРОЙСТВОМ

Разработана уточненная методика расчета вакуум-выпарных аппаратов с диспергирующим устройством для производства пюреобразных концентратов, позволяющая рассчитать конструктивные

параметры основных рабочих органов и обосновать выбор оптимальной конструкции аппарата.

Для повышения качества получаемых пюреобразных концентратов целесообразно применять вакуум-выпарные аппараты с диспергирующим устройством.

Цель работы – разработка методики проектирования вакуум-выпарных аппаратов (ВВА) с диспергирующим устройством с уточнением расчета основных конструктивных параметров форсунки и обоснованием выбора оптимальной конструкции при заданных ограничениях целевой функции.

При разработке за основу была взята методика расчета основных узлов вакуум-выпарных аппаратов (ВВА) [1]. По заданным условиям эксплуатации вначале рассчитываются конструктивные параметры основных рабочих органов ВВА и выполняется чертеж его корпуса. Затем рассчитываются основные энергетические характеристики ВВА и его производительность. Результаты расчетов сохраняются и используются в качестве входных данных для расчета оптимальной конструкции аппарата с учетом наложенных ограничений и заданной функцией цели [2].

В процессе проектирования ВВА с диспергирующим устройством приходится учитывать множество критериев качества: материалоемкость, прочность, долговечность, энергоемкость, производительность, коэффициент полезного действия, габариты, экономические показатели и др. Для чего был использован метод исследования пространства параметров, основанный на построении и анализе допустимого множества решений с помощью таблиц испытаний.

Задача оптимального проектирования ВВА с диспергирующим устройством является многокритериальной, поэтому были определены исходные данные и ограничения для решения задачи оптимального проектирования.

Качество проектируемого ВВА предлагается оценивать по трем критериям: масса M , кг, производительность Q , кг/ч; содержание сухих веществ в пюреобразном концентрате – μ , %. Первый из критериев желательно уменьшить, остальные – увеличить. Расчеты показали, что разработанная конструкция ВВА с диспергирующим устройством является наилучшей по всем трем заданным критериям.

Таким образом, предлагаемая методика расчета и проектирования вакуум-выпарных аппаратов с диспергирующим устройством для получения плодоовощных пюреобразных концентратов позволяет создать рациональные конструкции основных рабочих органов, определить их оптимальные технологические и конструктивные параметры, а также рассчитать их на прочность, жесткость и устойчивость.

Список использованных источников

1. Практикум по курсу «Расчет и конструирование машин и аппаратов пищевых производств»: Учеб. пособие / А. Н. Остриков, В. Е. Игнатов, В. Е. Добромиров и др. Воронеж: Воронеж. гос. технол. акад. 1997. – 192 с.
2. Остриков, А. Н. Разработка подсистемы проектирования и оптимизации конструкции вакуум-выпарного аппарата [Текст] / А. Н. Остриков, Ф. Н. Вертяков, А. В. Трушечкин // Вестник Машиностроения. – 2009. – № 9. – С. 67-71.